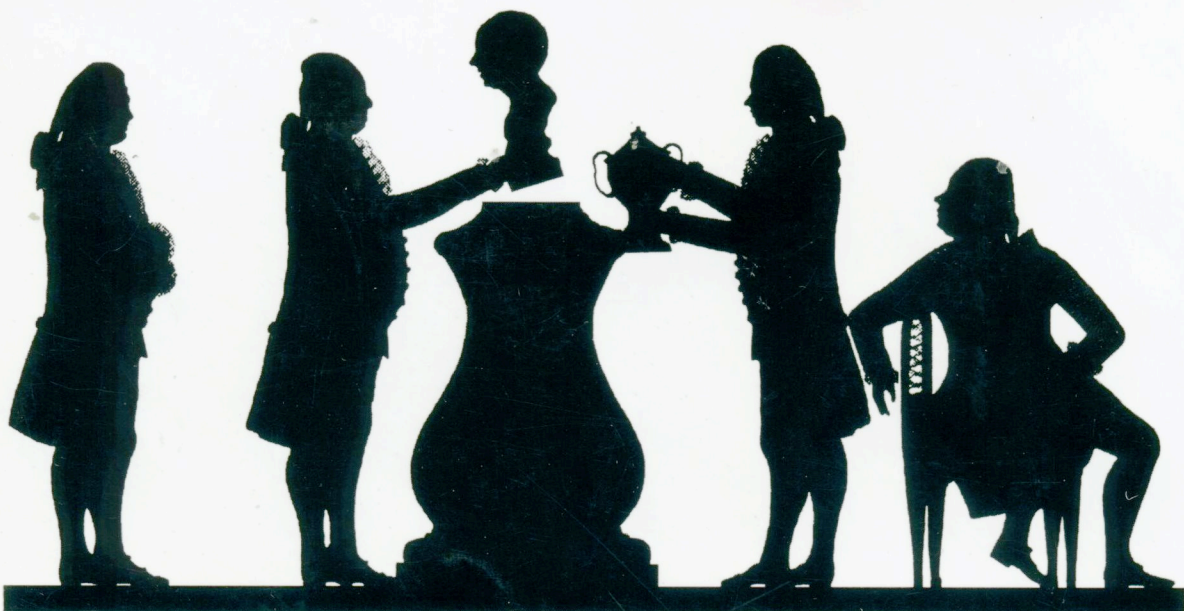

Рудольф Мументалер

Швейцарские учёные
в Санкт-Петербургской
академии наук

XVIII век

ШВЕЙЦАРСКАЯ ВЫСШАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА ЦЮРИХА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

Рудольф Мументалер

**Швейцарские учёные
в Санкт-Петербургской
академии наук**
XVIII век

Перевод с немецкого языка
И.Ю. Тарасовой

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 378(=494):061.12(470.23-25)»17»

ББК 72(44Шва):72.4(2Р-2СПб)

М90

Издание осуществлено при поддержке

Государственного секретариата по образованию и научным исследованиям Швейцарии
Посольства Швейцарии в Российской Федерации
Швейцарской высшей технической школы Цюриха
Совет по сотрудничеству Швейцария–Россия
Санкт-Петербургского университета информационных технологий, механики и оптики

Supported by

State Secretariat for Education and Research of Switzerland
Embassy of Switzerland in the Russian Federation
Swiss Federal Institute of Technology, Zurich
Cooperation Council Switzerland/Russia
Saint-Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Мументалер Рудольф

М90 Швейцарские учёные в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / Отв. ред. Л.И. Брылевская. — СПб. : Нестор-История, 2009. — 236 с.

ISBN 978-59818-7459-8

Книга содержит историко-научный анализ ситуации в России XVIII века, когда была основана Академия наук, которая стала домом для многих европейских учёных, преимущественно немцев, но также и швейцарцев. Почти столетие они доминировали в академической жизни, в их числе были Николай, Даниил и Яков II Бернуллы, Леонард и Иоганн Альбрехт Эйлеры, а также Николай Фусс. Книга к тому же является источником, позволяющим проследить день за днём условия жизни учёных в С.-Петербурге XVIII века. Она адресована исследователям в области истории науки и образования и одинаково полезна как для изучающего социальную историю России, так и для специалиста по её национальным сообществам.

Rudolf Mumenthaler

Swiss scientists in the St.Petersburg Academy of Sciences. XVIIIth century / Ed. L. Brylevskaya. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2009. — 236 p.

The book contains a historical-scientific analysis of the situation in eighteenth century Russia, when the Russian Academy of Sciences was founded and gave home to numerous European Scholars, mostly German, but also Swiss. For almost a century they dominated the academic life, and numbered among them were Niklaus, Daniel and Jakob II. Bernoulli, Leonhard and Johann Albrecht Euler as well as Niklaus Fuss. The book is also a source for day-to day scientists living conditions in 18th century St. Petersburg. It addresses to researchers in the field of the history of science and education, equally useful for the student of Russian social history as for the scholar of its foreign communities.

ISBN 978-59818-7459-8

9 785981 874598

Содержание

Предисловие	5
1. Введение	9
2. Причины эмиграции швейцарских учёных	12
2.1. Наука в Швейцарии в XVIII веке (факторы, способствовавшие эмиграции)	12
2.2. Базельские математики	16
2.3. Образование швейцарских учёных	20
2.4. Альтернативы за рубежом	20
2.5. Наука в России (факторы привлекательности)	22
2.6. Об истории Санкт-Петербургской академии	23
3. Каналы посредничества	27
3.1. Третьи лица в роли посредников	27
3.2. Посредничество российских швейцарцев	28
4. Личные мотивы эмигрантов	34
4.1. Николай и Даниил Бернулли: отъезд в страну математики	34
4.2. Леонард Эйлер: в рай для учёных	36
4.3. Иоганн Амман: с берегов Темзы на берега Невы	38
4.4. Николай Фусс: по следам великого учёного	38
4.5. Отвергнутые приглашения	41
4.6. Мотивы в виде модели	43
5. Швейцарцы на этапе становления Академии	45
5.1. Якоб Герман, Professor primarius	49
5.2. Деятельность Николая и Даниила Бернулли в Петербурге	51
5.3. Леонард Эйлер. Первый петербургский период	64
5.4. Иоганн Амман	73
5.5. Фредерик Мула	74
6. Леонард Эйлер. Второй петербургский период	77
7. Иоганн Альбрехт Эйлер	89
7.1. Деятельность в качестве секретаря Академии	92
7.2. Деятельность Иоганна Альбрехта Эйлера вне Академии	116
7.3. Роль И. А. Эйлера в науке	119
8. Николай Фусс: от помощника Эйлера до руководителя Академии	122
8.1. Работа в качестве помощника Эйлера до избрания адъюнктом	123
8.2. Деятельность в качестве адъюнкта	129

8.3. Деятельность в качестве профессора.....	135
8.4. Деятельность в качестве секретаря.....	138
8.5. Деятельность в Сухопутном кадетском корпусе	145
8.6. Реорганизация системы школьного образования.....	147
8.7. Другие поручения.....	151
9. Якоб Бернулли	153
10. Участие швейцарцев в научных экспедициях Академии.....	158
11. Жизнь швейцарских учёных в Петербурге в конце XVIII века.....	169
11.1. Жилищные условия в Петербурге	170
11.2. Финансовое положение	175
11.3. Домашнее хозяйство и общественная жизнь в Петербурге	184
11.4. Прислуга.....	197
11.5. Распорядок дня	198
11.6. Одежда	200
11.7. Роль жён, семейная жизнь	202
11.8. Между ассимиляцией и интеграцией	208
11.9. Немецкая реформатская община.....	213
12. Заключение.....	216
Список сокращений.....	218
Библиография.....	219
Именной указатель.....	226

ПРЕДИСЛОВИЕ

С самого начала XVIII века всё больше переселенцев из самых разных стран мира устремляется в Россию, чтобы принять участие в масштабных преобразованиях в государственной, военной, научной сферах, в освоении ресурсов страны, её техническом перевооружении, в строительстве новой столицы России. В числе переселенцев было немало швейцарцев, среди которых учёные составляли очень незначительную часть. Немного их было и в молодой Санкт-Петербургской академии наук, предоставившей им уникальные возможности для реализации своих самых дерзновенных планов. Швейцарские учёные составляли лишь 8 % от общей численности иностранцев, приехавших в С.-Петербургскую академию наук в качестве профессоров-академиков и адъюнктов в XVIII веке. Но в данном случае важно не количество, а научный потенциал, работоспособность и отношение к работе во благо страны, которая если и не стала для некоторых из них второй Родиной, то, по крайней мере, оставила значительный след в их научной биографии. Швейцарские историки говорят о стойком идиллическом мифе о трудолюбивых и уравновешенных обитателях Швейцарских Альп, получившем широкое распространение в России XVIII века. В Императорской академии наук этот миф имел прочное основание — авторитет швейцарских учёных, приехавших в Академию в первые годы её существования. Так сложилось, что подбор специалистов в области математики и механики оказался особенно удачным, в С.-Петербург приехали базельцы Якоб Герман, братья Николай и Даниил Бернулли и Леонард Эйлер.

Хотя в отечественной историко-научной литературе до сих пор не было специальной монографии, посвященной деятельности швейцарских ученых в Императорской академии наук, за без малого 300-летний период её истории появилось немало работ, в которых в той или иной степени освещалась деятельность выходцев из Швейцарии, сыгравших важную роль в научной и административной жизни Академии. Среди первых историографов Академии наук также были швейцарцы: это прежде всего её неперемненные секретари — И.А. Эйлер, Н. Фусс, П.Н. Фусс, которые способствовали сохранению памяти о славных страницах истории Академии. Первыми печатными источниками, в которых содержится немало ценных сведений по данной теме, являются фундаментальные работы П.П. Пекарского (История имп. Академии наук в Петербурге. В 2-х томах. СПб., 1870–1873) и особенно М.И. Сухомлинова (Материалы для истории имп. Академии наук. В 10-и томах. СПб., 1885–1900). Однако они содержат лишь отрывочные факты и довольно разрозненные документы.

В XX веке появился целый ряд монографий, сборников и статей, посвященных отдельным персоналиям. Эта литература отражена в библиографии представленной вниманию читателя книги. Наибольшее число работ посвящено жизни и творчеству Леонарда Эйлера. Выдающийся учёный, чья жизнь около полувека была тесно связана с Петербургской академией наук, снискал особое уважение. В России высоко ценили не только его научные достижения, но и личные качества: фантастическую работоспособность, чувство долга, деликатность в общении с людьми и порядочность. Немало внимания в отечественной

историко-научной литературе уделялось научным результатам Д. Бернулли и Н. Фусса, значительно меньше — И. Аммана, И.А. Эйлера и Ф. Муллы, а также швейцарцев, принимавших участие в научных экспедициях Академии наук.

Важным аспектом многогранной деятельности швейцарских учёных в России является их участие в формировании системы образовательных учреждений и в становлении российской системы образования, прежде всего математического. Эти вопросы нашли отражение в монографиях Г.И. Смагиной (Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 2002) и Т.С. Поляковой (История математического образования в России. М., 2002; Леонард Эйлер и математическое образование в России. М., 2007).

Вообще в последние годы интерес к рассматриваемой теме значительно вырос в связи с широко отмечавшимися событиями: 300-летием Санкт-Петербурга и 300-летием со дня рождения Леонарда Эйлера. Вышли в свет переводы на русский язык трудов Л. Эйлера (Неопубликованные материалы Л. Эйлера по теории чисел. СПб., 1997; Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях. СПб., 2002; Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии. СПб., 2007), многочисленные сборники научных статей, например, шесть выпусков серии «Из истории математики XVIII века: К предстоящему 300-летию юбилею Леонарда Эйлера (1707–1783)» были опубликованы Оренбургским гос. педагогическим университетом. Появилась и мемуарная литература. В 2007 году потомки Л. Эйлера, братья Д.А. и А.А. Шестаковы, опубликовали генеалогическое исследование и воспоминания М. В. Шестаковой (Минувшее и вечное. СПб., 2007).

Благодаря поддержке Генерального консульства Швейцарии в С.-Петербурге и Посольства Швейцарии в Москве удалось объединить усилия ведущих специалистов разных стран с целью изучения деятельности петербургских швейцарцев, оставивших заметный след в истории нашего отечества. В результате в 2003 году в свет вышел сборник статей «Швейцарцы в Петербурге», положивший начало целой серии книг на эту тему. Этот обширный труд был опубликован в двух версиях: на русском языке и на языках Швейцарской конфедерации. Он охватывает очень широкий диапазон различных сфер деятельности швейцарской диаспоры в С.-Петербурге с момента его основания до наших дней. Второй книгой серии стал сборник научных статей «Леонард Эйлер: К 300-летию со дня рождения» (2008), посвященный жизни и творчеству выдающегося учёного, сделавшего значительный вклад в развитие самых разных областей знания. Сборник содержит статьи на русском и английском языках.

Книга швейцарского историка Рудольфа Мументалера публикуется также в рамках этой серии. Она представляет собой перевод на русский язык его монографии, написанной на основе опубликованной в Швейцарии в 1996 г. другой его книги «В рай для учёных: Швейцарские учёные в царской России (1725–1917)» (Im Paradies der Gelehrten: Schweizer Wissenschaftler im Zarenreich. Zürich, 1996). В представленном вниманию читателя издании автор сузил временные рамки своего исследования и сконцентрировал внимание на раннем этапе истории Императорской академии наук. Отличительной особенностью этой книги является то, что автор не ограничивается вопросами исключительно научной и научно-организационной деятельности швейцарцев, работавших в Петербургской академии наук, но рассматривает их деятельность в широком социо-культурном

контексте, исследуя причины эмиграции учёных, различные аспекты их адаптации в иной культурной среде, особенности их быта, привычки и пристрастия, а также влияние швейцарских учёных на формирование учёного сословия и интеллектуальной среды России.

Историко-научная литература не даёт нам достаточно сведений о жизни учёных в Петербурге XVIII века. Импортёрванная из Европы немногочисленная группа учёных была очень замкнутым сообществом, особенно в первой половине XVIII века. По образному сравнению швейцарского астронома-наблюдателя Жана-Луи Пикте, Академия наук появилась в Петербурге, как привезённое в оранжерею Ботанического сада диковинное экзотическое растение, которое не способно жить вне его стен из-за нехватки тепла и солнца. Она была в определенной степени инородным телом в государственном организме. В России не было не только собственного учёного сословия, но даже достаточно развитой системы образования, которая могла бы обеспечить Академию притоком молодых кадров. Потому учёные представляли собой довольно закрытую от общества корпорацию, у которой не могло быть с ним тесных контактов. Намерение Петра I, считавшего за благо ограничить общение учёных с внешним миром, дабы они не пристрастились к дурным обычаям и не отвлекались от научных занятий, реализовывалось благодаря естественному порядку вещей.

Книга Р. Мументалера позволяет пополнить наши представления о жизни учёных в С.-Петербурге XVIII века. Если центральной фигурой научного сообщества Петербурга XVIII века, безусловно, является Леонард Эйлер, и в каждом исследовании по истории Академии наук уделяется внимание его научной, педагогической или организационной деятельности, то здесь мы имеем возможность познакомиться с ближайшим окружением великого базельца. Это не только его земляки и люди, в основном имеющие с ним общие научные интересы, — математики, механики, физики, астрономы, но и администрация Академии, руководители ведомств, заинтересованных в осуществлении совместных с Академией проектов, представители российской знати и скромные механики, работавшие в академических мастерских.

Автор весьма подробно излагает материал, который позволяет скорректировать наши представления о некоторых событиях, имевших место в Академии наук. Много внимания уделяется взаимоотношениям неперменного секретаря Академии с её директорами Е.Р. Дашковой, П.П. Бакуниным и президентом А.Л. Николаи. Подробно описано столкновение Д. Бернулли и Г.Б. Бюльфингера, которое не только оказалось одной из причин преждевременного завершения столь успешной карьеры Д. Бернулли в С.-Петербурге, но также имело отдалённые последствия и для семьи Бернулли, и для Императорской академии наук.

В работе швейцарского историка широко используются материалы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и зарубежных (преимущественно швейцарских) архивов. Несмотря на то, что изучению Архива Академии наук уделялось и уделяется много внимания, к сожалению, довольно значительный пласт документов и поныне остаётся не востребованным. Это, прежде всего, материалы, обработка которых по тем или иным причинам требует значительных усилий (эпистолярное наследие обладателей неразборчивого почерка, записные книжки, дневники, черновые наброски и т. п.). Исследование Мументалера в значительной степени основано на переписке швейцарских учёных, отсюда вытекают

некоторые особенности представленной работы. Автор ввёл в историко-научный оборот новые документы, позволившие познакомиться нас со многими любопытными подробностями уклада жизни петербургских швейцарцев, характером взаимоотношений как внутри швейцарской диаспоры, так и с представителями различных слоёв российского общества, что очень часто остаётся за рамками историко-научного исследования.

Однако следует учесть, что переписка с родственниками, коллегами и друзьями не предполагает точности в описании событий — это весьма субъективный и ненадёжный источник, когда речь идёт об оценках и, особенно, точных датах. Книга содержит большое число цитат из писем. Если в цитируемых источниках имелись неточности в датировке некоторых событий, и непосредственное исправление было невозможно, то цитаты снабжались уточняющей сноской. Иногда это связано с запаздыванием выхода в свет какого-либо издания. Например, согласно переписке «Новая карта Российской империи» была издана в 1785 году, на самом деле она вышла в свет только в следующем году. В некоторых ситуациях расхождения в датировке вызваны тем, что в переписке петербургские швейцарцы, как и их корреспонденты, использовали григорианский календарь.

Непривычно для российского читателя и то, что в книге используются имена, данные в крещении, а не обретенные в России имена и отчества, к которым мы так привыкли. Например, Адам Иоганн Крузенштерн, а не Иван Фёдорович Крузенштерн. Поскольку основой для написания книги в значительной степени послужила переписка, мы сохранили те имена, которые были привычны для швейцарской диаспоры Петербурга. Во избежание путаницы русские имена приведены в именном указателе и в некоторых случаях указаны в сносках.

Система ссылок на печатные источники и архивные документы также несколько необычна. В ссылке на монографию указана фамилия автора (или фамилии авторов через наклонную черту), затем через запятую первые одно-два слова названия работы, которая приводится в списке литературы, упорядоченном по алфавиту. При цитировании, как правило, указана лишь начальная страница. Если цитируется источник на иностранном языке, то буква «f» после номера страницы означает «и далее».

Редакционный совет выражает глубокую благодарность за поддержку этого проекта Посольству Швейцарии в Российской Федерации, Государственному секретариату по образованию и научным исследованиям Швейцарии, руководству Высшей политехнической школы Цюриха и Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, а также В.К. Абалакину, Е.Ю. Басаргиной, В.И. Богданову, К.В. Манойленко и М.М. Шевченко за помощь в подготовке издания.

Л.И. Брылевская

1. ВВЕДЕНИЕ

В полдень 29 апреля 1789 года в квартире Иоганна Альбрехта Эйлера, расположенной на 7-ой линии Васильевского острова, царит радостное оживление. Здесь празднуют свадьбу юной дочери хозяина Шарлотты и Якоба Бернулли, всеми любимого коллеги и земляка из Базеля. Среди присутствующих многочисленные родственники и знакомые, в том числе Николай (Никлаус) Фусс, женатый на сестре невесты. Начальники Бернулли, граф Ангальт, директор Кадетского корпуса, и директор Академии княгиня Дашкова прислали поздравления с извинениями за отсутствие. Праздник был не шумным, но очень весёлым. Счастливый отец невесты не отказывает себе в удовольствии, угощая почти три десятка своих гостей всевозможными ликёрами, изысканными винами, доставленными с юга Франции, и кулинарными деликатесами. В этой добропорядочной атмосфере венчание молодых проводит голландский священник, потому что немецкая реформатская община уже в который раз находится в состоянии поиска пастора. Вечером родственники провожают новобрачных домой. На следующий день праздник продолжается танцами в доме родителей жениха.

«Если хорошая погода сохранится, то завтра мы собираемся поехать в деревню, что, как я надеюсь, пойдёт на пользу моему здоровью. Местность там очень красивая, в особенности благодаря большому числу озёр, жаль только, что там нет гор»¹.

Молодые вместе с Николаем Фуссом, его женой и тремя дочерьми отправляются на дачу, расположенную на берегу Невы, точнее Невки, в районе Аптекарского острова. За 10 рублей в месяц они сняли домик всего в 40 минутах от их городской квартиры. Здесь друзья, ставшие теперь свояками, и обе сестры проводят несколько очень приятных недель. Ничто не омрачает счастья молодых. До того фатального 3 июля, одного из самых жарких дней года. Николай Фусс так рассказывает о том, что случилось с его свояком:

«Он был страстным любителем купаний, и это было одной из главных причин, почему он с пылом поддержал и осуществил высказанную в конце зимы идею совместно снять на лето дачу. Часто уже в 5 часов утра, когда все ещё спали, он в шлафроке отправлялся к расположенному примерно в версте от нашего дома, очень удобному для купания месту и возвращался к завтраку с мокрыми волосами. Напрасно жена просила его не купаться в одиночестве и в такую рань; если погода позволяла, он купался два раза в день, вечерами я иногда составлял ему компанию. 3 июля родители наших жён и ещё несколько общих друзей собирались провести у нас вечер и насладиться совместным ужином на природе. Даже то обстоятельство, что некоторые гости приехали уже днём, не помешало ему отправиться купаться, а поскольку день выдался очень жаркий, то я пошёл вместе с ним. Я остановился на привычном месте, а он отошёл на 20 шагов вверх по течению и быстро нырнул в воду, но уже при втором нырке он показался мне очень утомлённым. Поэтому я попросил его выйти из воды и пойти домой, тем более что нас ждали к чаю. С этим я вышел на берег и больше не обращал на него внимания. Одеваясь, я услышал тяжёлое дыхание, привлекавшее моё внимание, и поскольку звуки, производимые пла-

---

¹ BEBS, Ordner Bernoulli unter sich, J. Bernoulli an seine Mutter, SPb. 15./26.5.1789.

вающим человеком, неожиданно прекратились, а кустарник закрывал от меня реку, то я поспешил вниз к воде и с ужасом, парализовавшим мои нервы, увидел, что он тонет и остекленевшими глазами смотрит на меня. Я бросился в воду, но в тот момент, когда уже, казалось, добрался до него, запутался в густых водорослях, достигавших в этом месте 1,5 сажени в длину. Уже под водой огромным усилием мне удалось вырваться из них, и я с большим трудом и на пределе сил вытащил утопающего на берег»¹.

Затем Фусс делает всё возможное, чтобы вернуть своего свояка к жизни. Когда все эти попытки не приносят успеха, он бросается к соседнему дому, посылает за врачом, бежит домой и приводит на берег тещу и свою жену. Женщины пытаются поставить утопленнику клистир и пустить кровь, а Фусс мчится в город, находящийся в 5 километрах, вызывает городских фельдшеров и спешно возвращается обратно. Два прибывших врача сразу заявляют, что никакой надежды больше нет, что у несчастного случился удар, вероятно потому, что он купался в сильную жару сразу после еды.

«[...] день, который мы предвкушали как день встречи с друзьями, превратился в день кошмара и скорби. Милая Лотта [=Шарлотта], ставшая вдовой после 9 недель супружеской жизни, с разметавшимися волосами, с отчаянием в глазах и сердце бросалась на тело супруга и напрасно пыталась вернуть его к жизни самыми нежными словами — нет, я никогда не смогу забыть эту сцену. Пять дней я чувствовал себя совершенно разбитым, отчасти из-за пережитого волнения, отчасти из-за сильного перенапряжения во время попытки спасти утопающего и последующей гонки в город в один самых жарких дней лета. Но это были всего лишь физические страдания; какие душевные муки принесла мне потеря моего близкого доброго друга, описать просто невозможно»².

Гибель Якоба Бернулли приводит нас в самый центр истории швейцарских учёных в Санкт-Петербургской Академии наук XVIII века. Действующие лица этой трагической сцены являются представителями трёх важнейших династий учёных, оставивших глубокий след в истории Академии: Эйлеров, Бернулли и Фуссов. Даниил и Николай Бернулли и чуть позже Леонард Эйлер стали авторитетными представителями этих семей уже к моменту основания Академии в 1725 году. А Иоганн Альбрехт Эйлер, Николай и Пауль Фусс на протяжении почти 100 лет занимали в Академии должность секретаря. На этом посту они поддерживали контакты практически со всеми остальными занимавшимися научной деятельностью в России швейцарцами, многих из которых они сами пригласили туда.

История швейцарских учёных в Петербургской Академии описана в обширном труде «Швейцарские учёные в царской империи»³, но там она составляет лишь важнейшую главу более широкого исследования, написанного к тому же главным образом в аспекте изучения миграции. Тема судеб швейцарских учёных в России вновь стала актуальной в связи с двумя юбилеями — 300-летием со дня основания Санкт-Петербурга в 2003 году и 300-летием со дня рождения Леонарда Эйлера в 2007 году. В ходе различных конференций родилась идея издания русского перевода названной монографии, в котором

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 213 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./12.3.1790.

² Там же. S. 214 f.

³ *Mumenthaler R.* Im Paradies der Gelehrten. Schweizer Wissenschaftler im Zarenreich. Zürich, 1996.

основное внимание должно быть сконцентрировано на истории жизни и деятельности швейцарских учёных в Петербургской Академии наук в XVIII веке. Предлагаемая вниманию читателей книга является воплощением этой идеи в жизнь. Она не содержит принципиально новых сведений, которые отличали бы её от упомянутой монографии, а представляет собой незначительно переработанное, сжатое и тем самым более лёгкое для чтения изложение главы, посвящённой швейцарским учёным, работавшим в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII веке.

2. ПРИЧИНЫ ЭМИГРАЦИИ ШВЕЙЦАРСКИХ УЧЁНЫХ

Как дилетантов, так и профессионалов в первую очередь интересуют причины эмиграции. Когда речь идёт об эмиграции из Швейцарии в царскую Россию, то к вопросу «Почему?» примешивается оттенок недоверия. Почему эти люди отправились именно в Россию? Поэтому мы сначала рассмотрим ситуацию в Швейцарии, чтобы выяснить факторы, способствовавшие эмиграции (Push-Faktoren); то есть попытаемся понять, какие силы побуждали учёных искать счастья за границей. Конкретно мы проследим возможности и условия работы в Швейцарии, уровень развития науки там в XVIII веке, а также ситуацию, сложившуюся в швейцарских высших учебных заведениях. Следующий вопрос касается каналов посредничества и личных мотивов. Затем мы проанализируем факторы привлекательности (Pull-Faktoren), а именно ситуацию в Санкт-Петербурге в целом и конкретно в Академии наук.

2.1. Наука в Швейцарии в XVIII веке (факторы, способствовавшие эмиграции)

Высокий уровень научных исследований является важным элементом современного самосознания швейцарцев. Страна, бедная полезными ископаемыми, смогла занять достойное место среди ведущих индустриальных государств только благодаря выдающимся достижениям в интеллектуальной сфере. Но более ранние анналы истории свидетельствуют о том, что в XVII веке науки в Конфедерации владели ещё весьма жалкое существование. Ни один швейцарец и близко не мог сравниться с такими учёными, как Галилей, Декарт или Бэкон.¹ Прорыв произошёл только в XVIII веке, когда Швейцария стала центром европейского Просвещения. Какие причины препятствовали развитию наук?

Для начала следует более подробно остановиться на понятии «Швейцария». Собственно говоря, речь идёт о городах Конфедерации после Реформации, прежде всего о Базеле и о Республике Женева. Именно там сначала воплотились в жизнь новые идеи Просвещения — картезианство.² В XVII веке ортодоксальный протестантизм ещё тормозил независимую науку. Своего расцвета антинаучная ортодоксия достигла в Швейцарии после принятия в 1675 году *Formula consensus*, которая предписывала обязательное следование существующему учению. Но под влиянием гуманизма и натурфилософии Декарта реформированная вера всё же открыла путь рационализму. Было признано, что божественная воля проявляется не только в письменной традиции, но и в книге природы, поэтому изучение и описание природы также является богоугодным делом.³ Не случайно среди первых естествоиспытателей оказалось так много теологов. Они примирили науку с религией, что было особенно характерно именно для швейцарских

---

¹ *Fueter*, Geschichte. S. 5 f.

² Я в значительной мере опираюсь на работы: *Fueter*, Geschichte и *Im Hof*, Aufklärung.

³ *Fueter*, Geschichte. S. 8 f.

учёных XVIII века.¹ Образование стало более высоко цениться в среде городских буржуа и знати, но естествоиспытатели по-прежнему были вынуждены бороться за признание. Высоким социальным престижем обладали только профессии, связанные с практическим применением, к которым, например, относились теологи и врачи. Именно из их числа вышли первые учёные-естественники.²

А как обстояли дела в высших школах? До 1833 года в Швейцарии существовал только Базельский университет, основанный в 1460 году. После Реформации в Цюрихе, Берне и Шаффхаузене появились так называемые высшие школы и аналогичные им академии в Женеве и Лозанне. Они ни в коей степени не соответствовали высшим учебным заведениям в современном понимании, ещё меньше общего они имели с научными академиями, существовавшими в Берлине, Париже и Санкт-Петербурге. Высшие школы и академии служили в первую очередь обучению теологов. Набор предлагаемых дисциплин ограничивался в течение длительного времени теологией и вспомогательными науками. В течение XVIII века эти учреждения постепенно открыли двери общественным и естественным наукам. В них появились кафедры юриспруденции (прежде всего естественного права), а позднее также кафедры истории, математики и физики, преподавание этих дисциплин, однако, не выходило за рамки общеобразовательного уровня.³ Математика, например, сначала преподавалась в связи с логикой. Ещё в 1662 году в Базельском университете были запрещены «современные философы». В 1675 году профессору математики Петеру Мегерлину запретили преподавать учение Коперника, а в 1681 году было запрещено и его сочинение на эту тему. Когда на следующий год оно было опубликовано в Амстердаме в издательстве И.Я. Веттштейна, Мегерлин получил выговор, однако никаких иных санкций не последовало. Путь для рационалистической картины мира был свободен. В своём первом сочинении Якоб I Бернулли не скрывает своей приверженности учению Коперника, тем не менее он избегает открытого упоминания известных и спорных имён. И лишь когда он добился широкого международного признания в качестве профессора математики, его положение стало незабываемым.⁴ Базельский университет был единственным учреждением в Швейцарии, где математика всегда преподавалась на уровне, соответствующем высшей школе. Пригласив в 1687 году на работу Якоба Бернулли, Базельский университет получил математика мирового уровня, который к тому же был широко известен как превосходный преподаватель.⁵ Позднее мы ещё вернёмся к базельским математикам.

---

¹ Там же. S. 51 ff., упоминаются в первую очередь Жан-Альфонт Турретини в Женеве, основатель *theologia naturalis* в Швейцарии, Фредерик Остервальд в Нойенбурге и Самуэль Веренфельс в Базеле.

² В качестве примера можно назвать врача и ботаника Жана Антуана Дивернуа (1703–1765) из Мотье. Будучи лейб-медиком прусского короля, он жил в Нойенбурге и исследовал местную флору. NBLS. Bd. 2. S. 728.

³ *Capitani*, Beharren. S. 499 f. Некоторым профессорам удавалось преподавать новые науки в рамках старых кафедр, например, Роберу Шуэ (Robert Chouet) в Женеве, который в качестве профессора философии проводил физические эксперименты. *Im Hof*, Aufklärung. S. 22.

⁴ *Fueter*, Geschichte. S. 35 ff. Это поясняет письмо его преемника Иоганна I Бернулли, который в 1716 году причислил Землю к планетам. 20-25 годами ранее его бы за это сожгли на костре, преувеличивая, пишет он И.Я. Шейхперу, который в Цюрихе лишь в 1731-35 годах смог открыто высказаться о коперниковской картине мира в своём сочинении «*Physica sacra*». Там же. S. 43.

⁵ О его математических исследованиях см.: там же. S. 164.

В Женеве учёный-естественник впервые получил место на кафедре математики в 1724 году.¹ Физику же по-прежнему преподавали вместе с логикой, в результате натуралист Орас Бенедикт де Соссюр (1740–1799) был вынужден преподавать по очереди пневматику и мораль.² Хотя науки в Женеве попали на чрезвычайно благодатную почву, и маленький город с населением 20 000 жителей дал миру в XVIII веке около 60 видных учёных, академия застыла на низком уровне. Слишком часто кафедры возглавляли слабые профессора, слишком часто корифеи вынуждены были преподавать чуждые им дисциплины и уделяли слишком мало времени своим специальностям.³ Маркаччи приходит к выводу, что Женевская академия проспала научную революцию XVIII века и не смогла предложить экспериментальным наукам ни структур, ни программ, которые способствовали бы подлинному развитию.⁴ Аналогичный вывод приходится сделать и в отношении зависевшей от Берна Лозаннской академии.⁵ До 1802 года эта академия предложила кафедры только двум профессорам химии и естествознания. Естественники были в академии главным образом почётными профессорами, при этом они не преподавали и не получали жалования. Это было почётное звание в чистом виде.⁶ То же самое относится и к Женеве, где, например, Жаку-Андре Малле было присвоено звание иностранного почётного профессора астрономии. Он получил право читать бесплатные публичные лекции — и полагал, что этим ему была оказана большая честь.

В Цюрихе и Берне реформированная ортодоксия успешно сопротивлялась новому мышлению ещё дольше. В Цюрихе математика считалась ересью со времён изгнания в середине XVII века пастора и астронома Михеля Цингга за его приверженность гелиоцентризму.⁷ Ещё в 1720 году цюрихские власти подвергли цензуре сочинение Иоганна Якоба Шейхцера, в котором он защищал теорию Коперника.⁸

Таким образом, подъём наук в Конфедерации в XVIII веке был заслугой не столько государственных учреждений, сколько преимущественно частных лиц. Высшим школам и академиям удалось достичь уровня университетов, проводивших научные исследования, лишь в XIX веке. В элитарных кругах, в среде буржуазии достаточно высокого уровня и городской знати, развивалось новое отношение к естественным наукам. Благодаря высокому международному авторитету, который снискали себе некоторые выдающиеся исследователи,

¹ *Marcacci, Histoire. S. 43.* В этом отражается новое понимание точных наук, потому что это место было создано собственно только для того, чтобы оставить в Женеве двух молодых математиков, Габриеля Крамера (1704–1752) и Жана-Луи Каландрини (1703–1758). См.: *Fueter, Geschichte. S. 148 f.*

² Введению преподавания медицины удалось помешать. Это сделали именно сами женевские врачи, отравлявшие жизнь уважаемому профессору Теодору Троншену (1709–1781), который в 1755 году был приглашён в академию.

³ *Marcacci, Histoire. S. 51.*

⁴ Там же. S. 51.

⁵ Нынешний кантон Ваадт и тем самым его главный город Лозанна в то время были ещё частью кантона Берн.

⁶ Так, например, известный медик Август Тиссо.

⁷ *Fueter, Geschichte. S. 31 ff.*

⁸ *Im Hof, Aufklärung. S. 26.* Цюрих считал, что является центром швейцарской Реформации, и поэтому тем упорнее отстаивал свои старые позиции. Переписка Шейхцера с Иоганном I Бернулли даёт превосходную картину борьбы мировоззрений, которая в Базеле уже завершилась. К середине века в цюрихской церкви также победила рационально-ортодоксальная позиция.

на учёных стали смотреть другими глазами. Особенно заметно признание и социальный престиж учёных возросли в Женеве, так как они в значительной мере содействовали превращению Республики в один из европейских научных центров. В Цюрихе, Берне и Базеле не утихали сетования по поводу того, что торговля и армия пользуются большим авторитетом, чем наука.¹ Цюрихцы настороженно встретили молодого И. Я. Шейхцера, возвратившегося в родной город образованным естествоиспытателем. Ему ещё повезло, что он получил место второго городского врача. Утешали его обещаниями вскоре предоставить возможность преподавать математику. Но сдержали это обещание только тогда, когда Шейхцер получил (и отклонил) предложение стать лейб-медиком Петра I.²

От деятельности учёных постоянно ждали непосредственной практической пользы. От этого страдала, например, астрономия. В государствах с развитым мореходством существовал живой интерес к навигации, поэтому там создавали обсерватории и поддерживали астрономические исследования. А в континентальной Швейцарии астрономия служила самое большее для определения точного времени и находилась в запущенном состоянии. Иоганн III Бернулли, совершивший в 1771 году путешествие по Швейцарии, чтобы собрать сведения о выдающихся астрономах и обсерваториях, вернулся в Берлин с пустыми руками.³ Исключение составляла Женева, где уже упоминавшийся Жак-Андре Малле в 1772 году при государственной поддержке смог создать первую в Швейцарии действующую обсерваторию.

Резюмируя, можно сказать, что в XVIII веке в Швейцарии были отдельные выдающиеся личности, которые внесли большой вклад в европейское Просвещение. Однако лишь немногие из них нашли на родине место, соответствовавшее их дарованиям. Многие учёные работали ради куска хлеба и лишь в свободное время занимались своей любимой наукой. Нередко в богатых городах встречались представители уважаемых семейств, которые жили на полученное наследство и поэтому могли частным образом заниматься наукой.⁴ Основная часть исследований проводилась также приватным образом, так как лучшие лаборатории находились в домах нескольких состоятельных учёных-новаторов.⁵

Мы видим, что в Швейцарии профессорские должности, за исключением теологов, получали очень немногие учёные. Возможности научной деятельности при старом режиме ограничивались ещё двумя факторами. Соответственно со-

---

¹ В качестве примера всегда приводят Альбрехта фон Галлера, который отказался от международной научной карьеры ради карьеры местного политика.

² *Fueter*, Geschichte. S. 142; *Wolf*, Biographien I. S. 227. С Иоганном Гесснером произошло то же самое, см.: *Wolf*, Biographien. I. S. 288 f.

³ *Fueter*, Geschichte. S. 279 f. Цитата из: *J. Bernoulli*. Lettres astronomiques où l'on donne une idée de l'état de l'astronomie pratique dans plusieurs villes de l'Europe. Berlin, 1771. S. 174 f. При этом он, конечно, преувеличивает, потому что *Fueter*, Geschichte. S. 187 ff. называет целый ряд частных обсерваторий в Швейцарии.

⁴ Так, ни Абрахам Трамбле (1710–1784), ни Жан-Андре Делюк (1727–1817), ни Жан Сенебье (1742–1809), ни Никола Фацио де Дюилье (1664–1753), ни Шарль Бонне (1720–1793) никогда не занимали академических кафедр.

⁵ Гаспар Деларив, например, устроил частную физическую лабораторию, которая относилась к числу наиболее хорошо оборудованных в Европе. Его сын Август унаследовал её и сотрудничал со знаменитыми учёными, например, Ампером, Араго и Дюма, которые проверяли свои теории в лаборатории Деларива. *Marcacci*, Histoire. S. 110.

циальному престижу работа профессоров, во-первых, очень плохо оплачивалась. Теолог зарабатывал в Женеве в два раза больше, чем естественник. В Базеле все жаловались на отсутствие мотивации у профессоров, которые, чтобы выжить, вынуждены были давать частные уроки или сдавать комнаты жильцам и этим хоть как-то дополнять свой скудный профессорский заработок. Во-вторых, эти немногие низкооплачиваемые профессорские должности зачастую «бронировались» для местных жителей. В XVIII веке в Базеле профессорами могли быть избраны только граждане Базеля, в Женеве должность профессора могли получить только представители нескольких местных знатных семейств (патрициев), аналогичным образом обстояло дело и в Лозанне. Шансы базельца получить профессию в университете родного города после введения системы жеребьёвки превратились в лотерею. Из поступивших заявлений выбирались три. Жребий решал, кто из этих троих займёт место профессора.

При ещё не развитом разделении наук то и дело учёные с энциклопедическим образованием соглашались занять кафедру, не соответствовавшую их специализации.¹ В таких случаях занятие любимой наукой смещалось из сферы профессиональной деятельности в сферу свободного времени, как у частнопрактикующего исследователя.

2.2. Базельские математики

Поскольку почти все швейцарские учёные, отправившиеся в XVIII веке в Россию, были родом из Базеля, то хотелось бы более подробно остановиться на ситуации в городе на Рейне. Мой тезис гласит: доминирование базельских математиков мало связано с университетом этого города. Собственно говоря, только благодаря семье учёных Бернулли Базель превратился в математическую столицу Республики учёных.² При анализе образования, полученного нашими эмигрантами, нельзя не заметить, что ни один из них, кроме Эйлера, официально не изучал математику. Якоб Герман записался в Базеле на специальность теология, равно как сначала и Эйлер. Николай Бернулли закончил факультет право-ведения со степенью лиценциата, а Даниил Бернулли изучал медицину. Но всех их объединяло одно: математику они изучали у братьев Бернулли, либо у Якоба (1654–1705)³, либо у Иоганна (1664–1748), которые считались вообще лучшими преподавателями этой дисциплины. Все они занимались в первую очередь открытым Лейбницем исчислением бесконечно малых, которое благодаря братьям Бернулли получило дальнейшее развитие, и теорией рядов.⁴ Эйлер в конечном итоге довёл работы братьев Бернулли и Якоба Германа до совершенства. Важ-

---

¹ Николай Бернулли получил кафедру права в Берне, Даниил Бернулли — физики в Базеле, Леонард Эйлер добивался кафедры логики, а Якоб Герман стал профессором морали в Базеле.

² В 1687 году Якоб Бернулли пришёл на кафедру математики. После его смерти в 1705 году его преемником стал его брат Иоганн, который до 1748 оставался профессором в Базеле. Затем пришёл его сын Иоганн II (1748–1790 проф. матем.). Наряду с этим Даниил I преподавал в 1733–1750 гг. анатомию и в 1750–1782 гг. физику, а Даниил II в 1780–89 гг. риторику. *Im Hof, Aufklärung*. S. 23.

³ Это относится к Якобу Герману и в определённом смысле также к Иоганну I Бернулли, который многому научился у своего брата и позднее составил ему конкуренцию.

⁴ См. о достижениях в этих областях: *Fueter, Geschichte*. S. 164 ff.

ным здесь мне представляется духовное родство, общая отправная точка этой «Базельской школы».

Рассмотрим в качестве примера образование, полученное Эйлером. Его отец был проповедником в Риене, его мать Маргарета была родом из семьи учёных Брукнер. Первым учителем Эйлера был его отец, любитель математики и ученик Якоба Бернулли. Леонарду, собственно говоря, была уготована теологическая стезя, а математика скорее предназначалась для досуга, но получилось иначе.¹ Отец не особенно противился пристрастию сына к числам. Когда его знания достигли соответствующего уровня, Леонарда отправили в Базель, где он в 1720 году был зачислен в университет и посещал общеобразовательные лекции. В 1723 году Эйлер записался на теологический факультет. Но вскоре он получил разрешение отца целиком посвятить себя математике. Его яркий талант привлёк внимание Иоганна Бернулли, который, однако, не уступил просьбам Эйлера и отказался давать ему частные уроки. Тем не менее, он не отказывался обсуждать вопросы, которые возникали у Эйлера в ходе изучения сочинений по математике. Тем самым Эйлер был поставлен перед необходимостью решать все возникающие проблемы по возможности самостоятельно.² Иоганн Бернулли, который никого не признавал равным себе, а тем более выше себя, связывал с Эйлером большие надежды и позднее назвал «королём среди математиков».³ Эйлер обладал достаточной уверенностью в себе, чтобы в 1726 году принять участие в учреждённом Парижской Академией конкурсе на лучшую постановку корабельного рангоута. С диссертацией, посвящённой акустике, в 1727 году он подал заявление на освобождённую должность профессора физики в Базеле. Несмотря на рекомендацию его влиятельного учителя, кандидатура Эйлера не попала в жеребьёвку, которая была проведена между тремя привилегированными претендентами.⁴ Тем самым для Эйлера была потеряна единственная надежда на математическую карьеру в Швейцарии.

Жеребьёвка была введена в Базеле в 1718 году с целью борьбы со злоупотреблениями при выборе государственных чиновников. Бернгард Мериан, представитель Базеля в Берлинской Академии, в 1782 году резко критиковал этот порядок в письме Даниилу Бернулли и считал, что именно этой системе университет обязан своим упадком. Кстати сказать, он сам четырежды по-

¹ Fuss, Lobrede. S. 11.

² Там же. S. 12–14. Аналогично пишет об этом *Пекарский*, История I. С. 249, который сделал перевод из автобиографии Эйлера. Это необычное образование было для Эйлера идеальным, потому что он учился находить собственные пути, каждую проблему рассматривать принципиально по-новому. Этот сложный метод полностью соответствовал таланту Эйлера.

³ Spiess, Euler. S. 96 f. цитирует различные формы обращения И. Бернулли к Эйлеру (здесь из письма от 23 сент. 1745). Иоганн Бернулли уже вёл ожесточённую борьбу со своим старшим братом Якобом. То же самое повторилось с сыновьями, которых он хотя и ввёл в науку, но постоянно беспокоился о том, чтобы ни один из них не обошёл его. См.: там же. S. 93 ff. Особенно ему удалось запугать Иоганна II, причём до такой степени, что этот гениальный человек практически не публиковал свои труды. Даниилу удалось освободиться в Петербурге. Но после возвращения в Базель, где жил его отец, о нём не было ничего слышно. Но грозному отцу пришлось проглотить критику Эйлера в адрес его «Гидродинамики» и принять её. Это было почти чудом. В 1742 году Бернулли сказал Эйлеру: «Потому что я занимался высшей математикой, когда она была в детском возрасте, а ты представляешь её нам в зрелом возрасте». Там же. S. 109.

⁴ Fellmann, Euler. S. 24.

терпел неудачу при жеребьёвке.¹ Одновременно он также осудил ограничение, согласно которому кафедру в университете мог получить только гражданин Базеля:

«Всё это находится в противоречии со всей цивилизованной Европой и всеми теми местами, где действительно всем сердцем желают процветания наук. Но складывается такое впечатление, что наши любезные соотечественники меньше всего заботятся об этом».²

О феномене династии математиков Бернулли было написано уже очень много. Отрывок из некролога, написанного Даниилом Бернулли в связи с кончиной его брата Николая, свидетельствует о том, каким образом поддерживались и передавались математические знания в кругу семьи.

«Он освободил отца от большей части его корреспонденции. Но он стал математиком без ведома и против воли отца; не то, чтобы он не ценил математику и не мог бы легко понять её, но любое применение его смущало. Может быть, он сам и не заметил бы своего прогресса в ней, зная, каких малых усилий это ему стоило, если бы его братская дружба не вынудила его обучать математике меня, которому в то время было всего 11 лет. Сначала он думал, что может за короткое время научить меня всему тому, чему научился у отца и что открыл для себя сам; он отдавал этой задаче все свои силы, чтобы затем мы могли вместе продолжить учёбу. Но, несмотря на все его старания сделать из меня товарища по учёбе, я с тех самых пор так и остался его учеником, в результате у него сложилось довольно хорошее мнение о себе самом, и он считал себя хорошо подготовленным математиком, превосходящим своего ученика».³

Только в качестве учителя своего брата Николай осознал свои способности. Он продолжал развиваться вместе с Даниилом и зачастую наперекор отцу. Тем не менее, он продолжал изучать право и в 1715 году диссертацией «*De jure distractionis*» завершил учёбу со степенью лиценциата.

Из автобиографии их брата Иоганна II Бернулли мы узнаём, насколько отличалась передача знаний в семье от государственной школьной системы. О своём воспитании он пишет так:

«Моими родителями я, как и мои братья и сёстры, воспитывался с большой заботой и побуждался ими ко всему хорошему, так что если я не способствую продолжению славы, обрётённой нашим родом, то в этом следует винить не моё воспитание, а меня самого».⁴

Хотя здесь Иоганн Бернулли скромничает, однако он всегда признавал, что в детстве отличался живостью ума. Он с лёгкостью схватывал всё, чему его учили. Образование он получил не в государственной школе — он не посещал гимназию, — а частным образом. Его отец питал слишком мало доверия к государственным школам и приглашал частных учителей. Правда, позднее Иоганну I Бернулли поручили инспектирование Базельской гимназии, а в 1724 году избрали инспектором. Под его добросовестным надзором ситуация улучшилась, по крайней мере, временно.⁵

---

¹ Spiess, Euler. S. 155.

² Burckhardt, Autobiographie. S. 300. Цитирует письмо Мериана. Перевод с французского.

³ D. Bernoulli, Notice biographique, in: Fuss, Correspondance. Bd. II. S. 267 f. Перевод с французского.

⁴ Burckhardt, Autobiographie. S. 291.

⁵ Там же. S. 292.

Гимназия состояла из шести классов, но окончание всех классов не было обязательным. Особо одарённые ученики могли пропускать некоторые классы. Философский факультет университета осуществлял надзор за выпускными экзаменами и предоставлял выпускникам возможность дальнейшего обучения на двухгодичных курсах, так называемых «*lectiones publicae*» (лат.: публичные лекции. — *Прим. перев.*).¹

Иоганн I Бернулли отправил своего сына сдавать экзамены, когда тому было всего 9 лет, «но мой отец удовлетворился демонстрацией этого образца моих успехов» и разрешил посещать публичные лекции только в 1721 году и записаться в университет в качестве *studiosus philosophiae* (лат.: студента философии — *Прим. перев.*).² Вскоре после этого Иоганн послал сына в Вевей, где тот должен был изучать французский язык. После возвращения он получил в 1723 году *prima Laurea*, а годом позже ему, одновременно с Леонардом Эйлером, была присвоена степень магистра.

Отец и в дальнейшем определял темп и направление учёбы своего сына, который начал с изучения права, но, поскольку так велел отец, должен был заниматься ещё и философией, поэтому экзамены смог сдать только в 1729 году. Затем он воспользовался представившейся возможностью заняться математикой, когда Мопертюи на один год приехал в Базель, чтобы продолжить своё образование у Иоганна I. Мопертюи уже тогда считался способным математиком и был членом Французской Академии. Иоганн II получил разрешение участвовать в учёных беседах двух математиков.³ Предположительно в 1731 году он участвовал в конкурсе на вакантное место профессора права в Базельском университете, но в силу своей молодости он считал, что у него мало шансов на успех. Тем не менее он получил несколько голосов. На эту кафедру нашлось 15 претендентов, что свидетельствует о том, как мало было подобных вакансий.⁴

Описанные примеры имеют общие черты: официальная учёба начиналась с целью получения профессии, будь то врача, священника или юриста. На другие академические специальности практически не было спроса. Наряду с этим официальным образованием продолжались занятия математикой. При их, без сомнения, исключительном даровании ученикам, обучавшимся в семье Бернулли, не составляло труда справляться с обязательными предметами и с большой энергией погружаться в своё любимое занятие. В плодотворной конкуренции братьев с немногими посторонними они научались передавать знания другим и находить собственные пути. В результате Бернулли достигали такого уровня подготовки, которого не мог обеспечить ни один университетский курс. После окончания университета все названные лица как минимум один раз пытались получить профессию в Базеле. Но либо они были слишком молоды, либо им не повезло при жеребьёвке. Кстати сказать, в 1770-е годы эта судьба дважды постигла Якоба II Бернулли, сына Иоганна II и ученика Даниила Бернулли. После этого оставались только две возможности: либо искать место по полученной специальности (Н. Бернулли стал профессором права в Берне), либо отправиться на поиски счастья за границу (в нашем случае — выбор всех).

¹ Первый курс был закончен с *prima Laurea*, второй — экзаменом на степень магистра. Там же. S. 292. А также: *S. Th. Burckhardt-Biedermann. Geschichte des Gymnasiums zu Basel. 1873. S. 74.*

² *Burckhardt, Autobiographie. S. 292.*

³ Там же. S. 293.

⁴ *Euler, Briefwechsel. S. 186. N.1050. J.Hermann an LE, 30.1.1731.*

2.3. Образование швейцарских учёных

На основании изложенного в предыдущей главе можно с уверенностью констатировать: небазельцы в XVIII веке вынуждены были получать высшее образование за границей. Но и после основания университетов в Швейцарии в биографиях почти всех учёных насчитываются несколько семестров учёбы за рубежом. Вплоть до Первой мировой войны неотъемлемым элементом хорошего образования считалось наведение последнего лоска у зарубежных корифеев. Для учёбы за границей не требовались никакие формальности. Не нужны были ни паспорт, ни виза, ни вид на жительство. Мы легко забываем о том, что современные суровые законы об иностранцах возникли после Первой мировой войны, а сто лет назад свобода передвижения была абсолютно естественным делом. Для тех, кто сам мог позаботиться о себе, не существовало никаких ограничений.¹ Типичным примером является ботаник Иоганн Амман, который изучал медицину и ботанику у знаменитого Германа Бургаве в Лейдене.

Один аспект учёбы за границей представляется особенно важным. Пребывание в иностранной высшей школе часто было первым длительным отрывом студентов от родины. Они вдыхали аромат большого далёкого мира, знакомились и общались с интересными людьми и черпали из этих контактов новые идеи. Прежние связи ослабевали, устанавливались новые отношения. Некоторые из-за ностальгии вскоре возвращались в привычный круг, других же, наоборот, манили и притягивали широкие горизонты. Для них учёба за границей становилась своего рода трамплином, с которого они совершали прыжок в профессиональную карьеру вдали от родины.

2.4. Альтернативы за рубежом

Прежде чем обратиться к эмиграции в Россию, мы должны ответить на вопрос о том, какие альтернативы имелись у швейцарских учёных, пожелавших отправиться за границу. Подробных исследований, посвящённых этому вопросу, пока нет. Известны лишь отдельные основные моменты, равно как и наиболее значимые из эмигрантов XVIII века.

Пожалуй, самым известным примером непризнанного на родине учёного, сделавшего блестящую карьеру за границей, но так и не нашедшего счастья, является Альбрехт фон Галлер. Благодаря своим публикациям по медицине и естествознанию, относящимся ко времени его работы врачом в Берне, он получил приглашение в Гёттингенский университет. Перед ним поставили задачу обустроить медицинский факультет в соответствии с новейшими идеями того времени. Успешный в научном отношении период его жизни был омрачён личными утратами и беспрерывными дразгами с коллегами. Когда в 1753 году его избрали в Большой совет Берна, он вернулся на родину. В качестве причин его возвращения называют ностальгию и высокий социальный престиж его новой должности.² Помимо этого, в качестве частного лица он мог уделять научным

---

¹ См.: *Schläpfer, R. Die Ausländerfrage in der Schweiz vor dem Ersten Weltkrieg. Zürich, 1969.*

² *Im Hof, Aufklärung, S. 31.*

исследованиям больше времени, чем работая в университете. Именно тогда он написал свой главный труд по медицине и вёл обширную переписку. К моменту смерти в 1777 году он считался крупнейшим медиком, физиологом и ботаником своего времени.

Но куда ещё эмигрировали швейцарские учёные, если не в Петербург? Наряду с российской столицей главной целью учёных из Конфедерации был Берлин: временами швейцарцы составляли до трети членов Берлинской Академии.

«Швейцарцы, как говорили, хотели доминировать во всём и всё делать сами. Я видел, пишет Тибо, как Зульцер, Беглен, Вегелин и т. д. управляли всей Академией. Я видел, что немцы и не думали возмущаться этим, а французы только посмеивались, пока это ярмо не задавило и их».¹

Наряду с упомянутыми Иоганном Георгом Зульцером, Николая Бегленом и Якобом Вегелином, в Берлинской Академии работали также базельцы Леонард и Иоганн Альбрехт Эйлеры, Иоганн Якоб Губер, Иоганн III Бернулли, Иоганн Бернгард Мериан, Рейнхард Батьер и Даниель Пассаван. Выходцами из западной части Швейцарии были Пьер Прево, Луи Бертран и Пьер Франсуа Боатон. Жан Трамбле пришёл в Берлинскую Академию в 1793 году, вскоре после его избрания членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Иоганна Генриха Ламберта из Мюльхаузена в то время также относили к швейцарцам.²

Имгоф считает Берлинскую Академию времён Фридриха II, «по сути, швейцарской академией [...] — равно как и Петербургскую».³ В соответствии с предпочтениями короля в Берлин приглашались швейцарцы и французы, принадлежавшие к реформатской церкви. Преимущество швейцарцев состояло в том, что они, как правило, лучше изъяснялись по-французски, чем их немецкие коллеги. Кроме того, Фридриху II, по-видимому, импонировало мировоззрение швейцарцев, которые исповедовали христианский гуманизм рационалистического типа, находивший воплощение в их практической деятельности. Для состоявшихся в профессиональном отношении учёных эпохи Просвещения типичным было то, что они не подвергали сомнению религию, а пытались привести научные знания в соответствие с ней.⁴

В немецких землях имелись и другие привлекательные для швейцарских учёных области деятельности: Якоб Герман работал во Франкфурте на Одере, Альбрехт фон Галлер — в Гёттингене, Иоганн Георг Циммерман — в Ганновере, Иоганнес фон Мюллер⁵ и Жак Малле — в Касселе.⁶ Рейнхард Батьер в звании члена Берлинской Академии преподавал в Силезии, известный медик

¹ Lang, Gelehrte. S. 107.

² Математик Ламбер (1728–1777) был родом из Мюльхаузена (ныне Мюлуз), этот город до 1815 года входил в Швейцарскую Конфедерацию.

³ Im Hof, Aufklärung. S. 77.

⁴ Fueter, Geschichte. S. VI, называет наряду с Бернулли, Эйлером, Галлером и т. д. также Лейбница и Ньютона. Впоследствии застывшая в ортодоксии Реформация повернулась лицом к более рационалистическому учению, которое допускало критику и новые интерпретации. Этот рационализм в 1770-х годах вновь был поставлен под сомнение движением «бури и натиска», которое и в Швейцарии было очень популярно в среде молодёжи.

⁵ Schweizer Lexikon. Bd. IV. S. 673.

⁶ Wolf, Mallet. S. 266. Малле, родившийся в Женеве (1749–1800), был литератором и стал профессором гуманитарных наук.

Иоганн Конрад Бруннер занимал должность профессора в Гейдельберге, Иоганн Рудольф Феш, саксонский инженер-полковник, был избран членом Прусского королевского научного общества. В Нидерландах работали Якоб Бернулли и Иоганн Якоб Веттштейн. Теодор Троншен из Женевы и вовсе принял гражданство в Амстердаме, а позднее переселился в Париж, где стал членом медицинской академии.¹ Лингвист Иоганн Конрад Амман также работал в Голландии воспитателем глухонемых. Италия привлекла некоторых членов семьи Бернулли, а именно Николая I², а также Даниила Бернулли и Якоба Германа (Падуа). Август Тиссо отклонил многочисленные приглашения из-за границы; лишь в 1781–83 годах он работал профессором медицины в Павии. В Англии жили Иоганн Амман, Рудольф фон Вальтраверс, Луи Бонне и Николас Фацио (де Дюилье), последний в 1688 году стал членом Лондонского королевского общества. Поль-Анри Малле из Женевы (1730–1807) стал профессором права и истории в Копенгагене и Женеве. Лоренц Шпенглер также сделал карьеру в Дании: учёный-естественник в 1743 году получил должность библиотекаря в Копенгагене и основал там общество естествоиспытателей. Швейцарский медальер Иоганн Карл Гедлингер работал в Стокгольме, когда его избрали иностранным членом Берлинской академии наук. В Польшу отправились, например, врач Иоганн Фридрих фон Герреншванд, священник и естествоиспытатель Элие Бертран и математик Симон Люилье.³

Из этих сведений в первую очередь становится понятно, что мы обладаем только случайными знаниями о немногих учёных. Э. Фютер черпал сведения главным образом из биографий Вольфа, относящихся к истории культуры Швейцарии, в которых перечислены самые известные швейцарские учёные до середины XIX века.

2.5. Наука в России (факторы привлекательности)

Период правления Петра I открыл прежде в значительной степени изолированной Российской империи окно в Европу. Символом проводимых им реформ стало основание на Балтийском море новой столицы — Санкт-Петербурга. Поначалу реформы, ориентированные на западноевропейские государства и общество, были встречены российским населением без особой симпатии. Петру хотелось как можно скорее и как можно радикальнее покончить с пережитками прошлого, образно говоря, отрезать старые косы, или точнее, бороды. Благодаря тесным связям с иностранцами, проживавшими в Москве, среди которых

¹ Т. Троншен (1709–1781), в 1755 г. почётный профессор Женевской академии, в 1778 был избран почётным членом Петербургской Академии наук. Модзалевский (См.: Список. С. 133) указывает год смерти: 1786.

² Николай I Бернулли (1687–1759), профессор математики в Падуе, затем профессор логики и права в Базеле.

³ Люилье (1750–1840) из Женевы, в 1775 г. участвовал в конкурсе Варшавской Военной академии и получил награду за своё сочинение. Затем князь Чарторыйский пригласил его на место домашнего учителя в Варшаву, где он прожил до 1789 г. В то время Петербургская Академия избрала его членом-корреспондентом. В 1795 г. Люилье стал профессором математики в Женевской академии. См.: *Wolf, Biographien. Bd. 1. S. 401–422.*

в первую очередь следует упомянуть его друга и советника Франсуа Лефорта из Женевы, и во время заграничных путешествий он узнал и оценил западноевропейскую культуру доиндустриального периода. Во многих сферах Пётр старался копировать Запад, главным образом Голландию. В первую очередь его интересовали практические аспекты, которые могли бы принести прямую пользу его империи. Сообразно своим целям Пётр сначала привлёк специалистов для обучения навигаторов, затем открыл первые в России инженерные и артиллерийские школы. В 1703 году в Москве была основана первая латинская школа, в которой до 1715 года русских учеников обучали преимущественно немецкие учителя.¹ Важнейшим для рассматриваемой нами темы моментом является основание Петром I в новой столице Академии наук.

2.6. Об истории Санкт-Петербургской академии

Мы не будем здесь подробно останавливаться на истории Санкт-Петербургской академии наук. В силу своей значимости для развития российского государства Академия являлась и является объектом интенсивного изучения советских и российских учёных. Академия символизирует политику европеизации России, проводившуюся Петром I, ведь это учреждение представляло собой, так сказать, духовно-культурное окно в Европу.

В то же время в Академии отражаются и те тенденции петровской политики, которые можно охарактеризовать как неуместное или несвоевременное внедрение задуманных во благо реформ, как попытки, образно выражаясь, запрягать лошадь с хвоста. Царю нужно было только лучшее, но для создания высшей школы отсутствовала какая-либо база. Без подготовительной начальной и средней школы Академия имела мало смысла. Она служила созданию имиджа, престижа государства и на протяжении долгого времени не оказывала никакого влияния на систему образования в России. Но со временем государство окрепло. Среди первых членов Академии ещё не было русских учёных. Лишь через 20 лет после её основания были избраны первые русские профессора: М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский и С.П. Крашенинников.

Основатели Академии тоже сознавали дефицит подготовительных школ. Поэтому Академия была основана как научное и образовательное учреждение, то есть, в отличие от западноевропейской практики, состояла из университета и корпуса учёных.² Поскольку в России не было собственных молодых специалистов, то иностранным учёным рекомендовалось привозить с собой одного или двух студентов. Для максимально быстрой подготовки российских специалистов студентам, или адъюнктам, вменялось в обязанность преподавание в академической Гимназии.³

В плане организационной структуры Академия не следовала никакому западноевропейскому образцу, а выбрала собственный путь. Были созданы три класса с несколькими кафедрами: математический класс (математика, астро-

---

¹ *Amburger*, Anwerbung. S. 31 f.

² История АН. С. 30 и далее.

³ Там же. С. 33.

номия/навигация, две кафедры механики), физический класс (теоретическая и экспериментальная физика, анатомия, химия, ботаника) и гуманитарный класс (риторика, древняя и новая история, право/политика/этика). Примечательно, что полностью отсутствовала религия. Петербургская Академия была чисто светским учреждением и пользовалась автономией — и в этом отношении она была поистине инородным телом в России. В отличие от западноевропейских научных академий, благодаря механике и Академии художеств, особая поддержка оказывалась здесь развитию ремесленных искусств.¹ Из обязанностей профессоров (см. далее) становится понятным назначение Академии: наряду с престижем для Петра особенно важным было распространение актуальных знаний и современных технологий, а также подготовка российских учёных.

После утверждения проекта в начале 1724 года, Лаврентий Блюментрост, позднее первый президент Академии, занялся привлечением зарубежных учёных. В немецкие и французские газеты направили сообщение о проекте, которое было напечатано, к примеру, в 1724 году в Лейпцигской «*Neue Zeitung für gelehrte Sachen*». Блюментрост обратился также к российским резидентам за границей и к зарубежным учёным.² На центральной роли Христиана Вольфа в деле привлечения специалистов в Академию мы ещё остановимся в главе, посвящённой посредникам и их деятельности. В среднем профессорам предлагали 1000 рублей в год, но каждому профессору назначалось индивидуальное жалование. Якоб Герман получал 1500, а позднее даже 2000 рублей, что соответствовало десятой части бюджета Академии.³

После смерти Петра I право открытия Академии перешло к Екатерине I. В период с 1725 по 1727 гг. в Академию приехали 22 иностранца, преимущественно немцы. При этом в России до сих пор глубочайшим уважением пользуются Леонард Эйлер и Даниил Бернулли.⁴ В XVIII веке в Академии было в общей сложности 111 членов, из которых 59 были родом из немецких земель, 31 — из Российской империи⁵, 9 — из Швейцарии⁶, 4 — из Швеции⁷, 4 — из Франции, а также по одному из Дании, Голландии, Англии и Испании.⁸ Таким образом, швейцарцы в XVIII веке составляли 8,1 % членов Академии. Герман, которому в то время было 50 лет, считался крупнейшим корифеем и лицом молодой Академии. К числу его обязанностей относилась честь выступать на публичных заседаниях, на которых присутствовала императрица.⁹

Первые годы существования Академии характеризовались оптимистичным настроением энтузиазма и подъёма. Когда были построены первые здания, Кунсткамера и дворец с залами заседаний, начались публичные лекции и собрания. Все питали большие надежды на будущее.¹⁰

¹ История АН. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Там же.

⁴ «Среди них Л. Эйлер и Д. Бернулли, будущие величайшие математики мира, составляли непреходящую гордость Академии. Они оба связали свою деятельность с Россией». Там же. С. 43.

⁵ В том числе по одному греку и финну, три прибалтийских немца. Я не причисляю сюда четверых родившихся в России потомков иностранцев (2 немца, 1 англичанин и 1 швейцарец).

⁶ Д., Н. и И. Бернулли, Л и И.А. Эйлеры, Мула, Амман, Герман, Н. Фусс.

⁷ В том числе 2 шведских финна.

⁸ См.: *Amburger, Beziehungen*. S. 45.

⁹ *Spiess, Euler*. S. 56 f.

¹⁰ *Kopelevi, Leonhard Euler*. S. 374. См.: Гл. III.1.

Рис. 1. Вид на здания Кунсткамеры и Академии наук
(гравюра по рисунку М.И. Махаева)

Не вдаваясь более в подробности, историю Академии можно охарактеризовать как непрерывную череду подъёмов и спадов. Полное надежд начало вскоре сменилось отрезвлением. Отъезд Эйлера из Петербурга в 1741 году ознаменовал первый спад. Швейцарцы определяли начальный этап истории Академии, но в 1745 году адъютант Мула стал последним из швейцарцев, покинувших находящееся в состоянии кризиса учреждение. Определяющей для второго периода истории Академии стала деятельность великого русского учёно-энциклопедиста М.В. Ломоносова и его полемика с сильной фигурой в Академии, Даниилом Шумахером. Новый подъём в истории Академии инициировала императрица Екатерина II, когда в 1766 году она уговорила Эйлера вернуться в Россию. Вместе с ним вернулся и был блеск. Просвещённая императрица и её высшее учебное заведение снискали глубокое уважение благодаря экспедициям, проведённым в 1769–1774 годах. Четвёртый период, 1783–1800 гг., охарактеризовался некоторым упадком научной деятельности после смерти Леонарда Эйлера.¹ В том, что касается швейцарских учёных, то для последних двух периодов важны два момента: назначение на пост секретаря Академии Иоганна Альбрехта Эйлера и карьера Николая Фусса.

Изложенные факты достаточно ясно выявляют факторы притягательности. В Петербурге возникло учреждение, которое, несмотря на все сомнительные моменты, могло предоставить иностранным учёным привлекательную и весьма выгодную работу. Самое большое преимущество Петербургской академии по сравнению с другими аналогичными учреждениями состояло в том, что там

¹ Учёная корреспонденция. С. 3.

учёные могли концентрироваться на своих научных исследованиях в значительно большей степени, и Эйлер использовал эту возможность в полной мере. Преподавательская работа хотя и относилась к обязанностям профессоров, но была сведена к минимуму. Однако, как будет показано в дальнейшем, в повседневной жизни иные многочисленные дела и заботы всё же отвлекали учёных от научных занятий. Одной из причин этого были жалования, которые лишь спорадически приводились в соответствие с ростом цен. Поэтому большинство профессоров были вынуждены искать дополнительные заработки. Несмотря на все отрицательные факторы, Петербургская академия как цель эмиграции обладала в глазах современников большой привлекательностью, что далеко не в последнюю очередь было связано с блестящей карьерой Эйлера и тесным сотрудничеством с Академией семьи Бернулли.

Интересно, что основанный в 1775 году Московский университет не привлёк в XVIII веке ни одного швейцарца. На начальном этапе в Москву были приглашены несколько немецких учёных, в дальнейшем профессорами Университета становились русские или немцы, которые в большинстве случаев уже работали в Москве домашними учителями.¹ Столь же мало привлекли швейцарцев и основанные в начале XIX века новые университеты России.

---

¹ См.: *Stieda*, *Gelehrte*. S. 3 f.; *Amburger*, *Beziehungen*. S. 36, 165 f.

3. КАНАЛЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

В деле эмиграции учёных решающую роль играли посредники. Что касается швейцарских учёных в Петербургской Академии, конкретная постановка вопросов формулируется так:

Каким образом устанавливались контакты между заинтересованным учёным и Академией? Какой круг лиц играл решающую роль в установлении контактов? Это были швейцарцы, уже работавшие в России, или третьи лица? Существовало ли сотрудничество или имелись определённые каналы связи между учреждениями? Каким образом осуществлялось приглашение учёного? Кто и с кем вёл переговоры об условиях?

3.1. Третьи лица в роли посредников

При основании Петербургской Академии некоторые западноевропейские учёные играли важную роль посредников, в первую очередь здесь следует назвать Христиана Вольфа, профессора философии в Галле. После получения приглашения ещё в 1720 году он сам долго колебался и не мог решить, хочет ли он отправиться в Петербург. В 1723 году он окончательно отказался от приглашения, но сохранил контакты с Лаврентием Блюментростом, который был выдвинут на пост президента Академии, и взял на себя задачу поиска подходящих учёных в Западной Европе, ведь в самой России ещё не было учёных. Задачи были распределены следующим образом: Вольф посылал Блюментросту предложения или напрямую вступал в переговоры с кандидатами. В случае достижения договоренности русские представители за границей, которые получали деньги для первой выплаты жалования, заключали с учёными контракты. Особую активность проявлял посол в Берлине граф Александр Головкин, который привлёк в Академию, среди прочих, Якоба Германа и рекомендованного последним профессора механики Иоганна Георга Лейтмана.¹ С Германом конкретные переговоры вёл Блюментрост. Сначала Герман отказался от предложения. Но вскоре поинтересовался конкретными условиями и написал Головкину, что готов поступить на работу в Петербургскую академию, если ему предоставят такие же условия, какие были предложены Вольфу. Отказ Головкин получил от базельского историка Иоганна Рудольфа Вальдирха (1678–1757), которого прочили на должность историографа.²

По поручению секретаря Академии Христиана Гольдбаха Вольф обратился также к Иоганну I Бернулли. Хотя сам Бернулли не выразил готовности принять приглашение, это обращение всё же косвенно принесло желаемый результат: Иоганн Бернулли рекомендовал на предложенное ему место своего сына. Поскольку как Николай, так и Даниил восприняли это предложение на свой счёт, то Гольдбах принял на работу в Академию обоих.³

¹ *Amburger, Beziehungen*. S. 32 ff. Он также описывает, как немецкие профессора Академии привлекали в Петербург других учёных из Германии.

² Там же. S. 33.

³ См.: *Mumenthaler, Armuth*. S. 60 и следующая глава о мотивах.

С ботаником Иоганном Амманом также уже были согласованы условия контракта.¹ Контакт с ним установил в 1731 году член Петербургской академии Герхард Фридрих Миллер (Мюллер) во время путешествия по Западной Европе в поисках новых профессоров. Знаменитый профессор из Лейдена, Герман Бургаве, порекомендовал Миллеру Саломона Геснера из Цюриха, а также Аммана. После отказа цюрихского учёного Миллер обратился к Амману, который тогда работал в Лондоне. Тот также сначала отклонил предложение, но вернулся к нему через два года, когда условия его работы в Лондоне ухудшились.

Многочисленные учёные сразу обеспечили дальнейший приток, привозя с собой молодых учёных, которые обычно уже через короткое время совершали скачок в карьере, становясь из адъюнктов профессорами.² К их числу относится Эйлер, приглашённый через братьев Бернулли.

3.2. Посредничество российских швейцарцев

Ситуация, сложившаяся в Академии в XVIII веке, представляется очень показательной для демонстрации тесных личных контактов в среде учёных. Изобразим тесное переплетение связей швейцарцев между собой с помощью диаграммы.

Мы видим, что только Амман и Герман стоят вне этой «сети». Остальные, оказавшись втянутыми в «сеть», тянули за собой следующих. Особой роли секретарей Академии И.А. Эйлера, Николая Фусса и Пауля Генриха Фусса посвящена отдельная работа.³ В их обязанности входило поддержание контактов с корреспондентами и забота о заполнении вакантных профессорских должностей.

Особенно плодотворной оказалась связка Эйлер (в Санкт-Петербурге и Берлине) — Даниил Бернулли (в Базеле). Однажды Даниил Бернулли прислал Эйлеру список способных швейцарских учёных, а тот переправил его в Россию, в терминах современного спорта это называлось бы трансфертным списком.

«Я прилагаю к письму сообщение от нашего здешнего господина Бернулли, в котором приводятся сведения о некоторых способных учёных в Швейцарии, которые могли бы принести пользу Императорской Академии, о чём ожидаю дальнейших указаний».⁴

Ещё в 1735 году Бернулли по поручению Эйлера искал подходящих адъюнктов в Швейцарии.

«Господин Мула уверяет, что с удовольствием пошёл бы на службу в Академию, если бы это можно было бы сделать с согласия господина Шафировва. Он вполне подошёл бы на должность секретаря. Я серьёзно озабочился поиском адъюнктов по математике, но до сих пор без успеха. В частности, моё внимание привлёк господин Венц⁵, который мог бы достичь больших успехов за короткое время, если бы сконцен-

¹ Там же. S. 60f, 64 f.

² Бюльфингер привёз с собой Майера и Гросса, Дювернуа — Вейтбрехта и Крафта, Байера сопровождал Пашке, а Мартини — Шеслер.

³ *Mumenthaler*, Sekretäre. S. 429 f. Более подробно я остановился в этой работе на заключении контракта с Якобом II Бернулли.

⁴ *Stieda*, Übersiedlung. S. 59 цитируется по Пекарскому, который, в свою очередь, цитирует оригинал из Архива Академии.

⁵ Людвиг Венц (1695–1772), математик из Базеля.

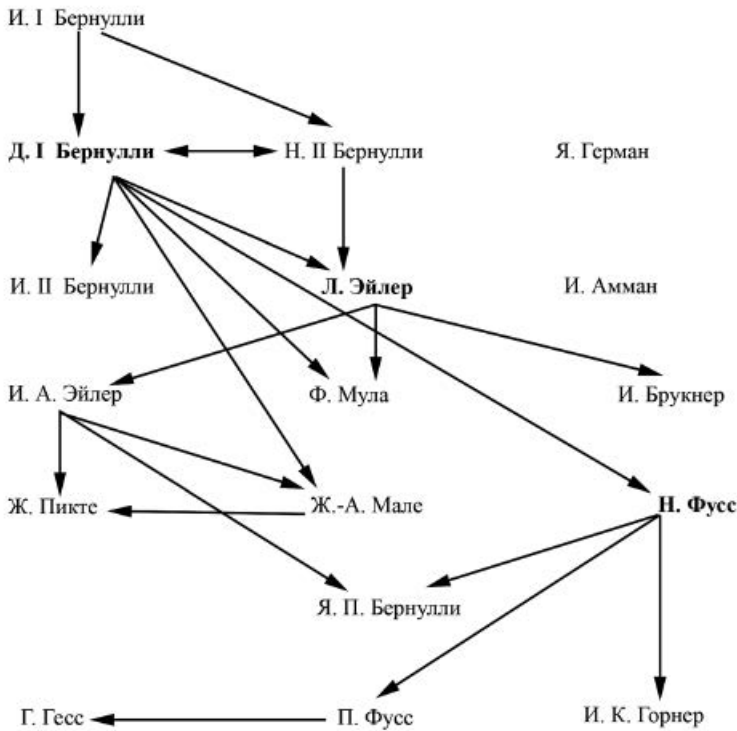

Рис. 2. Каналы приглашения швейцарцев в Академию

трировался на одной математике: но он не проявляет большого желания, так как лекциями по математике и праву может зарабатывать здесь свой хлеб [...] поэтому я обратился к Вашему отцу, когда он был здесь и жил по соседству с господином Венцем, с просьбой поговорить с господином Венцем, который ответил, что я говорил ему о 300 рублях, а этого недостаточно, чтобы уговорить его на такие огромные перемены, на что я опять попросил передать ему, что, может быть, ему предложат и несколько больше и что он сможет быстро сделать карьеру. Вы же сами знаете этого господина Венца: если Вы полагаете, что следует продолжать настаивать, то по приказу господина камергера он охотно согласится [...]. Можно было бы вести переговоры ещё с несколькими приезжими, в частности, с неким господином Кёнигом из Берна, который довольно долго посещал лекции у моего отца и у меня и хорошо продвинулся в математике, но пока я не буду знать окончательные и максимальные условия, я не хочу заниматься этим делом».¹

Спустя несколько месяцев Мула прибыл в Петербург и представил Академии несколько своих работ. Он произвёл хорошее впечатление, и в начале следующего года его приняли на работу в Академию в качестве ассистента Эйлера.²

Эйлер был посредником и при приглашении Исаака Брукнера, который с 1733 г. по 1748 г. работал в Санкт-Петербургской академии в должности мастера математических инструментов. Брукнер ещё в 1727 году выражал желание вме-

¹ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit L. Euler, N.10: DB an LE, Basel 4.5.1735.

² Пекарский, История I. С. 572.

сте с Эйлером отправиться в Петербург. Эйлер высоко ценил его работы по географии и хвалил его умение изготавливать географические карты и оптические инструменты. Но Даниил Бернулли вынужден был прислать из Петербурга отрицательный ответ, в котором говорилось, что из-за сложившихся в Академии условий он не может дать Брукнеру никаких твёрдых обещаний.¹ Но вторая попытка удалась.²

Наряду с успешными приглашениями был и целый ряд неудачных переговоров. В 1736 году Бернулли рекомендовал Академии состоявшего с ним в родстве астронома Респингера из Базеля, который вынужден был эмигрировать, по всей вероятности, из-за долгов: «его злополучные обстоятельства в семье (которая прежде пользовалась большим уважением и почётом) вынуждают его искать работу за рубежом».³ Однако договоренность достигнута не была.

В 1737 году он сообщил в Петербург, что некий господин Кёниг (вероятно, речь идёт о Самюэле Кёниге) из Берна выразил готовность занять в Петербурге должность, которую несколько лет назад ему предлагал Вольф.⁴ Впоследствии Кёниг также собирался прислать несколько своих работ, но на следующий год снова отказался от этих планов.⁵ Базельского математика Людвига Венца, о котором Бернулли писал в процитированном выше письме, в 1742 году Эйлер хотел сделать своим преемником в Академии.⁶

После отъезда из Петербурга Эйлер не прекратил свою посредническую деятельность. Бернулли и Эйлер чувствовали ответственность за Академию, даже когда уже не работали в ней. Бернулли писал: «Для того чтобы Петербургская Академия вернула себе доверие и уважение, мы оба должны сделать всё возможное за рубежом [...]».⁷ Более половины немецких учёных, принятых на работу в Академию в период с 1741 по 1766 год, попали туда по рекомендации Эйлера или с его помощью.⁸ Из Берлина Эйлер рекомендовал для работы в России не только немецких, но и молодых русских учёных, которые проходили обучение в немецких университетах.⁹ Он и его переписка являли собой своего рода золотой мост между обеими крупными академиями. Будучи, так сказать, «полномочным представителем» Петербургской академии, он выполнял многочисленные поручения, в том числе приобретал книги и инструменты.¹⁰ Хотя Эйлер предложил также кандидатуры нескольких швейцарцев на занятие вакантных профессорских должностей, но в период его пребывания в Берлине никто из них не поехал работать в Петербург.

В 1753 году Эйлер вступил в переговоры с базельским механиком Иоганном Дитрихом, который в своё время получил аттестат у Даниила Бернулли.¹¹

¹ Euler, Briefwechsel. S. 17, N.93 und 94, LE an DB vom 18.1.1727 und von DB an LE vom 18.2.1727.

² Там же. S. 186, No.1051 vom 15.3.1732.

³ BEBS, Ordner D.Bernoulli mit Akademie, DB an Schumacher, Basel 12.9.1736.

⁴ Там же. DB an AN, Basel 29.9.1737.

⁵ Там же. DB an AN, Basel 28.12.1737 und 9.8.1738.

⁶ Euler, Briefwechsel. S. 52 N. 234 vom 16.1.1742.

⁷ BEBS, Ordner D.Bernoulli mit L.Euler, No. 66: DB an LE, Basel 29.8.1744.

⁸ Речь шла о Х.Г. Кратценштейне, И.А. Брауне, Ф.У. Эпинусе, И.Э. Цейгере, И.Г. Лемане и К.Ф. Вольфе. *Kopelevi*, Euler. S. 380.

⁹ Пекарский, История I. С. 275.

¹⁰ *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 381.

¹¹ Euler, Briefwechsel. S. 389, No. 2322, vom 20.11.1753.

Но Дитрих, получивший известность благодаря изготовлению искусных магнитов, остался в Базеле. Тем не менее, по совету Эйлера Академия решила приобрести несколько его магнитов.¹

Без стараний Эйлера в Петербургской академии, вероятно, никогда бы не было секретарей из Швейцарии, потому что именно он устроил в Академию как своего сына Альбрехта, так и Николая Фусса. Иоганн Альбрехт сопровождал своего отца в поездке из Берлина в Петербург в 1766 году. Леонард Эйлер поставил условием своего возвращения зачисление собственных сыновей на подобающие должности, что и было ему обещано.

Даниил Бернулли посоветовал своему племяннику, Иоганну III Бернулли, работавшему в Берлинской академии, отправиться в Петербург, как это сделал Эйлер:

«Если мой племянник захочет последовать моему совету, то он также постарается поступить на службу к этой великой императрице, вместо того чтобы оставаться на такой службе, которая способна привести молодого учёного в уныние. Если Вы сможете найти ему место в России с подходящим жалованием, то я первым посоветую ему, не раздумывая, принять такое предложение. У меня сохранилась любовь к этой стране, где я заложил основы счастливой и благополучной жизни. Я уверен, что мой племянник окажется достойным той должности, которую доверят ему, и что со временем он даже сделает ей честь; я также полагаю, что при той необходимости в поддержке, которую Вы испытываете, он сможет оказаться Вам полезным, будь то в проведении наблюдений или экспериментов и расчётов, или же своим пером, его умение писать вовсе недурно».²

Ранее Эйлер писал в Базель своему коллеге, что в настоящее время Академия ищет естественника.³

Когда Эйлер почти полностью потерял зрение, ему потребовался постоянный помощник. В поисках такого человека он обратился в 1772 году к Даниилу Бернулли, который порекомендовал ему своего ученика Николая (Никлауса) Фусса.⁴

Благодаря усилиям Бернулли Петербургская академия приняла на работу ещё двух швейцарцев. Женевский астроном Жак-Андре Малле в 1767 году проявил большой интерес к французской экспедиции, которую планировалось провести через 2 года с целью наблюдения за Венерой.⁵ Но ему было отказано в участии, так как Франция собиралась отправить в экспедицию только одного астронома с одним сопровождающим, а оба кандидата уже были утверждены. Член Парижской академии Лаланд посоветовал Малле обратиться к секретарю Петербургской академии, так как в России вряд ли было достаточно астрономов, подходящих для участия в запланированных экспедициях.⁶ Малле сначала связался с Даниилом Бернулли и попросил дать ему рекомендацию. Тот охотно выполнил просьбу, однако не в форме рекомендательного письма, которое, по его мнению, могло не принести желаемого результата:

¹ Там же. S. 392 f., No. 2346 vom 27.7. und No. 2351 vom 16.8.1754.

² BEBS, Ordner D. Bernoulli mit L. Euler, No.93: DB an LE, Basel 7.3.1767.

³ Там же. No.94: LE an DB, SPb. 22.11.1767.

⁴ РБС, т. XXI. С. 256. Набросок автобиографии находится в Архиве Академии. *Лысенко*, Фусс. С. 13.

⁵ *Wolf, Mallet*. S. 251.

⁶ О причинах см. главу о научных экспедициях.

«Я знаю, какими бесполезными бывают рекомендации и аттестации в таких случаях; поэтому я предпочёл представить дело как свою собственную идею, и я думаю, что мои связи с Академией дают мне право поступать так».¹

Даниил Бернулли, несомненно, был правильным посредником для дела Малле. Самого Бернулли о намеченном предприятии проинформировали ещё в июле 1767 года.² Он дал Малле несколько ценных советов, зная, что тому придётся ждать ответа минимум два месяца, так как дело пройдёт через множество рук, а письма шли долго. Самому Малле нужно было только написать в Петербург, если он действительно хочет предпринять утомительное путешествие.³ В тот же день Бернулли направил письмо секретарю Академии Штелину, который ознакомил с ним членов Совета на заседании 5 октября:

«Дело, которое заставляет меня сейчас оказать себе честь писать Вам, касается академических экспедиций для наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца, о чём Вы были так любезны сообщить мне. Господин Эйлер тоже пишет об этом и сообщает мне, что для этого великого предприятия хорошо было бы пригласить знающего астронома. [...] Я немедленно взял на заметку господина Малле из Женевы, который раньше был моим учеником и достиг больших успехов в математике; затем этот способный математик обратился к астрономии и имел возможность совершенствоваться в этой точной науке в Англии и во Франции, при этом как в теории, так и в практике. А Вы, мой господин, знаете, что одновременное изучение обоих аспектов столь же редко, как и важно. Поэтому я решил навести справки о господине Малле, будучи убеждённым в том, что он сможет принести большую пользу. Я был действительно хорошо проинформирован о том, что могло помешать ему взяться за эту утомительную и неприятную задачу; единственный сын в почтенной семье, живущей в большом достатке. Кроме того, он стеснён физически из-за того, что одна нога у него короче другой, и это ограничивает его свободу движений. Все эти обстоятельства казались мне не особенно благоприятными. Но, с другой стороны, я знал его горячее увлечение астрономией, которое позволит ему преодолеть все эти препятствия и все тяготы работы. В итоге я увидел, что он счёл мои идеи вполне резонными: он даже попросил меня прислать ему письмо для Вас, к которому он мог бы приложить своё письмо».⁴

Бернулли действительно подал дело так, как будто сам пришёл к мысли предложить кандидатуру Малле для участия в экспедиции. А Малле якобы дал себя уговорить, несмотря на некоторые аргументы против участия в столь рискованном и трудном путешествии. Когда Академия обратилась к Бернулли с вопросом, не может ли он порекомендовать хорошего химика, то в своём письме с отрицательным ответом он не преминул ещё раз порекомендовать астронома Малле.⁵ Члены Академии приняли совет своего коллеги. Академия предложила Малле 800 рублей в год и компенсацию расходов в экспедиции в размере 300 рублей. Он должен был взять на себя руководство одной из четырёх запланированных экспедиций на Север и проводить наряду с астрономическими измерениями географические работы по корректировке карт соответствующего региона. После завершения экспедиции он мог претендовать на место профессора в Академии.

¹ BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, DB an J.Mallet, Basel 12.9.1767.

² BEBS, Ordner D.Bernoulli mit Akademie, AN an DB, SPb. 7.7.1767.

³ BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, DB an J.Mallet, Basel 12.9.1767.

⁴ BEBS, Ordner D.Bernoulli mit Akademie, DB an Stehlin, Basel 12.9.1767; ср.: Протоколы II. С. 619.

⁵ Там же. DB an Stehlin, Basel 28.10.1767.

За столь успешное посредничество Малле был бесконечно благодарен своему базельскому учителю. Штелин попросил Малле послать Бернулли копию письма Академии, чтобы тот увидел, «какой весомой была его рекомендация в Вашу пользу».¹ По всей вероятности, Малле пришлось ещё уговаривать своего отца дать согласие на это предприятие, но и это препятствие он преодолел. 25 января конференц-секретарь Штелин зачитал письмо Малле, в котором тот сообщал о своём скором отъезде и «предлагает умелого помощника в астрономических и географических делах в лице своего земляка господина Пикте».²

«Было принято решение, ответить господину Малле, что он должен взять с собой господина Пикте для выполнения означенных функций. На дорожные расходы им будет выслан вексель на 500 рублей и потребовано, чтобы он, Малле, в ближайшее время сообщил, когда конкретно он собирается выехать из Женевы и прибыть в Берлин. Из своих астрономических инструментов он может взять, что сочтёт нужным, впрочем, Академия обеспечена всеми необходимыми запасами для всех запланированных экспедиций. Академия полагается на то, что он прибудет в первых числах следующего июня месяца».³

В апреле 1768 года Пикте и Малле отправились через Базель, Берлин, Данциг, Кёнигсберг, Мемель, Ригу и Нарву в Петербург, куда прибыли 28 мая⁴. Таким образом, рекомендованный Даниилом Бернулли Малле сам позаботился о том, чтобы ещё один женевец получил место в астрономической экспедиции.

С помощью этой разветвлённой сети взаимосвязей можно описать почти все приглашения швейцарцев в Академию в XVIII веке. Важным мне представляется, однако, тот факт, что члены Академии из Швейцарии никоим образом не ограничивались направлением в Россию только своих соотечественников. Для них практически не имело значения, шла ли речь о немцах, французах или швейцарцах.

Документы свидетельствуют о нескольких случаях, когда учёные добивались получения профессорской должности в России только ради карьерного роста на родине. Поэтому с 1810 года в России выбранный кандидат утверждался в должности только после прибытия в страну.⁵ Иоганн III Бернулли относится к числу тех, кто стремился получить приглашение в Петербург только с целью улучшения своих позиций в Берлине.⁶

---

¹ Там же. Stehlin an DB, SPb. 20.11.1767. Перевод с французского.

² Протоколы I. С. 629.

³ Там же. S. 629 f.

⁴ Wolf, Mallet. S. 254.

⁵ Stieda, Gelehrte. S. 12 f.

⁶ Amburger, Beziehungen. S. 128.

4. ЛИЧНЫЕ МОТИВЫ ЭМИГРАНТОВ

После того как мы рассмотрели объективный фон, побуждавший учёных к эмиграции, обратимся теперь к субъективным мотивам. В своих рассуждениях Л. Шельберт исходит из того, что объективные причины и внешние поводы сами по себе не приводят к эмиграции, что они должны слиться и превратиться в мотив в результате сложного, комплексного процесса.¹ Решение в пользу эмиграции принимается только после тщательного взвешивания положительных и отрицательных моментов. Определённую роль в принятии решения играет также иррациональный фактор, который определяется психикой потенциального эмигранта.

Благодаря удачно сложившейся ситуации с источниками мы можем в конкретных случаях до мельчайших подробностей проследить пути принятия решений. Рассматриваемая нами эмиграция элиты в принципе практически не отличается от эмиграции масс, так как и в этом случае эмигранты, по возможности, основательно оценивают аргументы за и против и удивительно хорошо информированы о той стране, куда они собираются эмигрировать.² Наша группа выделяется главным образом тем, что её мотивация лучше отражена в источниках. Это объясняется в первую очередь тем, что учёные чаще писали о своих мотивах в письмах или личных заметках. А документы известных личностей к тому же сохраняются чаще, чем свидетельства «простых людей». Постараемся выяснить, что скрывается за пышной фразой «он принял почётное приглашение в X». На этом психологическом уровне не всегда легко добраться до сути. Но одно совершенно очевидно: ни одному из эмигрантов решение не далось легко. С одной стороны, все сохранившиеся документы свидетельствуют о колебаниях и сомнениях, с другой стороны, в большинстве биографий лейтмотивом звучит главный довод в пользу эмиграции: намерение найти более широкое поле деятельности, в России в лучших материальных условиях полностью посвятить себя любимой науке.

4.1. Николай и Даниил Бернулли: отъезд в страну математики

Знаменательным представляется мне высказывание Ж. Эрета: «Николай Бернулли эмигрировал не в Россию, а в Математику».³ Когда он в 1715 году завершил юридическое образование, отец предложил ему, следуя семейной традиции, отправиться в путешествие по разным странам. В течение долгого времени Николай жил в Италии, где познакомился со многими учёными, «которые никогда не беседовали с ним о математике, поскольку он любил её тогда только ради собственного удовольствия».⁴ Затем он отправился в Париж, где заболел. Болезнь заставила Бернулли вернуться на родину и уделить больше внимания своему здоровью. В 1718 году он в Базеле занимался совершенствованием своих познаний в математике. Итальянские друзья пытались завлечь его в Италию, что им, в конце концов, и

---

¹ *Schelbert*, Einführung. S. 56.

² Там же.

³ RSA: Archiv Ehret, Bernoulli.

⁴ *D. Bernoulli*, Notice. S. 268. Перевод с французского.

удалось. Николай принял приглашение одного дворянина из Венеции, которого он должен был обучать математике. В Венеции он познакомился с Христианом Гольдбахом, с которым и позднее продолжал поддерживать отношения. После двух лет пребывания в Италии Николай по настоянию отца вернулся в Базель. Там он мог получить вакантную кафедру права. Но пресловутая базельская жеребьевка снова испортила всё дело. Хотя Бернулли и оказался в числе трёх кандидатов на профессорскую должность, но жребий выпал не ему. Вскоре освободилась аналогичная должность в Берне. Знания Бернулли оказались убедительными, и он получил место профессора права в высшей школе. Из его переписки с Гольдбахом видно, что работа в этой должности оставляла ему слишком мало времени для занятий математикой.¹

Ситуация в жизни Николая Бернулли удовлетворяла одному важному условию, определившему его согласие на предложение представителей Академии, а именно: на родине у него не было перспектив когда-нибудь интенсивно посвятить себя любимой науке. Очевидно, его любовь к математике была сильнее, чем возможность работать в должности профессора, одной из немногих предлагаемых тогда в Швейцарии за пределами Базеля. К Николаю Бернулли как вероятному кандидату на место профессора кафедры математики в создаваемой Петербургской академии обратился, по всей вероятности, И. Доппельмейер из Нюрнберга.² Но произошла досадная путаница, потому что Христиан Вольф написал Иоганну I Бернулли, что хотел бы пригласить его сына, не назвав, которого из сыновей он имеет в виду.³ Отец подумал, что приглашение относится к Даниилу, ведь Николай уже получил кафедру в Берне. Он, по-видимому, не предполагал, что тот был недоволен своей работой. Даниил описал эту ситуацию в некрологе на смерть брата следующим образом:

«Он был очень доволен своим местом и не помышлял оставить его; у него был хороший заработок и, помимо различных других удобств, жизнь на родине. Три года спустя он получил очень выгодное приглашение на место профессора математики в Санкт-Петербургской академии наук, которое сначала отклонил, но когда он узнал, что я получил такое же приглашение, то мы вместе решили, что каждый ответит согласием, чтобы иметь удовольствие быть вместе, удовольствие, цена которого была, по нашему мнению, не слишком высока, если учесть превосходные отношения, связывавшие нас».⁴

Первоначально в Академию предполагали пригласить только Николая. Когда же оба брата проявили заинтересованность, то Вольф, конечно, оказался в довольно неловком положении. Сгладить ситуацию удалось благодаря предложению Николая рассмотреть возможность приезда в Петербург обоих братьев. Письмо графу Голловкину ясно свидетельствует о неопределённости, в которой они пребывали.

«[...] мы до сих пор так и не поняли, кому из нас выпала почётная судьба. Было бы очень долго, мой господин, объяснять Вам все подробности, которые привели к этому недоразумению; достаточно сказать, что я узнал, что мне, поскольку я уже занимал государственную должность, предложили сумму в 1000 р., а моему брату — 800 р. Но мне всё ещё не до конца понятно, получил ли приглашение я, а мой брат должен был бы заменить меня в том случае, если я не приму предложения, или хотели пригласить нас

¹ *Fuss, Correspondance*. Bd. II. S. 162 f. N. Bernoulli an Goldbach, Bern 11.4.1723.

² *Григорян/Ковалёв*, Бернулли. С. 44.

³ См.: *Mumenthaler*, Keiner lebt in Armuth.

⁴ *D. Bernoulli*, Notice. S. 269. Перевод с французского.

обоих. В последнем случае нам было бы намного проще принять решение со столь далеко идущими последствиями, которые, так сказать, определили бы всю нашу последующую жизнь. Вместе мы чувствовали бы себя в Петербурге как на родине и чувствовали бы себя там ещё тем лучше, потому что надеемся, что совместными силами могли бы работать ещё плодотворнее и с большей пользой, так что в этом случае я бы без колебаний дал бы Вам обещание, что следующим летом мы приедем в Петербург».¹

Даниил упорно настаивал на своей версии, что Николай не поехал бы в Петербург без него, хотя их отец утверждал обратное. «Поверьте мне, мой господин, что он не сделал бы этого, потому что я знал его лучше, чем мой отец».²

Мне представляется интересным тот факт, что Николай Бернулли оставил хорошо оплачиваемую профессорскую должность в Швейцарии, должность, которая ему, собственно говоря, нравилась. Два момента оказались решающими для принятия приглашения: во-первых, в Петербурге он мог посвятить себя исключительно своей любимой математике и, во-вторых, отправиться туда вместе со своим братом.

4.2. Леонард Эйлер: в рай для учёных

Вскоре за братьями Бернулли в Петербург отправился друг студенческих лет их брата Иоганна II, которого они знали по проведённому вместе времени в Базеле, Леонард Эйлер. Эйлер уже проявил свой исключительный талант, например, приняв в 1726 году участие в конкурсе на лучшее рангоутное оснащение корабля, объявленном Парижской академией, и своей первой публикацией в «*Leipziger Akte*» в том же 1726 году.³ В 1725 году Эйлер очень сожалел о том, что не может сопровождать Даниила и Николая Бернулли, уезжавших в Петербург: «Когда осенью 1725 года господа Бернулли уезжали отсюда в Петербург, у меня уже была надежда уехать вместе с ними, но возникли препятствия».⁴

Но Даниил и Николай Бернулли сдержали своё обещание и уже вскоре после прибытия позаботились о приглашении своего базельского друга. Даниил ходатайствовал за него перед Академией:

«Вы нарисовали мне столь прекрасный портрет господина Эйлера, что я ожидаю, что он сослужит Академии хорошую службу. Его приглашают на 5 лет в качестве адъюнкта, и он будет заниматься науками под руководством члена Академии, который ещё будет назначен. Он будет получать годовое жалование 300 рублей, которое будет выплачиваться со дня его прибытия, и на путевые расходы он получит 300 рублей. [...] Сообщите ему, что через 5 лет его жалование будет увеличено, если он преуспеев в своих науках».⁵

В сентябре 1726 года Эйлер получил положительный ответ. Даниил Бернулли по поручению президента Академии Блюментроста пригласил его на место

¹ BEBS, Ordner Bernoulli mit AN, Niklaus II Bernoulli an Golovkin, Bern 28.2.1725. Перевод с французского.

² Fuss, Correspondance. Bd. II. S. 299. D. Bernoulli an Goldbach, SPb, 28.4.1729. Перевод с французского.

³ Spiess, Euler. S. 47.

⁴ Thiele, Euler. S. 29 ссылается на Schröder, Sammelband. S. 275.

⁵ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit AN, Unbek. an DB, SPb. 10.9.1726. Перевод с французского.

адъюнкта по физиологии.¹ В математиках потребности больше не было. Эйлер принял это предложение.² Но в 1727 году со своей диссертации, посвящённой природе звука, он подал заявление на освободившееся в Базеле место профессора физики. Как уже говорилось выше, попытка Эйлера получить место профессора в Базеле потерпела неудачу.³ Комментарий Фусса:

«К счастью для нашей Академии, жребий, который определяет в Базеле замещение как политических, так и академических должностей, был против Эйлера, который спустя несколько дней покинул своё отечество, чтобы отправиться в Петербург, где он нашёл поле деятельности, соответствующее той роли, которую ему предстояло однажды сыграть в мире науки, и где вскоре он проявил себя в полном соответствии с ожиданиями, которые пробудили в Академии его друзья и соотечественники Герман и Даниил Бернулли».⁴

Оглядываясь назад, Эйлер писал о возможной работе в Базеле:

«[...] Сюда со всем тщанием стремятся привлечь людей и предоставляют им возможность честного заработка. Кто бы захотел ещё и деньги платить за то, чтобы иметь право добровольно терпеть нужду в Базеле».⁵

Смерть Николая Бернулли поколебала решимость Эйлера ехать в Петербург. В этой связи отец написал ему, что лучше отправиться в неведомые края, чтобы иметь возможность работать в полную силу, чем прозябать дома в бесперспективной ограниченности.⁶ Даниил Бернулли, конечно, радовался встрече с другом и давал ему последние наставления на дорогу:

«Я надеюсь, ещё до окончания 3-го месяца, иметь удовольствие обнять вас. Только сразу спросите, где Академия или почтамт, а потом обо мне. Когда приедете в Любек и если у вас ещё останутся деньги, то не хорошо было бы ввозить их в страну, где вы их лишитесь; Вы могли бы, следовательно, если это не будет обременительно, истратить их на покупку некоторых необходимых мне вещей, как-то 15 фунтов кофе, ½ фунта хорошего чая и 1 фунта лучшего зелёного чая, ½ дюжины бутылок хорошего данцигского бренди разных сортов, если таковой найдётся в Любеке, одной коробки или 12 дюжин изящных табачных трубок, нескольких фунтов шоколада, нескольких дюжин колод игральные карт и изящной английской шляпы, не так уж много. Я с благодарностью возьму вам здесь ваши расходы».⁷

О том, каким уважением молодая Академия пользовалась в Республике учёных, свидетельствует высказывание Христиана Вольфа. Он поздравил Эйлера с тем, что тот отправляется в рай для учёных.⁸ Поездка продолжалась 7 недель и проходила по маршруту Майнц – Франкфурт – Любек и оттуда по Балтийскому морю в Петербург.⁹

¹ Соответствующее письмо можно найти в: *Fuss, Correspondance*. Bd. II. S. 409 и в: *Mumenthaler, Armuth*. S. 93.

² *Euler, Briefwechsel*. S. 17, No.91 vom November 1726; в 1734 г. Эйлер выражает желание получить в Базеле степень доктора медицины и намерение больше заниматься этой профессией: Там же. S. 18, No. 98 vom November 1734.

³ *Fellmann, Euler*. S. 24.

⁴ *Fuss, Lobrede*. S. 17.

⁵ *Fellmann, Euler*. S. 81, цитата из письма Л. Эйлера отцу от 25 мая 1734 г.

⁶ *Thiele, Euler*. S. 30.

⁷ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit L. Euler, No.4: DB an LE, SPb. 18.2.1727.

⁸ *Berliner und Petersburger Akademie*. Bd. III. S. 378. Wolf an Euler, Marburg 20.4.1727.

⁹ *Thiele, Euler*. S. 31.

Для Эйлера решающим фактором в пользу отъезда, безусловно, стала возможность в условиях стабильной материальной обеспеченности полностью окунуться в науки. И, по мнению Фусса, ни самому Эйлеру, ни учёному миру не пришлось сожалеть об этом шаге. Эйлер сам, как уже говорилось, стал центром притяжения для многих молодых швейцарцев, которые связывали большие надежды с возможностью находиться рядом с гением.

4.3. Иоганн Амман: с берегов Темзы на берега Невы

Иоганн Амман из Шаффхаузена после окончания учёбы и защиты диссертации в голландском университете в Лейдене у Германа Бургаве был рекомендован своим учителем в 1730 году Гансу Слоану, королевскому лейб-медику и президенту Лондонского королевского общества. Уже через год он был принят в Королевское общество и работал в кабинете естественной истории сэра Слоана.

В это время в связи с отъездом И.Х. Буксбаума в Петербургской академии освободилось место профессора кафедры ботаники. Поэтому Г.Ф. Миллер, уезжая в 1731 году за границу, получил поручение найти кандидатов на вакантные на тот момент профессорские должности.

По приезде в Лондон он узнал, что Амман не очень ладил со своим коллегой Мортимером Кромвелем. Поскольку Бургаве рекомендовал Аммана как единственного сведущего во всей естественной истории учёного, то Миллер передал ему предложение переехать в Санкт-Петербург. Но Амман сначала отказался. Когда же спустя год дело дошло до разногласий уже с его начальником, самим Слоаном, Амман был рад, что Миллер ещё не нашёл другого кандидата. Контракт Аммана с Академией был подписан 27 февраля 1733 года. Он предусматривал жалование 660 рублей в год плюс 180 рублей на квартиру, отопление и освещение.¹ Принимая во внимание возраст Аммана, можно сказать, что он получил примерно столько же, сколько Даниил Бернулли. Таким образом, побудительной причиной для отъезда в Санкт-Петербург в случае Аммана стало недовольство прежней работой. Не исключено также, что он отрицательно оценивал свои шансы на дальнейшее продвижение, так как находился в конфликте с начальником. Можно также предположить, что Аммана привлекала перспектива обработки растений Сибири и Дальнего Востока, собранных во время научных экспедиций Академии. Во всяком случае, уже вскоре после прибытия в Петербург он посвятил себя этой в высшей степени интересной в научном плане задаче.

4.4. Николай Фусс: по следам великого учёного

То, как Николай Фусс попал в Академию, было описано в предыдущей главе. Он колебался, стоит ли ему идти в ученики к гениальному соотечественнику без какой-либо уверенности в получении гарантированной должности. Ему было всего 16 лет, и расставание с отчим домом далось ему нелегко. Но для сына ремесленника в учёбе за границей не было ничего из ряда вон выходящего. В силу

¹ Пекарский, История. С. 493 и далее.

своего возраста Фусс относится скорее к мигрантам из числа студентов, чем специалистов. Эйлер предложил Фуссу заниматься с ним математикой, а Фусс должен был выполнять работу его помощника. Большого потерявший зрение корифей обещать не мог. Посоветовавшись со своими родителями и сестрой Эйлера, Фусс решил пойти на риск. В воспоминаниях он писал о мотивах, побудивших его эмигрировать. Посетовав на то, что не жажда знаний или поиски истины, а алчность являются движущими силами человеческих поступков, он дал следующее объяснение притоку иностранных специалистов в Петербург:

«Если и есть место на свете, которое привлекает к себе пристальное внимание далёких стран и где собираются представители всех народов, влекомые различными склонностями, так это — Петербург. Политики, солдаты, торговцы, учёные, все стремятся сюда, ведомые благодетельным гением, который дал этой империи власть, богатство, торговлю, искусства и науки, сюда, чтобы стать свидетелями и соучастниками исключительных деяний самодержицы, которая заслужила восхищение мира и почитание всех наций, которыми она управляет золотым скипетром (да пусть не будет он железным!)».¹

Если предположить, что это высказывание справедливо, по крайней мере, лично для Фусса, то его можно было бы интерпретировать, например, в том смысле, что в просвещённой монархии учёный имел больше надежд и перспектив, чем в республике. Монархи масштаба Петра I, Александра I или Екатерины II могли позволить себе тратить средства на такое учреждение, как Академия наук. Именно на примере карьеры Эйлера видно, что в то время в республиканском Базеле чисто научная деятельность была бы невозможна. Лишь в метрополиях — Берлине, Лондоне или Париже — существовали сопоставимые условия работы и возможности заработка.

Каким бы взвешенным ни было решение, оно не смягчило боль расставания. Фусс писал об этом, когда его младший брат покидал родной дом, чтобы отправиться на учёбу в Эрланген:

«То, что прощание было тягостным для тебя, я хорошо себе представляю, вспоминая, что творилось у меня на душе, когда почти 22 года назад я сядился в карету в Страсбурге, на подножке которой стоял отец со слезами на глазах, и карета прогремела по Рыбному рынку, а каждый оборот колёс, казалась, отрывал кусочек моего сердца. Время и ещё в большей мере надежда на встречу через несколько лет с теми, разлука с которыми была так болезненна для меня, смягчали эту боль. Правда, эта надежда, к сожалению, так никогда и не сбылась, но всё же только она в первое время поддерживала меня и спасала от тоски по родине».²

Некоторые сведения о том, как эмигрант оценивал свои перспективы на родине, можно почерпнуть из писем, где он высказывается о возможном возвращении. В принципе Фусс уже лелеял эту мысль, но больших надежд не питал. В своём письме от февраля 1777 года — Фусс не хотел, чтобы это письмо было зачитано вслух³ — он чётко высказывает своё мнение относительно ситуации в Базеле, где он не видит для себя шансов на такую же, как в Петербурге, карьеру.

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 95. Brief von N. Fuss, SPb. 12./23.8.1776.

² Там же. S. 234. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./12.12.1794.

³ Это указывает на то, что в то время письма переходили из рук в руки и зачитывались в кругу родственников и знакомых, и даже публично.

«Что я написал в своём письме от 8-го декабря о моём обеспечении на родине, было, сознаюсь, скромным желанием, лёгкого исполнения которого я сам себе не обещаю, так как мне везёт только в тарок и, следовательно, я не могу положиться на базельскую политическую лотерею. [...] Академическая должность в Базеле не слишком привлекла бы меня. Преподавать за 180 фунтов математику 8 или 10 молодым людям, которых никогда не будут волновать кривые и их природа, и будет ли вакантна именно такая профессура, когда я захочу вернуться, а если я не приеду раньше и не буду вынужден 3 раза вести научную дискуссию, для меня никто не сделает исключения и — если и сделают, то, может быть, всё произойдет, как с моим учителем. — Короче, должность профессора в Базеле, а именно математики, — это такая должность, которая 1. очень редко бывает вакантной, 2. которую нельзя получить без личного присутствия, 3. которая годится только для того, кому и так есть на что жить, 4. на которой можно отличиться, только будучи Бернулли, и которую никогда не получишь, 5. обязанности при исполнении которой лишены привлекательности, так как математика является наукой, которую в Базеле никто не хочет взваливать на себя, а иностранные студенты, которые занимаются ею, тоже редки. [...] В Базеле вообще очень мало должностей, которые подошли бы мне и которые принесли бы мне утешение быть действительно полезным. Но довольно об этом, мне ещё нет 24 лет, и я, следовательно, даже ещё не могу стать низшим полицейским чином, даже если бы захотел. Я делаю такую карьеру, когда при обладании знанием мира и людей, хорошими манерами и фигурой нет недостатка в покровителях. В год моего двадцатилетия небеса уже дали мне обеспеченность и возможность проявить себя с хорошей стороны, чего иной представитель видного семейства и таких же способностей должен ждать значительно дольше, и всё это вместе означает, что я, будучи уверен в дальнейшем руководстве свыше, с надеждой смотрю в будущее. Если мне повезёт, и небеса приведут меня обратно на родину, в лоно родителей и друзей, то я всегда буду считать это исключительным благодеянием всевышнего; если этого не случится, то страна, где мне хорошо, будет моим отечеством. Поскольку у меня есть свой круг деятельности, я могу без препятствий и с радостью выполнять обязанности честного гражданина мира, и если уж приступ ностальгии и тоски по воздуху, глоток которого был первым в жизни, охватит меня, то никакие непреодолимые препятствия не помешают на время вернуться (домой). Короче, я доволен своей судьбой и надеюсь, что у меня будут на то основания всегда, пока я остаюсь в рамках разумных желаний и потребностей».¹

Когда в 1782 году Академия оказалась в состоянии тяжёлого кризиса, Фусс не упустил бы благоприятного случая вернуться в Базель. Он одобрил также действия отца, который внёс его в список кандидатов на занятие «государственных должностей».

«Может быть, счастье собирается сыграть со мной удачную шутку и вернёт меня в Ваши объятия и в моё спокойное отечество навсегда, чтобы я смог вознаградить Вашу отцовскую любовь, участвовать в воспитании моего брата и проводить часы отдыха в занятиях моей любимой математикой. Но, вероятно, среди всех государственных чиновников найдётся всего один, может быть, пара человек, для которых хоть что-то значит идея вернуть родине добросовестного и знающего соотечественника [...], который в ином случае будет потерян для неё навсегда. Потому что, если предположить, что моё нынешнее место пребывания совсем опустыляет мне, то я считаю, что в моей власти отправиться в иное место. В средствах у меня не может быть недостатка. Но поскольку учёные редко обретают богатство, и меньше всего в Петербурге, то я могу избрать Базель местом жительства только в том случае, если он сам даст мне заработок».²

---

¹ Там же. S. 124. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15./26.2.1778.

² Там же. S. 165. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1782.

Лишь после получения звания ординарного профессора у Фусса пропало желание возвращаться на родину. В 1790 году отец снова внёс его в список кандидатов по выборам городского писаря, что его сын вполне одобрил, хотя шансы на успех были невелики. Писарь Совета Мехель был против этой кандидатуры и выступил с предложением, чтобы Фусс участвовал в конкурсе на место профессора математики. Но Фусс отверг его:

«Предлагая меня в качестве математика (разве Иог. П. Бернулли умер?), этот добрый человек, вероятно, не подумал о том, что выборщики и в этом случае имеют связи, которые влияют на их голоса, что я больше не могу сделать богатую партию и что я не смогу подрабатывать столько, сколько было бы желательно, чтобы можно было жить при таком низком окладе. На содержание в 200 рублей, в котором наша Академия мне, вероятно, не отказала бы, тоже не разбогатеешь в городе, где частными уроками можно заработать мало или ничего. Кроме того, я должен доверительно признаться Вам и ему, что я испытываю лёгкое отвращение к педантичным уставам всех старых университетов. Это неприятие не играло бы никакой роли, если бы у меня было достаточно средств на жизнь и перспектива приносить пользу, ибо только в этом случае должность на моей родине желанна для меня».¹

Со всей отчётливостью в этих фрагментах из писем проявляются достоинства и недостатки Петербурга и родного города. Базель по-прежнему привлекает Фусса, потому что является олицетворением родины. Но шансы на получение должности, которая хоть в какой-то степени соответствовала бы его положению в России, были бесконечно малы. Даже должность профессора математики в университете не гарантировала бы ему материального благополучия, в то время как в Петербурге он кормил многочисленное семейство (благодаря дополнительным заработкам, о которых мы расскажем в дальнейшем).

4.5. Отвергнутые приглашения

Приглашения, каким бы «почётным» оно ни было, было ещё далеко не достаточно для того, чтобы рассеять все сомнения, связанные с решением об эмиграции. Поэтому швейцарские учёные нередко отвечали отказом на предложения российской стороны. Случаи отказов представляются мне весьма показательными для выявления вероятных мотивов эмиграции и аспектов, определявших то или иное решение. Оставшиеся в Швейцарии учёные также находились под воздействием переплетения как факторов, определявших привлекательность работы за рубежом, так и факторов, вынуждавших их уехать или остаться.² Просто последние были весомее тех сил, которые влекли за границу.

Уполномоченные представители Академии получали отказы швейцарских учёных: Саломон Гесснер, рекомендованный в 1731 году своим учителем Бургаве на должность профессора ботаники, отказался по семейным обстоятельствам.³ Томас Шплейс (1705–1755), математик из Шаффхаузена, получил приглашение в Петербургскую академию одновременно со своим

---

¹ Там же. S. 218. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.9./5.10.1790.

² См.: Модель на С. ...??.

³ Heller, Boerhaave. S. 69 f.

товарищем по учёбе Леонардом Эйлером. Но он отказался от него, предпочтя должность профессора математики в Шаффхаузене.¹ В 1747 году Эйлер обратился с запросом к Даниилу Бернулли, не примет ли тот повторное приглашение в Петербург.

«Поскольку Вы, мой достопочтенный господин, хотите знать, решусь ли я принять новое приглашение в Петербург, если таковое будет мне прислано, то ответом на то будет, что я при обдумывании сложившихся обстоятельств, сам бы не мог этого сказать. Я не чувствую себя связанным со своим отечеством; но я бы не решился покинуть его, прежде чем не буду полностью уверен в том, что в Академии всё в порядке».²

После такого обдуманного, ещё неокончательного ответа Бернулли получил формальное приглашение.

«Так как нынешняя ситуация в Базеле неприятна мне сверх всякой меры, то последнее письмо побудило меня к тому, чтобы обсудить с отцом эту вакансию. Но вопреки всем предположениям, он всеми силами отговаривал меня и заклинал не предпринимать таких перемен, пока он ещё жив, а жизнь его, по его мнению, подходит к концу; он ещё добавил, что я в таком возрасте, что мне или вообще не надо уезжать, или я могу со всем своим добром уехать навсегда, и поэтому лучше сначала дожидаться будущего наследства, которое теперь не заставит себя долго ждать».³

Но петербуржцы не сдались даже после этого отказа. Образно выражаясь, они ковром выстлали путь Бернулли в Академию. Предложение включало жалование 1500 рублей и должность профессора механики для его брата Иоганна II с окладом 800 рублей. Причины повторного отказа не были поняты, в Петербурге полагали, что произошло какое-то недоразумение. И Академия пошла ещё дальше и предложила на этот раз 1600 рублей в год, бессрочный контракт, к тому же теперь речь шла ещё и о должности конференц-секретаря Академии.⁴ В ответ Бернулли написал Эйлеру: «Я получил письмо от господина Теплова, в котором он надеется убедить меня принять приглашение в Петербург; я сослался на своё всё ещё слабое здоровье».⁵ Одной из причин, по мнению О. Шписса, могло быть наследство, которое Бернулли получил после смерти отца в 1748 году и которое принесло ему материальную независимость.⁶

Известный бернский математик Самюэль Кёниг также рассматривался в качестве кандидата на должность в Петербургской академии. Но в 1741 году Даниил Бернулли высказал мнение, что Кёниг хорошо обеспечен в Берне и поэтому вряд ли согласится переехать в Петербург. Однако в 1744 году ситуация изменилась, Кёниг вместе с Самуэлем Генци был изгнан из Берна за то, что они потребовали принятия новой формы выборов в Совет 200. Бернулли и Эйлер выступили за кандидатуру Кёнига и хотели добиться для него места астронома в Берлине или Петербурге. В 1744 году Кёниг из Утрехта писал Галлеру об усилиях, пред-

¹ *Fueter*, Geschichte. S. 149. Предположительно в высшей школе в Шаффхаузене.

² *Fuss*, Correspondance. Bd. II. S. 619. D. Bernoulli an Euler, Basel 29.4.1747.

³ Там же. S. 626 f. D. Bernoulli an Euler, Basel 22.9.1747.

⁴ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit Akademie, AN an DB, SPb. 26.3.1748.

⁵ *Fuss*, Correspondance. Bd. II. S. 632. D. Bernoulli an Euler, Basel 15.5.1748.

⁶ *Spiess*, Euler. S. 104.

принимаемых Эйлером: «он использует всё своё красноречие, чтобы уговорить меня приехать в Петербург».¹ Однако Кёниг остался в Голландии.

Жан-Филипп Луи де Шезо, исключительно талантливый астроном, также отказался от приглашения Академии. Его пошатнувшееся здоровья, к сожалению, не было отговоркой, он скончался в возрасте 33 лет.²

4.6. Мотивы в виде модели

Разнообразные факторы, которые в значительной степени повлияли на решение каждого учёного, обобщим в виде модели. При этом хотелось бы выйти за рамки обычного анализа факторов, побуждавших к эмиграции, потому что при таком ограничении от внимания ускользают те аспекты, которые обусловили принятие решения *против* эмиграции. Такие аспекты особенно чётко выявились в случаях отказа от приглашений, но эмигрировавшие учёные тоже не могли не рассматривать их. Эмигранты находились в поле напряжения удерживающих, выталкивающих и притягивающих сил.

	Эмиграция – «нет»	Эмиграция – «да»
Швейцария	семья надёжная работа любовь к родине здоровье факторы, удерживающие на родине	факторы, побуждающие к эмиграции отсутствие должности личные проблемы отсутствие перспектив отсутствие социального престижа
Россия	языковые проблемы неуверенность тяготы путешествия, климат риск факторы, побуждающие к отказу	факторы привлекательности карьера возможности роста приключение, любознательность социальный престиж

В эту модель можно интегрировать также фактор времени. Потому что те факторы, которые связывают потенциального эмигранта с родиной, позднее могут побудить его к возвращению. Часто эмиграция является только шагом в карьере, который будет способствовать повышению социального престижа на родине. И хотя это характерно в первую очередь для офицеров на зарубежной службе, но справедливо также и для некоторых учёных. К числу швейцарцев, которые заложили фундамент своей последующей карьеры на родине, относятся Даниил Бернулли, Якоб Герман, Малле, Муральт и Пикте. Другие продолжили

¹ Wolf, Biographien. Bd. II. S. 158. Перевод с французского. Позднее между ним и президентом Берлинской академии Мопертюи произошёл научный спор. При этом Эйлер сыграл бесславную роль, приняв сторону Мопертюи и дезавуировав Кёнига. Зульцер, напротив, встал на сторону Кёнига, но это принесло тому мало пользы, так как суждение Эйлера было решающим. Там же. S. 172 f.

² Де Шезо (1718–1751) из Лозанны. См.: Wolf, Biographien. Bd. III. S. 241–256.

свою карьеру в Германии, как, например, Леонард Эйлер. В редких случаях спираль разворачивалась ещё дальше: Российская империя повторно завлекала учёных ещё лучшими перспективами и условиями работы. Эйлер сдался, а Даниил Бернулли удовлетворился прошлым опытом.

В заключение можно сказать, что большинство швейцарских учёных благодаря миграции достигли повышения социального престижа или, по крайней мере, надеялись на это. Быструю карьеру сделали те из них, кто получили приглашение в Академию в качестве профессоров. Для некоторых это приглашение стало первой постоянной работой в научном учреждении,¹ другим оно принесло позитивные качественные изменения в их научной деятельности.² Не все сразу удостоились посвящения в высокий сан. Тем не менее, с эмиграцией многие связывали обоснованные надежды на быстрое продвижение. Получив сначала должность ассистента или личного секретаря, они за короткое время совершали скачок к получению кафедры.³ Разочарования, например, Мула или Иоганна II Бернулли были скорее исключением. Серьёзных намерений сделать карьеру в России не было у некоторых временных эмигрантов, которые мечтали только об успехе на родине. В первую очередь это касается учёных-путешественников Малле и Пикте. Они использовали своё реноме для успешной карьеры в Швейцарии, и не только в качестве учёных, но и политиков.

В этом смысле пример швейцарских учёных подтверждает тезис, согласно которому пространственная мобильность зависит от социальной: по всей вероятности, без перспектив укрепления своего престижа в обществе лишь очень немногие швейцарцы покинули бы свою родину.

---

¹ Даниил Бернулли, Иоганн Альбрехт Эйлер.

² Никлаус Бернулли, Якоб Герман, Иоганн Амман.

³ Леонард Эйлер, Никлаус Фусс, Якоб Бернулли.

5. ШВЕЙЦАРЦЫ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ

О годах основания Петербургской Академии наук написано уже много. Едва ли не слишком много, чтобы снова останавливаться на этом вопросе в нашем исследовании. Публикацией материалов, протоколов первого века её существования и подробным исследованием Пекарского о первых годах деятельности Академии российская наука уже давно полностью раскрыла эту тему.¹ Однако даже бесчисленные последующие работы, посвящённые Эйлеру и первому этапу истории Академии, не могут прояснить всех вопросов. Предметом этих исследований была почти исключительно научная деятельность в стенах Академии, при этом без внимания оставался аспект условий жизни в молодом северном городе. Помимо незначительного интереса, проявленного к социально-историческим вопросам, решающую роль в этом, безусловно, сыграла и односторонняя ситуация с источниками: за исключением сохранившихся и по большей части опубликованных официальных документов, главным образом протоколов и переписки Академии, имеются лишь отрывочные, точечные сведения о жизни учёных. Письма того времени практически не содержат такой информации. Это справедливо, по крайней мере, в отношении тех швейцарских учёных, жизнь которых я изучал. Не удалось найти частной корреспонденции, содержащей информацию приватного характера, поэтому в этом плане трудно делать какие-либо выводы об условиях жизни швейцарцев в Петербурге первой половины XVIII века.

В то время у молодого города было мало общего с будущей великолепной столицей. Хотя Доменико Трезини уже начертил генеральный план города, но прошло ещё много времени, прежде чем он был воплощен в жизнь.² Места будущих загородных резиденций были покрыты болотами и лесами, остров учёных — Васильевский остров — с «большой землёй» соединял единственный понтонный мост, только в летнее время. Большинство домов строили ещё не из камня, а берега Невы не были укреплены.³ Когда первые учёные прибыли в только что основанную Академию, главное здание ещё строилось. Однако жильё иностранным учёным было обеспечено: холостым предоставили в здании Академии меблированные квартиры. На первый месяц их также обеспечили бесплатным питанием. Те же, кто приехали вместе с семьями, получили квартиры недалеко от Академии.⁴

Молодому учреждению, ещё страдавшему детскими болезнями, огромные трудности доставляла внутривластная ситуация. Заявленная в первоначальном проекте автономия Академии на практике оспаривалась с самого начала. Уже в 1729 году Герман, Бюльфингер (Бильфингер)⁵ и Дювер-

¹ См. в библиографии: Протоколы, Материалы, а также *Пекарский*, История.

² О Трезини см.: Schweizer im Zarenreich. S. 300 ff. с библиографическими ссылками. Рекомендуется также каталог выставки: Domenico Trezzini e la costruzione di San Pietroburgo. Lugano, 1994; Швейцарцы в Петербурге. СПб., 2002.

³ Некоторое представление даёт план города 1738 г. у Штелина: *Stählin*, Papiere. S. 38.

⁴ *Spiess*, Euler. S. 55.

⁵ Георг Бернгард Бюльфингер (Бильфингер) (1693–1750) считался одним из самых уважаемых учёных в Академии. До приглашения в 1725 году на должность профессора логики и метафизики в Петербургскую академию он работал профессором морали и математики в университете Тюбингена. В 1726 году он перешёл на кафедру экспериментальной и теоретической физики.

Рис. 3. Первое здание Академии, Кунсткамера, построена в 1734 году.
В её башне находилась первая обсерватория

нуа¹ обратились к Блюментросту с жалобой на самоуправство библиотекаря Даниила Шумахера. Позиции последнего стали ещё сильнее, когда президент Академии вместе с царским двором уехал в Москву. Фактическое руководство Академией перешло к Шумахеру. Жалоба имела столь же мало успеха, как и прошение всех членов Академии, протестовавших против подчинения бюрократам.² В 1733 году профессора сомкнутыми рядами выступили против господствующей организационной системы, что было направлено в первую очередь против секретаря Шумахера. Швейцарский ботаник Иоганн Амман не принимал участия в нападках на своего тестя.³ Шумахер заручился поддержкой главным образом более молодых академиков, продвигая их по службе. Благодаря поддержке двора Шумахер выдержал все атаки. 35 лет он властвовал в Академии — и изгнал немало уважаемых учёных. Особенно страдал от него великий русский учёный М.В. Ломоносов. Необходимость оказывать различные услуги двору и вмешательство цензуры⁴ также мешали учебной и исследовательской работе. Эйлеру пришлось заниматься проблемой подъёма большого колокола на колокольню Кремля, Крафт должен был даже состав-

¹ Иоганн Георг Дювернуа (1691–1759) из Монбельяра, в 1725–1741 гг. профессор анатомии, хирургии и зоологии.

² В 1732 году Делиль, Д. Бернулли и Дювернуа потребовали, чтобы решения принимались коллегиально, а не только Блюментростом и Шумахером.

³ *Mumenthaler*, *Armuth*. S. 98–100.

⁴ История АН. С. 47.

лять гороскопы и прогнозы погоды для императрицы Анны.¹ Такого рода разовые поручения, например, рецензии, оплачивались отдельно и позволяли увеличивать заработок. Эйлер активно пользовался этими возможностями.² Из-за многочисленных праздничных дней, а также из-за плохого транспортного сообщения с другими районами города нормальная работа часто была невозможна. По мнению Штелина, за исключением математики и физики, науки находились на удивительно низком уровне.

Аналогичное высказывание мы находим у Д. Бернулли в письме к И.А. Эйлеру, который в качестве секретаря Академии должен был рыться в архивах (предположительно для подготовки доклада к 50-летию юбилею): в анекдотах, относящихся к первым двум-трём годам существования, Академия предстает не в лучшем свете. Она ещё не была той блестящей корпорацией учёных (*illustre Corps*), какой стала в 1770-е годы. Бернулли дал краткую характеристику первых профессоров: Герман и Бюльфингер делали погоду, хорошую или плохую, и никогда не пропускали заседаний, равно как он (Д. Бернулли) и его брат. Остальные были «*Dii minorum gentium*» (богами младших родов — *Прим. перев.*), некоторыми из них были недовольны и хотели избавиться от них.³

При императрице Анне Иоанновне двор в 1732 году снова вернулся в Петербург, но это никак не повлияло на сильную позицию Шумахера. Отсутствие регламента (устава) способствовало произволу одного человека. Ситуация улучшилась при президенте И.А. Корфе, который провёл несколько реформ. Но и ему не удалось стабилизировать финансы, а Шумахер сохранил свой влиятельный пост.⁴ В 1740 году Эйлер выразил сожаление по поводу отставки Корфа, которого назвал великим покровителем Академии.⁵ Эйлер даёт некоторое представление о трудностях, испытываемых Академией:

«Что касается состояния Академии, то кажется, что именно математический класс всё больше и больше приходит в упадок из-за того, что и г[осподин] Крафт уедет в будущем году и не делается никаких попыток привлечь достойных членов. Считается, что таких людей можно найти очень легко. Ваше высокоблагородие, так же как я, поймут сложность этого дела. 4-ый том наших “Комментариев”⁶ уже давно подготовлен для печати, но печать ещё не начиналась. [...] Первый том моей “Механики” тоже полностью готов, но у меня нет надежды, что его здесь напечатают».⁷

После перечисления всех недостатков Академии следует задаться вопросом, почему позднее Эйлер пришёл к положительной оценке этого учреждения, которому, по его словам, он обязан всем, что он есть и что он знает.

«...я и все остальные, которые имели счастье некоторое время состоять при русской Императорской академии, должны признать, что мы стали теми, кем являемся,

¹ *Stählin*, Papiere. S. 50. Задание по астрономии сначала получил Эйлер, потом он смог перепоручить его астроному. *Spiess*, Euler. S. 79.

² *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 376.

³ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler: DB an JE, Basel 16.3.1776.

⁴ *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 374.

⁵ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit L. Euler, No.44: LE an DB, SPb. 12.4.1740.

⁶ *Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*

⁷ Там же. No.9: L. Euler an D. Bernoulli, SPb. um 1734.

благодаря благоприятным условиям, в которых находились там. Что касается лично меня, то при отсутствии этой великолепной возможности я вынужден был бы заниматься преимущественно другими исследованиями, в которых я, по всей видимости, стал бы только дилетантом. Когда Его Королевское Величество (имеется в виду Фридрих II. — *Р. М.*) недавно спросил меня, где я научился тому, что я знаю, то я ответил истинную правду, что всем я обязан своему пребыванию в Академии в Петербурге».¹

Главным положительным моментом, без сомнения, были научные дискуссии академической Конференции, где обсуждались преимущественно математические и физические темы. За исключением нескольких сбоев, там разворачивался плодотворный обмен мнениями, который значительно обогащал всех, но особенно молодых членов Академии. По сравнению с другими академиями петербургские заседания отличались весьма свободной формой, с докладами на них могли выступать все, даже адъюнкты.² Этой возможностью особенно энергично пользовался Эйлер, который после принятия в Академию своей активностью превосходил всех. Если его коллеги ограничивались одним — пятью докладами в год, то Эйлер в среднем представлял десять работ.³

Хорошие шансы карьерного роста для молодых членов Академии были обусловлены тем, что академики получали должности на определённый срок. Поэтому у них довольно быстро появлялась возможность заменить отъезжающего профессора. Но и без этих вакансий Академия обладала достаточной гибкостью, чтобы предоставлять многообещающей молодёжи достойные должности, благодаря созданию на кафедрах двух профессорских мест и позднее благодаря учреждению звания члена-корреспондента Академии.

Обратимся к обязанностям профессоров, закреплённым в уставе Академии. Действительным членам Академии вменялось в обязанность следить за научными публикациями и делать из них экстракты о научных открытиях, принимать активное участие в еженедельных заседаниях, проверять достоверность новых открытий, давать научные справки, составлять для студентов курсы на латинском языке, которые те должны были переводить на русский, участвовать в трёх ежегодных публичных собраниях и ежедневно читать одну часовую публичную лекцию.⁴ Задачи каждой кафедры были точно расписаны.⁵ Однако на практике профессора могли свободно выбирать темы научных исследований. Профессор физиологии Бернулли обращался к математическим и физическим проблемам, а его адъюнкт Эйлер занимался математикой и астрономией.⁶

Еженедельные собрания служили обмену мнениями между учёными. Каждый присутствовавший на собрании мог доложить о результатах своих исследований, которые затем выносились на дискуссию. Значимые доклады впоследствии

¹ Эйлер в письме Шумахеру от 18 ноября 1749 г. цитируется по: *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 373; *Пекарский*, История I. С. 264. Оригинал в СПФАРАН, ф. 1, оп. 3, д. 37, л. 317–318; см.: *Euler*, Briefwechsel. S. 369, No. 2198.

² В Париже, например, члены Академии даже рассказывались в собрании по ранжиру, адъюнкты за спиной своих руководителей. *Kopelevi*, Euler. S. 375.

³ Там же.

⁴ История АН. С. 32.

⁵ См.: Материалы. Т. 3. С. 564–583.

⁶ *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 375. ср.: Невская, Эйлер.

публиковались.¹ Но в 30-е годы академики всё чаще обсуждали административные вопросы.²

Нельзя не вспомнить о переписке, которая в XVIII веке имела особое значение, так как выполняла в то время функцию современных специальных журналов. В отличие от аналогичных учреждений за границей, Академия взяла на себя расходы по пересылке научной корреспонденции членов Академии. Получаемые от иностранных учёных письма зачитывались на Конференции. Особенно президент Корф поощрял международную переписку, в результате Эйлер, корреспонденция которого до 1735 года ограничивалась практически только Базелем, стал переписываться с учёными всей Европы.³

Важной возможностью информирования о трудах Академии были публикации, которые в Петербурге получали особую поддержку. От публикаций не ждали доходов, напротив, Академия несла расходы, компенсировать которые старалась публикацией популярных произведений. Успех не заставил себя долго ждать: труды Академии нашли широкий резонанс в Западной Европе.⁴

Несмотря на стычки между профессорами и профессором с администрацией, Академия предоставила учёным исключительные условия для научной деятельности. В качестве неоспоримых преимуществ наряду с плодотворными научными дискуссиями на заседаниях следует назвать, например, незначительную преподавательскую нагрузку и, следовательно, возможность эффективно заниматься исследованиями, и, как правило, отличное оснащение Академии (во всяком случае, на первом этапе и затем во времена правления Екатерины II). Не впадая в умозрительные рассуждения, можно утверждать, что швейцарские учёные на родине не могли бы найти сопоставимых условий. Этого мнения, как следует из приведённой цитаты, придерживался и сам Эйлер. А теперь обратимся к предшественникам Швейцарии среди первых членов Академии.

5.1. Якоб Герман, *Professor primarius*

Якоб Герман был принят в Академию на должность профессора высшей математики сроком на пять лет, его обязанности включали ежедневное чтение одной часовой лекции и ведение занятий с одним или двумя студентами. За это ему назначили годовое жалование 1500 рублей на первые два года работы и 2000 рублей в каждый последующий год службы, кроме того, он получил 300 рублей на дорожные расходы. Расходы на квартиру, отопление и освещение должны были возмещаться раз в три или четыре месяца. Контракт можно было расторгнуть досрочно с уведомлением за один год.⁵

Герман стал первым академиком и к тому же самым старшим из всех приглашённых в Академию в 1725 году учёных. Он пользовался славой известного математика. Но прежняя должность во Франкфурте, судя по всему, не удовлет-

---

¹ История АН. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 378.

⁴ Там же. S. 378 f.

⁵ *Пекарский*, История I. С. 67 и далее, примечание 2.

Рис. 4. Якоб Германн (1678–1733)

воряла его до такой степени, что он был готов вернуться в Базель даже на место простого учителя.¹

Когда после смерти Петра I оказалось, что, вопреки сложившимся обстоятельствам, Академия всё же будет открыта, Герман отправился в путь вместе с Георгом Бернгардтом Бюльфингером. 15 (26) августа 1725 года прибывшие учёные были представлены императрице Екатерине I, и Герман приветствовал её по-французски. При этом как человек светский он, как говорят, произвёл очень благоприятное для Академии впечатление.² В качестве «первого профессора» (*professor primarius*) Герману выпала честь 13 ноября 1725 года открыть первое заседание Академии докладом «*De figura telluris sphaeroide*» (О сфероидной форме земли — *Прим. ред.*).³ В первых шести томах «Комментариев» Академии

было опубликовано пятнадцать работ Германа, двенадцать из них посвящены различным математическим проблемам. В некоторых работах Герман рассматривал дифференциальные уравнения, которыми занимались и другие академики.⁴ Ряд его работ затрагивал различные области геометрии, в том числе проблемы, которые впоследствии особенно заинтересовали учеников Эйлера. Кроме того, он написал учебник математики для царя Петра II. Лейбниц внимательно следил за работами Германа и оказывал ему большую поддержку. В своих письмах он положительно отзывался о Германе, впрочем, и Эйлер тоже.⁵ В столкновениях с Шумахером, которые сотрясали Академию после отъезда Блюментроста в 1728 году, Герман занял однозначную позицию против диктата библиотекаря. Противники Шумахера предложили кандидатуру Германа на пост директора Академии. Шумахер считал Бюльфингера главой заговорщиков, который только подставлял и использовал «добротного старика»⁶ — Бюльфингер и Герман жили в одной квартире. Миллер так охарактеризовал Германа:

«По своему телосложению Герман казался старше, чем он был в действительности. Его лицо всегда вызывало благоговение: он был важным, говорил мало; когда он был один, то никогда не покидал собрания учёных и охотно передавал другим ведение дел, поэтому очень обрадовался, когда Бюльфингер взял это на себя. Если бы

¹ Spiess, Euler. S. 53.

² Пекарский, История I. С. 69, цитируется по рукописным запискам Г.Ф. Миллера.

³ Там же.

⁴ Юшкевич, История. С. 88 и далее Он детально анализирует научные достижения Германа.

⁵ Пекарский, История I. С. 72.

⁶ Там же. С. 70, цитата из письма Шумахера Блюментросту.

не было последнего, то в силу своего миролюбивого характера он (Герман), вероятно, никогда бы не вмешался в академические распри».¹

С сентября 1730 года Герман и Бюльфингер перестали посещать конференции Академии. Отставка этих двух учёных принесла большое моральное удовлетворение их противнику Шумахеру.

Герман, который был несчастлив даже во Франкфурте, в Петербурге тяжело заболел «болезнью швейцарцев»: он страдал от тоски по родине. В 1727 году он получил в Базеле долгожданное место профессора, а именно на вакантной кафедре этики. Но контракт с Академией был заключён на пять лет, и ему пришлось вытерпеть ещё три года в Петербурге, прежде чем он получил право вернуться на родину.²

В конце 1730 года Бюльфингер и Герман попрощались с коллегами и покинули Петербург. 14 января 1731 года Герману как члену-корреспонденту Академии было назначена пенсия (вознаграждение) в размере 200 рублей в год, за это он должен был присылать в Петербург некоторые из своих работ.³ Но через два года после возвращения на родину Герман скончался, это произошло 14 июля 1733 года в Базеле.

5.2. Деятельность Николая и Даниила Бернулли в Петербурге

Братья Бернулли вместе отправились в Санкт-Петербург 5 сентября 1725 года и прибыли туда 27 октября.⁴ Уже вскоре после прибытия им удалось добиться места в Академии для Леонарда Эйлера.⁵ Николай получил кафедру механики, но судьба предначертала ему очень короткий срок работы в Петербурге. Он считался талантливым математиком и написал многообещающие работы в области линейных дифференциальных уравнений. Собственно говоря, он хорошо чувствовал себя в Петербурге, но через 8 месяцев после приезда у него началась лихорадка. Он скоропостижно скончался 29 июля 1726 года от язвы кишки.⁶

Деятельность Даниила Бернулли я подробно описал в своей работе, посвящённой врачам. Здесь можно сделать только несколько дополнительных замечаний. В первую очередь необходимо скорректировать впечатление, будто профессор физиологии Бернулли неохотно занимался своей специальностью, а больше внимания уделял математике. Бернулли надеялся своим трудом о законах движения воды положить начало новой эпохе в физиологии. По мнению А.Т. Григоряна и Б.Д. Ковалёва, ему удалось достичь большего. Открытые им законы движения жидкостей справедливы не только для гидродинамики, гидравлики и физиологии, они применяются также в геологии и в изучении динамики звёзд. Лишь много позже было понято истинное значение его открытий, которые

---

¹ Там же. С. 71, цитируется по рукописным запискам Г.Ф. Миллера.

² Spiess, Euler. S. 57. См. также: Fuss, Correspondance II. S. 3–7. J. Bernoulli an L. Euler, Basel 9. Jan. 1728.

³ Юшкевич, История. С. 87.

⁴ D. Bernoulli, Notice. S. 269.

⁵ Mumenthaler, Armuth. S. 59–60, 63–64, 92–95.

⁶ Развитие естествознания. С. 49; РБС. Т. 2. С. 752; Merian, Mathematiker. S. 41.

Рис. 5. Николай II Бернулли (1695–1726)

разорвали тесные рамки физиологии и математики.¹ Шписс также называет Бернулли самым современным умом среди швейцарских математиков того времени, не исключая Эйлера. «Может быть, со времён Ньютона он стал первым настоящим физиком, который сочетал в себе искусство экспериментатора с огромными математическими способностями».²

Григорян и Ковалёв придерживаются убеждения, что Бернулли никогда не забывал о гидродинамике и занимался математикой и механикой только постольку, поскольку они давали основополагающие знания для первой. Сочинения по чисто математическим вопросам были соответственно лишь побочным продуктом его систематических исследований в области физики и физиологии.³ Бернулли постоянно поддерживал контакты со

своим учителем медицины П. Микелотти, о котором часто делал сообщения в Академии. За приглашением Эйлера в качестве адъюнкта по физиологии стояло самое серьёзное намерение, так как Бернулли поставил себе целью создать новую школу физиологии⁴, и молодой талантливый математик Эйлер казался ему вполне подходящим помощником для её достижения.⁵

Для Бернулли, который всегда проверял свои теории в экспериментах, работа в Академии давала большие преимущества, так как в её превосходно оснащённых механических мастерских он заказывал инструменты, приборы и оборудование для проведения опытов.⁶ Бернулли вместе с анатомом Дювернуа и его учеником Иосией Вейтбрехтом⁷ основал первую в России физиологическую школу, при этом уроженец Базеля пошёл совершенно новыми путями.⁸

В источниках Бернулли часто предстает перед нами как вспыльчивый человек, постоянно конфликтующий с некоторыми коллегами и руководством Академии. Для сложившейся в Академии ситуации это было очень характерно. Уже в конце 1727 года Бернулли написал запрос о повышении жалования, которое было обещано на последние два года его пятилетнего контракта. Но этот пункт,

¹ Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 53.

² Spiess, Euler. S. 113.

³ См.: Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 54 и след.

⁴ Даниил Бернулли подходил к физиологии с позиций теоретической механики и физики. — Прим. ред.

⁵ См.: Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 57.

⁶ Например: Experimenta coram societate instituta in confirmationem theoriae pressionum quas latera canalıs ab aqua transfluente sustinent. In: Comm. T. 4. 1735. S. 194–201.

⁷ J. Weibrecht (1702–1747) из Шорндорфа, 1725 — адъюнкт, 1731 — профессор физиологии.

⁸ Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 50.

по всей видимости, отсутствовал в тексте контракта. В своём запросе Бернулли приводит цитату из письма секретаря Академии и пишет далее, что он упомянул об обещанном повышении жалования в сенате Базеля. Если ему не дадут прибавки, то это будет означать подрыв его репутации, поскольку сторонние лица могут предположить, что им недовольны.¹ Но подобная мелочь меркнет на фоне крупного конфликта Бернулли и Бюльфингера.

5.2.1. Конфликт в Академии

Шписс пишет, что состав учёного корпуса, собиравшегося каждую неделю на заседания с осени 1725 г., был значительно более пестрым, чем в современных академиях. Разница в возрасте членов Академии составляла 40 лет (Гмелину и Эйлеру было 20, а Лейтману 60 лет), поэтому их мировоззрения иногда расходились очень существенно. Первому большому скандалу, разразившемуся в июне 1729 года, предшествовали острые стычки между Даниилом и Николаем Бернулли, с одной стороны, и Якобом Германом и Георгом Бернгардом Бюльфингером, с другой.² После кончины Николая Бернулли Даниила поддержал Леонард Эйлер, а главными противниками были Бюльфингер и Якоб Герман. 22 февраля 1726 года Бюльфингер резко выступил против основополагающей идеи работы Бернулли по механике. 4 марта базелец представил ещё одну работу по механике, в которой подверг сомнению получивший общее одобрение учебник Якоба Германа. Тот, конечно, не мог смириться с этим без борьбы. На заседании 29 апреля Даниил Бернулли выступил против сочинения Бюльфингера об измерении сил и воскликнул: «errasti! errasti!» (лат.: Зablуждаешься! — *Прим. перев.*). Дювернуа, который хотел уладить этот спор, оказался между двух огней, и ему даже пришлось выслушать упрёк Николая Бернулли, что он ничего не понимает в этом деле.³ В другой раз президент Академии сделал выговор Даниилу Бернулли, потому что тот не захотел принять возражений Бюльфингера и Германа.⁴

Это было столкновением двух учёных, которые бескомпромиссно отстаивали свои диаметрально противоположные позиции. Как говорится, нашла коса на камень. Бюльфингер был на семь лет старше, он прибыл в Петербург на долж-

Рис. 6. Даниил Бернулли (1700–1782)

¹ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit Akademie, DB an Unbek, SPb. 11.12.1727 und DB an Goldbach, SPb. Dez. 1727.

² Григорян/Ковалёв пишут на С. 49: «Бюльфингер был первым и самым серьёзным противником Бернулли в вопросах, связанных с механикой, экспериментальной физикой».

³ Пекарский, История I. С. 102; Spiess, Euler. S. 64 f.

⁴ Spiess, Euler. S. 65.

ность профессора логики и был решительным последователем учения Лейбница, в то время как молодой Бернулли оказался страстным поборником идей Ньютона. Каждый считал другого менее компетентным в спорных вопросах. Но это были лишь поверхностные причины жарких дебатов. Фактически же речь шла о принципах Просвещения, о мировоззрении как таковом. Академия являлась идеальной ареной для подобных дискуссий, верх в которых в конечном итоге одержали Бернулли и Эйлер, то есть идеи Ньютона. Физическая картина мира в духе рационализма в XVIII веке победила в Европе.

Григорян и Ковалёв утверждают, что боевой пыл Бернулли не мог остановить даже авторитет и статус его соотечественника Якоба Германа. Когда речь шла об отстаиваемых им научных принципах, Бернулли не шёл ни на какие тактические компромиссы.¹ Кстати сказать, его брат Николай ещё в 1720 году выступил с критикой работ Якоба Германа.² Казалось, что после первой крупной стычки они несколько успокоились, но спустя два года ситуация снова обострилась. Бернулли представил свои первые труды в области гидродинамики (опубликованные³ в виде диссертации «Dissertatio de actione fluidorum in corpora solida et motu solidorum in fluidis» («Диссертация о действии жидкости на твёрдые тела и движении твёрдых тел в жидкости» — *Прим. ред.*), в которых были намечены новые подходы к решению задач теоретической механики, имевшие лично для него большое значение. Полученные результаты вызвали критику Бюльфингера, и с этого момента между ними начались ожесточённые схватки. В то время Бернулли участвовал в конкурсе, объявленном Парижской Академией⁴, и договорился с Шумахером, личным врагом Германа и Бюльфингера, что в день рождения царя Петра II представит подготовленную для конкурса работу, проведёт опыты с изобретённым для определения высоты полюса инструментом и сделает сообщение о жизни своего брата, скончавшегося три года назад. Запланирован был и отзыв Германа на доклад Бернулли. Тут всё и началось. На последней перед публичным заседанием Конференции Бернулли дал разъяснения собравшимся коллегам по теме предстоящего доклада.

«Всё происходило в полном единодушии, пока господин Бернулли не дошёл до объяснения своего прибора, при этом господин профессор Бюльфингер возразил ему по нескольким пунктам, что эти инструменты невозможно привести в действие. Господин профессор Бернулли возразил, что это так же легко, как любая вещь в механике приводится в действие вручную и что любой ученик в состоянии сделать это. Это рассердило господина Бюльфингера, [что ему, профессору физики, не поверили,]⁵ и поэтому он сказал, что он не может вынести своего суждения об этом деле. На что господин Бернулли ответил, что ему суждение господина Бюльфингера и не требуется, поскольку он знает, что тот всё равно не даст честной оценки. У него большой опыт в

¹ Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 104. Они полагают, что наука была единственной страстью Бернулли, что, вероятно, могло быть причиной того, что он никогда не женился. Но это слишком современный образ мышления. В конце концов, удивление вызывало и то, что Эйлер мог думать не только о цифрах, но и о жене.

² Там же. С. 105. У Шписа речь идёт только о том, что Николай Бернулли в 1726 году полагал, что результат Германа принадлежит его отцу.

³ *Comm.* (1727) T. II. 1729. — *Прим. ред.*

⁴ Конкурс на разработку лучшего способа определения высоты полюса на море (в условиях качки) — *Прим. ред.*

⁵ Предложение в скобках в рукописи зачёркнуто.

том, что господин Бюльфингер по привычке или из ненависти к нему, всегда оспаривал всё, что он (господин Бернулли) докладывал в Академии».¹

Эти слова вызвали ярость Бюльфингера, и он выступил с предложением исключить доклад и отзыв из программы публичного собрания. Защищая свою позицию, Бернулли сказал, что он представил доклад Герману ещё неделю назад. Конференция предоставила Герману право выбора — выступать или не выступать с отзывом на доклад. Как правило, профессора придерживались программы, тем более что объявление уже было опубликовано.

«Оба господина профессора, господин Бюльфингер и господин Бернулли, вступили затем в острые пререкания, в частности, господин Бюльфингер упрекал господина Бернулли [...] в различных ошибках, которые тот, якобы, сделал в математических делах. Он обвинил его также в том, что он, господин Бернулли, публично заявил, что если в эксперименте что-либо не будет соответствовать его расчётам, то пусть его как мошенника изгонят из Академии. Впоследствии был проведён эксперимент, который опроверг его расчёты и т. д. и т. д.».³

На следующей день было проведено публичное собрание согласно опубликованной программе, однако Герман в своём отзыве выразил сомнения в пригодности описанного прибора. Страсти вновь разгорелись на следующей Конференции. Герман захотел обосновать свои возражения, но до этого дело не дошло, так как оба забияки вновь вступили в яростную словесную перепалку.

«После других высказываний господин Бюльфингер упрекнул господина Бернулли среди прочего в том, что всем хорошим из того, что он до сих пор докладывал в Академии, он обязан своему отцу, или своему кузену, или господину Ф.Х. Майеру,⁴ или господину Эйлеру, а всё остальное, что проистекало из его ума, ничего не стоит. После такого обвинения господин Бернулли объявил оппонента мошенником, который говорит подобное без доказательств, а на самом деле он заимствовал только самую малость у одного из упомянутых лиц. Он призвал в свидетели присутствующего господина Эйлера, который признал, что ничего из сообщённого им господину Бернулли последний никогда не выдавал впоследствии за собственную работу».⁵

По распоряжению президента для разбирательства этих инцидентов была назначена комиссия. Даниил Бернулли защищал себя и честь своей семьи. Оспариваемую работу, посвящённую точному определению высоты полюса на море⁶, он два года назад отправил для редактирования своему брату в Базель, чтобы тот подал её на конкурс в Париже. В то время Майер ещё даже не начинал заниматься своими исследованиями.

Бернулли утверждал, что он приложил немалые усилия, чтобы перед заседанием ознакомить с докладом Германа, Делия и Бюльфингера. Он сказал, что если предлагаемое им решение не получит серьёзной проверки и последующей

¹ BEBS, Ordner Zänkereien, G.F. Müller 7.7.1729.

² Нечитаемое, зачёркнутое слово.

³ BEBS, Ordner Zänkereien, G.F. Müller 7.7.1729.

⁴ Фридрих Христофор Майер (1697–1729), 1726–1729 экстраординарный проф. математики. [Майер был учеником Бюльфингера и тоже представил работу на упомянутый конкурс Парижской АН — *Прим. ред.*]

⁵ BEBS, Ordner Zänkereien, G.F. Müller 7.7.1729.

⁶ Sur la première méthode astronomique de trouver par une étoile inconnue quelconque la hauteur du Pole.

оценки, то тем самым будет нанесён ущерб престижу Академии, страны, науки, и предложил 100 рублей за каждую свою ошибку, которая будет доказана в геометрии. Было сказано также, что Герман уже неоднократно утверждал, что вопрос неразрешим, а Бернулли доказывал обратное. Бернулли потребовал от Германа обещанных доказательств, чтобы они могли быть приложены к документам. Впоследствии последний перечислил семь основных возражений Бюльфингера с целью их опровержения. Среди прочего он допустил промах, утверждая, что даже отец очень нелестно отзывался о Николае Бернулли. По словам молодого учёного, Бюльфингер (единственный) был против чтения некролога на торжественном заседании.

Версия Бюльфингера, естественно, выглядит несколько иначе. Он написал президенту Академии, что Бернулли, несмотря на многократные требования, отказался предоставить доклад Герману. На основании полученного от Бернулли резюме он ничего не мог сделать, так как из него не были ясны ни выводы, ни методы. Когда на подготовительном заседании речь шла о приборе (для определения места корабля в открытом море), который собирался представить Бернулли, то последний не захотел вдаваться в подробности. Он обнадеживал присутствующих коллег демонстрацией на публичном собрании. Из-за расплывчатости информации Бюльфингер выразил сомнения, но был раскритикован Бернулли: «самый жалкий русский мужик может сделать это».¹ Следующее критическое замечание Бюльфингера касалось того, что прибор лежит в воде, а Бернулли не учёл, что наблюдатель на корабле в открытом море будет подвержен качке. На это критикуемый развязал «высокомерный спор». Только после этого Бюльфингер потребовал отказаться от доклада и чтения некролога. Бернулли настаивал. «Но тогда все присутствующие ответили ему, что ему не пристало препятствовать *Vota libera et modesta societatis in scientiis* [свободному и сдержанному слову общества в науке. — *Прим. перев.*], или отвергать мнения своих коллег своей обычной присказкой (я это обдумал лучше)».² Собрание пришло к единому мнению, что доклад, посвящённый памяти Николая Бернулли, не должен быть зачитан. Потом состоялось торжественное заседание, на котором Бернулли представил свой прибор. Бюльфингер сразу увидел, что он совершенно не годится для работы в море. Герман и присутствовавший адмирал Сиверс также выдвинули аналогичные возражения, но ответа не получили. Когда же большинство участников собрания собрались уходить, Байер начал зачитывать некролог.

И тут спорщики припомнили друг другу все прежние промахи и ошибки. Так, Герман и Бюльфингер упрекали молодого коллегу в том, что он самочинно

¹ Там же. Bülfinger an Blumentrost, 15.7.1729. Бернулли оправдывает своё мнение, что каждый русский ремесленник может сконструировать его аппаратуру. Это не имеет ничего общего с презрением к русским. Он очень ценит искусных ремесленников. Там же. Bernoullis Antwort an Bülfinger.

² Там же. Bülfinger an Blumentrost, 15.7.1729. На этот упрек Бернулли позднее отреагировал, упомянув несогласие с Германом. Герман не поверил тому, что он обнаружил в вопросе о ядрах, выстреливаемых в воздух. Тогда он показал письмо отца, который подтвердил его решение. «Если г. Герман с тех пор ознакомился с моими опытами, то я думаю, что его сомнения исчезли. Я говорю это ни в коем случае не для того, чтобы оскорбить г. Германа, а только потому, что г. Бюльфингер принуждает меня к таким высказываниям, и ни в коем случае нельзя ставить в вину г. Герману, что он высказал суждения о том, о чём он никогда не думал, я же, напротив, долго размышлял, поэтому, следовательно, г. Бюльфингера вовсе не должно удивлять, что я часто отклоняю возражения, говоря, что я рассмотрел какой-то вопрос лучше».

сделал от имени Академии приписку к сочинению своего отца, гласившую, что решение было успешно проверено в эксперименте. Но на собрании эксперимент не был представлен, и также следует привлечь профессора экспериментатора. Бернулли провёл опыт без ведома Бюльфингера, что, очевидно, больно задело последнего. В заключение он потребовал принятия конкретных мер, чтобы избежать подобных эксцессов в будущем. В том числе членам «Вашей коллегии всякий раз следует отвечать на выражение *Dubia aut Objectiones* [сомнений или опровержений. — *Прим. перев.*] не презрением или горячностью, а зрелым размышлением, здоровой рассудительностью и дружеской коллегиальностью».¹

Соперникам была дана возможность ответить на упрёки. Бернулли не захотел останавливаться на всех пунктах, так как, по его словам, запальчивость Бюльфингера достигла такой степени, что он просто не может постоянно не противоречить. По пункту о множестве сделанных Бюльфингером ошибок он хотел бы высказаться конфиденциально: «Причём имею честь просить господина президента не предавать гласности эти ошибки, так как нашему сообществу не делают чести такие члены, которым подобные вещи могли прийти в голову хотя бы даже во сне».² Из ответа становится ясно, что доклад и некролог были лишь внешними поводами разгоревшегося спора. В действительности речь шла о научных разногласиях между метафизиком Бюльфингером и эмпириком Бернулли. Сокрушительной является оценка, данная Бернулли в ответе на нападки:

«Если бы господин Бюльфингер понимал материю, то он был бы способен понять, что по этому поводу было написано г. Ньютоном и моим отцом, с которым я два года переписывался по этим вопросам, тогда бы я охотно побеседовал с Вами об этом; а так я не могу сказать ничего иного, как: *ne sutor ultra crepidam* [сапожник, (суди) не выше сапога. — *Прим. перев.*], и призвать господина Бюльфингера оставаться в рамках своей метафизики, где он более уверенно защищает свои паралогизмы, чем в математике».³

Бернулли неоднократно давал понять старшему по возрасту профессору физики, что тот не имеет понятия о высшей математике и что поэтому нет смысла вступать с ним в дискуссию: «Он говорит об этом, как слепой о красках».⁴ Эйлеру также довелось столкнуться с этим:

«Однажды он так резко спорил с г. Эйлером, что *potentia infinitissima fractionis* не является *infinite parva*⁵, и г. Эйлеру не удалось доказать ему свою правоту, хотя известно, что *potentia infinitissima fractionis* является не только *infinite parva* или *infinite parva*, но составляет даже *infinite parvum ordinis infinitissimi*. Эту последнюю ошибку я сам не слышал, мне рассказал о ней г. Эйлер. Подобные и многие другие невежественные ошибки, которые невозможно здесь перечислить и обо всех рассказать, сделал г. Бюльфингер. [...] И хотя они, наверное, 100 раз были темой разговора между г. Эйлером и мной, мы ради чести Академии не предавали их огласке».⁶

¹ Там же.

² Там же. *Bernoullis Antwort an Büllfinger*.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Понятие бесконечно малой (*infinite parva*) или бесконечно малого количества в то время ещё не было чётко определено. Существовали разные трактовки этого понятия, и в научных спорах подчас оперировали интуитивными представлениями.

⁶ Там же.

В заключение Бернулли оправдывает своё тесное сотрудничество с Эйлером. Они оба чрезвычайно многим обязаны друг другу, а Бюльфингер старается лишь посеять между ними раздор.

«Я не могу поверить, что г. Эйлер когда-либо на меня жаловался, а особенно в этой материи. Если г. Бюльфингер советовал г. Эйлеру не совещаться со мной, то это его черт попутал; потому что, если бы г. Эйлер послушался его, то из того, что мы оба открыли, известно стало бы очень мало или ничего, поскольку наши беседы всегда давали нам повод для тех или иных размышлений. Равно как я не отрицаю, что подобные беседы принесли мне большую пользу, так и г. Эйлер охотно признает, что для него они были не менее полезны».¹

Об отношениях Бернулли и Эйлера Фусс пишет, что хотя эти учёные имели различные научные подходы, однако часто приходили к одинаковым выводам. Эйлер был превосходным аналитиком, а Бернулли, в отличие от Эйлера, проверял свои решения опытами.² Именно сотрудничество Эйлера и Бернулли имело решающее значение для упрёка Бюльфингера, что Бернулли присваивал себе решения Эйлера. На этот раз Бернулли удалось доказать, что — помимо того, что их сочинения не имели ничего общего, — его работа была напечатана ещё в июне, в то время как Эйлер представил свою работу собранию в сентябре того же года. «Что на это может возразить г. Бюльфингер, я не знаю, разве что он, вероятно, скажет, что месяц сентябрь предшествует июню, просто люди думают иначе».³ Из этого высказывания видно, с каким сарказмом, с каким высокомерием молодой базелец умел доводить до белого каления старшего коллегу.

Не будем принимать ничью сторону, но представляется очевидным, что в Бюльфингере говорит обиженный завистник. Он, вероятно, испытывал личные страдания оттого, что молодые Бернулли и Эйлер обошли его. Они возражали ему, профессору физики, по физическим вопросам и публиковали работы, противоречащие его теориям. В научном плане он не выдерживал натиска Бернулли и Эйлера, они не оставили камня на камне от его метафизики. Он не умел защититься иначе как ударами ниже пояса, втягивая в эту историю даже память о покойном Николае Бернулли и выступая с нападками и на частную жизнь Даниила Бернулли⁴. Даже если Даниил Бернулли не был невинным агнцем в деле эскалации конфликта, его резкую реакцию на такие выпады вполне можно понять. Защищаясь, он бросил Бюльфингеру упрёк в детском упрямстве: «ибо достаточно сказать “да”, чтобы предвидеть, что ответом другого будет “нет”».⁵

Даниил Бернулли был потрясен не выдерживающими критики, безосновательными упрёками Бюльфингера, и его слова надо понимать буквально, когда он пишет:

«Я счёл упрёки столь грубыми и столь несправедливыми по всем пунктам, что они заставили меня плакать воистину горячими слезами. [...] Он обращается со мной

¹ Там же.

² Fuss, Lobrede. S. 35 f.

³ BEBS, Ordner Zänkereien, Bernoullis Antwort an Bülfinger.

⁴ Там же. Бюльфингер упомянул «в присутствии г. президента и всех остальных» в числе претензий посещение Даниилом Бернулли кафе и бильярдных домов. Затем последовал ещё один намёк: «Есть и ещё один пункт, который я отложу из-за его гнусности, чтобы пощадить его, чтобы не сделать примирение невозможным».

⁵ Там же. DB an L.Blumentrost, 7.7.1729. Перевод с французского.

как с преступником, собирая информацию о моей жизни и моих привычках. Я могу лишь оплакивать своё несчастье: я стал уже таким нечувствительным к несправедливостям, что предоставил дело доказательства моей невиновности Богу и времени: но эти последние удары настолько грубы, что я погибну из-за них, если никто не придёт мне на помощь».¹

Обращаясь к прошлому, Бернулли вспоминает о споре с Бюльфингером, который он разрешил, защитив новое открытие с известной долей дерзости:

«В свои 30 лет я первым сказал, что сила воздействия воды на плоскость в два раза больше, чем полагали; против меня была вся республика учёных, а именно господа Герман, Бюльфингер и т. д. Мне хватило мужества настаивать на моём мнении, и впоследствии эксперимент подтвердил мою правоту; я без колебаний впервые продемонстрировал его в присутствии членов Санкт-Петербургской Академии».²

Находившийся в Москве президент выразил удивление по поводу того, что научный вопрос решается с помощью сильнейших оскорблений. Он не хотел выражать своего отношения к этим склокам, так как престижу Академии и так уже был нанесён достаточно большой ущерб. Однако он счёл необходимым сделать выговор Бюльфингеру по поводу обвинений Бернулли в плагиате:

«Потому что первое, если предположить, что таковое было бы правдой, всё же трудно доказать, за исключением того случая, если бы наука получила бы от этого пользу, а что касается второго, то у Академии намного больше причин почитать за счастье, что в лице сына она получает пользу и от отца, который, безусловно, является одним из величайших умов нашего времени. Что касается господина Эйлера, то он полностью отрицает, что господин Бернулли когда-либо что-либо украл у него, а что касается господина Майера, то ему не пристало обвинять господина Бернулли в воровстве, которое не позволит нажиться ни тому, ни другому. Оно должно быть, как минимум, доказано уполномоченными членами комиссии».³

Что касается образа жизни Бернулли, то он, по мнению президента, относится к компетенции не Академии, а «воспитателей нравов». Далее говорится, что президент учредил состоящую из профессоров Делиля и Майера комиссию, которая будет расследовать эти эксцессы. Однако он рекомендует противникам помириться на благо всех. Далее президент сообщил о некоторых улучшениях. Он запретил, однако, любое вмешательство в вопросы управления, которое является делом единственно президента. Он написал также, что против зачтения некролога он не может ничего возразить, так как формально решение об этом было принято на заседании 10 июля, а накануне публичного собрания, когда они «уже поссорились друг с другом», это решение уже нельзя было отменить.⁴

Бернулли представил письма отца в опечатанном виде на предмет проверки претензий Бюльфингера. Последний, в частности, утверждал: отец якобы писал, что Даниил должен решать проблемы сам, а не присылать их ему для решения. Из этих писем явствовало, что отец скорее хвалил сына за то, что тот предложил более развернутое решение, чем он сам, но было бы лучше просто сообщать ему

¹ BEBS, Ordner D.Bernoulli mit Akademie, DB an Müller, SPb. 10.9.1729. Перевод с французского.

² BEBS, Ordner D.Bernoulli mit J.A.Euler: DB an JE, Basel 8.6.1771. Перевод с французского.

³ BEBS, Ordner Zänkereien, Antwort Blumentrosts an Büllffinger.

⁴ Там же.

о своих открытиях, чем бросать ему вызов, предлагая проблемы. Даниил Бернулли просил отца подтвердить только те решения, которые он уже нашёл сам.¹

Сколько яростным был спор между двумя учёными², столь же быстро он был забыт. Уже в 1730 году Даниил Бернулли собирался уехать вместе с Германом и Бюльфингером, а после возвращения в Тюбинген Бюльфингер писал Бернулли в Петербург дружеские письма.³

В 1729 году Бернулли планировал отъезд из Петербурга на июль 1730 года, то есть после истечения срока контракта. Это решение окрепло, после того как выяснилось, что Академия не собирается повышать ему жалование на срок нового контракта. Даниил обиделся, поскольку это не могло означать ничего иного, кроме недовольства им. В письме Шумахеру он упомянул, что ведёт переговоры о возвращении в Базель со своим отцом, который предположительно собирается разделить с ним кафедру. Бернулли поставил перед Академией в качестве условий заключения нового контракта жалование 1200 рублей и разрешение в любой момент покинуть Академию. После возвращения на родину он должен был получить звание почётного профессора и пенсию (денежное вознаграждение) 200 рублей. Но поскольку ответа ему пришлось ждать больше месяца, то он пришёл к выводу, что Академия не заинтересована в нём. Теперь у него не было иного желания, кроме как уехать.⁴

Бернулли всегда умел успешно вести переговоры. И на этот раз Академия приняла его требования — однако ему пришлось ещё долго дожидаться оформления контракта в письменном виде.⁵ Когда же он его, наконец, получил, то не согласился с некоторыми пунктами. Он настаивал на своём праве в случае необходимости незамедлительно покинуть Петербург.⁶ В феврале 1731 года он действительно заболел и попросил об отставке, чтобы уехать на лечение на родину. В прошении он писал, что, будучи в добром здравии, он сможет в Базеле значительно больше работать на благо Академии. Кроме того, он собирается вернуться домой через Лондон и Париж, чтобы завязать контакты между тремя важнейшими академиями.⁷ В марте он подтвердил своё намерение, так как чувствовал себя очень больным.⁸ Шумахер попросил его доказать свою добрую волю и остаться в Петербурге ещё на некоторое время.⁹ После отъезда Германа и Бюльфингера Академия была очень заинтересована в том, чтобы не потерять теперь ещё и третьего математика, как пишет Бернулли, вспоминая то время.¹⁰ В конце концов он согласился остаться на службе в Академии, если будут выполнены три условия:

¹ Там же. Zeugnis ohne Unterschrift, SPb. 10.10.1729.

² Конференция Академии наук была вынуждена периодически возвращаться к рассмотрению этого скандала с 28 июня по 11 октября 1729 г. — *Прим. ред.*

³ *Пекарский*, История I. С. 105 и далее. См.: BEBS, Ordner D. Bernoulli mit Akademie, DB an AN, SPb. 13.4.1730.

⁴ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit Akademie, DB an AN, SPb. 13.4.1730.

⁵ Там же. DB an AN, SPb. 5.11.1730 упоминает письмо от 1 июня, в котором Блюментрост принимает условия Бернулли. 10 июня Бернулли дал положительный ответ, но ещё в ноябре дождался нового контракта.

⁶ Там же. DB an AN, SPb. Jan. 1731 и 4.2.1731.

⁷ Там же. DB an AN, SPb. 28.2.1731.

⁸ Там же. DB an Blumentrost, SPb. 4.3.1731.

⁹ Там же. AN an DB, verm. 1.3.1731.

¹⁰ Там же. DB an AN, Basel 29.4.1762.

«Во-первых, я буду свободен уехать в любой момент, во-вторых, мне повысят жалование на 400 рублей и, в-третьих, после моего отъезда мне будет присвоено звание почётного профессора Императорской академии с пенсией 200 рублей, без того чтобы эта пенсия меня к чему-либо обязывала. [...] Эти три требования были выполнены без всяких проблем».¹

В действительности дело прошло не так гладко, как описал Бернулли спустя 30 лет. В ноябре 1731 года Бернулли вновь подал прошение об отставке. Он выразил своё глубокое сожаление по поводу того, что вопреки своему желанию вынужден покинуть страну и «Gracieuse Souveraine» (любезную государыню — *Прим. перев.*), которые одарили его признанием.² Но отъезд был разрешён ему только в начале 1733 года — с такими же словами, как в адрес Германа и Бюльфингера.³ На его место свою кандидатуру предложил его брат Иоганн II Бернулли, который в 1732 году за свой счёт приехал в Петербург. Вот что пишет он сам:

«Наконец я достиг того возраста, в котором наши молодые люди обычно отправляются путешествовать и знакомятся с дальними странами; случилась также и наилучшая оказия для меня совершить сколь прекрасное и увлекательное, столь же полезное и очень приятное путешествие благодаря тому, что мой старший брат, который в то время ещё был членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, пригласил меня к себе. Хотя это приглашение было мне очень по душе, но вот мои родители с трудом согласились отпустить и своего третьего сына в столь отдаленное место, после того как они потеряли там старшего из-за его безвременной кончины.

Но после долгих уговоров я, наконец, получил их согласие на эту поездку, в которую действительно отправился весной 1732 года, до отъезда получив степень доктора».⁴

Академия завершила его в том, что признаёт его заслуги. Он был приглашён к участию в заседаниях Академии.⁵ Иоганн Бернулли не без успеха, но и без оплаты более года выполнял работу члена Академии.⁶ Шписс пишет Шумахеру, что переговоры о заключении контракта с Академией в конце концов потерпели неудачу. Что он уже по горло сыт этими высокомерными Бернулли.⁷ Свое пребывание в Петербурге Иоганн II описывает в автобиографии:

«Вскоре после моего прибытия тогдашний президент Академии оказал мне честь, обратившись ко мне с вежливым письмом о том, что я могу присутствовать на академических конференциях всегда, когда пожелаю, и даже вносить на них свои предложения, как будто я являюсь настоящим членом Академии; это вежливое предложение я принял с благодарностью и во время своего пребывания в С.-Петербурге пропустил мало академических собраний.

Перед моим отъездом из этого города мне были сделаны предложения поступить на работу в Императорскую академию; но поскольку мы не пришли к согласию относительно условий, то я отклонил эти предложения, равно и другие приглашения, которые были присланы мне в связи с моим возвращением на родину из других мест и которые я тоже не принял, отчасти из любви к отечеству, отчасти, однако, и особенно потому, что имел оправданные сомнения, могу ли я покинуть своих тогда уже

¹ Там же.

² Там же. DB an Blumentrost SPb. 22.11.1731.

³ Там же. AN an DB, SPb. 15.1.1733.

⁴ *Burckhardt*, Autobiographie. S. 294.

⁵ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit Akademie, AN an DB, SPb. 16.6.1732.

⁶ Там же. DB an Blumentrost, SPb. Juni 1733.

⁷ *Spiess*, Euler. S. 69.

престарелых родителей в столь преклонном возрасте, особенно в то время, когда из всех их детей я единственный жил у них в доме».¹

«В Санкт-Петербурге я пробыл 13–14 месяцев, и когда мой брат не поддался на уговоры остаться там, тем более что тамошний воздух был не очень полезен для него, то мы вместе отправились в обратный путь, который начался путешествием на корабле в день Иоанна Крестителя 1733 года (по стар. стилю)».²

Даниил покинул Петербург, но не без того чтобы напоследок не ввязаться в «арьергардные бои» за остаток своего жалования и пенсию.³ Письмо, которое он направил президенту Академии за неделю до своего отъезда, свидетельствует о его тактике в переговорах, позволявшей ему в большинстве случаев добиваться успеха. Сначала он представлял в выгодном свете собственные заслуги (или заслуги своей семьи), затем он оказывал мягкое давление. На этот раз речь шла о присвоении ему звания почётного члена Академии и о пенсии. После изложения своих планов посетить по пути на родину Лондон и Париж и установить там контакты между академиями он дал понять, что он, естественно, попытается это сделать только в том случае, если станет почётным членом... Кроме того, он приложил проект по гидродинамике, который собирался после испытаний на гидравлических машинах во Франции передать Академии, с тем чтобы это сочинение могло быть опубликовано как достижение действительного члена Академии.⁴ Вспоминая, он делает такой вывод о восьми годах пребывания в Петербурге: «я почти полностью исчерпал тот небольшой запас здоровья, который был дан мне природой».⁵

Итак, братья вместе направились в Париж, где Мопертюи ввёл их в Академию. Во время пребывания в Париже они получили известие о том, что Даниил получил должность профессора медицины в Базельском университете, заявление на занятие которой он послал ещё из Петербурга. Затем они вернулись в Базель. Там Даниил Бернулли поступил на кафедру ботаники и анатомии, которую в 1750 году ему удалось поменять на должность профессора физики. В этом случае университет отказался от обычной практики проведения жеребьёвки и избрал Бернулли на эту должность прямым голосованием. Бернулли пользовался славой приятного человека, который в родном городе был избран на многочисленные почётные должности. Но там он снова оказался в тени своего отца, который, кстати сказать, сыграл с ним злую шутку. Он заимствовал многие идеи Даниила из области гидродинамики и выдал за свои собственные, датировав их 10 годами раньше. Когда отец опубликовал эти идеи в своём собрании сочинений, то тем самым выставил своего сына плагиатором. Такой обман, вызванный патологической завистью, ударил по Даниилу ещё больше, чем легко отразимые нападки Бюльфингера:

«Сначала мне казалось это совершенно непереносимым; в конце концов я принял всё с покорностью, но ощутил такое отвращение и презрение к своим прежним работам, что мне казалось, было бы лучше, если бы я освоил профессию сапожника, чем изучал математику».⁶

¹ *Burckhardt*, *Autobiographie*. S. 294 f.

² Там же. S. 295.

³ BEBS, *Ordner D. Bernoulli mit Akademie*, DB an AN, SPb. 9.4.1733; 12.6.1733; Juni 1733.

⁴ Там же. DB an *Blumentrost*, SPb. Juni 1733.

⁵ Там же. DB an *Blumentrost*, SPb. Juni 1733.

⁶ *Spiess*, *Euler*. S. 96.

Под строгим надзором отца в Базеле имя Даниила Бернулли практически не упоминалось. До 1776 года он занимался преподавательской деятельностью, на этом поприще его сменили племянники Даниил, а позднее Якоб.

Карьера Бернулли даёт повод к размышлениям о значении Академии для научной деятельности учёных. После восьми лет пребывания в Петербурге Д. Бернулли вернулся в свой родной Базель, где ещё почти пятьдесят лет был активным учёным. Напрашивается сравнение Петербурга и Базеля. Что говорил сам Бернулли по этому поводу? Когда Эйлер пригласил его в Берлин, он ответил:

«Моя восприимчивость к этому тем сильнее, поскольку я живу в стране, где не знаю ни дружбы, ни науки. Если бы мои старые родители не удерживали меня, я любой ценой попытался бы осуществить возможность провести и закончить жизнь рядом с таким добрым другом. А здесь у меня нет ни влечения и ни малейшей возможности способствовать развитию настоящей науки».¹

Он остался при этом суждении. Спустя 40 лет после совместной продуктивной работы вместе с Эйлером в Петербурге он сожалел о том, что ему не довелось дольше быть вместе со своим знаменитым соотечественником. После смерти отца ему было больше не с кем вести беседы о математике и поддерживать исследовательский дух.² В середине XVIII века Базельский университет спал непробудным сном, как утверждал, например, И.Г. Циммерман.³

Переход от лихорадочной деятельности в Академии с постоянной конфронтацией и оживленными научными дискуссиями в спокойный Базель отрицательно сказался на научной деятельности Бернулли. На кафедре ботаники и анатомии он мог снова заняться своими физиологическими исследованиями, но с помощью каких средств? В Базельском университете не было анатомического театра, как в Петербурге, не было физического кабинета и не было хорошо оснащенных мастерских. Бернулли пришлось ограничиться преподавательской деятельностью, которая принесла ему огромную славу.⁴ Но он не хотел довольствоваться только этим и вскоре вступил в переписку с учёными из научных центров, Парижа, Берлина и Петербурга, куда часто отсылал свои работы для опубликования или участия в конкурсах. В период с 1737 г. по 1746 г. он пять раз получал первую премию Парижской академии. Получив кафедру физики, он после 1750 года оборудовал физический кабинет, вместе с сотрудниками сконструировал несколько приборов, в том числе новые магниты. Но больше никогда он так и не поднялся в исследованиях до уровня своих работ по гидродинамике, которые были созданы в Петербурге.

Как уже упоминалось в главе о каналах посредничества, после возвращения на родину Бернулли активно занимался делами Академии, в которой состоял почётным членом. До 1740 года Бернулли получал пенсию 200 рублей, затем в течение долгого времени деньги перестали поступать, хотя он неоднократно пытался добиться выплаты пособия.

---

¹ Там же. С. 102, цитата из письма Бернулли 1746 г.

² BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler: DB an JE, Basel 16.2.1771.

³ Spiess, Euler. S. 102. Врач из Брюгге Циммерман был, кстати, членом-корреспондентом Петербургской академии. Мопертью тоже удивляется царящей в Базеле летаргии.

⁴ См.: Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 235 и далее.

5.3. Леонард Эйлер. Первый петербургский период

Эйлер приехал в Петербург вскоре после переезда Академии в новое здание на Васильевском острове. К этому времени уже была оборудована типография, и был подготовлен первый том «Комментариев Петербургской Императорской Академии наук».¹ Но Эйлер прибыл в Россию в крайне неблагоприятный с политической точки зрения период: в тот день, когда он пересек границу, скончалась императрица. Даниил Бернулли пригласил Эйлера в Петербург на должность адъюнкта по физиологии, но в это нестабильное время, вступив на должность адъюнкта по физиологии, он фактически выполнял обязанности адъюнкта на кафедре высшей математики. Но он проявлял интерес к вопросам физиологии, одним из его сочинений этого периода была работа «Principia pro motu sanguinis per arterias determinando» («Основы определения движения крови по артериям». — *Прим. ред.*).² Вопреки перечню обязанностей адъюнктов, Эйлер не должен был преподавать в Академической гимназии. С провозглашением царём 12-летнего Петра II политическая ситуация в стране стабилизировалась. Академики очень старались оказаться полезными новому царю: Гольдбах стал учителем Петра, Герман составил для юного государя учебник основ элементарной арифметики. Но скоро академики поняли, что для них настали трудные времена: верх одержали консервативные круги, враждебные Просвещению, которые, и это было главным, игнорировали ненужное, по их мнению, учреждение.³ Молодая Академия снова оказалась перед угрозой ликвидации.

«Академикам пришлось принимать меры, для того чтобы не оказаться в беспомощном состоянии в случае упразднения их учреждения, и Эйлер решил пойти на морскую службу. Адмирал Сиверс, знавший цену Эйлеру и считавший его находкой для зарождающегося русского военного флота, предложил ему должность лейтенанта и обещал быстрое продвижение по службе. К счастью, обстоятельства изменились в благоприятную сторону для Академии, которая при императрице Анне обрела прочные позиции; а когда в 1730 году Герман и Бюльфингер уехали на родину, Эйлер получил место профессора естествознания, которое занимал до 1733 года, когда его друг, Даниил Бернулли, покинул Академию, и Эйлер стал его преемником».⁴

Действительно, некоторые члены Академии выдержали только те пять лет, которые были обязаны отработать по контракту. Ни уехавшим, ни умершим членам замены не было. Вскоре Эйлер опять стал задумываться о стабильном заработке вне стен Академии. Начальник Кадетского корпуса предложил ему преподавать там, что позволило бы Эйлеру получать дополнительно 400 рублей в год. «Это предложение я приму без сомнений тем охотнее, что из-за отсутствия господина президента я не могу надеяться в будущем году на более высокое жалование».⁵ В 1734 году, как было сказано в начале главы, бу-

¹ Spiess, Euler. S. 65. [Commentarii Academiae scientiarum Imp. Petropolitanae. — *Прим. ред.*]

² Григорян/Ковалёв, Бернулли. С. 57.

³ Spiess, Euler. S. 66 f.

⁴ Fuss, Lobrede. S. 23.

⁵ BEBS, Ordner. D. Bernoulli mit L. Euler. S. 25.

дущее Академии представлялось Эйлеру бесперспективным.¹ С публикацией работ дело также не ладилось. Уже были отредактированы четыре тома «Комментариев», но ни один не был отдан в печать. Эйлер не верил и в то, что в Петербурге будет напечатана его «Механика», первый том которой он только что закончил.²

Его собственная ситуация и ситуация в Академии улучшились при императрице Анне. Эйлер получил новый контракт на таких же условиях, которые получил Даниил Бернулли перед своим отъездом.³ В 1737 году Эйлер по требованию Корфа представил отчёт, опубликованный Ю.Х. Копелевич:

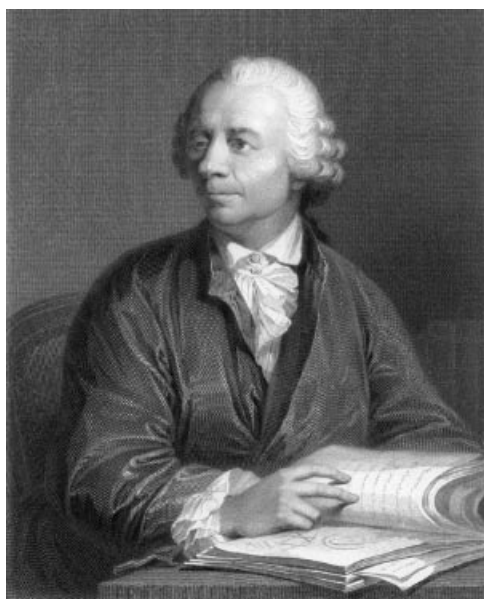

Рис. 7. Леонард Эйлер (1707–1783)

«В силу контракта с Императорской академией наук я имею следующие обязанности. 1. Присутствовать на постоянных конференциях; что я с усердием исполняю и всегда имею наготове сочинения, чтобы их там зачитать. 2. Читать лекции студентам по высшим разделам математики; это я тоже всякий раз, как объявляются такие студенты, которые желают обучаться этому предмету, по их возможностям исполняю. 3. Мне также поручено участвовать в работе по географии России, и в этом я тоже тружусь в меру своих сил, насколько мне это позволяют другие занятия. Что касается других моих трудов в настоящее время, а также в будущем, то сейчас я работаю над арифметикой, которая будет использоваться в здешней гимназии. Кроме того, я имею намерение, если этому не помешают другие мои дела, довести до конца некоторые уже начатые мною сочинения, в которых речь идёт о музыке, статике, анализе бесконечных и движении тел в воде».⁴

Первые шесть лет Эйлер жил вместе с Даниилом Бернулли в доме Академии. Мне представляется невероятным, что они жили в одной квартире, как пишет Геккер.⁵ В должности адъюнкта Эйлер получал жалование 300 рублей плюс деньги на квартиру, дрова и свечи. В 1731 году, с получением звания профессора теоретической и экспериментальной физики, его доходы возросли до 600 рублей плюс 60 рублей на квартиру, дрова и свечи. С 1735 года его жалование профессора высшей математики постепенно увеличивалось: сначала он получал 860 рублей, а с 1741 года — 1200 рублей.⁶

¹ Там же. No. 9, SPb. um 1734.

² Там же.

³ Там же. No.44, LE an DB, SPb. 12.4.1740.

⁴ *Kopelevi*, Leonhard Euler. S. 376.

⁵ *Геккер*, Семья. С. 472.

⁶ Там же. S. 473.

27 декабря 1733 года он женился на Катарине Гзель, дочери швейцарца Георга Гзеля, который с 1717 года работал в Петербурге художником.¹ Эйлер купил на 10-й линии, недалеко от Академии, деревянный дом на берегу Невы. Стихотворение на свадьбу Эйлера, предположительно, принадлежит перу Г. Юнкера, поэта, писавшего стихи для Академии по торжественным поводам.²

В том усомниться мог ли кто-то,
Что Эйлер удивит весь мир,
Что только цифры и расчёты
Его единственный кумир.
Теперь совсем в другом он мире,
Где чувства, счастье и любовь.
И то, что дважды два — четыре,
Доказывать придётся вновь!

У Эйлера в голове были не только числа, но науки наряду с семьёй занимали важнейшее место в его жизни. В некрологе Фусса на смерть Эйлера говорится, что Эйлер в молодые годы в Петербурге избегал развлечений. В свободное время он играл на клавесине. Но при этом всё же не мог отвлечься от вычислений: он исследовал причины гармонии и анализировал аккорды. Так из увлечения родилась теория музыки.³

В качестве профессора Академии Эйлер должен был принимать экзамены в Академической гимназии и в Кадетском корпусе.⁴ Наряду с этим он обращался к вопросам, представляющим общественный интерес, например, занимался конструкцией карет и писал научно-популярные статьи для «Санкт-Петербургских ведомостей».⁵ Из-за постоянного сокращения штата академиков на него возлагали всё больший объём работы. Академия выдавала рецензии для государственных учреждений. Первым поручением такого рода для Эйлера стала рецензия на учебник по навигации, написанный С. Малыгиным в 1731 году. Может быть, эта работа послужила толчком к тому, что позднее Эйлер интенсивно занялся навигацией и — невозможно устоять перед искушением сказать — внёс значительный вклад в эту науку. Он заключил контракт на написание учебника по кораблестроению с гонораром 1200 рублей.⁶ В период между 1735 и 1740 годами Эйлер написал более 20 рецензий по самым разным вопросам, например, о массе и весе или о пожарных насосах (брандспойтах). Часто между рецензиями и его публикациями, в которых он использовал полученные знания, прослеживается

¹ См.: *Gsell*, Georg Gsell. S. 322 ff. Пётр I познакомился с ним в Амстердаме и оценил его искусство. Он привёз его в Петербург в качестве придворного художника и хранителя своей художественной галереи. Пётр планировал обучать в Академии наук также «благородным искусствам» и видел в Гзеле будущего преподавателя живописи. В конечном счёте тому пришлось довольствоваться уроками рисования в академической Гимназии и исполнением различных поручений Академии. Его уроки рисования считают началом Академии художеств. Он обучал также участников экспедиции Беринга на Камчатку. Гзель принадлежал к кругу друзей Шумахера.

² *Spiess*, Euler. S. 71 f.; *Пекарский*, История I. С. 252 и далее.

³ Издано в 1739 в СПб.; *Fueter*, Geschichte. S. 120.

⁴ *Пекарский*, История I. С. 254.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ *Spiess*, Euler. S. 74. [Имеется в виду знаменитая «Морская наука» (*Scientia navalis seu tractatus de construendis ac dirigendis navibus*. Pars 1-2. Petropoli, 1749). — *Прим. ред.*]

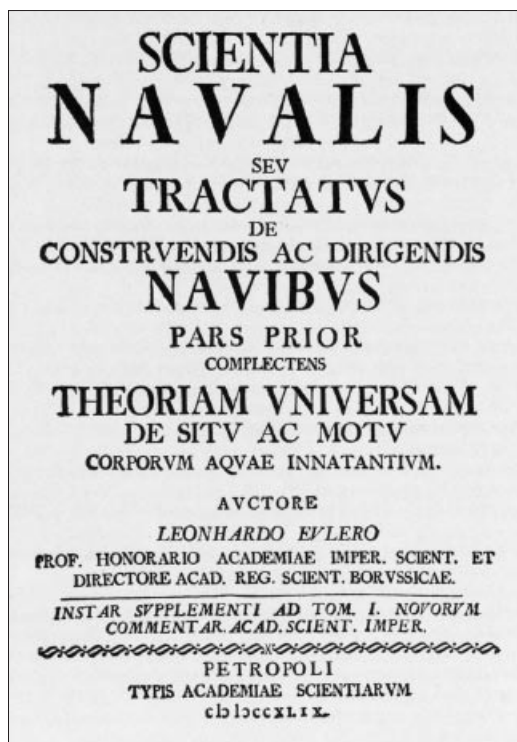

Рис. 8. Титульный лист «Морской науки» Л. Эйлера

непосредственная связь.¹ Деятельность в качестве рецензента привела теоретика Эйлера в прикладную науку.

В 1735 году перед Академией была поставлена ещё одна задача. Эйлер, по собственному желанию, включился в работы Географического департамента и получил за это дополнительное жалование в размере 200 рублей. В этом департаменте он курировал проект создания Генеральной карты России. Первое поручение касалось создания карты европейских границ России, эту работу Эйлер закончил 6 сентября 1736 года и передал её адъютанту В. Е. Ададурову для корректировки русских топонимов.² Вместе с новым астрономом Гейнзиусом Эйлер очень активно занимался этими географическими работами.³

При французском астрономе Ж.Н. Делиле Эйлер — как и Даниил Бернулли — ещё в начале своей работы в Академии стал интенсивно изучать астрономию. Делиль вместе со своими учениками создал Петербургскую астрономическую школу, опирающуюся на математический фундамент. Поэтому работа Эйлера в обсерватории была буквально предопределена. Начиная с 1733 года, он в течение девяти лет ежедневно утром и вечером проводил астрономические наблюдения и тем самым был самым активным помощником Делиля. Через полтора года

¹ Kopelevi, Leonhard Euler. S. 377.

² Nevskaja, Euler als Astronom. S. 367 f.

³ Spiess, Euler. S. 74.

Делиль доверил ему проводить наблюдения самостоятельно. Эйлер анализировал полученные Делилем результаты и составлял таблицы, служившие основой для вычислений. Вместе со своими коллегами он много занимался пятнами на Солнце и был в полном восторге от этой работы. С помощью собственного аналитического метода он упростил сложные расчёты орбит комет, предложенные Ньютоном.¹ Помимо этого, он занимался также проблемами преломления света, проводя лабораторные опыты и составляя новые таблицы рефракции.²

Хотя все эти дополнительные работы и отвлекали Эйлера, но всё же не помешали ему внести решающий вклад в развитие высшей математики. Вскоре практически в одиночку он обеспечил математические публикации Академии. К 33 годам он написал примерно 80 сочинений по различным вопросам.³ Вопреки опасениям Эйлера, его двухтомная «Механика»⁴ всё же была издана в Петербурге уже в 1736 году. За ней в 1738 году последовало его второе главное сочинение — «Руководство к арифметике для употребления в гимназии при Имп. академии наук»⁵. Оно обеспечило Эйлеру место на Олимпе среди мэтров математики. В механике он успешно использовал методы анализа для объяснения процессов, происходящих в природе. Это достижение позволило ему довести до совершенства предшествующие работы Лейбница и членов семьи Бернулли. Аналитический подход Эйлера отличался от обычного синтетического, который исходил из геометрических конструкций и пользовался особой популярностью, прежде всего, в Англии.⁶ Но его личное и профессиональное счастье омрачили проблемы со здоровьем.

В сообщениях самого Эйлера работа в Географическом департаменте часто упоминается в качестве причины потери зрения правым глазом.⁷ В августе 1740 года Эйлер попросил освободить его от этих работ, которые стоили ему зрения, эта просьба была удовлетворена.⁸ Фусс пишет:

«Он явил ещё один более яркий пример своего железного прилежания и усердия, когда в 1735 году надо было сделать срочные вычисления, на проведение которых разные академики просили несколько месяцев, а он выполнил их за три дня. Но как дорого ему пришлось заплатить за это напряжение сил! Оно явилось причиной сильнейшей лихорадки, которая чуть не свела его в могилу. Хотя его организм победил, и он выздоровел, но ослеп на правый глаз в результате абсцесса, развившегося во время болезни».⁹

На основании этого свидетельства позднее сформировалось мнение, что Эйлер потерял зрение из-за нечеловеческого напряжения, но это утверждение в таком виде безосновательно.

«Потеря столь ценного органа означала бы для любого сильный повод пощадить себя и сохранить оставшийся глаз; но работа в силу устойчивой привычки стала для

¹ *Neuskaja*, Euler als Astronom. S. 363 ff.

² Там же. S. 369 f.

³ О важности и многообразии работ см.: *Fellmann*, Euler.

⁴ *Mechanica sive motus scientia analyticae exposita*. Т. 1-2. Petropoli, 1736. — *Прим. ред.*

⁵ Перевод на русский язык, выполненный В. Адодуровым, вышел в свет в 1740 г. — *Прим. ред.*

⁶ *Spiess*, Euler. S. 78.

⁷ Ср.: *Fuss*, Correspondance I, S. 102 f.

⁸ *Fuss*, Correspondance. I. S. 102: Brief von Euler an Goldbach.

⁹ *Fuss*, Lobrede. S. 23 f. См., в частности, также: *Bernoulli*, Augenkrankheiten. *Fueter*, Geschichte. S. 122 f, 263 f. указывает также на то, что эта версия относится к области легенд.

Рис. 9. Титульный лист «Руководства к арифметике» Л. Эйлера

него потребностью, так что из-за неё он часто забывал даже о первейших потребностях человека, еде и сне».¹

Россия стала для Эйлера второй родиной. В отличие от многих иностранных членов Академии, он быстро освоил русский язык, разговорный и письменный.² Но в 1736 году он ещё отдавал на проверку русскому адъюнкту русские названия на составленной им карте. В 1743 году он вёл переписку с А.К. Нартовым на русском языке.³ Но в это время он уже находился в Берлине. Он спасся бегством от хаоса ситуации, сложившейся после смерти императрицы Анны.⁴ Поэтому желание прусского короля Фридриха заполучить его в Берлин пришлось Эйлеру очень кстати. Ещё в 1740 году король установил контакт с «grand algébriste» («великим алгебраистом». — *Прим. ред.*), чтобы пригласить его для создания академии в Берлине.⁵ Официальное предложение было сделано через прусского посла 15 февраля 1741 года.⁶

¹ *Fuss, Lobrede*. S. 24.

² Развитие естествознания. С. 52.

³ *Пекарский*, История I. С. 258.

⁴ См.: *Stökl*, Geschichte. S. 389 f.

⁵ Ср.: *Пекарский*, История I. С. 256 и далее.

⁶ *Stieda*, Übersiedlung. S. 8; ср.: *N. Fuss, Eloge*; *Grau, Euler*. S. 142 f.: В 1700 г. Лейбниц основал в Берлине Научное общество (Sozietät der Wissenschaften), в 1743 г. возникло Литературное общество (Société Littéraire). Учёные сообщества в 1744 году были объединены в новую Академию наук.

В Петербурге было совсем не просто добиться отставки. Как ранее Бернулли, так теперь и Эйлеру для её получения пришлось указать в качестве причины проблемы со здоровьем. С признанием его больших заслуг перед Академией он был уволен 20 мая 1741 года, ему было присвоено звание члена-корреспондента Академии с пенсией 200 рублей.¹ В июле 1741 года Эйлер прибыл в Берлин. Самуэль Кёниг благодарил Мопертюи: «Вы выгнали Эйлера из льдов Московии; Швейцария благодарит вас».² Иоганн Бернулли также выразил радость в связи с тем, что его друг вновь оказался ближе к нему. Академия была открыта только в 1744 году, Эйлер был назначен директором математического класса.³ Он купил дом в Берлине и чувствовал себя хорошо. С Россией он поддерживал постоянные контакты. Он принял у себя несколько воспитанников Петербургской академии и преподавал им математику, в том числе будущим профессорам С. Я. Румовскому и К. Котельникову.⁴ О последнем у Эйлера сложилось особенно высокое мнение, которое Котельников подтвердил своей карьерой. Часто основной темой переписки между Эйлером и Шумахером была проблема средств на содержание учеников. В 1754 году Эйлер грозил отослать обоих учеников обратно, если в ближайшее время не поступят средства на их содержание.⁵ Эйлер предложил переводить ему на содержание каждого адъюнкта ежегодно по 240 рублей, которые должны поступать в три этапа. Он писал, что невозможно, чтобы адъюнкты сами оплачивали работу Эйлера из своего маленького жалования.⁶ На занятиях с этими двумя математиками, которые после возвращения на родину были приняты в Академию, по существу закладывались традиции российской математической школы.⁷ В 1753 году он купил поместье в Шарлоттенбурге. Это позволило ему разместить в городском доме ещё несколько студентов.⁸ Интересным представляется суждение Эйлера о механике для Петербургской академии. Когда была отклонена кандидатура одного немецкого претендента, Эйлер предложил Шумахеру прислать на учёбу в Берлин молодого русского математика, интересующегося механикой. Он (Эйлер) обучил бы его теории, а И.Н. Либеркюн — практике, и Академия с гарантией получила бы хорошего механика, потому что русские более способны к ней, чем немцы. И далее: в отличие от русских, немецкий ремесленник вряд ли может изготовить что-нибудь, чему его не научили.⁹ О многом говорит, как мне кажется, и просьба, с которой Эйлер обратился к отъезжающим русским студентам, а именно прислать ему русские счёты.¹⁰

¹ Пекарский, История I. С. 257.

² Stieda, Übersiedlung. S. 13 цитата из: *Le Sueur*, Maupertuis et ses correspondants, 1896.

³ Stieda, Übersiedlung. S. 14.

⁴ Euler, Briefwechsel. S. 374, No.2229, Schumacher an LE vom 9.2.1751. На Эйлера произвело впечатление качество одной представленной ему работы Котельникова, и он выразил готовность готовить обоих к будущей деятельности в Петербурге, ср.: там же No.2234 vom 9.3.1751. Котельников впоследствии получил звание адъюнкта. Сначала он отправился в Лейпциг, потому что не получил паспорта для Берлина (No.2243 vom 16.7. 1751). Но поскольку с Гейнзиусом случился удар, Котельников не может ничему научиться в Лейпциге, так как остальные математики вряд ли знают больше, чем он, писал Эйлер Шумахеру (No.2245 vom 14.8.1751). В июле 1752 г. Котельников, наконец, приехал к Эйлеру.

⁵ Там же. S. 394, No.2360 vom 12.11.1754.

⁶ Там же. S. 395, No.2367 vom 28.12.1754.

⁷ Amburger, Beziehungen. S. 123.

⁸ Euler, Briefwechsel. S. 387, JE an Schumacher, No.2311, vom 7.8.1753.

⁹ Там же. S. 386, No.2306 vom 30.6.1753.

¹⁰ Там же. S. 391, No.2336 vom 30.3.1754.

В 1744 году адъюнкт Г. Теплов, а также К.Г. Разумовский, будущий президент Академии, в течение долгого времени жили у Эйлера.¹ С адъюнктом М. Софроновым, который прибыл в Берлин вместе с Разумовским в 1754 году, у Эйлера возникли некоторые проблемы. Адъюнкт неоднократно обещал бросить пить, но не сдержал слова, и Эйлер в 1755 году отослал его обратно в Петербург. Он просил Шумахера найти для Софронова хорошее место, тем более что тот обещал исправиться.² Шумахер отказывался оплачивать расходы на содержание и этих адъюнктов. Эйлер безуспешно жаловался в различные петербургские инстанции. В конце концов, Румовский и Котельников были в 1756 году отозваны обратно в Петербург.³

В начале 1746 года Эйлер выразил своё удовлетворение переездом в Берлин: он обладает здесь достаточной свободой делать, что ему хочется, и зависит только от короля, который называет его «мой профессор». Он самый счастливый человек на свете.⁴ Но ситуация изменилась уже в 1747 году, когда Эйлер опубликовал своё сочинение «Спасение божественного откровения от упрёков вольнодумцев» («*Rettung der göttlichen Offenbarung gegen die Einwürfe der Freygeister*») и выступил против атеистических идей, очень популярных в то время при дворе. В марте 1748 года он уже обдумывал для себя альтернативы Берлину. О Петербурге не было и речи, так как он полагал, что у его семьи не было надежд на длительное пребывание там. На родине для него не было подходящего места, оставалась разве что Англия.⁵ Когда Эйлеру предложили место преемника Иоганна Бернулли, он не захотел возвращаться в Базель. С одной стороны, вероятно, из уважения к Даниилу и Иоганну II Бернулли, которые были кандидатами на это место. С другой стороны, Базель даже близко не мог предложить ему такие финансовые условия, как Берлин. Как говорят, Иоганн I Бернулли назвал его жалование в 1600 талеров истинно королевским вознаграждением, в то время как он сам вынужден был довольствоваться 262 базельскими фунтами и четырьмя выюками винограда и зерна. Доходы Эйлера увеличивались ещё благодаря премиям Академии, в целом по некоторым данным они составили порядка 30 000 ливров.⁶

Благодаря своей исключительной творческой энергии и работоспособности Эйлер снабжал многочисленными сочинениями не только «Записки» Берлинской академии⁷ но и «Комментарии» С.-Петербургской Имп. Академии наук. Несравненные достижения Эйлера Парижская академия по достоинству оценила, избрав его в 1755 году девятым иностранным членом, хотя устав допускал только восемь.⁸

Из Берлина Эйлер рекомендовал для работы в России не только немецких, но и молодых русских учёных, учившихся в немецких университетах.⁹ Русские

¹ *Amburger*, Beziehungen. S. 122. Теплов же после возвращения в 1745 году быстро стал самым влиятельным после Шумахера человеком в администрации Академии.

² *Euler*, Briefwechsel. S. 393, No.2352 vom 27.8.1754; S. 394, No.2366 vom 21.12.1754; No.2379 vom 15.3.1755; *Пекарский*, История I. С. 274 сл. В 1752 г. Шумахер прислал Эйлеру работу Софронова, которую Эйлер сначала подверг уничтожительной критике, но изменил своё суждение, узнав, что молодой математик написал своё сочинение совершенно самостоятельно, см.: *Euler*, Briefwechsel. No.2258, 4.3.1752.

³ *Пекарский*, История I. С. 276–278. Позднее Эйлер получил вознаграждение.

⁴ Там же. С. 262, перевод письма Эйлера Веттштейну от 18 янв. 1746 г.

⁵ Там же. С. 263 и далее, перевод из письма Эйлера Веттштейну от 5.3.1748.

⁶ *Spiess*, Euler. S. 105.

⁷ *Mémoires de l'Académie Royale des sciences et des belles-lettres de Berlin*. — *Прим. ред.*

⁸ *Thiele*, Euler. S. 109.

⁹ *Пекарский*, История I. С. 275.

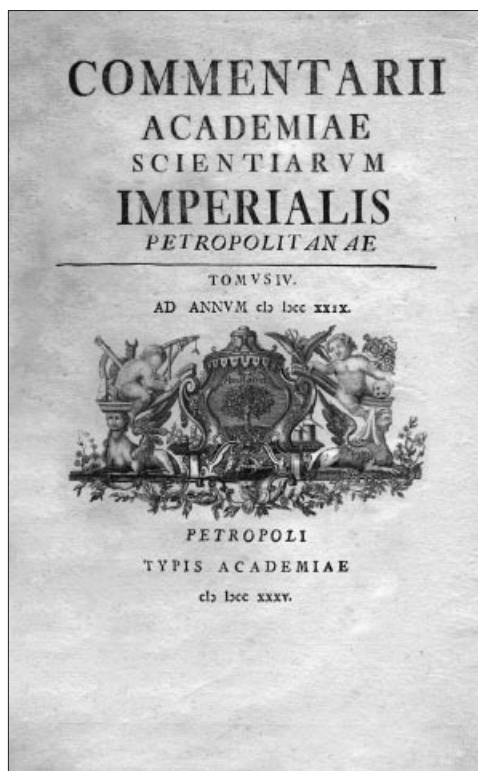

Рис. 10. Титульный лист «Комментариев»
Императорской академии наук

и советские историки с благодарностью признают, что Эйлер выступил в защиту непризнанного в Петербургской академии М. В. Ломоносова и очень рано распознал его гениальность. В одном из споров с Ломоносовым Шумахер призвал в качестве арбитра Эйлера, который взял Ломоносова под защиту.¹ По совету Эйлера защита Ломоносова против немецких нападков на его физические теории была опубликована в «Nouvelle Bibliothèque Germanique».²

Неприятности Эйлер нажил себе публикацией сочинения «Institutiones calculi differentialis»³ (Наставление в дифференциальном исчислении. — *Прим. ред.*). В августе 1755 года работа была напечатана, и Эйлер отправил в Петербург счёт.⁴ В декабре типография потребовала оплаты, но Эйлер к тому времени ещё не получил денег от Академии. В мае 1756 года прусский канцлер дал, наконец, разрешение на открытую продажу всего тиража для удовлетворения финансовых требований поставщиков бумаги и печатника. Эйлер сам расплатился с кредиторами из полученной от Парижской академии премии, чтобы избежать неловкой

¹ Euler, Briefwechsel. S. 390, No.2332 vom 23.2.1754.

² Amburger, Beziehungen. S. 124. Она была опубликована в 16 томе, 1755.

³ В переводе с латинского, выполненном М.Я. Выгодским: Дифференциальное исчисление. М/Л., 1949. — *Прим. ред.*

⁴ Euler, Briefwechsel. S. 400, No.2392 vom 5.7.1755.

ситуации. Но обещанной немедленной компенсации со стороны Петербургской академии ему пришлось ждать ещё долго. Вероятно, вопреки договоренности, Академия была не готова взять на себя типографские расходы. Во всяком случае, из одного письма Эйлер сделал вывод, что он впал в немилость у президента. В сложившейся ситуации, естественно, Эйлер и подумать не мог о работе в Петербурге. Само это несчастное дело было улажено, но теперь Эйлер сидел на своих книгах, которые раскупались очень плохо.¹

О том, как получилось, что Эйлер всё же вернулся в Петербургскую академию наук, мы расскажем немного позже.

5.4. Иоганн Амман

После данного в феврале 1733 года согласия занять должность профессора ботаники и естественной истории Иоганн Амман 19 июня того же года впервые принял участие в Конференции Санкт-Петербургской академии. Он продолжил работы своего предшественника Буксбаума и уже в 1733 году на основании наблюдений Буксбаума опубликовал следующий том: «*Plantarum minus cognitarum, centuria IV*» («Растений малоизвестных четвёртая сотня». — *Прим. ред.*). В 1736 году Амман по поручению Академии заложил Академический ботанический сад, который позволил проводить изучение растений, собранных во время больших экспедиций. Сам Амман не принимал участия в научных экспедициях, а определял и систематизировал присланные растения. Так, в письме Карлу Линнею он пишет, что получил множество видов растений из Америки, Татарии и Сибири, но у него не хватает времени для их описания. Поэтому он хотел бы иметь книгу «Краткая флора Лапландии» («*Flora Lapponica*») Линнея, так как в неё включены многие из этих растений. Переписка с Карлом Линнеем и другими знаменитыми ботаниками того времени свидетельствует о том, что, находясь в Санкт-Петербурге, Амман участвовал в научных дискуссиях и поддерживал тесные контакты с республикой учёных.² Учёные посылали друг другу важные сочинения и засушенные растения. Так, Амман обратился к своему коллеге Линнею с просьбой прислать публикации новой Королевской академии в Стокгольме. Правда, в декабре 1739 года из-за окончания навигации ему самому не удалось отправить обещанную посылку с книгами — его собственным сочинением «*Stirpium rariorum*»³ и книгой директора Ботанического сада⁴ И.Г. Зигесбека «*Florae Petropolitanae*».⁵ Только

¹ Там же. S. 402 f., No.2407 bis 2415, vom 25.5.1756 bis 15.2.1757.

² В Архиве Академии в Санкт-Петербурге имеется переписка Иоганна Аммана с Иоганном Фредериком Гроновиусом из Лейдена (12 писем), Иоганном Якобом Диллениусом из Лондона (14 писем), Готфридом Селлиусом из Галле и Утрехта (4 письма), Альбрехтом Галлером из Гёттингена (4 письма), Пьером Коллинсоном из Лондона (22 письма), Гансом Слоаном из Лондона (16 писем), И.П. Брауне из Данцига (12 писем) и также с Никлаусом Бернулли из Базеля (1 письмо).

³ «*Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones*» (Изображения и описания редких дикорастущих растений в Российской Империи). — *Прим. ред.*

⁴ Существовало два разных Ботанических сада: один принадлежал Академии наук, а другой — Медицинской коллегии.

⁵ Johann Ammann to Carl Linnaeus, St. Petersburg, 2./13. Dezember 1739, The Linnaean correspondence, www.linnaeus.c18.net, Brief L0314 (zuletzt besucht 26. Juni 2007).

весной 1740 года он поручил передать книгу одному шведскому торговцу, но в октябре она всё ещё не дошла до Линнея. В другом письме Карлу Линнею Амман анализирует новый метод классификации растений на основе морфологических признаков (лепестков, пестиков), предложенного Линнеем. Амман считал этот метод пригодным для определения родов, но не очень подходящим для определения классов высших растений.¹

В своём главном труде «*Stirpium rariorum*» Амман обработал результаты экспедиций Мессершмидта, Гмелина и Гейнцельмана. Он посеял семена редких растений в Ботаническом саду Академии и описал эти растения. Книга «*Stirpium rariorum*» была издана в 1737 году в издательстве Академии и нашла международное признание. В 1738 году Канцелярия Академии назначила его помощником Даниила Шумахера в Кунсткамере, с повышением жалования на 100 рублей в год. Амман в качестве профессора естественной истории руководил организацией естественнонаучной коллекции Кунсткамеры.² В 1739 году он женился на дочери императорского библиотекаря Даниила Шумахера — самого влиятельного человека в Академии.

5.5. Фредерик Мула

После смерти Иоганна Аммана в 1741 году и отъезда Эйлера последним оставшимся в Академии швейцарцем был адъюнкт Мула.³ Мула приехал в Петербург в 1735 году вместе с графом И. Г. Головкиным по рекомендации Бернулли. Он представил Академии некоторые из своих работ, и сначала барон Корф назначил его адъюнктом Эйлера с годовым жалованием 360 рублей.⁴ В контракте Мула подробно перечислены обязанности адъюнкта:

«По высочайшему указу Её Императорского Величества с господином Фридрихом Мула⁵ был согласован и заключён следующий контракт: последний поступает на службу в Императорскую Академию наук в качестве адъюнкта по математике (*adjunctus matheseos*) и обязуется всеми возможными способами способствовать чести и интересам Академии, аккуратно присутствовать на её Конференциях, старательно и точно выполнять всё, что будет поручено в области математики или за пределами оной, но, кроме того, наилучшим образом совершенствоваться в доступных ему познаниях. За это ему, как другим адъюнктам, обещано третьими выплачивать ежегодное жалование триста и шестьдесят рублей, включая расходы на квартиру, дрова и свет, и при этом дано заверение, что он при следующей оказии будет принят во внимание. Санкт-Петербург. Фредерик Мула».⁶

Позднее обязанности Мула были уточнены: дополнительно ему предписывалось часто посещать профессоров и писать различные сочинения. Помимо это-

¹ Johann Ammann to Carl Linnaeus, St. Petersburg, November 1737, The Linnaean correspondence, www.linnaeus.c18.net, Brief L0220 (zuletzt besucht 26. Juni 2007). Зигесбек, со своей стороны, отозвался о новом методе очень критически. [Перевод переписки И. Аммана с К. Линнеем на русский язык см. в сб. статей: Карл Линней. 250 лет со дня рождения (1707–1957). М., 1958. — *Прим. ред.*]

² Развитие естествознания. С. 36.

³ Об Аммане см.: *Mumenthaler*, Armuth. S. 98 ff.

⁴ *Пекарский*, История. Т.1. С. 572.

⁵ Его имя часто пишется также как Moulart, Mula и Mulla.

⁶ Материалы. Т. III. С. 12 и след.

го он должен был преподавать в гимназии геометрию.¹ Эйлер указал ему тему по математике, которой тот должен был заниматься.² Уже спустя короткое время Мула представил собранию Академии работу о максимумах и минимумах в прямолинейных фигурах³. Параллельно он занимался переводами на французский язык: в 1736 году он перевёл латинский текст ответа Эйлера Делакруа⁴, а в 1738 году сделал перевод с немецкого языка на французский регламента Академии.⁵

Мула преподавал геометрию в латинском классе Академической гимназии с 1739 года, а в 1742–1744 годах — алгебру в Академическом университете.⁶ При этом у него было два ученика, А. Протасов и будущий ученик Эйлера и профессор Академии С. Котельников.

Потеряв надежду на продвижение по службе в Академии и испытывая недовольство Шумахером, 1 июня 1743 года Мула подал прошение об отставке, сославшись, как и его предшественники, на проблемы со здоровьем. Врачи якобы рекомендовали ему сменить климат. Плохое состояние здоровья слишком часто мешало ему, по его словам, выполнять обязанности. Мула просил немедленно уволить его, чтобы он мог отправиться в путь в тёплое время года.⁷ Хотя профессора поддержали прошение Мула, однако президент Академии не дал согласия. Академики выразили протест против такой политики удерживания свободных людей против их воли. По их мнению, если об этом узнают за границей, то ни один учёный больше никогда не приедет в Россию.⁸ Тем не менее прошло больше года, прежде чем 10 июля 1744 года Мула был уволен. В декабре 1744 года он написал Шумахеру, что будет сопровождать графа Головкина в его поездке за границу.

Спустя полгода в Академии было зачитано письмо Мула, в котором он сообщал, что получил в Берлине место профессора в гимназии. Впоследствии члены Академии упрекали Шумахера в том, что он выгоняет способных адъюнктов, которые потом в других местах получают профессорские должности. Они бы не ушли, если бы у них была надежда сделать карьеру и если бы они были довольны своей работой в Академии.⁹

В марте 1746 года Эйлер рекомендовал Мула как молодого способного ученого для работы в Берлинской академии или в Иоахимстальской гимназии.¹⁰ Потом след Мула теряется. В 1747 году он жил в Венеции и писал о раскопках в Геркулануме. Затем он вернулся в Санкт-Петербург, что следует из письма, которое Эйлер через Шумахера отправил ему туда в октябре 1748 года. В марте 1749 года Шумахер сообщил Эйлеру, что Мула снова покинул Петербург.¹¹

¹ Там же. С. 572.

² Протоколы. Т. I. С. 436.

³ De maximis in figuris rectilineis. Comm. T. IX. 1737. P. 138–159. — *Прим. ред.*

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Пекарский, История I. С. 572 и след.; Протоколы. Т. I. С. 468.

⁶ Материалы. Т. IV. С. 27 и С. 56. Материалы. Т. V. С. 309.

⁷ Материалы. Т. V. С. 710 и след.

⁸ Там же. С. 720. Заседание 17.6.1743.

⁹ Пекарский, История. Т. I. С. 573.

¹⁰ Euler, Briefwechsel. S. 260. No. 1504, LE an Maupertuis, 14.3.1746.

¹¹ Пекарский, История I. С. 574. В 1749 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили об отъезде Мулы из Петербурга.

24 мая 1749 года Мула вместе с Газе, якобы швейцарским математиком, прибыл в Берлин.¹

По некоторым сведениям, позднее он вернулся в Невшатель, где работал переводчиком прусского короля.² Кроме того, он обучал математике одного из членов семьи Бернулли, который жил у него больше года.³ В 1774 году он поздравил Эйлера с возвращением в Петербург.⁴ Мула скончался в Невшателе в 1783 году, в год кончины Эйлера.

Таким образом мы подошли ко второму петербургскому периоду Эйлера.

---

¹ *Euler*, Briefwechsel. S. 367, No. 2183 vom 14.3.1749 und No.2187: Euler an Schumacher, Berlin 24.5.1749.

² HBL. Bd. 5. S. 175.

³ Biographie Neuch teloise. Bd. 2. S. 134 f.

⁴ *Euler*, Briefwechsel. S. 286. No.1678, Februar 1774.

6. ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР. ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД

В 1763 году начались переговоры с Санкт-Петербургской академией о возможности возвращения. Штида досконально изучил возвращение Эйлера, поэтому мы можем не останавливаться здесь на этой теме.¹ Наиболее интересным для нас представляется то обстоятельство, что на решение Эйлера решающим образом повлияло отсутствие перспектив на будущее у его старшего сына. Сознавая собственную значимость, Эйлер потребовал за своё возвращение гордую сумму 3000 рублей и место профессора физики для своего сына с жалованием 1000 рублей. Из письма канцлеру М.И. Воронцову следует, что у Эйлера уже были чёткие представления относительно того, как должна быть реорганизована Петербургская академия для возвращения ей былого блеска.² Именно такие надежды связывала императрица с приглашением самого знаменитого математика того времени. За это она с готовностью заплатила требуемую цену. В начале 1766 года Эйлер подал Берлинской академии прошение об отставке, и 6 июня семейство, состоящее из 18 человек, покинуло Берлин. По приглашению короля Польши Эйлер поехал через Варшаву, где в течение 10 дней пользовался самым радушным гостеприимством Станислава Августа.³ В Петербурге ему был оказан ещё более радушный приём со стороны Екатерины: она приняла Эйлера сразу после его прибытия и лично позаботилась о том, чтобы Христофор, младший сын, который ещё находился на военной службе в Пруссии, смог последовать за отцом в Россию.

4 августа 1766 года на заседании Академии был зачитан указ Сената, согласно которому Эйлер занял свою прежнюю должность, а Иоганн Альбрехт получил звание профессора физики, которое одновременно подразумевало и должность директора Физического кабинета.⁴ И.А. Эйлер стал преемником известного физика Эпинуса, который перешёл на государственную службу.⁵

Вскоре после приезда в Петербург Леонард Эйлер тяжело заболел. Под наблюдением своего сына Карла, который советовал сделать операцию, Леонард Эйлер прошёл курс лечения глаз.⁶ В апреле он опять тяжело заболел, врачи были бессильны. Иоганна Альбрехта даже вызвали к постели умирающего, но его отец всё же справился с болезнью и на этот раз.⁷ Иногда уход за больным отцом становился Карлу не по силам, так как он, по-видимому, не обладал достаточным авторитетом.

---

¹ *Stieda*, Übersiedlung; см.: также *Spiess*, Euler. S. 80–183 и *Fellmann*, Euler. S. 82.

² *Stieda*, Übersiedlung. S. 60 f. Воспроизводит письмо Л. Эйлера русскому канцлеру Воронцову от 24 декабря 1765 г., опубликованное в: *Пекарский*, Записки. С. 84–86.

³ *Fuss*, Lobrede. S. 81 f.; SBBPK, Ms, NF, Brief von Anne-Charlotte-Sophie Euler an Formey, Warschau, 27.6.1766.

⁴ *Геккер*, Семья. С. 477.

⁵ *Stäckel*, Euler. S. 67. Эпинус (1724–1802), кстати, уже был его предшественником в Берлине в качестве руководителя обсерватории.

⁶ SBBPK, Ms, NF, SPb. 7.2.1767.

⁷ SBBPK, Ms, NF, SPb. 20.4.1767.

Леонард Эйлер преодолел кризис, но зрение к нему не вернулось. Напрашивается предположение, что потеря зрения должна была положить конец его научной карьере. Одним из объяснений того, что слепота не вынудила Эйлера отказаться от работы, является его фантастическая память, о которой пишет Фусс:

«Его огромная слава и в ещё большей степени общественное уважение, основанное на добродетелях, которые не всегда сочетаются с научными заслугами, часто привлекали к нему путешествующих визитёров. Я видел, как многие из них уходили от него со смесью удивления и восхищения. Они не могли понять, как человек, который уже полстолетия занимался, казалось, только открытиями в естествознании и математике, мог запомнить столько ненужных ему и чуждых предмету его исследований знаний. Это было следствием удивительной памяти, в которой сохранялось всё, что попадало в неё из когда-либо прочитанного. Кто, подобно Эйлеру, мог наизусть с начала до конца прочесть “Анаис” и мог назвать первые и последние строфы на каждой странице в собственном экземпляре этой поэмы, вероятно, должен быть в состоянии запомнить и то, что он читал в том возрасте, когда впечатления являются наиболее яркими и живыми».¹

С тех пор он стал зависеть от своих сотрудников, которые переносили его идеи на бумагу. При написании учебника по алгебре эту задачу выполнял один слуга,² впоследствии Эйлер приглашал для этих целей специалистов, сначала В.Л. Крафта, который был принят на службу в 1769 году в качестве наблюдателя за прохождением Венеры по диску Солнца и жил в доме Эйлера.³ С его помощью на свет появилась «Диоптрика», которая была издана в трёх томах в 1769–1771 годах. По словам Фусса, этот труд слепого мэтра явился фундаментом оптики как науки.⁴ Сын также помогал Эйлеру, однако складывается впечатление, что отец часто предъявлял к нему чрезмерные требования.⁵

«В этот момент мой отец посылает за мной, чтобы я почитал ему сочинение по математике, только что полученное им. Нетерпеливого и любознательного, таков он есть, я не хочу заставлять его ждать долее».⁶

В 1771 году свершилось чудо: после операции, сделанной знаменитым окулистом бароном фон Венцелем, к Эйлеру вернулось зрение.⁷

«Радуйтесь, мой многоуважаемый дядя, а мы бесконечно благодарны всевышнему: мой отец видит, он вновь обрёл зрение, и это произошло вчера в 4 часа 30 минут пополудни, когда была проведена операция с самым счастливым исходом.

Операцию назначили на вчера, 15 сентября, и у моего отца, кроме родственников, побывали статский советник фон Крузе, первый врач Великого Князя и восемь других врачей. Барон Венцель сделал операцию с удивительным умением и менее чем через четыре минуты мой отец сказал слова, которые проникли прямо нам в души: “Я вижу всё”. [...] Господин Венцель считает, что через шесть дней мой отец сможет

¹ *Fuss, Lobrede*. S. 112 f.

² Эйлер намеренно нашёл необразованного ученика портного, чтобы посмотреть, действительно ли его алгебра достаточно понятна. Эксперимент удался.

³ SBBPK, Ms, NF, SPb. September 1767.

⁴ *Fuss, Lobrede*. S. 85 ff.

⁵ SBBPK, Ms, NF, SPb. 30.9./11.10.1768; цитируется в: *Mumenthaler, Sekretäre*. S. 420.

⁶ SBBPK, Ms, NF, SPb. 1.10.1781. Перевод с французского.

⁷ *Stieda, Übersiedlung*. S. 41 f.; о ходе операции ср.: *R.Bernoulli, Augenkrankheiten*. S. 479 f. Разумовский, президент Академии, пригласил Венцеля, чтобы тот сделал ему операцию за 5000 рублей. SBBPK, Ms, NF, SPb, 16./27.9.1771.

пользоваться своим глазом как совершенно здоровым. [...] Я вне себя от радости и поэтому плачу».¹

Радость семьи была преждевременной. После операции возникли осложнения, прооперированный глаз воспалился. Лишь с большим трудом Карлу удалось убедить отца отказаться от прописанных Венцелем сильнодействующих медикаментов. Врачи проявили всё своё искусство, которое в то время состояло в применении шпанских мушек, кровопускания, пиявок, варёного картофеля с камфарой и компрессов. Боли ослабли, и появилась надежда на то, что у Эйлера сохранится слабое зрение, если он будет щадить себя. Он не должен был читать и писать, что он, по всей видимости, опять смог делать сразу после операции.² Но вскоре стало ясно, что улучшение было лишь временным. Эйлеру до конца жизни пришлось пользоваться аспидной³ доской, на которой он мог различать большие белые буквы.⁴ Но читать книги он больше не мог. В этой ситуации ему пришлось подыскивать постоянного помощника, коего он, наконец, обрёл в лице Николая Фусса.

В 1774 году Иоганн Альбрехт писал, что у его отца дела идут отлично. Он наслаждается полной свободой и приходит в Академию только тогда, когда ему хочется:

«Моему отцу в данный момент живётся чудесно: можно подумать, что с годами он становится моложе. Он посещает Академию, когда ему хочется, и он просил графа Орлова не беспокоить его по этому поводу, что ему и было немедленно обещано. То есть он полностью наслаждается этой свободой и держит ответ за свои дела только перед Богом. Его зрение всё в том же состоянии: он в общих чертах различает предметы, которые оказываются перед ним, и этого достаточно. А потому, когда у него появляется желание работать, то ему надо лишь позвать молодого Фусса или другого из студентов, каковых всегда множество вокруг него: они иногда читают ему. Иногда записывают то, что он им диктует, и как первый, так и остальные могут производить аналитические вычисления».⁵

Аналогичные свидетельства оставил и Пауль Фусс, который ссылается на рассказы своего отца: в центре кабинета находился стол с чёрной столешницей, на которой Эйлер крупными буквами и цифрами в общих чертах записывал свои идеи. Николай Фусс приходил к нему каждое утро, беседовал с ним на различные темы, занимался его перепиской или обсуждал с ним вычисления. Эйлер, в свою очередь, показывал ему последние записи на столе и объяснял свои идеи. Выполнение вычислений он предоставлял своему помощнику. Размышляя, Эйлер ходил вокруг стола. При этом одной рукой он всегда касался стола, в результате края со временем стёрлись и отполировались. Обычно уже на следующий день Фусс приносил мэтру результаты вычислений, которые записывал в толстую тетрадь (гроссбух). Если Эйлер соглашался с предложенным вариантом, то Фусс редактировал сочинение и передавал его прямо в Академию. Слепота, по всей видимости, ещё больше обострила поразительную память Эйлера. Он в уме про-

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 16./27.9.1771. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.11.1771. Перевод с французского.

³ Аспидными досками называли чёрные грифельные доски, изготовленные с использованием аспидного сланца. — *Прим. ред.*

⁴ R. Bernoulli, Augenkrankheiten. S. 481; SBVPK, Ms, NF, No.307, SPb. 3./14.5.1773.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. Mai 1774.

изводил сложнейшие вычисления. При этом никогда не ошибался и получал результат быстрее коллег, пользовавшихся бумагой.¹

Но вернемся к моменту прибытия Эйлера в Петербург. Императрица проявила чрезвычайную щедрость:

«Е.В. приказала выплатить моему отцу сумму в 8000 рублей, чтобы он мог купить хороший дом для себя и своих потомков; Она также сделала нам подарок в виде мебели, которую мы обнаружили в доме, в котором живём в данный момент, и цена которой составляет минимум 2000 рублей».²

Несмотря на то, что императрица ещё наполнила для них подвалы, позаботилась о кухне и предоставила в распоряжение экипажи, а Эйлеры привезли много мебели из Берлина, переезд обошёлся им более чем в 1000 рублей.³ Екатерина не удовлетворила желание Эйлера получить чин и титул — потому что это поставило бы его на одну ступень с людьми, которые были ниже его (так она обосновала своё решение). Его слава лучше любого титула, рассудила императрица.⁴ В отношении отца это было, пожалуй, справедливо, но его сыну пришлось ещё долго ждать, прежде чем он получил чин, который определил его социальный статус в России. Лишь в 1797 году он стал коллежским советником, а в 1799 повышен до статского советника.

В 1771 году один из часто случавшихся в Петербурге пожаров уничтожил дом семьи Эйлеров, который, как и большинство других домов, был деревянным.⁵ В этом пожаре Эйлеры потеряли и большую часть своего имущества. Только по счастливой случайности и благодаря базельскому ремесленнику Петеру Гримму, который, рискуя жизнью, спас из горящего дома слепого Эйлера,⁶ дело ограничилось лишь материальным ущербом, который был отчасти компенсирован императрицей: она, как говорили, подарила пострадавшему Эйлеру 6000 рублей.⁷ Отец графа Головина, проживавшего у Эйлера в качестве постояльца, предоставил семье Эйлеров свой дом. Эйлеры не захотели более двух недель отягощать его своим присутствием и отыскивали две отдельные квартиры.

Сообщение о героическом поступке Гримма профессор Герцог сделал достоянием гласности в Швейцарии, описав его в своём сочинении «*Athenae Raugisae*», материал для которого получил от Фусса. Но Фусс уличил профессора во лжи: «можно подумать, что спасение отца было для детей настолько безразлично, что они отложили заботу о нём до последнего момента и потом предоставили её первому встречному. Как вздорно и оскорбительно со стороны тех, кто распространяет подобные слухи!»⁸ Позднее ему пришлось столкнуться с

¹ *Fuss*, *Correspondance* I. S. 44 f.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 15.8.1766. Перевод с французского.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 11.1.1771.

⁴ *Spiess*, *Euler*. S. 184.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 27.5.1771. Здесь Эйлер описывает пожар.

⁶ *Fellmann*, *Euler*. S. 30.

⁷ *Fuss*, *Lobrede*. S. 98. Императрица подарила им 3000 рублей на новый дом плюс 400 рублей на наём квартиры. Однако иностранные газеты писали о 6000 рублей. И.А. Эйлер надеялся, что эта сумма дойдёт до ушей императрицы, и она соответственно увеличит её. SBVPK, Ms, NF, SPb. 18./29.10.1771.

⁸ BEBS, *Ordner Fuss*. S. 157 f., N. *Fuss an seine Eltern*, SPb. 15.7.1781; cf. UB BS, Ms: L I a 692, f.208, N. *Fuss an J.Bernoulli*, SPb. 18.4.1780 und f.205, SPb. 4.7.1780.

Рис. 11. Дом Л. Эйлера на Васильевском острове на пересечении 10-й линии и набережной Лейтенанта Шмидта (в нём учёный жил с 1766 по 1783 гг.)

тем, что «старые бабы рассказни месье Пьера Гримма» впоследствии всплыли в восхвалениях маркиза де Кондорсе, которые и в остальном полны небылиц.¹ Дневник Иоганна Альбрехта подтверждает справедливость свидетельства Фусса, потому что жизни самого Леонарда Эйлера ничто не угрожало: он возвращался вместе с сыном из Академии, когда увидели пожар на 7-й линии. Прибыв домой, Иоганн Альбрехт приказал доставить родителей в безопасное место, а детей увёз кучер. Оставшиеся пытались вытащить как можно больше вещей на берег реки, но из-за сильного восточного ветра огонь распространился очень быстро. Помимо дома Эйлеров, пожар охватил территорию Васильевского острова между 7-й и 21-й линиями. О тушении пожара больше не могло быть и речи. Эйлером удалось лишь переправить часть вещей на другой берег реки.² Пожар стал причиной огромных расходов. Строительство нового дома, по расчётам Иоганна Альбрехта, обошлось бы в 20 000 рублей, так как он должен был быть построен целиком из камня. Стоимость ремонта дома составила бы 4500 рублей. В действительности строительство нового дома обошлось в 12 000 рублей, половину из которых покрыл щедрый подарок императрицы.³ Летом 1772 года семейство Эйлеров торжественно переехало в новый дом на 10-й линии.⁴

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 197, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12./23.3.1786.

² SBVPK, NF, SPb. 27.5./7.6.1771. О роли Гримма И.А. Эйлер высказался двумя годами позже, а именно в том смысле, что тот вместе с неким Нойманом оказали большую помощь при спасении вещей Эйлера. SBVPK, NF, SPb. 5./16.7.1773.

³ SBVPK, NF, SPb. 20.9./1.10.1776.

⁴ BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, JE an Mallet, SPb. 7.9.1772.

Рис. 12. Титульный лист перевода на русский язык «Морской науки» Л.Эйлера

Леонарду Эйлеру пришлось учиться ориентироваться в новом доме. Эту задачу облегчило некоторое улучшение зрения, и он мог без посторонней помощи передвигаться по дому. Но читать и писать он не мог, эти способности он утратил навсегда.¹ Это не помешало ему, однако, закончить эпохальный труд по теории движения Луны. В работе над ним Эйлеру помогали сыновья Иоганн Альбрехт и Христофор, а также коллеги-учёные Крафт и Лексель. Головин отчасти позаботился о переводах на русский язык, например, в 1781 году было переведено сочинение «Introductio in Analysim infinitorum» («Введение в анализ бесконечных». — *Прим. ред.*).² Всего среди учеников Эйлера было восемь будущих членов Академии.³

¹ Там же. JE an Mallet, SPb. 7.9.1772. Аналогичное описание даёт Иоганн III Бернулли, Reisen. Bd. 4. S. 12 f.

² Протоколы. Т. III. С. 507. [К сожалению, этот перевод не был опубликован. Большое значение имел выполненный им перевод с французского языка «Морской науки»: Полное умозрение строения и вождения кораблей, сочинённое в пользу учащихся навигации Леонгардом Эйлером. СПб.: Имп. АН, 1778. — *Прим. ред.*]

³ И.А. Эйлер, С. К. Котельников (1723–1806), С. Я. Румовский (1734–1812), В.Л. Крафт (1743–1814), А.И. Лексель (1740–1784), П.Б. Иноходцев (1742–1806), М.Е. Головин (1756–1790) и Н. Фусс. *Лысенко, Фусс. С. 14.*

Отношения Леонарда Эйлера с русскими коллегами и учениками, по всей видимости, были хорошими — в отличие от напряжённых отношений, сложившихся в Академии между русскими и немцами. Эйлер, подобно патриарху, стоял над этими межнациональными схватками. Штелин рассказывает об одном эпизоде, когда Эйлер ради мира и спокойствия промолчал, хотя это было не в его правилах. Аббат-иезуит Х. Мейер из Мангейма был приглашён в Петербург для наблюдений за прохождением Венеры по диску Солнца. Но прежде чем он смог воспользоваться оборудованием обсерватории, ему пришлось работать сутками напролёт, чтобы привести её в порядок. Виновником запущенного состояния считался «молодой, высокомерный» Румовский, любимчик Орлова. На запрос директора Эйлер ответил, что Мейер получил обсерваторию в надлежащем состоянии. А Штелину он признался, что не хочет портить отношения с обоими русскими.¹

Эйлер считается самым продуктивным математиком в истории науки. При жизни он опубликовал примерно 560 работ, около половины из них вышли в свет во время его второго пребывания в Петербурге, когда ему было уже больше 60 лет, и он практически ослеп. Это стало возможным только благодаря помощи и сотрудничеству его учеников. Скорее в шутку Эйлер заметил, что он сочинил ещё столько неопубликованных трудов, что после его смерти пройдет ещё 20 лет, прежде чем все они будут изданы. В 1781 году Эйлер просил Академию опубликовать отдельный том его сочинений, которые не могли быть напечатаны в стандартных изданиях. Он ссылался на то, что их число за последние 15 лет достигло уже более 300, и они потеряют свою актуальность, если не будут напечатаны в ближайшее время. Редактирование мог взять на себя Фусс.² В действительности Академия выпустила в свет его последнее сочинение лишь спустя 80 лет после смерти Эйлера. Не только Николай Фусс, но и его сыновья Пауль и Николай занимались изданием научного наследия своего прадедушки. В 1910–1913 годах Густав Энестрём издал библиографию опубликованных сочинений Эйлера, которая включает 866 названий.³ Вот что можно сказать о слепоте и стиле работы Эйлера.

Запланированная реформа Академии начала быстро воплощаться в жизнь. Леонард и Иоганн Альбрехт Эйлеры вошли в состав созданной в 1766 году постоянной комиссии, в задачу которой входило управление Академией и проведение реформ.

«31 октября в Сенате было оглашено, что Е.И.В. назначила моего отца, меня и господ Штелина, Лемана, Котельникова и Румовского для работы над восстановлением Академии наук под руководством графа Орлова; эта комиссия постоянная и будет управлять всеми делами Академии, как хозяйственными, так и научными. Это — шаг, который со временем может иметь для меня хорошие последствия. 2 ноября комиссия приступит к выполнению своих функций».⁴

Эта работа оказалась очень нервной и трудной. Иоганн Альбрехт писал, что со времени приезда реформа Академии стала единственным занятием его отца, а его задача состояла в оказании ему помощи.⁵

¹ *Stählin*, Papiere. S. 297. Как упоминалось выше, Румовский, которому в то время было уже 35 лет, был одним из учеников Эйлера.

² Протоколы. Т. III. С. 557.

³ *Fellmann*, Euler. S. 30.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 21.11.1766. Перевод с французского.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 15.8.1766.

«В Берлине никогда не поверят, что уставом Академии могут заниматься в течение более четырёх месяцев семь человек, все — учёные, которые с этой целью каждый день собираются и заседают по четыре часа: Но реформировать Академию, которая находится в плохом состоянии, значительно сложнее, чем создавать новую на пустом месте. [...]».¹

Затем И.А. Эйлер перечисляет всё, что относится к Петербургской академии и при этом не имеет ничего общего с научной деятельностью. Эта трудоёмкая работа затянулась. «Слишком много поваров, чтобы сварить хорошую кашу!» — таков был его вывод. По мнению Иоганна Альбрехта, реорганизацию должны были проводить только его отец и Орлов.²⁴⁰ Член комиссии Штелин вынужден был жертвовать своим свободным временем по утрам, так как заседания комиссии проводились с 9 до 13 часов, иногда она заседала даже по восемь часов в день. Но Штелин был настроен оптимистично: «Правда, вероятно, получится сильная реформа. По крайней мере, мы ежедневно и отважно работаем над ней».³ Над чем они работали, рассказывает Штелин в одном из писем от декабря 1766 года:

«Завтра мы отправимся с инспекцией в так называемый похвальный университет. Затем займёмся гимназией и остальным школьным образованием: А до сих пор мы, работая ежедневно с 9 утра до 1 часа дня, управились с ремёслами, искусствами и печатнями, повсюду открыли сокровища, и записали необходимые реформы и наилучшее оборудование. Текущие дела⁴, которые необходимо выполнять помимо этого, решаются между прочим, а *roug la bonne bouche* (на закуску. — *Прим. перев.*) мы ещё дважды в неделю заседаем с 11 до 1 часа дня с нашим неутомимым господином графом на обычной Конференции профессоров».⁵

Чёткие представления Эйлера о необходимых реформах не встретили понимания и поддержки у Орлова. Особенно сильное сопротивление вызывали требования введения демократичных отношений и равенства членов Академии. Когда Эйлер понял, что ему не удалось одержать верх, то он дал понять, что не подпишется под такими реформами.⁶

По всей вероятности, «*Plan d'un rétablissement de l'Académie impériale des sciences*» («План переустройства Императорской Академии наук» — *Прим. ред.*), который Пекарский нашёл в архиве и опубликовал в своей «Истории Академии наук», был составлен Эйлером.⁷ В нём он требовал, чтобы число членов было неограниченным. Согласно этому плану, Академия должна была принимать на работу способных учёных, открывая для них новые должности. Соответственно не следовало составлять жёсткий бюджет. Все возражения относительно того, что таким образом затраты возрастут до бесконечности и не компенсируются той небольшой пользой, которую Академия приносит империи, Эйлер отвергал: польза, приносимая Академией, не ограничивается одной страной, и для правителя всегда достойно способствовать прогрессу науки в целом. Кроме того, по мнению Эйлера, профессорам можно давать дополнительные поручения, связанные с государ-

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 7.2.1767. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 1767; См.: *Mumenthaler*, Sekretäre. S. 432 f.

³ *Stählin*, Papiere. S. 295.

⁴ Эти русские слова в оригинале написаны латинскими буквами.

⁵ *Stählin*, Papiere. S. 295.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 24.6./5.7.1768.

⁷ *Пекарский*, История I. С. 292 и далее, план перепечатан на С. 303–308. План составляли как Эйлер, так и Штелин.

ственными интересами, например, подготовку молодых учёных. Далее он предлагал меры, которые, с одной стороны, позволили бы снизить расходы Академии, и, с другой стороны, увеличить доходы. В том числе он предлагал отделить Академию художеств от Академии наук, улучшить организацию торговли книгами и географическими картами и увеличить доходы от продажи календарей.¹

Эйлер требовал немедленного возрождения практики проведения еженедельных собраний штата профессоров. Секретарь должен был вести протокол, переписку с иностранными учёными и информировать собрание о результатах. Специальная комиссия должна была проинспектировать все департаменты Академии. Эйлер перечислил кафедры, на которые должны прийти новые профессора, и назвал кандидатов. На место профессора механики он предложил Ламберта из Берлина, на кафедру анатомии — Вольфа из Берлина или Респрингера из Базеля, на кафедру ботаники — Адамсона из Парижа или Гмелина из Тюбингена, а на место профессора астрономии — Рекарда из Кёнигсберга. Кандидат на место профессора естествознания уже был в Петербурге.²

Не все требования были выполнимы. Предложения Эйлера по повышению рентабельности академического издательства и по снятию ограничения численности членов Академии и их жалования не были реализованы. В свою очередь, Эйлер решительно выступил против плана Орлова по созданию административной комиссии из пяти членов с ежегодной сменой её состава.³ Сопrotивление со стороны Эйлера вызвало также предложение Орлова об учреждении Школьной коллегии, которой должны были подчиняться все школы, а также университеты и Академия. Когда Иоганн Альбрехт Эйлер зачитывал этот план на Конференции, отец прервал его словами: «Остановись, сын мой, это недопустимо».⁴ Леонард Эйлер попытался объяснить директору, что Академия станет посмешищем для всей Европы, если будет подчиняться какому-то совету учителей. И школьную реформу ни в коем случае нельзя доверять такому органу, она входит в компетенцию Академии. Большинство из его коллег не отважились поддержать критику Эйлера, но он продолжал настаивать на своей точке зрения. В результате Орлов отказался от своего плана подчинить Академию Школьной коллегии.⁵ К концу 1768 года Эйлеру надоело ждать утверждения нового Устава (регламента). Академию в её тогдашнем состоянии он назвал пивной.⁶

Два русских члена комиссии, Румовский и Котельников, по поручению директора разработали новый бюджет Академии, который они представили своим коллегам в конце 1770 года.⁷ Леонард Эйлер был совершенно не согласен с упомянутой системой управления Академией посредством комиссии из пяти человек. В целом он придерживался того мнения, что экстренные расходы можно покрыть благодаря книготорговле при условии улучшения её организации. Несколько неожиданным отец и сын Эйлеры сочли положение, согласно которому в Академии не обязательно должны быть 20 действительных членов, достаточно и 15. Сдержанное

¹ Пекарский, История I. С. 303 и далее.

² Там же. С. 308.

³ Stählin, Papiere. S. 297.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SpB. 18./29.11.1768; См.: Mumenthaler, Sekretäre. S. 432.

⁷ Протоколы. Т. II. С. 774 и след.

отношение у них вызвал и бюджет гимназии. Они полагали, что если там будут преподавать адъюнкты, то можно добиться некоторой экономии. Другие задачи, например, надзор за библиотекой, они также хотели возложить на действительных членов и адъюнктов. Иоганн Альбрехт Эйлер был недоволен предложением иметь в штате Академии только одного писаря. Он считал, что Академии необходимы архивариус, протоколист (секретарь) и писарь, и по крайней мере один из них должен уметь писать по-русски.¹ Этот очень большой бюджет, предусматривавший ежегодные расходы в размере 90800 рублей, по всей видимости, так и не вступил в силу.²

Штелин утратил свой первоначальный оптимизм. Хотя граф Орлов учился в Лейпциге и поэтому считал себя учёным, но ему не доставало ни опыта, ни энергии для осуществления начатого. Всё чаще его видели при дворе или за границей, а не в Академии.³ Географический департамент стал посмешищем для публики, пишет Штелин:

«Ничего иного нельзя и ожидать от географического общества, которое состоит из графа Орлова, старого слепого профессора Эйлера, его неопытного сына и двух русских невежд Котельникова и Румовского, и позволяет рисовальщику карт Трускуту делать всё, что он захочет».⁴

Настолько плохой ситуация в этом департаменте вряд ли могла быть, потому что как раз в то время велась подготовка к большим и в конечном итоге успешным научным экспедициям.

Новый директор Академии, Е. Р. Дашкова, деятельность которой мы рассмотрим немного позже, сознавала выдающееся значение Леонарда Эйлера. И хотя под её руководством ситуация в Академии стабилизировалась, однако последние двадцать лет XVIII века не ознаменовались бурной активностью. В целом период её директорства оставляет положительное впечатление, несмотря на то, что под конец своей скупостью она запугала даже своего близкого доверенного И.А. Эйлера. Собственные опасения Дашковой относительно способности справиться с этой работой не оправдались.⁵ Для начала она ознакомилась с организационной структурой Академии и задачами директора. Она поняла, что каждый её шаг будет находиться под пристальным вниманием, а каждая ошибка получит злорадные комментарии в обществе. Её открытый и почти коллегиальный стиль руководства вызвал ответную симпатию учёных. Следующим шагом Дашковой было изъятие почтения к главе Академии, Леонарду Эйлеру.

«На следующий день, прежде чем отправиться в Академию, я поехала к великому Эйлеру. Называю его великим, потому что он бесспорно был самым великим геометром и математиком наших дней. Кроме того, он хорошо знал и другие науки, был трудолюбив, и даже когда потерял зрение, продолжал заниматься исследованиями и делать открытия. Свои сочинения он диктовал мужу внучки, господину Фуссу⁶; и оставил после себя материалы, на несколько лет обогатившие “Комментарии”, которые издавала Академия.

¹ Там же.

² Фусс сообщает в 1776 г. о ежегодных затратах в размере 53 000 рублей.

³ *Stählin*, *Papire*. S. 296.

⁴ Там же. S. 300. Кстати сказать, это одно из редких высказываний, содержащих критику в адрес Эйлера.

⁵ Бумаги княгини Е.Р. Дашковой (Фрагмент по её «Запискам»). С. 248 и далее.

⁶ В то время он ещё не был женат.

Недовольный, как и все остальные, он уже давно не ездил в Академию и ни во что не вмешивался, за исключением тех случаев, когда Домашнев изобретал какие-нибудь разрушительные мероприятия. Тогда он вместе с другими подписывал протест, а иногда даже сам писал императрице.

Я попросила Эйлера поехать со мной в Академию, по крайней мере, в этот раз, обещая, что в будущем не стану настаивать на его присутствии. Мне хотелось, чтобы в научную конференцию при моём первом появлении я была введена им. Кажется, ему польстило моё особое внимание, проявленное мною. Мы были давно знакомы и, смею сказать, будучи ещё очень молодой, за 15 лет до моего директорства, я уже пользовалась его уважением».¹

Новый директор правильно оценила ситуацию: выказав своё уважение к Эйлеру, она достигла того, что он встал на её сторону и сопровождал на первое заседание Собрания академиков. Очевидно, что Дашкова очень быстро разобралась в царящем между учёными соперничестве, о чём свидетельствуют её записки:

«Он [Эйлер] сел в мою карету; для сопровождения знаменитого слепого я пригласила туда же его сына, непременно секретаря академической конференции², господина Фусса, внука почтенного старца.

Войдя в залу заседаний, я сказала собравшимся там профессорам и адъюнктам, что, не имея отношения к учёности, не могла найти более торжественного способа выразить своё уважение наукам и просвещению, чем быть введённой в Академию господином Эйлером.

Произнося стоя эти немногие слова, я заметила, что господин Штелин, профессор аллегории, который имел чин действительного статского советника, соответствовавший чину генерал-майора³, занял место возле кресла директора и, видимо, собиравшись, по своему рангу, изображать первое лицо после меня. Тогда, обратившись к господину Эйлеру, я предложила ему сесть, где он пожелает, так как любое место, которое он займёт, всегда будет первым. Не только сын и внук были растроганы и обрадованы моими словами, у всех профессоров, питавших глубокое уважение к почтенному старцу, на глазах блеснули слёзы».⁴

Этим шагом княгиня Дашкова привлекла на свою сторону большинство профессоров. Её «Записки» свидетельствуют также об исключительном положении Эйлера, который пользовался у своих коллег глубочайшим почитанием, а его гениальность составляла славу Академии. Соперничество между учёными разворачивалось уровнем ниже и касалось Штелина и молодого Эйлера. Штелин в этом эпизоде, по-видимому, просто хотел занять своё обычное место, на которое Иоганн Альбрехт Эйлер и не претендовал. Своё отношение к этой ситуации он также отразил в письмах.

В 1783 году Академия и семья Эйлеров понесли трагическую утрату. Леонард Эйлер «перестал жить и вычислять». Фусс описывает кончину Эйлера в некрологе, но более непосредственное описание печального события мы находим в его письме родителям:

---

¹ Бумаги княгини Е.Р. Дашковой. С. 255 и далее.

² Это — единственное упоминание Иоганна Альбрехта Эйлера в её «Записках». От неё мы ничего не узнали об их отношениях.

³ Примечание Дашковой: «Он получил этот титул и этот чин при Петре III, и можно действительно сказать, что и его наука и он сами были только аллегорией — так же, как и его звание».

⁴ Бумаги княгини Е.Р. Дашковой. С. 256 и далее.

Рис. 13. Академики устанавливают бюст Леонарда Эйлера (слева направо: А.И. Лексель, И.А. Эйлер, Н. Фусс, И.И. Лепёхин). Силуэты работы Ф. Антинга.

«Трагическая новость! Моего доброго учителя и благодетеля больше нет! Сильный апоплексический удар положил конец его славной жизни вчера ночью между 11 и 12 часами. Уже на протяжении нескольких дней он испытывал сильное головокружение, которое хотя и беспокоило нас ввиду его возраста и ослабленного организма, но всё же ещё оставляло надежду на то, что оно пройдет. Ещё вчера днём он с аппетитом пообедал и хорошо и связно разговаривал с г[осподином] пр[офессором] Лекселем и со мной о различных астрономических темах. После обычного послеобеденного сна, который был лучше, [чем] в предыдущие дни, он набил себе трубку, подсел к нам, дал своему младшему внуку пряник, спросил, вкусно ли, выпил чашку чая, спросил меня о книге, которую получил несколько дней назад, и — вдруг выронил трубку, выразил сожаление, ещё находясь в сознании, что она разбилась, двумя руками взялся за голову и пробормотал слова: “Я умираю, я чувствую это”, и опустился на канapé. Замешательство, в которое мы все впали, невозможно передать словами. [...] Академия, которой он придавал такой блеск в течение 56 лет, теряет самого великого и старейшего из своих членов. Он был человеком, равного которому больше не будет в этом, а может быть, и в следующем столетии. Достойный уважения во всех обстоятельствах своей жизни».¹

Академия почтила память Эйлера установкой бюста.² Эйлер был похоронен на Смоленском кладбище, однако долгое время его надгробие не могли найти. Фусс корил себя за это: он должен был лучше смотреть и запоминать. Он мог только примерно указать местонахождение могилы. Фусс часто ходил на кладбище со своим сыном в поисках надгробного камня. Лишь после смерти Николая Фусса во время похорон одной родственницы случайно наткнулись на потерянную могилу. Тогда Академия поспешила установить самому знаменитому из своих членов — через 50 лет после его смерти — простой памятник из финского гранита. Со словами: «Leonhardo Eulero Academia Petropolitana».³

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 178. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.9.1783.

² Согласно письмам И.А. Эйлера, бюст был установлен директором Е.Р. Дашковой, а не им и Фуссом, как представлено на силуэте Ф. Антинга. SBBPK, Ms, NF, SPb. 21./31.1.1785.

³ Fuss, Correspondance I. S. 43.

7. ИОГАНН АЛЬБРЕХТ ЭЙЛЕР

Когда Леонард Эйлер в 1741 году покинул Петербург, вместе с ним уехал его семилетний сын Иоганн Альбрехт. Следующие 25 лет они вместе провели в Берлине. Там Иоганн Альбрехт учился у частных учителей.¹ Посещал ли он одновременно и государственную школу, остаётся невыясненным.² Известно, что в октябре 1752 года молодой математик из Женевы Луи Бертран, который хотел продолжить своё образование у Леонарда Эйлера, сопровождал Иоганна Альбрехта из Гейдельберга в Берлин.³ Это позволяет предположить, что последний учился в Гейдельберге.

Отец проявлял большую заботу об образовании сына, особенно — естественно — математическом. Для улучшения своего финансового положения и проведения занятий с учениками он предоставлял молодым людям пансион и обучал их вместе с сыном. К числу этих учеников принадлежит уже упоминавшийся Котельников, который был на 10 лет старше Иоганна Альбрехта:

«Я всегда даю ему уроки в обществе моего Альбрехта, и я чувствую, что небольшое соперничество не даёт ни одному из них никакого преимущества, так как они примерно равны по силе».⁴

В возрасте 15 лет Иоганн Альбрехт помогал отцу при нивелировании Финов-канала между Одером и Хафелем. В 20 лет (5.12.1754) он был избран членом Берлинской академии и назначен инспектором Берлинской обсерватории. В финансовом отношении эти назначения принесли немного. Иоганн Альбрехт наблюдал и в 1758 году описал комету Галлея.⁵ В 1754 году И.А. Эйлер участвовал в конкурсе Гёттингенского научного общества. Конкурсный вопрос о том, сколькими способами можно разложить плоский многоугольник диагоналями на треугольники, сформулировал Леонард Эйлер, который сначала узнал в Гёттингене, может ли вообще его сын претендовать на премию. Такая возможность существовала, и в ноябре того же года Иоганну Альбрехту была присуждена премия.⁶ Правда, отец никогда не отрицал, что помогал сыну.⁷

В 1755 году молодой Эйлер зачитал свою первую работу в Академии⁸ и провёл физические опыты со стрелкой инклинометра.⁹ В период между 1755 и 1766 годами И.А. Эйлер опубликовал четырнадцать в основном небольших ра-

¹ Spiess, Euler. S. 106.

² Геккер пишет, что он учился в гимназии: *Геккер*, Семья. С. 477; Штида, однако, полагает, что он, вероятно, никогда не учился в государственном учебном заведении или университете: *Stieda*, J.A. Euler. S. 7.

³ *Euler*, Briefwechsel. S. 95, No.474 f. Ph. Cramer an LE, Genf 25.2.1752 und 19.9.1752.

⁴ *Euler*, Briefwechsel. S. 381, No. 2275 vom 8.8.1752 an D.Schumacher; см.: *Jaquel*, Euler. S. 437 и др.

⁵ *Геккер*, Семья. С. 477.

⁶ *Euler*, Briefwechsel. S. 409 f., No.2456 bis 2461, J.A. Segner an LE, 10.3. bis 9.11.1754.

⁷ Там же. S. 462, No. 2789, LE an K. Wettstein, 5.8.1755.

⁸ De tempore descensus corporis, ad centrum virium in ratione reciproca distantiarum attracti.

⁹ Его отец назвал эти опыты мастерскими. Магнитные иглы изготовил базельский механик Дитрих по теоретическим расчётам Даниила Бернулли. Леонард Эйлер, в свою очередь, занимался теоретической частью. *Euler*, Briefwechsel. S. 400, No.2392 LE an Schumacher vom 5.7.1755.

Рис. 14. Иоганн Альбрехт Эйлер
(1734–1800)

бот в «Мемуарах» Берлинской академии наук и получил несколько премий, участвуя в конкурсах. Следующим признанием его достижений стало избрание в 1762 году почётным членом Мюнхенской академии.¹ Но звания академика Эйлер-сын так никогда и не получил. В Петербурге некий Мюллер постоянно обращался к нему «господин доктор», так как не мог понять, что Эйлер мог стать тем, кем он был, не получив высоких званий в каком-либо университете.²

27 апреля 1760 года И.А. Эйлер женился на Анне-Шарлотте-Софии фон Гагенмейстер. Её мать была невесткой Самуэля Формея (1711–1797), секретаря Берлинской академии.³ Поскольку на своё жалование, составлявшее 200 талеров, Иоганн Альбрехт мог позволить себе не так уж много, то он жил в доме отца и после своей женитьбы и рождения дочери.⁴ Его

надежда на получение места профессора математики в новом военном училище не сбылась. Король отклонил его кандидатуру, обосновав отказ тем, что тот ещё слишком молод, но потом утвердил в этой должности 18-летнего француза.⁵ Тогда, по-видимому, И.А. Эйлер решил принять выгодное предложение из Санкт-Петербурга.⁶ Король Фридрих уговаривал его остаться, давая всевозможные обещания, которые впоследствии выполнил лишь частично.

«Недавно, когда я во второй раз подал прошение либо предоставить мне обеспечение, либо дать мне отставку, король передал мне ответ, что я могу остаться только до прибытия молодого доктора Бернулли⁷, а потом он, конечно, постарается сразу удовлетворить моё прошение».⁸

Впоследствии директора Берлинской академии направили прошение королю. Они просили его предоставить 1900 талеров, сэкономленных на вакантных кафедрах, некоторым неоплачиваемым или низкооплачиваемым членам Академии, в том числе И.А. Эйлеру. В ответ на это король велел сообщить Эйле-

¹ *Stäckel*, Euler. S. 65.

² SBBPK, Ms, Nachlass Formey (NF), J.A. Euler an Formey SpB. 28./19.11.1779. Все цитируемые из наследия Формея письма принадлежат перу И.А. Эйлера. В ссылках я указываю только место и дату (кроме ссылки 22).

³ *Amburger*, Beziehungen. S. 129.

⁴ *Fuss*, Correspondance I. S. 656: LE in einem Brief an Goldbach, Berlin 29.6.1762.

⁵ *Stäckel*, Euler. S. 66.

⁶ Там же. Но он не подтверждает это предположение.

⁷ Иоганн III Бернулли (1744–1807).

⁸ *Stäckel*, Euler. S. 66.

ру, что он намеревается назначить его астрономом с жалованием 800 талеров и бесплатной квартирой. Но и это обещание осталось невыполненным: в феврале 1764 года Эйлер получил прибавку всего 400 талеров. О назначении астрономом речи больше не было.¹ Такое положение дел его не устраивало. Отец пытался добиться для сына места в каком-нибудь немецком университете. Переговоры с Гейдельбергом, очевидно, продвигались неплохо, потому что в марте 1764 года Эйлер-отец уже обсуждал размер жалования.²

Но зачисление на работу не состоялось. В Берлине Иоганн Альбрехт больше не видел для себя перспектив и более или менее открыто поддерживал планы отца вернуться в Петербург. Тем не менее Иоганн Альбрехт без большой радости отправился вместе с отцом в Россию. Поскольку зрение старшего Эйлера сильно ослабло, то он, вероятно, чувствовал, что обязан поддерживать отца и сопровождать его в этом путешествии. Он ещё долго потом сожалел об этом решении и в 1770 году писал в Берлин своему дяде, с которым любезно обошёлся принц Генрих:

«Ах, у моего отца могли бы быть такие же преимущества, если бы он только захотел остаться в Берлине: он не захотел терпеть маленькие капризы великого короля [...] и теперь — но об этом лучше молчать».³

Уже с самого начала И.А. Эйлер стал жаловаться на многочисленные обязанности, которые не оставляли ему времени на учёбу.⁴

«Что касается меня, глубоко уважаемый дядюшка, я постоянно очень много работаю и больше в Академии и для двора, чем для себя и моей семьи, поэтому я организую себя настолько, насколько могу, и скорее отказываюсь от поручений, чем жертвую своим здоровьем».⁵

С самого начала работа И.А. Эйлера в Академии была больше связана с коммерческими, чем с научными делами. Лишь в июле 1767 года он смог заняться приборами Физического кабинета, до тех пор у него не было на это времени. «Бог знает, когда я смогу начать проведение физических опытов, ради которых меня собственно и пригласили».⁶ Рабочие места членов Академии находились у них дома. Там они занимались своими исследованиями и писали труды, которые затем представляли своим коллегам на регулярных собраниях. Заседания проводились по понедельникам и пятницам, с 11.30 до 12.30.⁷

О стиле работы И.А. Эйлера существуют разрозненные сведения, которые позволяют догадываться о том, что основной тон его дневниковых записей скорее обманчив в том, что касается его способности работать напряжённо и быстро. Однажды он велел принести в комнату дрова, чтобы он мог запереться и без помех выполнить срочную работу.⁸ Окончательно научная деятельность И.А. Эйлера прекратилась, когда в марте 1769 года коллеги избрали его преемником Яко-

¹ Там же. S. 66 f.

² Euler, Briefwechsel. S. 424, No.2560, Segner an LE vom 24.3.1764.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12.3.1770. Перевод с французского.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 21.11.1766.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 26.Juli oder August 1767. Перевод с французского.

⁶ Там же. Перевод с французского.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 1.3.1779. В другом месте: с 11 часов до обеда: Там же. SPb. 3./14.5.1776.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 30.3./10.4.1781.

ба Штелина. Раньше на одном из заседаний он замещал Штелина в функции секретаря.¹ Если не считать регулярных метеорологических сообщений, то после 1773 года Иоганн Альбрехт Эйлер опубликовал всего одну-единственную работу математического содержания.²

7.1. Деятельность в качестве секретаря Академии

Когда Орлов предложил И.А. Эйлеру занять место секретаря, тот поставил условием, что его предшественник уйдет в отставку по собственному желанию без ущерба для себя. Эйлер не согласился бы занять эту должность, если бы Штелина уволили. Согласно официальной версии, Штелин ушёл в отставку добровольно. В письме дяде Эйлер повествует о реальных событиях.

«Ещё я должен сообщить Вам, каким образом я стал секретарём Академии. Граф Орлов не любил бедного Штелина и ежедневно ссорился с ним. Когда ему необходимо было написать какое-нибудь важное письмо, то он всегда обращался именно ко мне; в конце концов дело зашло так далеко, что шеф даже не захотел, чтобы господин Штелин представлял в собрании господина Крафта в качестве адъютанта: поэтому я очень ясно видел, что его раздражало, и я не ошибся. Однажды после званого обеда у него, он отослал всех и немного поддразнил меня в своей манере: “Вы видите, что больше нет пути, чтобы жить в мире с господином Штелиным; я испытываю к Вам большое доверие и предлагаю Вам должность секретаря; подумайте и поскорее дайте окончательный ответ”. Ответ уже готов, Ваше превосходительство, я принимаю Ваше предложение, но я позволю себе поставить следующие условия, без выполнения которых я откажусь от всего. 1). Всё должно быть сделано так, чтобы господин Штелин сам подал в отставку. 2). Он не должен потерять ничего из своих доходов. 3). Ваше превосходительство обещает мне, что не скажет на общем собрании ничего обидного, я этого не перенесу, говорю Вам это заранее. Или если у Вашего превосходительства будет основание для недовольства мною, вы выскажете его мне с глазу на глаз. “О, я знаю Вас, — ответил он, смеясь, — я знаю, что Вы довольно энергичный: я буду Вас щадить, насколько смогу, и я гарантирую Вам выполнение первого условия, а о втором не беспокойтесь”. Неделями позже господин Штелин сложил с себя полномочия, и его превосходительство назначил меня секретарём Академии».³

Это письмо позволяет нам также судить о характере Эйлера, который похож на характер его отца: он обладал достаточной уверенностью в себе, чтобы ставить конкретные условия своему начальнику. Вероятно, его предшественника унижали в собрании, и Эйлер хотел дать понять, что он этого не потерпит. Штелин и Орлов, который был на 34 года младше него, часто конфликтовали. Однажды директор придрался к Штелину на заседании академического собрания из-за того, что тот слишком тихо зачитывал письмо. В другой раз он прогнал с заседания исследователя-путешественника Гильденштедта, потому что Штелин усадил его за стол профессоров, хотя тот не являлся членом Академии. Капризы Орлова распространялись почти на всех членов Академии, единственным исключением был Леонард Эйлер, неприкасаемый даже для графа.⁴ Но возраст и заслуги Штелина не

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 5./16.12.1768. О Штелине см.: *Stählin, Papiere*.

² *Stäckel, Euler*. S. 69.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 24.3./4.4.1769. Перевод с французского.

⁴ *Stählin, Papiere*. S. 296.

защитили его от нападков Орлова.¹ И.А. Эйлер был временно назначен Орловым секретарём в феврале 1769 года и получил 300 рублей прибавки к жалованию. 4 марта Эйлер официально принял дела. Позднее он упоминал о том, что Штелин всегда считал его соперником и настаивал на привилегиях, которые ему, собственно говоря, больше не полагались. Поскольку Эйлер выбрал звание конференц-секретаря, то Штелин оставил за собой звание неперменного секретаря (*Secrétaire perpétuel*). После смерти Штелина Эйлер высказался о взаимоотношениях между ними:

«Поскольку скончавшийся господин Штелин больше не является неперменным секретарём нашей Академии, то я в результате его смерти ничего не выиграл. Я бы предпочёл звание конференц-секретаря только потому, что я невысокого мнения о постоянстве должностей в России. Между тем в адресных книгах в России меня постоянно и уже на протяжении нескольких лет называют *неперменным секретарём*, что означает постоянным. Мне очень хорошо известно, что покойный г. Штелин использовал это обстоятельство для собственной выгоды, заставляя думать некоторых из своих зарубежных корреспондентов, что я только его помощник и что он по-прежнему является неперменным секретарём, которому следует адресовать все академические письма; но поскольку это доставляло ему удовольствие, а мне не приносило никакого вреда, я позволял всем верить в то, чего он хотел».²

Даниил Бернулли знал, что эта почётная должность связана с многочисленными проблемами. Утешая Эйлера, он писал, что тот находится в расцвете сил и на этом посту сможет принести пользу обществу.³

Важнейшая работа секретаря состояла в ведении переписки с иностранными учёными, в первую очередь с иностранными членами Академии.⁴ Эта переписка занимала целые дни.⁵ Почтовые расходы Академия взяла на себя. Многотруден был отнимающий массу времени путь через бюрократические препоны. Эйлер описывает в письме Формею, насколько трудным делом была отсылка книг иностранным членам Академии:

«Предположим, что я представил письменное прошение в понедельник, я начинаю с того, что сам распоряжаюсь о его переводе на русский язык, так как дела рассматриваются только на государственном языке. На следующем заседании, то есть в следующую среду, секретарь зачитывает комиссии моё прошение. Затем мы обсуждаем его, и если можем удовлетворить его, то удовлетворяем. Секретарь заносит решение в протокол. Этот протокол зачитывают нам в пятницу, и мы утверждаем его, ставя свои подписи. Потом, если начальник или кто-либо из членов комиссии отсутствовал, протокол отсылается ему на дом для подписи. В следующий понедельник один из писарей представляет приказ для библиотеки, в котором говорится, что мне следует бесплатно выдать те или иные книги для отсылки в то или иное место. Этот приказ представляют секретарю, который подписывает его в следующую среду

¹ Немалую роль в этих напряжённых отношениях, вероятно, сыграло то, что Штелин, который был воспитателем и советником великого князя и будущего царя Петра III, после прихода к власти Екатерины оказался в числе проигравших. Сама Екатерина не подвергала преследованиям сторонников убитого супруга, но можно представить, что Орлов, брат зачинщика переворота, испытывал к Штелину определённую враждебность. Штелин, так сказать, пострел от науки, который везде поспел — метафизик, мастер фейерверков, риторик, художник, историограф, — был, вероятно, более благодарной жертвой, чем такой корифей, как Эйлер.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.8.1785. Перевод с французского.

³ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler, DB an JE, Basel 31.1.1770.

⁴ См.: Mumenthaler, Sekretäre. S. 424 ff.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.4.1769.

и в свою очередь передаёт его на подпись и утверждение одному члену комиссии. И наконец, этот приказ отсылают в библиотеку, и таким образом через 10–12 дней после подачи прошения я могу забрать книги, которые хотел отослать, например, Вам от имени Академии. Эта процедура была утверждена однажды и не позволяет делать никаких исключений, независимо оттого, насколько спешно дело».¹

Досадный случай произошёл, когда Ж.-А. Малле послал И.А. Эйлеру манжеты. Пакет разорвался, и таможенник обнаружил предметы туалета, которые не имели отношения к академическим делам. Эйлеру пришлось оплатить почтовые расходы в сумме 11 рублей 60 копеек, а, кроме того, на него могли бы наложить таможенный штраф. Но к счастью, по его словам, он уже достаточно давно жил в Петербурге, чтобы знать, каким путём на законных основаниях можно получить компенсацию почтовых расходов.² Из переписки И.А. Эйлера становится ясно, что он пользовался возможностью бесплатной отправки корреспонденции в личных целях, чтобы не сказать — злоупотреблял ею.

В 1773 году он попросил своего дядю не вкладывать больше так много почтовых пакетов в свои посылки. Причиной этой просьбы стало возвращение после отпуска на пост главы Академии графа Орлова. Он бы вряд ли обрадовался, если бы в конце года узнал от почтового управления, что Эйлер получал посылки стоимостью 4-5 рублей за счёт Академии. Эйлеру пришлось бы отчитываться о содержимом этих посылок. Поэтому Формею следовало ограничиться собственной корреспонденцией и посылкой изданий для Академии.³ Впоследствии большие почтовые расходы всё же привели к конфликту с Дашковой. Но об этом позже.

Чрезмерные нагрузки, связанные с должностью секретаря, и жалобы на них лейтмотивом проходят через письма И.А. Эйлера. «Небо мне свидетель, что это не моя ошибка и что моя работа совершенно не оставляет мне свободного времени на то, чтобы иногда совершать прогулки, упражнение, которое совершенно необходимо мне в моём нынешнем состоянии».⁴

На упрёк дяди в том, что его письма слишком лапидарны, Эйлер пишет в свою защиту: в этом большом городе поручения невозможно выполнить быстро, тем более что люди постоянно находятся в разъездах. Зачастую он целые дни проводит в карете и вынужден многократно повторять визиты, если нужных людей нет дома.⁵ Один день с такими многочисленными визитами Эйлер описывает в своём дневнике, причём остаётся непонятным, какие из этих визитов были деловыми, а какие частными.

«13-го в полдень я нанял лошадей и сначала побывал у надворного советника фон Визена⁶, которого я не застал, у графа Орлова, которого я не застал, у графа Тотлебена, который сердечно принял меня ... Оттуда к князю вице-канцлеру Голицыну, потом к господину Хольсену, английскому торговцу, господину Ржевскому, который сказал мне, что Её Императорское Величество назначила вдове Фишера пожизненно 2000 рублей: затем [я был] у господина Бахмана, где видел его супругу, у госпожи Бособр, чтобы передать ей письмо, которое Вы прислали мне, и у господина Далера. После возвращения

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.12.1769. Перевод с французского.

² BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, JE an Mallet, SPb. ohne Datum.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.11.1773.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 27.11.1769. Перевод с французского.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 4./15.7.1774.

⁶ Фонвизин Денис Иванович (1745–1792)

домой я ещё побывал вместе с женой у вдовы Фишера, чтобы передать ей добрую весть, которую мне сообщил господин Ржевский. После обеда я взялся за работу, а затем совершил прогулку с господами Вейзе и Визендером, которые остались на ужин».¹

Безусловно, визит к А.А. Ржевскому, заместителю директора Академии, входил в обязанности секретаря. Было ли письмо Формея, адресованное Бахману, академического содержания, догадаться невозможно. А вот посещение вдовы скончавшегося члена Академии Фишера соответствовало обязанностям секретаря. Делать визиты начальникам было принято прежде всего по большим праздникам. Так, 1 января все члены Академии, за исключением Л. Эйлера, встречались у Ржевского или в день именин Григория у графа Орлова.² Этим отнимающим массу времени визитам посвящено много записей в дневнике Эйлера. Ему доставляло большое удовольствие общение с высокопоставленными особами и коллегами в гостеприимном Петербурге.

Большой нагрузкой являлось редактирование отчётов участников академических научных экспедиций, которым должен был заниматься секретарь. Переписка с ними составляла значительную часть работы Эйлера в период с 1769 по 1774 год. После похищения Гмелина в 1774 году императрица отозвала экспедиции.³

В обязанности Эйлера входила также проверка знаний учеников Академии.⁴ В качестве секретаря он был начальником архивариуса, переписчика и т. д. Эти должности были укомплектованы по его рекомендации.⁵

Знание иностранных языков было для секретаря обязательным. До 1734 года протоколы Петербургской академии велись на латинском языке, затем до 1741 года — на немецком, а с 1742 г. до 1766 г. — снова на латинском. Временно верх снова одержал немецкий. В 1773 году Ржевский ввёл французский язык, который продержался до середины XIX века.⁶ Обращение к французскому языку соответствовало общей тенденции в обществе: при Екатерине II русское дворянство ориентировалось на Францию и её культуру.⁷ Княгиня Дашкова в 1787 году предприняла попытку привить в Академии русский язык. Но о наступлении русификации, как это называет Штида,⁸ не может быть и речи. Директриса заинтересовалась, кто из профессоров готов делать доклады по-русски — готовность изъявил только один. Одновременно Екатерина II впервые попыталась придать большее значение русскому языку и потребовала, чтобы иностранцы учили государственный язык.⁹ Проблемы И.А. Эйлера с французским языком мы рассмотрели в другой работе.¹⁰

Когда в 1776 году была завершена серия «Комментариев» Академии, Иоганн Альбрехт Эйлер взялся за издание «Acta»¹¹, 12 томов которых вышли в 1778–

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 20./21.12.1771. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.1./8.2.1774.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 6./17.6.1774; см. об этом главу о швейцарцах-участниках научных экспедиций и *Mumenthaler*, Sekretäre. S. 426.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 27.2./10.3.1769.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 7./18.11.1788.

⁶ *Stieda*, J.A. Euler. S. 13f; История АН. С. 49.

⁷ *Stählin*, Papiere. S. 257 f.

⁸ *Stieda*, J.A. Euler. S. 28.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 5.10.1773.

¹⁰ *Mumenthaler*, Sekretäre. S. 427.

¹¹ «Acta Academiae scietiarum Imperialis Petropolitanae» — *Прим. ред.*

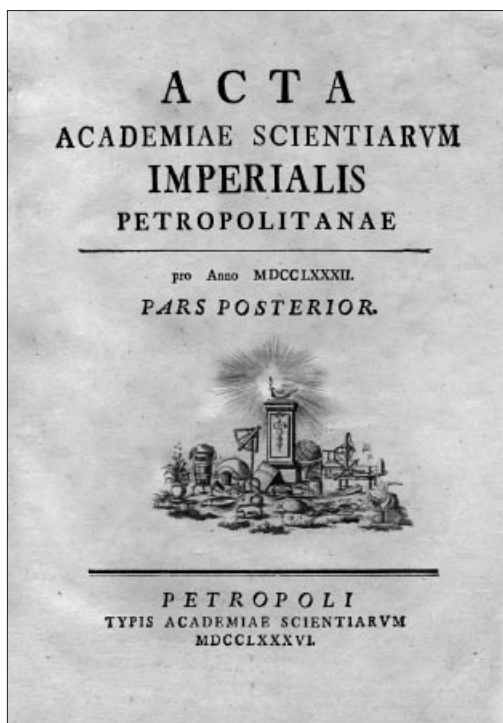

Рис. 15. Титульный лист «Акта»

1786 годах. И первые одиннадцать томов «Nova Acta» (1787–1798) были изданы под руководством Эйлера. При этом составление годовых отчётов Академии, а также написание резюме сочинений требовали от секретаря особенно больших усилий.

Деятельность Эйлера в качестве конференц-секретаря в основном зависела от его отношений с действующими директорами. Поскольку он находился в очень тесном контакте с ними, то ему приходилось выполнять роль посредника в постоянных столкновениях и спорах между членами Академии и директором относительно их компетенций. Большинство директоров Академии, которые довольно часто менялись, не справлялись со стоящими перед ними задачами.¹

С приходом к власти Екатерины ситуация в Академии однозначно улучшилась. И именно она вернула в Петербург Эйлера в качестве знамени и организатора настоятельно необходимых реформ. На основании отрицательного опыта предыдущих лет Канцелярия была упразднена и заменена академической комиссией, в состав которой, наряду со Штелином, входили отец и сын Эйлеры. Штелин, который достаточно долго страдал от деспотии Канцелярии, ликовал: «Ва-

¹ Директоры АН: 1766–1774 В.Г. Орлов; 1775–1783: С. Г. Домашнев; 1783–1796: Е.Р. Дашкова; 1796–1798: П.П. Бакунин. Занимавший в это время пост президента Академии К.Г. Разумовский с 1760 года не имел никакого отношения к делам Академии. В 1798 году пост директора был упразднён, а обязанности были возложены на вновь избранного президента Людвиг Генриха Николаи. Комков/Левшин/Семенов: Академия. С. 136–152.

вилон академической Канцелярии пал, дракон сгинул».¹ В ходе реформирования перестал существовать и потерявший всякое значение Академический университет, который, по словам Штелина, состоял из ректора, 9 доцентов и 10 студентов. В то же время предстояло поднять престиж Академической гимназии. Академия действительно нуждалась в реформировании: коллекции и Кабинет естественной истории находились в полной заброшенности, на крыше рушилась обсерватория. Но, как уже говорилось, задуманные во благо реформы заглохли.

В 1776 году Фусс кратко описал своему отцу состояние Академии. Он упомянул, что империя ежегодно тратит на Академию 53 000 рублей, эта сумма, однако, многократно возмещается доходами от книгопечатания, гравировальной мастерской, продажи географических карт, календарей и газет². Функция Академии больше не соответствовала первоначальному плану:

«Её предназначением было обучение молодёжи и особенно дворянской; но со времени учреждения различных кадетских корпусов она сильно отдалась от этой задачи. Между тем у неё ещё есть гимназия с большим количеством учащихся, в распоряжении которой находятся специальные учителя и 2 очень умных человека [...]. Действительные академики должны были к тому же читать все публичные лекции; но сейчас осталось немного из тех, кто это делает, из-за того, что вкус к наукам ещё не стал настолько всеобщим, каким он должен бы быть, чтобы занимать 15–16 учителей. Теперь все они обязаны сообщать конференции о сделанных в своей области открытиях, где оные зачитываются, отправляются в архив и из этих сочинений миру ежегодно представляется том форматом в четверть листа на 96 печатных листах под названием “*Commentarii Academiae scientiarum etc.*”. Согласно старому регламенту каждый член, собственно говоря, обязан представлять минимум 2 сочинения».³

Фусс справедливо замечает, что кадетские корпуса, первый из которых был основан только в 1731 году, составили сильную конкуренцию Академической гимназии. Поскольку кадетские корпуса, в отличие от гимназии, присваивали своим выпускникам чины, то большинство учащихся предпочитали эти учебные заведения. При этом гимназия должна была бы обеспечивать Академию студентами. Привлечённые на смену дворянским сыновьям дети из семей ремесленников и крепостных не могли возместить понесенные потери. Поскольку они имели право свободно выбирать различные комбинации учебных дисциплин, то посещали лишь некоторые из занятий. Имеются сведения, что в 1741 году в гимназию записались 17 учеников, трое из которых находились в Германии, а пять — на Камчатке.⁴

31 января 1774 года произошёл конфликт между двумя Эйлерами и Орловым. И в этом случае вновь проявилось исключительное положение Л. Эйлера в Академии. Орлов позволил себе единоличным решением наложить на Штелина штраф в размере месячного жалования. В ответ на это Эйлеры начали забастовку, прекратить которую намеревались лишь после получения полного удовлетворения своих требований.

¹ *Stählin*, Papiere. S. 295.

² С 1727 года Академия издавала «*Historische, genealogische und geographische Anmerckungen über die Zeitungen*» на немецком языке и в русском переводе [Согласно сведениям из переписки Н. Фусса. Однако ни одного номера «Примечаний на Ведомости», опубликованного ранее 1728 года на немецком или русском языках, пока не было обнаружено. — *Прим. ред.*].

³ BEBS, *Ordner Fuss*. S. 92, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 10./21.5.1776. Далее следует перечисление действительных членов и членов-корреспондентов Академии.

⁴ *Stählin*, Papiere. S. 48. На Камчатке находилась экспедиция Беринга и Стеллера.

«31-го в Академии, где у меня был бурный спор с графом, моим начальником: подробности которого я когда-нибудь смогу прислать, по крайней мере если он не предоставит мне исключительной сатисфакции. Он хотел собственной властью наказать статского советника Штелина, наложив на него штраф в размере месячного жалования: нечто, что мой отец, равно как и я, сочли невозможным для всей Академии. Так что с этого дня мы больше не появлялись в академической комиссии, ни мой отец, ни господин Штелин, ни я. Императрицу об этом поставят в известность, и мы посмотрим, что из этого получится. Господин Штелин чуть было не умер от сердечного приступа, а я на целый день потерял аппетит. Мой отец решил окончательно оставить Академию и только посещать Конференции, на которых граф никогда не появляется: я сам делаю то же самое и в настоящее время спокойно жду исхода этого бунта».¹

Сам Штелин хотел дожидаться, пока ему действительно сократят жалование, как угрожал Орлов. Эйлер полагал, что императрица в ближайшее время узнает о происшедшем и явит им свою справедливость.² По словам Штелина, Эйлер прямо заявил директору, что прежде ему пришлось спорить с ним против демократии, которую тот собирался ввести,³ но теперь он видит, что она превратилась в деспотизм. Штелин так и озаглавил свои мемуары после 1769 года: «Académie-Despotisme». Он по пунктам обвиняет Орлова, против которого теперь выступили все академики, в том числе русские. Требование Эйлера освободить его от работы в комиссии вскоре было удовлетворено.⁴ Однако это произошло без оповещения императрицы об истинных причинах отставки.

Иоганн Альбрехт Эйлер с этого времени стал по возможности избегать встреч с директором и ограничился работой в департаменте наук. Он больше никогда не вмешивался ни в какие другие дела, чтобы снова не сталкиваться с начальником.⁵ Весной 1774 года в одной берлинской газете должна была быть опубликована статья о конфликте между Орловым и И.А. Эйлером, но, к облегчению Эйлера, её снял ответственный редактор, с которым он состоял в дружеских отношениях.⁶ Летом Орлов получил отпуск на два с половиной месяца и уехал в свои поместья, заранее не предупредив об этом Эйлера, однако тот отлично справился с делами в отсутствие начальника. При необходимости он мог напрямую являться с докладами к императрице.⁷

Жалование большинства академиков Орлов повысил на 200 рублей, но это не коснулось Эйлеров.⁸ Положение Орлова давно было подорвано, к тому же его брат уже два года находился в опале. По свидетельству Штелина, директора в конце концов погубил частный скандал. Как говорят, он жестоко наказал немецкую горничную по подозрению в краже табакерки, как оказалось — безосновательному. Возможно, это стало той каплей, которая переполнила чашу терпе-

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.1./8.2.1774. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 18./29.3.1774. Совершенно непостижимо для И.А. Эйлера было то, что Штелин потом заплатил штраф. SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.3./8.4.1774.

³ Имеется в виду прежнее предложение Орлова, который хотел включить в дела управления всех профессоров, а именно путём ежегодного избрания нового состава комиссии.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.3./8.4.1774.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8.4.1774.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 10.6.1774.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 26.6./7.7.1774.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 9./20.12.1774.

ния. 5 декабря 1774 года Орлов получил отставку, прошение о которой подал несколько ранее.¹ Штелин «отдаёт должное» своему личному врагу в резком отклике на это событие:

«И так 8 декабря завершилось продолжавшееся 7 лет деспотическое правление молодого, неразумного, своенравного и несправедливого человека, который считал всю Академию своей собственностью, а членов оной своими холопами, [...] которому нужны были самые молодые и самые неопытные профессора (Котельников, Румовский и Протасов), которых он и сделал профессорами, в качестве доверенных советников, а более зрелых и опытных в Академии даже не спрашивал об их мнении; [...] который отменил в Академии искусства²... и назначил механиком нижегородского крестьянина-самоучку с чёрной бородой, одним словом, поставил низшее превыше всего, а высшее ниже всего, и порадовал и удовлетворил Академию только однажды, когда получил отставку».³

Уже из упрёка в отношении русского механика следует, что Штелин выстрелил мимо цели. Здесь говорит обиженный учёный, который прежде пользовался высочайшими милостями, а теперь фактически оказался отодвинутым на незначительный пост. В оценке русских коллег Эйлеры были значительно более умеренны. Ради справедливости следует сказать, что при Орлове и под его руководством были проведены научные экспедиции Академии, а также он организовал обучение за границей молодых русских студентов. Критикуемое Штелиным выделение искусства из сферы деятельности Академии было давно назревшей мерой упорядочивания работы. Через три месяца после выхода в отставку Орлов пригласил к себе всю Академию.

«Нам было там очень приятно. Потому что этот господин, с тех пор как он больше не является главой Академии, стал очень любезным [...] Почему он всегда не был таким, и почему в последние годы своего правления он заставлял нас целовать его железный скипетр?».⁴

Преемником графа Владимира Орлова стал Сергей Герасимович Домашнев. Но вступить в должность он смог лишь в конце года. До этого момента работы были остановлены, и Академии оказалась перед угрозой распада.⁵

Поначалу не только Иоганн Альбрехт Эйлер лелеял надежды на разрядку ситуации в Академии и на возможность плодотворной работы. Домашнев был образованным человеком и надавал много обещаний.⁶

Он произвёл некоторые изменения. Так, по его желанию на каждом первом заседании года секретарь должен был зачитывать регламент Академии в редакции, напечатанной в первом томе «Nova Acta».⁷ Помимо этого, все профессора должны были в начале года выступать с обоснованием запланированных исследований.⁸ Вероятно, к нововведениям Домашнева относится и распоряже-

¹ Там же.

² Реорганизация Академии художеств затронула Штелина лично.

³ *Stählin*, *Papier*. S. 301.

⁴ SBВРК, Ms, NF, SPb. 13.2.1775. Перевод с французского.

⁵ SBВРК, Ms, NF, SPb. 2./13.6.1775. См.: главу о Николае Фуссе.

⁶ *Комков/Левшин/Семёнов*, Академия. С. 146 f. Они опираются на переписку между И. Эйлером и С. Домашневым; SBВРК, Ms, NF, SPb. 1./12.9.1775.

⁷ Протоколы, т. III. С. 345. Регламент 1747 года.

⁸ Там же. С. 395 и далее.

ние о том, что каждую неделю один из профессоров должен был представлять одно сочинение.¹

Эйлер надеялся на то, что Домашнев во время своего пребывания в Берлине много слышал о его семье и будет относиться к ней с большим уважением, чем русские начальники обычно относились к своим подчинённым.² Но новый директор осложнил жизнь академиков, в особенности, по-видимому, немцев. Упрёки в адрес Домашнева высказывались всё чаще и становились всё конкретнее. В 1779 году Эйлер пишет, что в кассе Академии больше нет денег, а именно из-за чрезвычайных расходов по вине директора. Говорили, что его квартира была отремонтирована на средства Академии. Теперь приходилось ждать поступления средств на текущие дела из государственной кассы (в том числе на выплату жалования).³

Очень скоро И.А. Эйлер стал по возможности избегать и нового начальника: «Я вижу своего начальника Академии столь редко, насколько мне это удаётся; и думаю, что делаю это очень правильно: от этих встреч мало толку».⁴

Ещё одной причиной трений с Домашневым стали его исправления в ежегодном историческом обзоре⁵, который Эйлер делал для «Acta» Академии. Секретарь полагал, что он может пропустить в печать глупости директора, а в примечании укажет, что они принадлежат не ему.⁶ В сентябре он получил напоминание со стороны директора о необходимости следовать обязанности чтения лекций. Домашнев добавил к протоколу примечание, что на этой неделе читать лекцию надлежит Эйлеру.⁷

В 1780 году Эйлер писал своему дяде, что Академия бурлит. Ещё немного, и академики пожаловались бы императрице на большие траты президента.⁸ Годом позже в Академии появилась надежда на отставку Домашнева:

«Господин Домашнев останется в Москве до 20 февраля: некоторые из нас надеются, что он получит губернаторство в Сибири и что он больше не вернётся. Что касается меня, то я ничего от этого не потеряю, а что касается жалованья, то с некоторых пор я уже смирился».⁹

После возвращения директор вступил в спор с профессором Э.Г. Лаксманом, который ушёл из Академии и по поручению императрицы собирался работать в Нерчинских рудниках. Домашнев, который терпеть не мог Лаксмана, обвинил его в растрате. И хотя академическая Комиссия подтвердила невиновность Лаксмана, директор приказал посадить его под домашний арест. Но Лаксман оказал сопротивление, запугав солдат своими приборами. В конечном счёте Сенат принял решение в пользу учёного, а Домашнев потерпел тяжёлое поражение.¹⁰ Перу Лаксмана принадлежат несколько язвительных комментариев в адрес коллег,

¹ Там же. С. 456.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 5.12.1776.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 11./22.1.1779.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.2.1779.

⁵ В обязанности Н. Фусса, как неперменного секретаря Академии, входила подготовка небольшого введения к томам «Acta», его название — «Histoire de l'Académie Impériale des sciences» — *Прим. ред.*

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.5.1780.

⁷ Протоколы, т. III. С. 493.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 14.4.1780.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 3.2.1781. Перевод с французского.

¹⁰ SBVPK, Ms, NF, SPb. 2./13.4.1781.

в том числе Иоганна Альбрехта Эйлера. Сначала он высказался по поводу сварливости и ранимости академиков:

«Если бы учёные могли понять, как мало они значат сейчас в мире и какие чёрные мысли возникают о них у людей, то как мало они показывали бы свою слабую сторону... Многие из великих у нас твёрдо уверены, что у учёных благороднейшие души... И я с лёгкостью мог бы сказать, что никто не может быть какой-нибудь мелочью так легко доведён до крайности, как учёный».¹

Затем он отвергает упрёк в собственной сварливости и критикует Иоганна Альбрехта Эйлера:

«Членов Академии, своих коллег, я могу преследовать столь же мало, как и они меня. Мы можем быть только добрыми или не добрыми друг к другу. Единственный среди нас, кто хотел бы преследовать, — это молодой Эйлер, великого Эйлера маленький сын. Я был очень добр к этому человеку, не как к учёному, потому что его поверхностная сторона проявилась бы очень скоро, а как к честному человеку. Старый Модель думал так же, часто убеждал меня в этом. Но благодаря пятилетнему опыту я понял, как можно заблуждаться. Как можно любить человека, который никогда не поступает по долгу, а всегда по корыстным соображениям. Все остальные академики — мои друзья, и они так же хорошо относятся ко мне».²

Таким образом, Лаксман обвиняет Эйлера в том, что тот был самым конфликтным среди академиков, что он вёл себя не лояльно, а лишь преследовал собственные интересы. Судя по сказанному об Эйлере до сих пор и по следующим сведениям, эта оценка вполне подтверждается, по крайней мере, отчасти. Будучи секретарём, Эйлер умело пользовался своим влиянием, плёл интриги против директоров, в переписке критиковал нелюбимых коллег. Но делал ли он это из корыстных побуждений? Мне представляется, что Эйлер изначально скорее с симпатией и благосклонностью относился к своим начальникам и коллегам. Если они разочаровывали его, тогда он действительно мог быть по-настоящему язвительным и подлым.

В качестве следующего шага Домашнев бросил вызов членам Комиссии: в 1780 году он самовластно освободил их от работы в Комиссии и тем самым практически парализовал академическую жизнь. О конкретной жалобе на стиль руководства Домашнева Эйлер на тот момент и думать не хотел. По его словам, два члена Комиссии подготовили соответствующее письмо, но поскольку Котельников его не подписал, то оно не могло быть доведено до сведения императрицы. Тем более что дело касается не всей Академии, а жалование выплачивается регулярно.³ Впоследствии Сенат признал правоту членов Комиссии. Эйлер радовался, что на этот раз не был втянут в конфликт.

«Деспотизм этого маленького господина невероятен, о нём можно было бы написать целую книгу».⁴

В апреле 1781 года Домашнев получил отпуск и разрешение на поездку в Херсон. Но радость, вызванная отсутствием начальника, была омрачена бес-

¹ Laxmann an A.F. Büsching, 16.1.1775, цитируется по *Wendland*, Pallas. S. 153.

² Там же.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 14./25.4.1780.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 25.6./6.7.1781. Перевод с французского.

численными распоряжениями относительно финансов, надзора, корреспонденции, печати и т. д. И наконец, Эйлер должен был раз в две недели присылать начальнику отчёты о происходящем в Академии.¹ Комментарий Эйлера: этих нужных приказов хватило бы на целую книгу.²

Формей попросил своего племянника прислать ему карты и планы, что требовало от Эйлера, по его собственному свидетельству, огромных усилий, настолько велик был в Академии хаос из-за прихотей начальника, чья голова забита странными проектами, которыми он перегружает своих подчинённых до такой степени, что они уже не знают, что действительно надо делать.

«Ваш король отправляет на пожизненное заключение в Шпандау людей, которые не совершили и десятой доли того, что позволяет себе наш начальник. Но здесь это совершенно другое дело, и никого не удивило бы, если бы вскоре господин Д. получил новые почести и заставил замолчать своих обвинителей. Я рад, что не оказался втянутым в этот конфликт, и я остерегаюсь вступать в конфликт со своим начальником».³

Хаос, вызванный проектами и реформами Домашнева, затормозил и публикацию «Акта». Третий том Эйлер представил ещё 10 месяцев назад, даже пятый том был уже напечатан, но в администрации царила такая неразбериха, что они не могли быть изданы. 600 экземпляров листа А находились в одном месте, а лист В — в другом. Хотя Комиссия, по словам Эйлера, пытается справиться с управленческими проблемами, но на это потребуется некоторое время.⁴

Апогеем борьбы за власть между директором и комиссией стал скандал вокруг коллекции минералов, которую присвоил Домашнев. Министр барон фон Нолькен по поручению шведского короля обратился к Эйлеру с официальным запросом о судьбе шведской коллекции минералов, которая была подарена Академии в 1780 году. Этот запрос был сделан по инициативе шведского министра, но за ним стояло другое лицо. И. А. Эйлер сам дал ход этому делу, потому что не министр обратился к нему, а он к министру. Дело в том, что Эйлер знал, что Домашнев присвоил этот подарок. Неудивительно, что директор разгневался, когда Эйлер проинформировал собрание об этом деле, вместо того чтобы обратиться непосредственно к нему. По словам директора, такие дела академиков не касались. И вообще он хранит коллекцию у себя только до тех пор, пока в Кунсткамере не будет достаточно свободного места. Естественно, что такая позиция вызвала протест со стороны собравшихся членов Академии, которые настаивали на том, что им следовало представлять все получаемые для нужд Академии посылки.⁵

Месяц за месяцем в протоколах фиксируются новые скандалы. Затем «маленький деспот» уволил С.К. Котельникова с должности смотрителя Кабинета естественной истории и поручил эту работу П.С. Палласу. Коллеги выразили самый решительный протест, хотя на этот раз дело их действительно не касалось. Если бы они просто стерпели произвол начальника, то в следующий раз рисковали сами стать его следующим жертвой, потому что Котельникова не в чем было

¹ Протоколы, т. III. С. 532.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 4./15.6.1781.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 2./13.7.1781. Перевод с французского.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 14./25.9.1781.

⁵ Протоколы, т. III. С. 579, ср. также С. 582 и 584.

упрекнуть с профессиональной точки зрения.¹ К тому же Крафт в возражении, которое дословно записано в протоколе, выступил с требованием, чтобы директор, наконец, заполнил вакантные кафедры химии и минералогии, как предписывает регламент.

«Господин профессор Крафт таким образом предложил господам академиком совместно обратиться к Эйлеру-отцу как самому старшему товарищу, чтобы попросить у него совета о том, какие меры должны быть приняты, чтобы в будущем предотвратить такого рода процедуры, которые отбивают у академиков всякое желание исследовать и приводят к полному развалу учреждения».²

Паллас попытался успокоить разгорячившихся мужей, заранее отказавшись от должности смотрителя. Но собрание пришло к мнению, что Домашневу было важно снять с этой должности Котельникова, и поэтому единогласно поддержало предложение Крафта. Иоганну Альбрехту Эйлеру было поручено спросить отца, когда и где он может встретиться с остальными академиками для проведения внеочередного заседания.³ Уже на следующий день все (кроме Палласа) собрались в доме Эйлера. По его совету была создана делегация, которая должна была просить Домашнева отменить приказ об увольнении Котельникова. Молодой Эйлер, Лепёхин, Озерецковский и Фусс посетили с этой целью Домашнева и передали ему письменные прошения профессоров. Фусс пишет:

«Директор рассержен на всю Академию, которая оказывает сопротивление его нападкам на её права. Я был среди прочих выбран в делегацию, которая должна была сделать ему представление, и, будучи швейцарцем, говорил очень откровенно. Г. проф. Эйлер-отец пожаловался на него императрице, а я составил и написал письмо».⁴

Профессора заявили, что директор не может уволить никого из их коллег без высочайшего приказа и без консультаций с академическим Собранием. Если же Котельников всё же будет уволен, то ему необходимо выдать свидетельство, которое подтверждает, что всё передано его преемнику в надлежащем состоянии и что все предметы коллекции находятся на своих местах. При этом академики имели в виду, в первую очередь, шведскую коллекцию минералов, но упомянули ещё и Коралловый кабинет с коллекцией камней, за которую была заплачена значительная сумма. Тон письма выдаёт его автора, Леонарда Эйлера: он не чувствовал никакой зависимости от директора и призывал его честно выполнять свои обязанности. Поддержка Эйлера имела очень большое значение для придания большего веса выдвинутым требованиям. Поэтому в завершении подписанты смогли потребовать:

«Наконец, поскольку господа академики после того, что случилось с их товарищем Котельниковым, вынуждены опасаться, что раньше или позже его превосходительство господин директор под каким-либо предлогом уволит их или снизит им жалование, они настоящим официально и единогласно выражают протест против любого рода деспотических процедур, и они надеются, что его превосходительство почувствует силу их очень скромных требований и утвердит приводимый ниже приказ, который был дан Комиссии.

---

¹ Там же. С. 587.

² Там же. С. 588. Перевод с французского.

³ Там же. С. 589.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 164, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1782.

Собрание просит его превосходительство господина директора чётко и быстро ответить на их очень скромные просьбы и предложения, выдвинуть которые они позволили себе».¹

Директору без обиняков предъявили обвинение в самоуправстве и под конец косвенно пригрозили последствиями, если он не почувствует силы прошения. Фактически вмешательство Эйлера положило начало концу карьеры Домашнева. В долгосрочной перспективе академики во главе с известнейшим математиком того времени обладали большей властью, так как могли рассчитывать на поддержку императрицы. Кстати об авторитете Эйлера: Иоганн Альбрехт записал, что глава Коллегии иностранных дел и воспитатель наследника граф Панин был очень польщён визитом к нему Эйлера. Этот факт даёт представление о том, каким уважением пользовался Эйлер в Петербурге.²

Своим требованием быстрого и конкретного ответа академики настаивали на том или ином скорейшем разрешении конфликта — уступка со стороны директора или открытая война. Домашнев выбрал открытую войну. Он не дал делегации связать себя устным ответом, а пообещал дать письменный, который академики получили через три дня. В нём он выразил мнение, что отказ Палласа решил дело.³ Но постепенно императрице надоели ссоры в Академии. В конце 1781 года она сообщила комиссии, что отныне не должно быть оснований для новых жалоб, иначе жалобщик попадёт в немилость.⁴ Комиссия сделала из этого вывод, что она может придерживаться правила, введённого в своё время графом Орловым, и утвердила Котельникова в должности. И.А. Эйлер так выразился в письме Шарлю Бонне:

«Я не сомневаюсь, мой господин и очень известный коллега, что такой образ действий кажется Вам невероятным: Вы слишком далеко от нас, чтобы услышать что-нибудь о наших академических волнениях, и Вы не знаете, до какой степени в наших краях может доходить деспотизм и несправедливость начальников, даже на глазах любезнейшей императрицы: но подробности завели бы нас слишком далеко, и я должен довольствоваться тем, что выполнил обязанности секретаря».⁵

Для завершения истории с Домашневым я должен, несколько опережая повествование, обратиться к карьере Николая Фусса. Он также описывает хаотичную ситуацию в Академии: «После того как г. Домашнев, мой друг, пока я считал его честным человеком, исчерпал все средства, чтобы перетянуть меня на свою сторону, он подумал, что, может быть, более действенными окажутся оскорбления». Сначала он не вручил Фуссу причитающуюся ему медаль, затем назначил более молодому адъютанту Зуеву жалование в 600 рублей, то есть на 100 рублей больше, чем у Фусса. Это привело обычно спокойного и миролюбивого Фусса в такую ярость, что он потребовал от Собрания либо принять его сторону, либо высказаться против него:

«23-го я подал в Конференцию письмо, в котором жаловался на эту несправедливость директора и просил собрание объяснить, имею ли я после 7 лет безупречной

¹ Протоколы, т. III. С. 591. Перевод с французского.

² SBVРК, Ms, NF, No.425, SPb. 30.12.1774/10.1.1775.

³ Протоколы, т. III. С. 592.

⁴ Там же. С. 593.

⁵ BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, J.E. an Ch.Bonnet, SPb. 24.1.1783. Перевод с французского.

службы некоторые обоснованные права на место действительного академика и при положительном ответе предложить директору повысить меня в должности и потребовать от него утверждения.¹ Результатом стало единогласное «Да!» [...] От этого шага я, правда, не мог ожидать многого, пока Домашнев был директором. Я не рассчитывал и на скорые перемены, но единодушное суждение всей Академии, что я заслуживаю того, что требовал, было достаточным удовлетворением для меня. Даже Канцелярия из уважения ко мне отказала г. Зуеву в регистрации прибавки. Итак, я совершил этот шаг, и моё намерение состояло в том, чтобы дожидаться конца правления Домашнева, надеяться на который, однако, по всей видимости, в ближайшее время не приходилось, когда 25-го ко мне пришёл М. Захи, швейцарец, состоящий при императорском кабинете, и принёс известие, что днём раньше в Сенат был передан указ, согласно которому прежний директор освобождается от своих обязанностей».²

Таким образом, Фусс сверг директора с трона, и без того уже подломленного его аферами. К великому облегчению всех академиков, императрица уволила деспотичного директора и поставила на его место княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Женщина во главе высшего учебного заведения в империи — это, конечно, было сенсацией. Поскольку Дашкова имела отличное образование, академики связывали с её приходом в Академию большие надежды.

«Это было в конце января месяца, когда наша любезнейшая властительница, наконец, услышала наши чаяния и уволила деспота, который уже слишком давно тиранил Академию. Но что завершило её доброе дело и удвоило наше счастье, это было назначение госпожи княгини Дашковой нашим директором. После этого эпохального события наша Академия полностью изменила своё лицо: угнетённая, какой была, она вновь обрела все свободы, необходимые для её расцвета».³

В отличие от своих предшественников, Дашкова оправдала самые смелые ожидания учёных. Она была невысокого мнения о прежних директорах: Орлова она знала по пребыванию во Франкфурте как сварливого и высокомерного молодого человека. Домашнева она называла фаворитом Орлова, который является таким же несведущим и бездарным, как сам Орлов.⁴

Путём жёсткой экономии новая директриса привела в порядок бюджет Академии. Она предприняла и другие эффективные шаги:

«Я обнаружила в гимназии всего 17 учеников и 21 ученика из числа ремесленников, которые находились там за счёт Академии. Я велела увеличить количество первых до 50 и последних до 40. Я удовлетворена тем, что удержала господина Фусса, который хотел уйти из Академии, и удвоила ему, как и господину Георги, жалование, которое они получали. На следующий год я повысила жалование всем профессорам и учредила три курса: математики, геометрии и естественной истории, которые должны были бесплатно вести отечественные профессора на русском языке».⁵

Свою основную цель она видела в искоренении расточительства, которое в предшествующие годы укоренилось в Академии.⁶ Спустя три года она пред-

---

¹ Прошение Фусса вместе с аналогичным прошением Георги дословно напечатано в: Протоколы, т. II. С. 646 и далее.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 168, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.2.1783.

³ BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, JE an Bonnet, SPb. 4./15.7.1783. Перевод с французского. Письма этого периода к Формею, к сожалению, не сохранились.

⁴ Бумаги княгини Е.Р. Дашковой. Erinnerung. С. 110 и далее.

⁵ Там же. С. 260. Перевод с французского.

⁶ Там же. С. 262.

ставила отчёт. В 45 пунктах Дашкова перечислила все недочёты, обнаруженные ею при вступлении в должность, и принятые меры.¹ Первым пунктом она упоминает огромный хаос в финансовых делах. Собственно говоря, в Академии существовали две отделенные кассы: предоставляемые правительством для нужд Академии средства, бюджет Академии, и финансовые средства, получаемые за счёт продажи книг. Но эти деньги были перемешаны. У Академии были должники, и она сама задолжала различным книготорговцам в России и за границей и не могла выплачивать зарплату, так как не получала доходов. Вывод Дашковой спустя три года: «Обе кассы разделены. В кассу возвращено много долгов. Академия рассчиталась со всеми своими долгами».² Бездельничающие служащие, жившие за счёт Академии, были уволены, шведская коллекция минералов, ставшая причиной скандала с Домашневым, возвращена Академии. Дополнительные доходы для Академии Дашкова получила, сдав в аренду подвальные помещения. Типография Академии находилась в непригодном для работы состоянии. Директор приобрела в Саксонии новые латинские шрифты и приказала отлить новые в собственных мастерских. Находившаяся в жутко запущенном состоянии библиотека была приведена в порядок и расширена. «Комментарии» Академии, которые в последний раз издавались в 1779 году, наконец, снова вышли в свет. Публиковавшиеся Академией альманахи и карты продавались, или, во всяком случае, предлагались, по распоряжению Домашнева, по сильно завышенным ценам, потому их никогда не покупали. Дашкова снизила цены в два раза, и дело пошло. До неё отсутствовали каталоги академических публикаций, по этой причине потенциальные покупатели ничего не знали о существующих предложениях. Реформы Дашковой принесли облегчение и профессорам: она вновь сделала науку центром их деятельности и предоставила им право в любое время обращаться с вопросами и проблемами лично к ней — минуя сложный обходной путь через Канцелярию. Она позаботилась и о физических приборах, большинство из которых было испорчено в результате сильного пожара и не заменено новыми. Она велела ответственным профессорам составить списки необходимых приборов и постепенно заказывала их за границей. Оборудование Химической лаборатории также находилось в плачевном состоянии. Оно было восстановлено, а также были построены новые печи. Хотя в России имелись многочисленные горные выработки, там не было кафедры минералогии. Дашкова нашла выход из этого положения, пригласив известного профессора И.Я. Фербера. Домашнев незаконно хранил у себя часть протоколов академических заседаний (и по собственному усмотрению переписывал их). Дашкова отказалась от этой практики и приказала хранить протоколы только в Академии. Сама она только иногда приказывала делать для неё копии. Она считала недопустимым, что результаты научных исследований часто сначала публиковались за границей. Директор обязала членов Академии сначала представлять свои открытия в Академии. Перечень мер включал и подготовку молодых учёных. Дашкова подстегнула гимназистов к повышению успеваемости введением экзаменов, проводившихся раз в полгода, и премиями; подающих большие надежды выпускников отправляли за счёт Академии в Гёттинген. Незначительное количество гимназистов поначалу стало ещё меньше, так как бездарные

¹ Опубликовано в: Там же. С. 389–402. Этот раздел следует её описанию.

² Дашкова, Etat. С. 389. Перевод с французского.

ученики были отосланы домой. Следующим шагом было увеличение приёма гимназистов: их число возросло с 27 до 89. Кроме того, их стали лучше кормить, одевать и обучать. На годы правления Дашковой приходится активизация Географического департамента, которым в 1786 году была напечатана «Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества». Далее был создан новый Ботанический сад, расширен Кабинет естественной истории. Распространению западноевропейской литературы служил учрежденный при княгине Дашковой отдел переводов. Профессоров и адъюнктов обязали подавать предложения по приобретению западных книг. Вероятно, по предложению Николая Фусса Дашкова в 1786 году заменила «Acta» на «Nova Acta». Новое издание регулярно выходило из печати и рассылалось в западные научные общества и академии.¹

Княгине было неприятно вести академические заседания, особенно научные и публичные собрания. Только однажды она переломила себя, уступив просьбам подруги, леди Гамильтон, и провела публичное заседание, посвящённое присуждению премий.²

В своей энергичной реорганизации Академии Дашкова могла рассчитывать на секретаря, с которым у неё ранее были очень хорошие отношения. Она часто приглашала его на обеды или в свой загородный дом, сама бывала у него в гостях. И.А. Эйлер пишет, что почти через день или через два с 11 до 17 часов бывает у княгини. Иной раз он возвращался от неё домой лишь за полночь.³ Встает вопрос: действительно ли они занимались только делами? Фактом остаётся то, что княгиня Дашкова в своих мемуарах вообще не упоминает Иоганна Альбрехта Эйлера.

Эйлер, среди прочего, занимался составлением каталога библиотеки княгини, и в апреле 1788 года тоже.⁴

«Позавчера, 11 апреля, утром с 5 до 8 [...] я был у княгини, которая пригласила меня поработать на следующий день в её библиотеке. Это очень приятное занятие; поскольку то и дело встречаешь очень интересные произведения, а княгиня, которая прочитала почти всё, делает замечания, пока я переписываю названия, и сопровождает их всевозможными суждениями и наставлениями. Это — женщина, каких действительно мало».⁵

Совершенно очевидно, что Эйлер принадлежал к кругу ближайших друзей княгини. Его принимали даже у постели, когда всем другим отказывали,⁶ она часто обедала с ним тет-а-тет, например, в мае 1785 года в своём загородном доме. Эйлер был в восторге от этой женщины, которая сама руководила строительством собственного дома, сажала деревья и растения.⁷ Летом 1787 года княгиня уехала в своё имение Троицкое, где страшная засуха погубила урожай. Эйлер комментирует её письмо, в котором она описывает, как оказывала финансовую и мате-

¹ *Wendland, Pallas. S. 221 ff.*

² Бумаги княгини Е.Р. Дашковой. С. 274 и далее.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 11./22.3.1785.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 4./15.4.1788. Или 13 февраля, когда она приняла только Эйлера, так как ещё была в постели, а некий майор получил приглашение прийти на следующий день. SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.2./11.3.1785.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 15./26.4.1785. Перевод с французского.

⁶ В 1785 году, когда она болела, она не приняла даже прусского посланника графа Гёрца, но Эйлер принял. SBVPK, Ms, NF, SPb. 4.10.1785. См.: ссылка 175.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 3.6.1785.

риальную помощь крестьянам, восклицанием: «Какая превосходная личность! И это происходит в стране, где многие миллионы транжируются на роскошь!»¹ В декабре 1787 года он застал княгиню в хорошем настроении в постели.² Однажды она ошеломила Эйлеров, неожиданно придя в гости, «и потребовала суп», как пишет Эйлер. «Она была очень любезна и очень ласкала наших детей».³

«Княгиня Дашкова известила о своём приходе в 11 часов и обедала у нас: она была в очень хорошем настроении и всё время очень любезна, называя меня своим любовником и столь же часто спрашивая мою жену, не ревнует ли та к тому, что она уступит ей взамен других академиков etc».⁴

Это — единственный намёк на любовную интригу между директором и её секретарём. Однако то, что княгиня называет И.А. Эйлера своим любовником в присутствии его жены и этим поддразнивает её, свидетельствует скорее об отсутствии слишком близких отношений.

Определённое представление о непринуждённом общении с княгиней даёт следующий отрывок из письма: «3-го [декабря] я обедал с княгиней t te-à-t te, и я был вознаграждён превосходными устрицами и свежайшей икрой».⁵ В 1788 году снова:

«Около пяти я был у моей княгини, которая только что вернулась из своего имения и ещё не обедала. Она была совершенно одна, и я сел с ней за стол, чтобы проглотить ещё пару устриц и выпить кружку английского эля».⁶

Но всё это происходило не тайно. Княгиня приказала отправить 50 устриц и его жене.⁷ И наоборот, Эйлер приобрёл у швейцарского торговца Йенни базельские сладости, которые затем подарил княгине.⁸ Хотя Екатерина Великая с её любовными аферами могла бы служить примером своей близкой подруге, эти немногочисленные намёки не позволяют сделать вывод о связи между Дашковой и Эйлером.

Иногда даже Эйлер считал, что он получает недостаточное вознаграждение за свои труды. Так, например, его каждый раз обходили при награждении орденами:

«Распределяли ордена: я не получил никакого, не считая ордена георгиевского, и меня поздравили с этим, так как с этого момента это должно якобы полностью избавить меня от кровохарканья. Я бы предпочёл орден Владимира. Мой брат лейтенант имеет его, и он его заслуживает. Господин Паллас получил его; и он его не заслуживает».⁹

Будучи секретарём, Эйлер не имел чина, но как бывший директор по надзору за учебной работой¹⁰ в Кадетском корпусе он был лейтенант-полковником,

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.5./8.6.1787. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 7./18.12.1787. Перевод с французского.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.7.1785. Перевод с французского.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 15./26.8.1785. Перевод с французского.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8.12.1786. Перевод с французского.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 16./27.5.1788. Перевод с французского.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 19./30.5.1788.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 29.2.1788.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 3.10.1785. Перевод с французского.

¹⁰ Согласно уставу 1766 г. Императорского сухопутного шляхетного корпуса должность называлась «директор наук». В уставе отмечено: «Важность всех предписанных инспекторам и воспитателям должностей требует, чтобы к обучению юношества наукам определён был директор. Выбирать его из учёных людей отличные достоинства имеющих и искусных во всём, что до воспитания, до воинских и гражданских наук принадлежит». Основной обязанностью директора наук был надзор за учебной работой в кадетском корпусе. — *Прим. ред.*

и поэтому многие величали его надворным советником.¹ В конце концов он всё же был возведён в ранг статского советника и награждён орденом св. Владимира 4-ой степени, что давало ему право на получение российского дворянства. Значение, которое эта награда имела для Эйлера и его семьи, особо отмечено в его записках:

«Меня разбудили около полуночи, стучали в мои двери, я открыл: это был солдат, который передал мне приглашение к главе кавалеров ордена Владимира, чтобы на следующий день в 11 часов с ним отправиться ко двору: всё остальное было и так понятно, и я дал солдату хорошие чаевые. На следующий день, 22-го, я сначала был вместе с господином Бернулли у моей княгини, которая приняла его наилучшим образом и дала мне наставления относительно того, на что я должен обратить внимание при дворе: потому что именно она велела передать мне приглашение накануне. [...] и потом отправились ко двору, где я ещё раз разговаривал с княгиней. После богослужения я вместе с другими кандидатами был приглашён в аудиенц-зал: появилась Императрица, и мы один за другим приблизились, чтобы получить из её рук ордена, которые она вручила с очень любезным выражением лица. Я получил массу комплиментов и вернулся к своей семье, которая бросилась мне на шею».²

Затем последовал приём поздравляющих дома, а вечером новоиспечённые кавалеры снова отправились во дворец, чтобы поцеловать руку великой княгине и великому князю. В заключение полагалось побывать на балу. «Теперь я здесь являюсь кавалером ордена св. Владимира 4-ой степени, то есть ношу ленту в петлице».³ С этого времени Эйлер получил право присутствовать на ежегодных вручениях орденов, на аудиенции и последующей литургии.⁴ Орден полагалось носить постоянно, так как он был получен трудом и усердием. Им награждали подданных, находящихся на государственной службе. Орден 4 степени представлял собой небольшой золотой крест, на котором под великокняжеской короной было написано имя св. Владимира. Его носили в петлице. К ордену полагалась ежегодная пенсия в размере 100 рублей.⁵

В задачи И.А. Эйлера входило также снабжение Дашковой, как близкого доверенного лица императрицы, забавными историями. Он должен был использовать свои заграничные контакты для сбора анекдотов со всего мира. Это выходило далеко за рамки его служебных обязанностей, и секретарь практически брал на себя роль придворного шута.⁶ Но Эйлер выполнял также и функции научного советника. Однажды его разбудили в 11 часов вечера: княгиня прислала ему записку императрицы, в которой та требовала дать разъяснение о комете, которая должна была появиться в 1789 году. Эйлер немедленно написал всё, что знал, и послал слугу за более подробными сведениями к Румовскому.⁷

Учёных постоянно привлекали и в качестве экспертов: в 1773 году Эйлер стал членом экспертной группы, которой предстояло сконструировать громо-

¹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 24.11.1786.

² SBBPK, Ms, NF, SPb. 25.9./6.10.1786. Перевод с французского.

³ Там же. Перевод с французского.

⁴ SBBPK, Ms, NF, SPb. 24.9./5.10.1787.

⁵ *Wendland*, Pallas. S. 362.

⁶ SBBPK, Ms, NF, SPb. 7./18.1.1787; цитируется в: *Mumenthaler*, Sekretäre. S. 440 f.

⁷ SBBPK, Ms, NF, SPb. 12./23.12.1788.

отвод для колокольни церкви св. Петра.¹ В другой комиссии, которая в 1779 году должна была определить место для новой обсерватории, Эйлер сначала не принимал участия, потому что не верил, что обсерватория когда-нибудь будет построена.² Позднее он всё-таки присутствовал на заседании всех математиков, физиков и астрономов Академии, где обсуждался этот вопрос.³

Эйлер был также членом комиссии, которая по поручению императрицы должна была провести инспектирование пансионатов и школ столицы. Ему самому редко удавалось проводить инспекции, так как он был занят приёмом экзаменов в Кадетском корпусе. Но остальные члены комиссии докладывали ему о своих проверках.⁴ Следующее задание не заставило себя долго ждать: в августе 1780 года директор Академии поручил отцу и сыну Эйлерам, Фуссу, Крафту и Головину исследовать течение Невы.⁵ В марте следующего года, когда они начали эту работу, были отменены заседания Академии.⁶ 4 марта Эйлер, Крафт и Фусс начали в Кронштадте выверку течения Невы от ординара от её устья до Ладожского озера, однако сильный ветер помешал им использовать привезённый большой квадрант. Фусс и Крафт вернулись в Петербург за меньшим, менее чувствительным к ветру квадрантом. 6 марта они продолжили свою работу, но тем временем ветер ещё больше усилился. К несчастью, порыв ветра вырвал у них измерительный инструмент на зеркально гладкой ледяной поверхности, и больше они его никогда не видели. Учёным не оставалось ничего другого, как послать Крафта в Петербург и объяснить, что в данный момент проведение измерений невозможно. Позднее Домашнев отозвал их назад в Петербург.⁷ Мероприятие было отложено до более благоприятного времени года.

Работа советника охватывала очень широкий спектр вопросов. В начале 1780 года Эйлеру пришлось отвечать на запрос императрицы, направленный его отцу, о соотношении золота и серебра и влиянии их стоимости на торговлю государства.⁸ В 1781 году императрица пожелала иметь сравнительную метеорологическую таблицу последних трёх зим. Заместитель Домашнева, граф Строганов, возложил это поручение на Эйлера, который сразу принялся за работу и уже на следующий день передал таблицу обрадованному Строганову. Это ещё раз доказывает, что Эйлер, берясь за работу, выполнял её очень быстро. Причём нам, конечно, совершенно неизвестно, какой исходной информацией он владел.⁹

В обязанности Эйлера входило также сопровождение гостей во время посещения Физического кабинета. Он от души веселился, когда ударил током турецкого посла, что вызвало на лице последнего смешные гримасы.¹⁰ Ему постоянно приходилось показывать гостям, иностранцам или русским дворянам,

¹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 1./12.3.1773.

² SBBPK, Ms, NF, SPb. 27.6./8.7.1779.

³ SBBPK, Ms, NF, SPb. 5.9.1779.

⁴ SBBPK, Ms, NF, SPb. 31.3./11.4.1780. При этом они, естественно, находили самые разные условия. Наряду с превосходно организованными встречались пансионаты, которые служили только вытягиванию денег из родителей. SBBPK, Ms, NF, SPb. 24.4./5.5.1780.

⁵ Протоколы, т. III. С. 484.

⁶ Там же. С. 517.

⁷ SBBPK, Ms, NF, SPb. 30.3./10.4.1781. Протоколы, т. III. С. 519.

⁸ SBBPK, Ms, NF, SPb. 24.1./4.2.1780.

⁹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 2./13.2.1781.

¹⁰ SBBPK, Ms, NF, SPb. 1./12.12.1786.

Физический кабинет и Кабинет естественной истории.¹ В 1788 году он знакомил с Академией баварского министра и его супругу и организовал для них поездку в Сестрорецк.² В 1789 году он упоминает генерала Эссена, губернатора Ревеля, ему и нескольким дамам Эйлер показывал Академию и развлекал физическими опытами.³

Редактирование изданий Академии было одной из главных задач секретаря. В 1787 году вышел первый том «Nova Acta», для которого Эйлер написал исторический обзор. Но он остался недоволен результатом:

«Мне пришлось так много исправлять, добавлять и выбрасывать, что целостного текста уже не получилось. То я слишком много написал об управлении господина Домашнева, то я чересчур похвалил княгиню: критика не прекращалась. Кроме того, Вы знаете, что французский язык — не мой, и что мне стоит большого труда не делать ошибок».⁴

В отсутствие директора секретарь вёл заседания Академии, в том числе экстренные.⁵

Но и у Дашковой были свои недостатки. В отличие от своего предшественника, она временами переусердствовала с экономией. В 1788 году своей политикой строжайшей экономии она практически дискредитировала корреспонденцию Академии. Эйлер полагал, что она должна как можно скорее отменить свои распоряжения, чтобы не скомпрометировать себя.⁶ Дело было так: Дашкова потребовала от директора почты представить Академии неоплаченные счета за почтовые расходы за четыре года. Сумма составила 1590 рублей. Это до такой степени разгневало княгиню, что она подписала указ, согласно которому с этого момента ответственность за отправку и приём писем возлагалась на Канцелярию Академии. Это, конечно, задело Эйлера, потому что большую часть расходов составляла его корреспонденция. Но он подсчитал, что ежегодно отсылает и получает письма только на 300 рублей. Эйлер заявил, что не будет отдавать свои письма на просмотр Канцелярии, что он лучше будет сам оплачивать почтовые расходы и ежемесячно представлять счета. «Но Её Высочество не захотела услышать голос разума, и я был вынужден уйти от неё, сказав, что в этом пункте я ей не подчинюсь».⁷

Дашкова успокоилась, однако не так быстро, как надеялся Эйлер. Ему пришлось договориться с директором почты, который проявил большую любезность и прикрывал отсылку писем Эйлера.⁸ Отношения с княгиней заметно охладели:

«Моя княгиня вернулась в город, а она уезжает, чтобы показать мне свою холодность: я больше не разговариваю с ней об академической корреспонденции, и пустил дела на самотёк: я думаю, что при терпении всё постепенно вернётся на круги своя, и я знаю некоторые вещи, огласки которых она не хочет».⁹

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 18./29.4.1788.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 18./29.6.1788. В Сестрорецке находился Оружейный завод, директором которого был Христофор Эйлер.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 23.3./3.4.1789.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 24.9.1787. Перевод с французского.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.12.1788.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 26.9./6.10.1788.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.9.1788. Перевод с французского.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 10./21.10.1788.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 17./28.10.1788. Перевод с французского.

Кризис отношений между ними был быстро преодолен, но княгиня не изменила своей точки зрения:

«Моя княгиня обращается со мной и ценит меня, как делала это прежде, но она не отменила свои меры относительно почтовых расходов на письма: я больше не разговариваю с ней об этом, но я занял собственную позицию: я больше не отвечаю на академические письма и больше не буду получать писем, после того как будут израсходованы 50 рублей, которые княгиня велела выплачивать мне на корреспонденцию: исключение составляют Ваши письма и некоторых других лиц, которых я знаю через Вас и которые являются моими особыми знакомыми, эти письма я, следовательно, буду оплачивать из собственного кармана».¹

Теперь Эйлер был вынужден просить о возмещении расходов на отправку писем. Обычно Формей вкладывал письма из Берлина в Петербург в своё письмо, точно так же поступал Эйлер. Но поскольку теперь Эйлеру пришлось платить за отправку писем из собственного кармана, то он просил получателей оплачивать часть расходов. Одни платили без проблем, другие лишь потешались над преувеличенной бережливостью Дашковой и ничего не давали ему. Но Эйлер был уверен, что рано или поздно его права будут восстановлены:

«Со временем всё изменится, и раньше или позже я буду восстановлен в моих прежних правах. Для этого нужен только скандал — при этом я обещаю, что я не буду способствовать ему, и что княгиня никогда не сможет упрекнуть меня в этом».²

Формей, со своей стороны, до некоторой степени способствовал улучшению отношений между директором и секретарём: в одном письме Дашковой он упомянул, что Эйлер в своих письмах к нему с величайшей благодарностью отзывался о своём директоре. Эйлер поблагодарил дядю и ответил, что при следующей встрече ему будет оказан очень радушный приём.³

Очевидно, во время посещения Берлина профессор Фербер нарисовал Формею не такой положительный образ Дашковой.

«Всё, что он мог сказать Вам о моей княгине, может быть, и верно, но я не сомневаюсь, что он сильно преувеличил. У неё есть большие недостатки, но у неё есть и много хороших качеств; и из всех директоров она намного лучше любого другого, по крайней мере, если не менять директора каждый год: потому что директора здесь подобны новым мётлам».⁴

Эйлеру довелось стать свидетелем того, как «его княгиня» стала вызывать всё больше недовольства. В начале 1789 года премию Академии, которая, вероятно, начислялась в дукатах, она захотела выплатить обоим лауреатам в рублях по значительно более низкому курсу. Если бы профессор Борн из Кронштадта, который заявил, что примет только дукаты, пожаловался в Академию, то все члены выступили бы против Дашковой. То есть неприятности были запрограммированы.⁵ Год спустя разразился очередной скандал. Граф Григорий Разумовский, основавший в Лозанне научное общество, в 1790 году был избран почётным членом Академии. Поначалу

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 21.11./2.12.1788. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 23.3./3.4.1789. Перевод с французского.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.12.1788.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 23.1./3.2.1789.

⁵ Там же.

казалось, что он очень польщён этим избранием. Но едва возвратившись в Швейцарию, он в гневе отослал свой диплом обратно Эйлеру. Эйлер надеялся, что этот скандал не получит огласки.¹ Но французский путешественник Фортия де Пилес не упустил случая и со вкусом описал это скандальное дело в своих путевых заметках. А именно: Дашкова собиралась предоставить Разумовскому почётное членство только при условии, что тот купит присланные ею книги Академии на сумму несколько сотен рублей.² Это вызвало гневную реакцию русского учёного в Швейцарии. И для Эйлера княгиня теперь всё реже была «*toute gracieuse*» (сама любезность).

«Наша правящая княгиня наряду с многочисленными превосходными качествами обладает и слабостями, потому что она — человек, и при этом женщина, к этим слабостям относится доведённая до смешного бережливость».³

Теперь в их отношениях наступает время постоянных взлётов и падений. В июне барометр неожиданно снова показал ясную погоду. Эйлер собирался нанести визит княгине, но её не было дома. Тогда он отправился в пятничное общество к господину профессору Крафту.

«Когда я был занят игрой, пришёл посланник от княгини Д., чтобы сказать мне, что я должен прийти к ней в 10 часов вечера. Этот час поразил меня и заставил подумать, что ей надо сообщить мне важные вещи. Я отправился к ней: она ещё не вернулась из своего маленького загородного дома, и мне пришлось ждать её до 11 часов, когда она появилась, с большой любезностью сказала мне, что получила отличные свежие устрицы и послала за мной, чтобы вместе съесть их, зная, что я большой гурман и что я особенно любил устрицы. Что делать! Я должен был подчиниться, около полуночи накрыли ужин; кроме меня, там был ещё только её племянник граф Санти, устрицы были великолепны, ещё подавали английское пиво, старый Липпиц и для приятного дыхания Setuval. В результате я вернулся домой только в 2 часа ночи, переправившись через реку на лодке».⁴

Эйлер прощал княгине Дашковой все её промахи — до того дня, когда она отказала его дочери в пенсии за мужа:

«23-го моя дочь получила от княгини Дашковой отрицательный ответ на поданное ею прошение о том, чтобы ей выплачивали то, что до сих пор получали вдовы академиков, и о чем ни одной из них не пришлось просить. Я в спешке написал обоснованную докладную записку об этом уникальном поступке княгини, а к вечеру я был в загородном доме Чернышёва, чтобы прочитать ему эту записку и спросить его совета: он принял меня очень любезно и посоветовал мне, чтобы моя дочь написала короткое письмо её величеству, а также приложила к нему мою докладную записку, а запечатанный конверт в адрес императрицы следовало отнести на почту».⁵

С глубочайшим возмущением Эйлер разъясняет своему дяде, что до сих пор все вдовы членов Академии наряду с пособием на погребение в размере 100 рублей одновременно получали полное годовое жалование. Это было священным законом, которому следовали без исключений и дискуссий. Деньги, по словам Эйлера, всегда выдавались вдовам ещё до похорон. Это было неоспоримой привилегией

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 28.3.1790.

² Fortia. S. 241 ff.

³ *Wendland*, Pallas. S. 221. Цитата из письма Эйлера И.Ф. Блюменбаху от 6.3.1789.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 6./17.6.1789. Перевод с французского.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. August 1789. Перевод с французского.

академиков, которую при поступлении на службу в Академию и при женитьбе всегда считали само собой разумеющейся. Но Дашкова уже отказала в этом праве вдовам Леонарда Эйлера и Миллера, сославшись на их обеспеченное материальное положение. Теперь же она с неохотой намеревалась предоставлять только два месячных жалования в качестве пособия на погребение. В результате сильно пострадала юная Шарлотта Бернулли-Эйлер, которой довелось лишь два месяца провести вместе с любимым мужем и оказаться вдовой уже в 16 лет. Эйлер привёл в движение все рычаги, чтобы добиться удовлетворения прошения.

«Два месячных жалования не являются тем предложением, которое делают вдове академика, их дают вдовам низших офицеров Академии, а моя дочь не считала возможным принять их. Она написала на это сначала княгине Д.: а когда это не принесло благоприятного ответа, она обратилась прямо к императрице и послала её величеству почтительное письмо о поведении княгини по отношению к ней. Пакет был отослан почтой, и, как говорят, Императрица приняла его благосклонно, Её Величество велела сначала написать княгине, чтобы получить информацию о причинах, по которым та не дала вдове Бернулли то, что ей причитается, и о том, как высоки были доходы покойного. В ответ княгиня послала длинное оправдание, которого я не видел, и всё отнесла на необходимость экономить, чтобы положить конец большим расходам Академии, которые росли быстрее доходов etc., что является чистой ложью [...]. В конце концов Императрица послала моей дочери указ через своего кабинет-министра господина Стрекалова, который выплатил моей дочери 667 рублей из её (императрицы) личных средств: а княгиня Д. в то же время получила второе письмо, в котором Её Величество приказала написать ей, что она должна выплатить вдове Бернулли два месячных жалования в 133 рубля, которые она ей предложила, и что Её Величество приказала выплатить остальное из её личных средств и, наконец, что она отдаёт должное её бережливости. Было ли это иронией или нет, но из этого видно, что Императрица хотела пощадить княгиню, но что в принципе Её Величество признаёт обычай выплачивать вдовам академиков годовое жалование».¹

Итак, директриса потерпела досадное поражение, но оказалась упрямой: поскольку императрица ничего не написала о 100 рублях на погребение, она опять отказала в этом пособии. Эйлер предполагал, что императрица ничего не знала об этом факте, но счёл излишним из-за этого ещё раз обращаться к царице. Он прибег к своему второму оружию — сделал этот случай достоянием гласности. «Я при каждом случае говорю об этом, это — всегда средство поставить в известность Её Величество». Подробно написав Формею в Берлин, он проинформировал таким образом и западный учёный мир.² Какой гнев и разочарование владели Эйлером, видно из того, как он предваряет описание этого дела. Забыты все встречи с его княгиней с глазу на глаз и устрицы в полночь:

«Сейчас я должен рассказать Вам о несправедливом и заносчивом поведении княгини Дашковой, которое она проявила в отношении моей бедной дочери Бернулли [...] к стыду особы, которая тем опаснее, что она умеет так хорошо маскироваться, что её можно было бы счесть за святую».³

Ясно, что Эйлер больше уже не защищал от пересудов «свою княгиню», которую теперь снова стал именовать «княгиня Д.». Эйлер считал, что страстью

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 22.8.1789. Перевод с французского.

² Там же.

³ Там же. Перевод с французского.

Дашковой является ежегодное увеличение казны Академии, при этом она не забывает и себя. Поэтому она не замечает вакантные должности скончавшихся профессоров и за каждую мелочь наказывает денежными штрафами.¹ Позднее Эйлер писал, что Дашкова приняла его очень холодно и ни слова не сказала о скандальном деле Бернулли.²

Сами академики были достаточно критичны, чтобы распознать очевидные недостатки своего учреждения. Но так остро, как Пикте из Женевы, не высказывался никто: «Академия, если говорить прямо, это — предмет роскоши; который хотят иметь так же, как некоторые люди имеют библиотеку, в которую они заходят только для того, чтобы показать её».³ Аналогичное впечатление сложилось и у Фортиа де Пилес, упоминавшегося выше. Ценные коллекции не были каталогизированы; дорогостоящее главное здание было построено для чего угодно, но только не в соответствии со своим назначением. Его внешний вид создавал впечатление большого внутреннего пространства. Но всё было не так. В огромном вестибюле продавались карты и издания Академии, а также некоторые плохие немецкие и французские книги. Половину здания занимал конференц-зал, который, по-видимому, был единственной целью постройки. Но «деньги было бы лучше потратить на новые приобретения, чем на строительство здания, которое обошлось в 100000 рублей».⁴ На втором этаже Фортиа обнаружил очень плохо оборудованный Физический кабинет и несколько мастерских. Служащие бесплатно жили в этом доме. Соответственно они мало заботились о порядке и обстановке. По коридорам разгуливали курицы и индюки. Ступени каменной лестницы подозрительно качались. Единственный гравер, который в течение четырёх лет учился в Германии, приобрёл отливки литер шести шрифтов. При существующем уровне образования, иронизирует Фортиа, старые литеры могут прослужить ещё долго, особенно ввиду небольшого количества трудов, издаваемых Академией. Но по-настоящему язвительной его критика становится, когда речь заходит о Кунсткамере. По его словам, она битком набита величайшими сокровищами, относящимися ко всем областям знаний, там имеются почти все русские книги. Об этом свидетельствует список, составленный бывшим библиотекарем Бахмейстером.

«Очень больно видеть столь интересное учреждение не только покинутым из-за отсутствия любителей, но и полностью заброшенным теми, кому поручено руководство: невозможно представить себе их безразличие или, по крайней мере, отсутствие доброй воли. Мы всё время вспоминаем данный нам в библиотеке ответ на вопрос, нет ли в библиотеке некоторых ценных книг, которые показывают преимущественно иностранцам. Нам было сказано: “Вы первые, кто задал этот вопрос”. Настаивая на просьбе показать нам такое произведение, мы были уверены, что его можно найти в библиотеке, но нам несколько раз ответили: “Я думаю, что оно здесь есть”; без сочинения господина Бахмейстера, который был младшим библиотекарем, было бы невозможно составить представление об этом богатом хранилище».⁵

Через одного знакомого Фортиа получил доступ в рабочие помещения, где также обнаружил полный беспорядок. То же самое творилось в обсерватории: по-

¹ Там же.

² SBBPK, Ms, NF, SPb. 31.8.1789.

³ *Fatio, Voyage*. S. 86 f. Подробнее в главе о научных экспедициях. Перевод с французского.

⁴ *Fortia, Voyage*. S. 205 ff. Перевод с французского.

⁵ Там же. 209 f. Перевод с французского.

всюду кучами лежали инструменты и приборы, некоторые даже не были распакованы. Квадрант, выполненный по модели Гринвича, уже вышел из строя, хотя его ни разу не использовали. Сначала построили фундамент, а потом увидели, что он слишком мал. Кроме того, помещение не отапливалось. При низких температурах маятники останавливались. От влажности приборы портились. По словам путешественника, с первого взгляда было видно, что оборудование стоило больших денег, но оно пришло в негодность.¹ Астроном Румовский за свою карьеру подготовил только двух учеников. Но в то время у него уже не было ни одного помощника, и в силу своего возраста он не мог обучать новых астрономов. Аналогичная ситуация царил и в Физическом кабинете: множество заброшенных приборов, покрытых слоем пыли.² Фортиа завершает свою критику комментарием о директоре Дашковой. Она экономит на всём и поэтому слишком мало платит служащим. Поэтому она не может получить первоклассных специалистов.

Невозможно поверить, что В. Кокс во время своего путешествия по России посещал то же самое учреждение. По его описанию, в 1772 году всё находилось в отличном состоянии.³

Тень Французской революции легла на Россию: правление Екатерины II приняло реакционный характер. Она исключила французского математика Кондорсе из рядов членов-корреспондентов, потому что он принимал участие в революции, подвергла строгой цензуре все зарубежные издания и запретила обучение студентов Академии за границей.⁴ Дашкову также обвиняли в деспотизме. Начиная с 90-х годов она единовластно управляла судьбой Академии, без согласия академиков приглашала новых членов, составляла планы нового строительства и построила новую химическую лабораторию, не посоветовавшись с химиками.⁵ В 1794 году Дашкову, потерявшую доверие императрицы, отправили в отпуск. Она разрешила издать трагедию «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, которая впоследствии была запрещена из-за революционного характера. На время отпуска Дашковой исполнение обязанностей директора Академии возложили на её племянника, П.П. Бакунина. Он внёс свой вклад в дальнейший развал Академии. В 1796 году Павел I назначил его преемником Дашковой, которая была сослана в одно из имений.⁶ Воевать с её преемником пришлось уже Николаю Фуссу, который всё чаще брал на себя дела своего тестя и после его кончины занял его место.

7.2. Деятельность Иоганна Альбрехта Эйлера вне Академии

Мы уже упоминали о том, что оплата труда членов Академии была далеко не царской. Как правило, их надежды на возможность полной концентрации на научных исследованиях не сбывались. Единственным исключением, по всей вероятности, был Леонард Эйлер во время второго пребывания в Петербурге. Материальное положение членов Академии мы детально рассмотрим в другой

¹ Там же. С. 239. Перевод с французского.

² Там же. С. 241.

³ *Сохе, Reise*. Bd. 5. S. 87 ff.

⁴ *Лысенко, Фусс*. С. 9.

⁵ *Комков/Левшин/Семёнов, Академия*. С. 150.

⁶ Там же. С. 151.

главе. А здесь остановимся на различных дополнительных работах, которыми вынужден был заниматься И.А. Эйлер, чтобы прокормить своё большое семейство и сохранять привычный образ жизни. В 1776 году он получил пост директора по надзору за учебной работой в Сухопутном кадетском корпусе с жалованием 600 рублей и дополнительными 182,50 рублями на питание.¹

Преподаватели хотели, чтобы он стал их начальником, пишет Эйлер. Позднее Эйлер упомянул ещё одну пикантную подробность его назначения в Кадетский корпус. Осип Дерibas пригласил его с тем, чтобы Эйлер поддержал предложенную им модель моста через Неву, которая в то время проходила экспертизу в комиссии Академии. Помимо этого, Дерibas искал кого-нибудь, кем он смог бы прикрыться и кто взял бы на себя ответственность за всё, что Дерibas натворил в Корпусе. Эйлер не поддержал модель моста, и Дерibas стал плести против него интриги, пока Эйлера не уволили.²

Деньги Эйлеру были нужны, но он не рассчитывал на такой объём работы. Может быть, он полагал, что в качестве директора по надзору ему придётся время от времени следить за порядком и проверять учителей. Но весной во время экзаменов он должен был работать почти каждый день по тринадцать часов.³ Экзамены проводились с 8 до 12 часов, затем Эйлер обедал у генерала Пурпура или майора Дерibasа. После обеда в 15 часов снова начинались экзамены, которые продолжались до 19 или 20 часов.⁴ Накопившиеся обязанности в Академии и в Кадетском корпусе постепенно становились ему не по силам. К тому же умерла его дочь, что ещё больше усугубило ситуацию.⁵ Эйлер надеялся, что упорядочение учебного процесса в соответствии с предложенным им планом снизит эту нагрузку. В этом случае он смог бы посещать Корпус только три или четыре раза в неделю, чтобы проверять состояние дел.⁶ Он ввёл много новшеств, которые были приняты в 1776 году по согласованию с Корпусом.⁷

Эйлер отвечал за приём на работу новых преподавателей и за их инструктаж.⁸ В 1777 году он снова занимался подбором кандидатов на место преподавателя в Корпусе. С гордостью он отмечал, что с тех пор как стал директором по надзору за учебной работой, число претендентов на преподавательские должности заметно увеличилось. Ранее он неоднократно упоминал о том, что работа в Корпусе довольно ненадёжна, но теперь, когда учебным процессом руководят уже не военные, а учёный, установилась определённая стабильность.⁹

Сама эта работа ему не нравилась, но он был вынужден выполнять её из-за денег. Отдыхать Эйлер мог только вечерами и по воскресеньям.¹⁰

Эйлер написал для Кадетского корпуса учебник «*Eléments de Géometrie*», который отдал для перевода на русский язык и публикации.¹¹ В 1780 году появи-

¹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 15./26.3.1776.

² SBBPK, Ms, NF, SPb. 9./20.5.1785.

³ SBBPK, Ms, NF, SPb. 15./24.4.1776; SPb. 14./25.4.1777; SPb. 14./25.4.1777.

⁴ SBBPK, Ms, NF, SPb. 15./26.3.1776.

⁵ SBBPK, Ms, NF, SPb. 15./26.9.1777.

⁶ SBBPK, Ms, NF, SPb. 15./26.3.1776.

⁷ SBBPK, Ms, NF, SPb. 11./22.10.1776.

⁸ SBBPK, Ms, NF, SPb. 10./21.5.1776; SPb. 17./28.5.1776; 24.4./5.5.1780.

⁹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 13./24.3.1777; 3./14.10.1777.

¹⁰ SBBPK, Ms, NF, SPb. 10./21.5.1776.

¹¹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 1.3.1779.

лись признаки того, что он может вскоре потерять этот пост. «Господин Бецкой, этот человек, исполненный гуманности, справедливости и чести, слишком любит перемены и слишком непостоянен, чтобы выносить неизменное лицо своих учреждений в течение нескольких лет».¹

Эйлер не смог скрыть своего разочарования, хотя и утверждал, что за 14 лет жизни в России привык к несправедливости и непостоянству. Неожиданностью, по его словам, было скорее то, что его четыре года держали в Корпусе и что его отставку собираются позолотить патентом 7-го чина Табели о рангах и выплатой вознаграждения в размере одной трети жалования.²

Но вскоре неожиданно прекратились всякие разговоры о реформе Кадетского корпуса и об увольнении Эйлера, который не знал, что ему и думать обо всём этом. Может быть, их превосходительства устыдились того, что практически привели учреждение к банкротству, растратили доходы Корпуса на удовольствия и затем захотели уйти на более надёжные посты?³ Эйлер разгорячился: прусский король отправил бы таких господ в Шпандау за то, что они промотали деньги государства — а ему разрешил бы остаться в должности. Это называется справедливым правлением, о котором в России не может быть и речи.⁴ Эйлер не собирался мириться с этой несправедливостью и не упустил случая высказать своё мнение. Во время очередного празднества в Корпусе он громко сказал своему соседу, что оно оплачено из жалованья директора по надзору за учебной работой.⁵

В 1781 году дело всё же дошло до увольнения. Должность (директора по надзору за учебной работой) была упразднена. Соответствующие обязанности были возложены на военного, который не может написать без ошибок даже простой записки, насмеялся Эйлер. Его «преемнику» платят на 100 рублей в год больше, и это называется экономией. Утешением для Эйлера послужило то, что большинство кадетов и некоторые высокопоставленные особы сожалели об его уходе.⁶

Как в Швейцарии, так и в России почти все учёные подрабатывали частными уроками. В 1776 году Иоганн Альбрехт Эйлер давал одному ученику 4-5 уроков в неделю по учебнику алгебры, написанному Эйлером-старшим.⁷ Граф Орлов предоставил в распоряжение Эйлера физическое оборудование стоимостью в несколько сотен рублей с тем, чтобы он обучал физике капитана Богуславского, внебрачного сына графа Ивана Орлова.⁸

Уже вскоре после возвращения в Петербург отец и сын Эйлеры вступили в Императорское Вольное экономическое общество, основанное в 1765 году. В письмах Эйлера-сына предстает образ организации, далёкой от расцвета: «экономическое общество в полном упадке, у него нет ни доходов, ни способных людей». На заседаниях он умирает от скуки.⁹ По поводу нового устава велась бес-

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.5.1780. Действительно, Иван Иванович Бецкой, получивший известность как гуманист благодаря основанию различных воспитательных заведений, считался поборником французского Просвещения. См.: *Stählin*, Париже. S. 260. Перевод с французского.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 9./20.6.1780; 8./19.1.1781.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 7.7.1780.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 10./21.7.1780.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 16./27.7.1780.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.1.1781.

⁷ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.1.1776.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 13.3.1777.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 1./12.12.1769; 8./19.12.1769.

конечные дебаты.¹ В сентябре 1770 года русские дворяне предоставили обществу 2000 рублей.² Позднее Эйлер заявил, что общество находится в агонии: практически больше никто не посещает собрания общества, включая его самого.³ Бюджет в 1000 рублей обеспечивают в первую очередь братья Демидовы.⁴

Перелом наступил в 1777 году благодаря Гильденштедту, который вместо своей кандидатуры предложил на пост президента Вольного экономического общества фаворита императрицы Зорича. Идея была принята с восторгом, и с этого момента для общества начался мощный подъём благодаря высокому покровительству и поступающим средствам.⁵ С 1785 по 1788 год Эйлер занимал пост вице-президента при графе Остермане.⁶ В 1787 году Эйлер писал, что дела Общества в период отмены собраний на каникулы полностью ложатся на него.⁷ В 1790 году он сложил с себя обязанности казначея общества, которые выполнял с 1780 года.⁸ В 1792 году его наконец избрали секретарём общества.⁹

7.3. Роль И. А. Эйлера в науке

Научные достижения Иоганна Альбрехта Эйлера вызывают споры. Был ли он лишь сыном великого Леонарда Эйлера или он добился самостоятельных результатов в науке? В ходе дискуссии вокруг издания полного собрания сочинений Леонарда Эйлера встал вопрос о том, надо ли и в каком объёме включать в него работы Эйлера-сына. В конце концов его работы были включены в полное собрание сочинений Леонарда Эйлера на том основании, что отец принимал активное участие в их создании. Этой проблемой занимался также Штекель, который большое внимание уделил Иоганну Альбрехту Эйлеру как личности.¹⁰ Он считает Эйлера-сына вполне самостоятельным учёным, который всегда больше интересовался не чистой, а прикладной математикой.

В вопросе о том, являются ли труды Иоганна Альбрехта Эйлера самостоятельными, необходимо учитывать тот факт, что Леонард Эйлер — в отличие, например, от Иоганна Бернулли — великодушно разрешал ученикам разрабатывать и развивать его идеи. При колоссальной продуктивности Л. Эйлера плюс-минус пара сочинений не имели для него значения. Теория, представленная в сочинении Иоганна Альбрехта о физических причинах электричества, была творением его отца, а сыну принадлежит её дальнейшее развитие. Леонард Эйлер писал Миллеру, что поделился с сыном идеями и поручил ему написать сочинение.¹¹ По мнению Штекеля, в ранних работах берлинского периода «заметна сильная

¹ SBBPK, Ms, NF, SPb. 26.1.1770.

² SBBPK, Ms, NF, SPb. 28.9.1770.

³ SBBPK, Ms, NF, SPb. 8./19.11.1773.

⁴ SBBPK, Ms, NF, SPb. 6./17.6.1774.

⁵ SBBPK, Ms, NF, SPb. 20./31.10.1777. Однако Паллас уже в 1775 году называет Зорича президентом Общества. *Pallas*. S. 733.

⁶ SBBPK, Ms, NF, SPb. 7./18.11.1788.

⁷ SBBPK, Ms, NF, SPb. 25.6./6.7.1787.

⁸ SBBPK, Ms, NF, SPb. 8./19.1.1790; *Hammermayer*, *Akademiebewegung*. S. 20.

⁹ *Hammermayer*, *Akademiebewegung*. S. 20.

¹⁰ *Stäckel*, *Euler*. S. 63–90.

¹¹ *Jaquel*, *Euler*. S. 438.

зависимость сына от отца».¹ Знаменитый математик Якоби, который переписывался с Паулем Фуссом по поводу издания полного собрания сочинений Эйлера, выразил особенно жёсткое суждение об Иоганне Альбрехте Эйлере: «Очень важным вопросом был бы, вероятно, вопрос о том, следует ли включать работы И.А. Эйлера, так как можно предположить, что всё, за исключением оформления, принадлежит старику».² Среди прочего он отметил, что сочинение «*Recherches des forces dont les corps célestres sont sollicités en tant qu'ils ne sont pas sphériques*» («Исследование сил, действующих на небесные тела в силу того, что они не являются сферическими». — *Прим. ред.*), которое Иоганн Альбрехт в 1765 году представил Берлинской академии, ещё в 1758 году уже представлял Леонард Эйлер, но оно не было опубликовано. «Вероятно, Эйлер-отец нашёл его среди своих бумаг, забыл, что уже зачитывал его, и отдал сыну, оказавшемуся в затруднительном положении».³ Иоганн Альбрехт сам ссылается на аналогичные работы своего отца, и можно предположить, что рукопись отца стала основой его сочинения. Якоби доказал, что работа И.А. Эйлера «*De promotione navium sine vi venti*» («О движении кораблей без силы ветра». — *Прим. ред.*), представленная Берлинской академии в 1763 и 1764 годах и вышедшая в свет на французском языке в 1766 году, была идентична конкурсной работе Леонарда Эйлера, поданной им в 1753 году в Парижскую академию, но опубликованной только в 1771 году.⁴

Иоганн Альбрехт Эйлер неоднократно принимал участие в конкурсах различных академий и научных обществ, на которые сочинения подавались анонимно, и часто побеждал в них, впервые в 1754 году. В своей работе по вопросу о наиболее эффективном использовании силы воды для приведения в движение мельниц и других механизмов он следовал теории турбин своего отца и получил премию Гёттингенского научного общества.⁵ Годом позже он был удостоен премии Петербургской академии за сочинение о физических причинах электричества. Победителем конкурсов Петербургской академии он стал также в 1760 и 1762 годах.⁶ Аналогичных премий И.А. Эйлер был удостоен в 1761 и 1770 годах (вместе с отцом) в Париже, а в 1762 году в Мюнхене.

Поэтому можно сказать, что все работы Иоганна Альбрехта Эйлера в области чистой математики, механики, астрономии и теоретической физики тесно связаны с трудами его отца. Самостоятельные научные достижения Эйлера-сына относятся главным образом к метеорологии.⁷

Что мы узнаём из источников? В 1771 году Иоганн Альбрехт сделал выжимку из теории движения Луны, принадлежавшей его отцу, и отправил её на конкурс в Париж.⁸ Ещё в 1770 году он начал проводить соответствующие вычисления с целью участия в конкурсе в Лондоне, победа в котором принесла бы 5000 фунтов стерлингов. Но работа в качестве секретаря практически не остав-

¹ *Stäckel*, Euler. S. 65.

² *Briefwechsel*. S. 49; Jacobi an Fuss, März/April 1848.

³ *Stäckel*, Euler. S. 71, цитируется из переписки К.Г. Якоби — П. Фусс. S. 73.

⁴ Там же.

⁵ Там же. S. 64 f.

⁶ Там же. S. 65.

⁷ Там же. S. 73. Всего он опубликовал порядка 70 работ. *Stieda*, J.A. Euler. S. 16.

⁸ BEBS, *Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen*, J.E. an J.Mallet, SPb. 1./13.2.1771.

ляла ему свободного времени.¹ И.А. Эйлер упоминает две старые статьи, публиковать которые больше не имело смысла, поскольку они были написаны наспех: «Я написал их в большой спешке, потому что мой отец торопил меня писать письмо в Академию».²

В переписке и дневниках И.А. Эйлер почти ничего не упоминает о своей научной деятельности. Вероятно, он действительно редко занимался проведением экспериментов и исследований. В качестве профессора физики Петербургской академии Эйлер сделал очень немного, его практически полностью поглотили обязанности секретаря. В 1774 году он писал Формею о физическом эксперименте, который проводил вместе с Крафтом «с большим расплавленным стеклянным шаром диаметром три фута, эффекты которого были поразительны».³ В октябре того же года Эйлер и Крафт купили у одного английского купца пневматический насос, который приводил в действие различные физические инструменты.⁴ Но описание наводит на мысль, что Эйлер принимал участие в этих опытах больше из-за их необычности, чем из научного интереса. То же самое можно сказать и о его показах Физического кабинета. Кабинет служил скорее развлечению гостей, чем исследованиям. В январе 1785 года Эйлер, Фусс и Крафт проводили опыты с замороженной ртутью.⁵ Тем не менее имеются свидетельства того, что Эйлер, когда у него находилось время, умел работать очень быстро. Так, например, 6 августа 1774 года он упоминает о том, что с утра написал несколько историко-астрономических статей для Альманаха Академии. На следующий день он опять работал над ними и, по-видимому, закончил.⁶

С большим увлечением он занимался метеорологией. После смерти члена Академии Иосифа Адама Брауна (1712–1768) Эйлер предложил продолжить его метеорологические наблюдения, которые затем регулярно публиковал в изданиях Академии наук⁷. Будучи секретарём, он неизбежно вынужден был откладывать занятия научными исследованиями на свободное время. Так астрономия и метеорология стали его хобби.

Иоганн Альбрехт Эйлер скончался в возрасте 65 лет 6 сентября 1800 года от истощения сил, проболев почти девять месяцев.

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 1.5.1770.

² SBVPK, Ms, NF, von SPb. 20.2.1770. Перевод с французского.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 6./17.5.1774.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8.11.1774

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 10./21.1.1785.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.8.1774.

⁷ И.А. Эйлер ежегодно с 1769 по 1800 публиковал выписку из метеорологических наблюдений, сделанных в Санкт-Петербурге, с датировкой по григорианскому календарю. — *Прим. ред.*

8. НИКОЛАЙ ФУСС: ОТ ПОМОЩНИКА ЭЙЛЕРА ДО РУКОВОДИТЕЛЯ АКАДЕМИИ

Прекрасен покой в конце карьеры

Собственно говоря, эта глава должна была бы начинаться с описания поездки Николая Фусса в Санкт-Петербург. Из соображений экономии места мне пришлось всё-таки отказаться от рассмотрения этой темы.¹ Молодого базельца в Петербурге встретил его соотечественник, ремесленник Петер Гримм, у которого Фусс прожил первые две недели. Гримм также помог ему с одеждой, поскольку багаж путешественника ещё не прибыл. Уже на второй день вновь прибывший нанес визит Эйлеру и незамедлительно приступил к работе.² Только через три месяца после его отъезда родные в Базеле получили радостную весть о том, что Николай Фусс благополучно прибыл в Петербург. Даниил Бернулли вместе с семьёй Фуссов порадовался тому, что его протеже был хорошо принят в Петербурге. От И.А. Эйлера он уже получил известие, что Фуссом очень довольны.³ И действительно, все были очарованы молодым математиком:

«Господин Фусс самый приятный молодой человек из всех известных мне, и я был бы счастлив, если бы мои сыновья стали похожими на него. Он учится с настоящей страстью и оказывает моему отцу очень важные услуги».⁴

Николай Фусс скромно оценивал свои достижения, но в то же время выразил удовлетворение ситуацией:

«Вы, дорогой отец, желаете знать, как мне здесь нравится, как я переношу жизнь здесь и привыкаю к ней; всё это я подробно сообщил в письме г. Киршу⁵, всё же хочу ещё коротко сказать, что на все эти вопросы могу ответить только *превосходно*; все мои занятия, за малыми исключениями, идут на благо моего обучения, и у меня есть самые большие основания восхищаться терпением несравненного Эйлера, с которым он для моего блага спускается со своих вершин до уровня моего учителя; я до сих пор не принёс ему ещё особой пользы, я лишь надеюсь, что скоро смогу избавить его от нагрузки. Кроме того, все в этой радушной семье относятся ко мне с огромной дружбой и любовью».⁶

Но Фуссу пришлось не так уж легко на чужбине. Скромный и немного неуверенный в себе молодой человек, по-видимому, держался уединённо. Это видно из письма базельскому писарю Исааку Изелину, в котором Фусс вспоминает первое время в Петербурге:

«Я, как Вы знаете, оказался на чужбине в очень молодом возрасте; добавлю ещё: с недоверием к себе и другим, что не делало бы мне чести, если бы не было естествен-

¹ Остаётся надеяться, что этот интересный документ из UBBS сможет быть опубликован в другой раз. В приложении среди иллюстраций есть портрет Н. Фусса.

² BEBS, Ordner Fuss, N. Fuss an seinen Vater u. Mutter, SPb. 25.6.1773.

³ Fuss, Correspondance II. S. 659 f. D. Bernoulli an N. Fuss, Basel 28.7.1773.

⁴ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler, No.11: JE an DB, SPb. 25.2./8.3.1774. Перевод с французского.

⁵ См.: BEBS, Ordner Fuss. S. 29 f., N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.6.1773.

⁶ Там же. S. 36 f. N. Fuss an Eltern, SPb. 2./13.9.1773.

ным следствием этого очень раннего расставания с тем, что было мне ближе всего на свете, и следствием мудрости того рода [...], которой обычно снабжают молодого человека, отправляя в мир. Я сам глубоко убеждён, что такое положение во многих обстоятельствах оказалось очень полезным для меня; тем не менее оно помешало мне узнать людей, которые окружали меня, за исключением тех немногих, чью дружбу не отпугнула моя скорее робкая, чем холодная сдержанность [...].¹

Рис. 16. Николай Фусс
(1755–1825)

Со временем Фусс научился доверять себе и окружающим. Как видно из опубликованного письма,² Даниил Бернулли принимал живое участие в карьере своего бывшего ученика. В благодарность за чрезвычайно сердечный и великодушный приём Николай Фусс-отец выразил готовность принять у себя сына Иоганна Альбрехта Эйлера, Ганса, если тот

приедет в Базель. Причём совершенно безвозмездно.³ И.А. Эйлер полагал, что не может принять это предложение, так как Николай Фусс оказывает им в качестве компаньона очень большую помощь. Сам Фусс, в свою очередь, считал это простыми комплиментами. «Я не думаю, что кто-то может сомневаться в том, кто в этом обществе получает наибольшую пользу».⁴

8.1. Работа в качестве помощника Эйлера до избрания адъюнктом

После полугодового обучения у Леонарда Эйлера Фусс начал верить в свои успехи, но прошло ещё полгода, прежде чем он счёл, что может быть полезен своему учителю:

«Я начинаю приближаться к исполнению наших желаний, постепенно становясь полезным Эйлеру. Этот год был очень плодотворным, я говорю это не из самолюбия, Вы знаете меня и недоверие, которое я всегда, вопреки обычаю молодых людей, проявляю к своим знаниям; но похвала Эйлера недвусмысленна, ах, разве она не сладка из уст человека, который сочетает в себе чистосердечие моего достойного поклонения учителя с самым точным различением истинного и ложного. Шаг за шагом я продвинулся настолько, что сейчас я, не позоря его, имею право надеяться на большее; так я смею судить по крайней мере из того шага, который он сделал две недели назад.

¹ StaBS, Privatarchiv 98.37: Korr. I. Iselin; NF an Iselin, SPb. 5./16.7.1779 (p.303-307).

² Учёная корреспонденция. С. 160–162.

³ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler, No.11: JE an DB, SPb. 25.2.1774.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 50, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.4./6.5.1774.

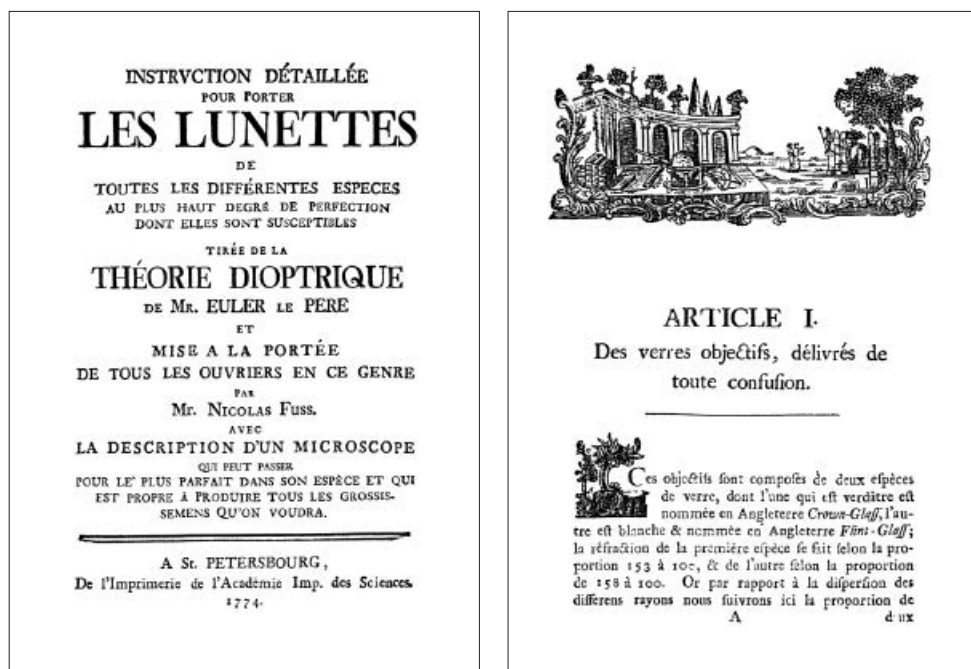

Рис. 17. Титульный лист и первая страница мемуара Н. Фусса о зрительных трубах

А именно, он был с визитом у директора Академии графа Владимира Григорьевича Орлова, которому пространно хвалил моё усердие, но особенно приписал мне заслугу в том, что большие надежды подаёт молодой русский, Михаил Евсеевич Головин, которому [он] уже 8 месяцев уделяет часть своего дня и с которым я поначалу для собственной практики и, чтобы побыстрее довести его до моего уровня, занимался общей алгеброй и тригонометрией. В нашем случае следование примеру доказало свой обычный эффект. Граф обещал позаботиться обо мне, и он сделает это. Поэтому я могу спокойно ждать продвижения; у меня нет необходимости самому делать ни малейшего движения, пока мой учитель столь настойчиво заботится о моём благе. Между тем легко понять, что моё усердие, против которого, как я льщу себе, и сейчас ничего нельзя возразить, будет расти вместе с моими надеждами. Маленькое сочинение по диоптрии, над которым я уже три дня работаю с утра до вечера вместе с г. проф. Эйлером и которое будет называться: “Description de plusieurs lunettes achromatiques, portées au plus haut degrés de perfection dont ces instruments sont susceptibles, calculées sous la direction de M. Euler le père par Nicolas Fuss” (“Описание многих ахроматических труб, доведённых до высшей степени совершенства, которое такими инструментами достижимо, рассчитанное под руководством господина Эйлера-отца Николаем Фуссом”. — *Прим. ред.*) принесёт мне здесь некоторую известность и будет немало способствовать ускорению дела».¹

«После продолжавшейся четверть года работы я настолько продвинулся в своём французском сочинении, что к следующей неделе оно выйдет из печати. Г. проф. Эй-

¹ Там же. S. 52, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 27.5./7.6.1774. [Фусс переработал этот мемуар для печати, изменилось и название. См. рис. 17. — *Прим. ред.*]

лер не желает никакого иного своего участия в ней, кроме того, что я воспользуюсь его теорией диоптрии; тем самым он оставляет за мной честь разработки и развития его аналитических формул и получения понятных специалистам результатов. Соответственно совершенно изменилось название, и г. проф. счёл правильным сопроводить работу предисловием. Она будет, как уже говорилось, готова на следующей неделе, ещё через неделю сброшюрована, переплетена и представлена графом Орловым императрице. И раньше чем двор отправится в Москву, что, как говорят, произойдет к Новому году, я надеюсь, что она уже сделает своё дело. Дай Бог, говорит г. проф. Эйлер».¹

Но спустя два месяца Фусс ещё ждал выхода книги. Кроме того, он больше не мог рассчитывать на то, что она будет представлена императрице, так как у графа Орлова не было возможности сделать это.² Годом позже сочинение было перепечатано в Западной Европе. Леонард Эйлер неизменно хвалил своего подопечного в Академии, так, например, 17 октября 1774 года, когда он отдавал должное большим успехам Фусса и упомянул, что тот уже давно пишет все работы, которые Эйлер представляет Академии. Так, Фусс выполнил все расчёты к сочинению «*De motu oscillatorio pendulorum ex filo tenso dependentium*» («О колебательном движении маятников, подвешенных на натянутой нити» — *Прим. ред.*).³ Двумя неделями позже Эйлер хвалил успехи своих учеников Фусса и Головина и просил директора Академии принять первого на службу в Академию, а второму повысить жалование.⁴ Однако продвижение Фусса пало жертвой борьбы за влияние между Эйлером и Орловым: директор не удовлетворил просьбу. Фусс утешал себя своими несомненными успехами и значительной проделанной работой:

«Я иногда месяцами не выхожу из дома и думаю, что не напрасно потратил это время, когда вспоминаю, что помимо времени, которое сначала потребовалось мне, чтобы научиться быть полезным г. Эйлеру и того времени, которое я трачу на обучение молодого офицера и себя самого, я выполнил расчёты уже для 47 сочинений моего учителя, и из его большой диоптрической теории выбрал самые удачные положения и разобрался с алгебраическими формулами. Это позволяет и молодому человеку с удовольствием вспоминать о том, что он исполнил свои обязанности, но я так ненавижу даже тень самовосхваления, что прошу моего любимого отца никому не показывать эти строки».⁵

Здесь Фусс упоминает свои обязанности в качестве помощника Эйлера. Позднее он писал о том, что практически с момента прибытия в Петербург редактировал все сочинения Эйлера.⁶ В предыдущей главе мы рассказали о стиле работы Эйлера и его возросшей, несмотря на слепоту, продуктивности. Такое положение дел является в первую очередь заслугой Фусса. В 1775 году Эйлер представил Академии 98-ое сочинение, которое написал Фусс. Во введении к изданию переписки Пауль Фусс даёт высокую оценку заслугам своего отца:

«Для меня очень приятно привлечь внимание учёных к этому почти забытому факту, который является, может быть, уникальным в истории науки [...]. Эта услуга,

¹ Там же. S. 54, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.8.a.St.1774.

² Там же. S. 58, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 21.10.1774.

³ Протоколы, т. III. С. 153.

⁴ Лысенко, Фусс. С. 19, цитируется из: Протоколы, т. III. С. 162.

⁵ VEBS, Ordner Fuss. S. 62. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./12.1.1775.

⁶ Лысенко, Фусс. С. 15. Ссылается на речь Фусса перед конференцией, в которой он обосновал свои притязания на звание действительного профессора. Ср.: Протоколы, т. III. С. 640.

которую Фусс оказал математикам своего времени и будущего, представляет собой не менее достойный памятник, чем многочисленные работы, которыми позднее он сам обогатил науку».¹

Постепенно дело с избранием в адъюнкты, на которое возлагалось столько надежд, превратилось в фарс. После того как Эйлер ещё раз обратился к Орлову и предложил кандидатуры Фусса и Головина на должность адъюнктов, президент Конференции Академии дал указание провести голосование по этому предложению. Фусс получил голоса всех академиков, а кандидатуры Головина и вернувшегося из экспедиции Георги вызвали критику.

«А что касается меня — не было ни одного голоса против, ни одного возражения, ни одного замечания, не хватало только утверждения графа, я с нетерпением ждал его, этих 15 букв, без которых я не хотел преждевременно уведомлять своего любимого отца. Вместо этого на следующей день заседания Конференции мне пришлось услышать, что граф получил отставку. Для меня было огорчительно, что исполнение моих надежд снова отложилось. Меня утешало только моё самолюбие при мысли, что на собрании всей Академии против меня не было ни одного голоса. Академия не может долго существовать без начальника.[...] И вообще я больше не испытываю страха перед будущим, но моё нынешнее положение тяготит меня, так как я всё ещё живу за счёт моего отца».²

Из-за неудач с продвижением по службе Фусс перестал ежедневно вести дневник, чтобы постоянно не делать пессимистические записи в нём.³ Даниил Бернулли сочувствовал своему ученику, но с надеждой смотрел в будущее:

«Сначала я интересовался Вами из чистой дружбы; теперь к этому сильному мотиву я добавляю мотив стремления к благу Академии; из Вашей последней работы я вижу, что Вы чрезвычайно быстро достигли большого прогресса, достойного как Вас, так и Вашего знаменитого учителя. Я от всего сердца поздравляю Вас, мой господин и земляк [...]. Мои особые поздравления в связи с Вашей работой по диоптрии; нет более достойного способа вхождения в республику учёных. Больше чем другие, я люблю практические работы и применение, при условии, что они базируются на хорошей теории. Наш дорогой и почтенный Иоганн Альбрехт Эйлер уже написал мне обо всём. При той прекрасной перспективе, которая открывается перед Вами, я осмелюсь рекомендовать Вам бедную экспериментальную физику, которая почти заброшена».⁴

С точки зрения истории науки представляется наиболее интересной похвала Бернулли в адрес Фусса за то, как тот в своей работе практически применил теории Эйлера. Это пришлось абсолютно по вкусу активному приверженцу прикладной математики. Для Бернулли практическая значимость всегда стояла на первом плане. При всём преклонении перед изящными вычислениями Эйлера он всё же считал чистые игры с числами напрасной тратой времени.⁵ Эйлер же, напротив, видел в чистой математике самоцель. Таким образом, уже в первой работе молодой Фусс решил выйти из тени своего великого учителя. Бернулли поощрял его к ещё большей ориентации на практику и поддерживал идею Фусса заняться преподаванием принципов артиллерии:

---

¹ *Fuss*, *Correspondance I*. S. XLII. Перевод с французского.

² BEBS, *Ordner Fuss*. S. 60, N. *Fuss an seine Eltern*, SPb. 1./12.1.1775.

³ Там же. S. 63. N. *Fuss an seine Eltern*, SPb. 1./12.1.1775.

⁴ *Fuss*, *Correspondance II*. S. 661 ff. *D. Bernoulli an N. Fuss*, Basel [1775]. Перевод с французского.

⁵ Там же. S. 676 f. *D. Bernoulli an Fuss*, Basel 18.3.1778.

«Я не знаю, заметили ли Вы в нашем Физическом кабинете маленькую баллистическую установку, которую я изобрёл, чтобы в течение 4 или 5 уроков объяснять все правила наилучшего обслуживания мортир и пушек без учёта сопротивления воздуха, что только запутало бы слушателей, но не дало бы повышения точности, поскольку отдача слишком слаба».¹

Далее следует объяснение установки и опыта. Бернулли побуждал своего подопечного к экспериментальной проверке его акустической теории. Фусс провёл несколько опытов, но посторонние занятия постоянно отвлекали его от собственных исследовательских планов.² В другом письме Бернулли похвалил работу о сиротских домах и вдовьих кассах и затронул вопрос смертности.³ Он занимался преимущественно исчислением вероятностей и статистикой, в меньшей степени чистой алгеброй. Дюпаскье приписывает это сочинение целиком Эйлеру и считает Фусса только редактором. Он пишет, что Эйлер изложил теоретические основы математики страхования жизни в ясной и доступной форме. Сочинение «Éclaircissemens...»⁴ Дюпаскье и вовсе называет главным трудом Эйлера по страхованию. Такая классификация этих работ, по-видимому, восходит к Энестрёму.⁵ Лысенко, лучший знаток Фусса, напротив, считает автором спорной работы Фусса. Он указывает на то, что вслед за Энестрёмом, В.В. Паевский также приписывает авторство Эйлеру.⁶ Похвала Бернулли представляется мне ясным доказательством того, что Фусс может считаться автором этого сочинения⁷.

У Фусса действительно не было оснований терять надежду на избрание в Академию, тем более что оба его знаменитых учителя осыпали его похвалами.

«Я, следовательно, как сказано, буду до определённого момента сидеть тихо; но потом я начну двигаться, и было бы ужасно неудачно, если бы я всё ещё не получил тогда более хорошего и солидного обеспечения, чем место гувернёра у частного лица в Базеле. [...] Я чувствую, что по мере того как расширяются мои знания, уменьшается и моё беспокойство по поводу будущей обеспеченности, и я сам нуждаюсь в этом утешении, так как моё здоровье и без этой заботы о пропитании в достаточной мере подвержено опасности из-за моего постоянного сидения».⁸

Фусс принял участие в конкурсе, объявленном Парижской академией в 1775 году по вопросу о кометах, — при этом без больших ожиданий, потому что в нём участвовали крупнейшие в этой области учёные. Летом 1776 года Ака-

¹ Там же. S. 664 f. D.Bernoulli an Fuss, Basel 16.3.1776.

² UBBS, Ms: L Ia 692, 194: N. Fuss an D.Bernoulli, SPb. 6./17.1.1777.

³ Fuss, Correspondance II. S. 668. D.Bernoulli an Fuss, Basel 7.7.1777.

⁴ Имеется в виду работа «Éclaircissemens sur les établissemens publics en faveur tant des veuves que des morts avec la description d'une nouvelle espèce de tontine aussi favorable au public qu'utile à l'État» — *Прим. ред.*

⁵ Он первым после Фусса отважился на попытку составить полный перечень работ Леонарда Эйлера. Этот перечень послужил основой для издания полного собрания сочинений Эйлера.

⁶ Лысенко, Фусс, С. 20, ссылается на В.В. Паевского: Демографические работы Эйлера. В: *Леонард Эйлер*. Сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.; Л. 1935. С. 108.

⁷ Это суждение автора представляется сомнительным. В пользу авторства Л. Эйлера высказываются и авторы самых последних исследований на эту тему. См., например: А. С. Захаров, В. В. Николаева. Леонард Эйлер и первые общества страхования жизни в России (о причинах появления работ Л. Эйлера по страхованию жизни в 1776 г.) // Леонард Эйлер: К 300-летию со дня рождения. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 104 — 114. — *Прим. ред.*

⁸ BEBS, Ordner Fuss. S. 67, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 14./25.4.1775.

демия однозначно одобрила его работу, но премии не присудила, а поставила тот же вопрос на 1778 год и просила представить более детальную разработку его сочинения.¹ Фусс подал работу в Париж через И.А. Эйлера, но запечатанное письмо с его именем потерялось. Кондорсе сообщил, что премия присуждена присланному сочинению «Recherches sur le dérangement d'une Comète qui passe près d'un Planète» («Исследование о смещении кометы, проходящей вблизи планеты». — *Прим. ред.*). Его приписывают одному из двух Эйлеров, поскольку имя автора неизвестно. Фусс всё ещё не мог поверить, что имеется в виду его работа, и прислал личный запрос. Вскоре пришло подтверждение вместе с векселем на 891 гульден.²

Несмотря на хаос, царивший в Академии, в середине 1775 года Эйлеру удалось добиться для Фусса денежной премии в размере 200 рублей за его усердную работу.³

И хотя временами Фусс страдал «швейцарской болезнью», но не терял чувства юмора. Когда в лице Домашнева Академия вновь получила президента, он написал:

«Только бы наш г. Домашнев оказался хорошим человеком; его ожидают здесь в ближайшее время, и тогда мы увидим, какое вознаграждение получают наши еда, питьё, курение табака и другие мелочи, продолжавшиеся 2 года».⁴

Но пока новый президент вместе с двором ещё находился в Москве, на перемены рассчитывать не приходилось. Фусс упоминает, что на часто задаваемый вопрос: «какой ранг?» — он не мог ответить или вынужден был лгать. Без официального назначения на службу он не имел чина и, следовательно, не имел определённого места в общественной иерархии, что было тягостным даже при посещениях театра.⁵

С приездом Домашнева 9 декабря 1775 года ожидания и надежды Фусса возросли. На следующий день он вместе с Леонардом Эйлером нанес визит президенту и почувствовал, что ему оказали хороший приём. Его предложение читать публичные лекции по артиллерии и по алгебре нашло положительный отклик и ускорило его зачисление на службу, что было, собственно говоря, лишь формальностью, но... Сначала помешали новогодние праздники, затем посещение одной высокопоставленной особы приостановило все плановые дела Академии. И всё же 15 января это произошло.

«Наконец наши желания, хвала небесам, исполнились. С болью я откладывал сообщение Вам, любимый отец, что Ваш нежный, Ваш благодарный сын обрёл свою обеспеченность, что он заложил основу для своего будущего счастья. Мои сомнения, возникшие из-за препятствий, которые до сих пор мешали моему продвижению, не позволяли мне написать Вам ни слова, прежде чем я буду иметь в руках определённую относительно моего продвижения. Теперь я могу сделать это, и радость, кото-

¹ Там же. S. 97, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12./23.8.1776.

² Там же. S. 131, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 14./25.11.1778.

³ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler: DB an JE, Basel 12.8.1775; Там же. S. 71, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 16.6.1775.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 74, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 4./14.9.1775.

⁵ См.: Там же. S. 76, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.9.1775; Там же. S. 77, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.11.1775. Но и И.А. Эйлеру пришлось очень долго дожидаться получения чина, хотя он был профессором АН.

рую я доставляю этим почти заранее обещанным новогодним подарком моему дражайшему отцу, удваивает мою».¹

Фуссу виделось светлое будущее — и он был вполне счастлив уже и настоящим: ему 21 год, и он уже адъюнкт Императорской Академии наук с жалованием почти 1000 рублей.²

8.2. Деятельность в качестве адъюнкта

22 января Фусс впервые принял участие в собрании Академии и произнёс свою речь по случаю вступления в должность на французском языке, в отличие от двух других адъюнктов, Георги и Головина, речи которых прозвучали соответственно на латинском и русском языках. Домашнев дал понять, что речь Фусса произвела на него хорошее впечатление.

Положительные эмоции в то время принесли Фуссу и очень подробные и благожелательные рецензии на его сочинение по диоптрике, появившиеся в итальянских и французских журналах. Кроме того, и запланированные им лекции по артиллерии вызвали положительную реакцию. О молодом помощнике великого Эйлера неожиданно заговорили, как с удивлением констатировал он сам.³ Продвижение по службе принесло ему не только гарантированный доход, но прежде всего огромный выигрыш в престиже. Его повседневная жизнь изменилась мало.

«Помимо увеличения числа моих дел, я должен 2 раза в неделю присутствовать на академических Конференциях, куда я езжу вместе с проф. Эйлером; кстати сказать, всё остаётся по-прежнему, я остаюсь в доме Эйлеров, потому что во мне нуждаются больше, чем прежде, и с тем большим удовольствием, что молодой профессор предложил мне у себя просторную комнату, несмотря на то, что до сего дня я пытался отказаться от этого предложения. Я пользуюсь неизменным уважением, которое, кстати, как кажется, проявляется ещё больше, с тех пор как я стал *чем-то*, несмотря на то, что это есть, так сказать, их творение. Я никогда особенно не беспокоился о своём преходящем счастье, но с 15 января я кажусь себе более лёгким, более бодрым, и, к моему удовлетворению, этому немало способствует уважение, которое при каждом случае оказывает мне наш директор. Но оно станет лишь тогда полным, когда я узнаю из ожидаемого в ближайшее время известия, какое впечатление всё это произвело в немецком⁴ доме, и думает ли мой любимый отец, что моё ожидание наконец принесло хорошие плоды».⁵

С приходом Домашнева в Академии был разработан новый бюджет, согласно которому адъюнкты были приравнены к 8-му чину Табели о рангах. О своих обязанностях Фусс писал:

«Нет никаких различий между обязанностями профессоров и адъюнктов, кроме только того, что первые должны делать больше, потому что получают более высокое жалование, а так как я являюсь помощником, то работаю только для г. проф. Эйлера.

¹ Там же. S. 82, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.1.1776.

² Там же. S. 84, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.1.1776. Вероятно, включая дополнительные доходы, потому что в качестве адъюнкта он получал только 500 рублей.

³ Там же. S. 85, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.1.1776.

⁴ Имеется в виду родительский дом в Базеле.

⁵ BEBS, Ordner Fuss. S. 86, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 5./16.2.1776.

Кстати я обязан делать то, что поручит мне директор, но в пределах моего класса, каковым является математический. Скоро начнутся мои лекции по артиллерии».¹

Поначалу Фусс очень симпатизировал Домашневу. Он называл его «нашим уважаемым директором, который, попав в череду счастливых событий, умел искусно предпринять всё возможное, что могло способствовать укреплению славы нашего научного общества, руководство которым он взял на себя».² Ситуацией в Академии Фусс был вполне доволен: «Наша Академия продолжает блистать в прекрасный период правления Екатерины II, когда блистает всё в величественном свете, которым эта великая Императрица освещает всё, что её окружает».³

Вскоре после издания его проекта заёмного банка Фусс вновь прочитал положительную рецензию, на этот раз в «Wöchentlichen Nachrichten...» А. Бюшинга. В ней говорилось, что полезность и важность этой работы совершенно очевидны, а сочинение в целом является доказательством того, что Фусс — достойный ученик своего великого учителя.⁴

В 1776 году Фусс входил в состав комиссии во главе с Леонардом Эйлером, которая должна была дать заключение о модели моста через Неву, предложенной Осипом Дерибасом.⁵ Эта модель была не первой в своём роде, потому что речь шла об очень важном для Петербурга деле — ведь сообщение между Васильевским островом и материком прерывалось дважды в год по крайней мере на один месяц из-за ледохода и ледостава на реке. Такие экспертизы занимали важное место среди обязанностей членов Академии и являлись способом оказания непосредственной пользы обществу. Подобно Бернулли и Эйлеру, Фусс также активно занимался изучением этих проектов. В 1777 году он обратил внимание на модель деревянного моста через Неву механика Академии И.П. Кулибина. Фусс сообщил Бернулли об этом многообещающем проекте и просил высказать своё мнение.⁶ Академическая комиссия высоко оценила модель, но не предложила её к строительству, так как считала, что с её реализацией связаны многочисленные непредсказуемые технические проблемы. К тому же, по мнению Фусса, риск и затраты на содержание не соответствовали пользе от постоянного моста, которая состояла только в возможности пересекать реку в течение ещё шести недель. Он полагал, что каменный мост был бы намного лучше.⁷ Во всём этом деле обращает на себя внимание непредвзятое и серьёзное отношение Фусса к работе необразованного русского ремесленника. Многие смеялись над этой моделью, в то время как он внимательно изучил её. Фусс восхищался этим русским самородком, который, не обладая научными знаниями, интуитивно понимал чрезвычайно сложные физические законы.⁸

¹ Там же. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.4.1776.

² UBBS, Ms: L Ia 692, 196, N. Fuss an D.Bernoulli, SPb. 25.7.1777. В том же письме он говорит об этом, когда в связи с пенсией Бернулли высказывает мнение, что Домашнев никогда не выйдет за рамки своей компетенции.

³ UBBS, Ms: L I a 692, f.196, N. Fuss an D.Bernoulli, SPb. 14./25.7.1777.

⁴ VEBS, Ordner Fuss. S. 110. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 10./21.2.1777.

⁵ Раскин, Эйлер и Кулибин, в: Развитие идей. С. 307. И.А. Эйлер также занял нейтральную позицию, как и вообще все математики Академии. В этой статье детально описывается история этой модели моста. См. предыдущую главу.

⁶ Переписка на русском языке подробно рассматривается в: Раскин, Эйлер и Кулибин. С. 310–314. Оригиналы находятся в UBBS, Ms: L Ia 692, 194 und 196.

⁷ UBBS, Ms: L Ia 692, 196: N. Fuss an D.Bernoulli, SPb. 14./25.7.1777.

⁸ Штелин, напротив, высказался отрицательно. *Stählin*, Papiere. S. 301.

Иоганн III Бернулли, посетивший Петербург, лестно отзывался о работах Фусса и был убеждён, что он сделает карьеру в Академии:

«Господин Николаус Фусс [...] в свои молодые годы идёт быстрыми шагами по славному пути, и, по всей видимости, в его конце займёт место в ряду величайших математиков, которых дал миру наш родной город».¹

В это время Фусс вместе с Эйлером испытывал искусственные магниты и провёл множество опытов, при этом сильно повредил себе руки. Затем он принялся за анализ полученных результатов.² Опытное оборудование находилось в комнате Фусса, где его с удивлением увидел Иоганн III Бернулли.³ Фусс связывал с этой работой определённые ожидания:

«Я сам надеюсь, что со временем смогу достичь чего-нибудь значительного в теории магнитов, как бы много и каких бы великих предшественников у меня ни было, не жалею также ни времени, ни небольших денег; но я замечаю, что эта работа, как говорят французы, *de longue haleine* («большого дыхания», на длинный срок. — *Прим. перев.*), и поэтому не буду торопиться, чего я по разным причинам не мог позволить себе до сих пор с моими опубликованными работами. Между тем я всё же должен был выступить с частью моих опытов. На 13 октября Академия назначила публичное собрание, и поскольку директор, не знаю почему, направил своё внимание на меня и уже давно поручил мне подготовить что-нибудь к такому торжеству, то я вынужден был прибегнуть к своим магнитам, так как чисто математическая наука даёт лишь мало пищи моему аппетиту. Кроме того, я не мог отказаться от доклада, выступить с которым уже давно не удаивался чести адъюнкт и который многие профессора с радостью взяли бы на себя».⁴

Свою работу «*Observations et expériences sur les aimans artificiels et principalement sur la meilleure manière de les faire*» («Наблюдения и опыты с искусственными магнитами и главным образом о лучшем способе их изготовления» — *Прим. ред.*) Фусс представил 20 августа 1778 года и доложил собранию в октябре, позже она была опубликована. Инициатива, очевидно, принадлежала Эйлеру, который ещё раньше заказал магниты и предложил тему для публичного собрания.⁵ На следующий год Фусс стал заниматься и интегральным исчислением:

«В настоящее время я занимаюсь исследованиями в области интегрального исчисления, которые, хотя необязательно приведут меня к новым результатам, но будут примечательны благодаря тому пути, по которому я пошёл. Время от времени я возвращаюсь к своим магнитам, из которых я велел создать коллекцию; но я не могу серьёзно заниматься ими, разве что к экспериментам с магнитными вихрями могу добавить ещё эксперименты с их расширением, [...]. У меня на сердце нет ничего иного, как по возможности извлекать пользу из счастливого положения, в котором я нахожусь у нашего знаменитого соотечественника, и чтобы ничего из этого преимущества не потерять, я отказался от удовольствия снова увидеть свою родину, как намеревался в этом году, чтобы увидеть Вашего дядю, мою семью и всё то, что я люблю больше всего на свете, я мог бы поехать через Берлин, чтобы там обнять Вас».⁶

¹ *Bernoulli, Reisen*. IV. S. 35.

² *VEBS, Ordner Fuss*. S. 126. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 5./16.6.1778.

³ *Bernoulli, Reisen*. IV. S. 14 f.

⁴ *VEBS, Ordner Fuss*. S. 132 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 14./25.11.1778.

⁵ *Протоколы*, т. III. С. 354, 363, 368 и 377.

⁶ *UBBS, Ms: L I a 692, f.203*, N. Fuss an J. Bernoulli, SPb. 12.6.1779. Перевод с французского.

Таким образом, Фусс отказался от личных интересов ради возможности как можно дольше извлекать пользу из своего положения при Эйлере. Он изменил планы поездки и подчинил свои научные интересы потребностям Эйлера. В 1780 году он опубликовал сочинение «*Varia problemata circa statum aequilibrii trarium compactilium oneratarum, earumque vires et pressionem contra anterides*» («Разные задачи относительно состояния равновесия полностью загруженных кораблей, их сил и давления на киль» — *Прим. ред.*), которое получило горячее одобрение Йецлера, как написал в письме Т. Шплейс:

«Он [Фусс] поручил мне сказать Вам, как сильно польстило ему Ваше удовлетворение, и уверить Вас в его совершенном почтении. Он признался мне, что из всех его предыдущих работ эта доставила ему самое большое удовольствие и была больше всего в его духе».¹

После всех этих успехов Фусс рассчитывал на то, что Академия также признает его заслуги.

«Поскольку теперь я самый старший адъюнкт, помимо г. Георги, и на хорошем счету у начальника, то я могу надеяться на повышение, хотя нахожусь на службе всего 3 года. Я ожидаю этого со спокойствием, так как, за исключением вознаграждения, нет почти никакого отличия. Дела, права на собраниях — всё то же самое. То, что в глазах моего начальника я значу больше, чем все остальные адъюнкты, и больше, чем иной профессор, он открыто выказывает мне при любой возможности. Вероятно, незойливостью я мог бы ускорить наступление этого момента; но Вы знаете мой образ мыслей. Если бы для меня были важны только деньги, то я нашёл бы другие средства для увеличения своих доходов. Но вот только моё время слишком дорого мне, чтобы занять место преподавателя в наших больших воспитательных учреждениях, которое хотя и достаточно выгодно, но препятствовало бы всяким перспективам расширения моих знаний. Пойти на такую жертву можно будет всегда, если изменившиеся обстоятельства потребуют того».²

В этом письме Фусс заводит речь о возможных альтернативах. Все учёные имели возможность улучшить своё материальное положение, занимаясь преподаванием. В конце 1779 года Фуссу предложили место преподавателя механики в Шляхетском кадетском корпусе, но он отказался, потому что эта работа помешала бы исполнению всех остальных его обязанностей. Но он принял другое предложение: давать частные уроки математики высокопоставленному отроку, который учился в этом Кадетском корпусе. За три урока в неделю Фусс получал 6 рублей. Расписание занятий он мог назначать так, чтобы практически не терять времени.³ Сначала Фусс не называл имени и происхождения своего ученика, но позднее сообщил, что речь идёт об N., сыне K. и F.O. Он писал, что хотя в Петербурге это ни для кого не секрет, но осторожность не помешает. Отгадать загадку было очень легко: речь шла о внебрачном ребёнке⁴ императрицы и графа Орлова, который уже дважды стороной осведомлялся у Фусса об успехах своего сына.⁵

¹ Wolf, Notizen. В: Vierteljahresschrift 6 (1861). S. 327 цитирует письмо Шплейса Йецлеру от 9.1.1786 из Остерхета под Бредой.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 143, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.10./9.11.1779.

³ Там же. S. 145. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 31.12.1779.

⁴ Бобринский Алексей Григорьевич (1762–1813) — *Прим. ред.*

⁵ Там же. S. 147. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 27.3/7.4.1780.

Хотя Фуссу пришлось дожидаться получения профессорской должности, директор неоднократно назначал ему денежные поощрения, а в 1781 году повысил жалование.¹ Такое особое отношение, естественно, вызывало зависть. Домашнев пообещал собственной властью повысить жалование Палласу и Фуссу. Однако академическая Комиссия отказалась дать согласие по той причине, что жалование, в частности Палласа, превышало жалование профессора естественной истории. Пострадали в этой борьбе за власть оба адъюнкта, и Фусс чувствовал себя обманутым. Ещё немного, и он бы всё бросил.² Но ему пришлось признать, что Комиссия справедливо выступила против самоуправства Домашнева. Тон следующего письма уже несколько иной:

«Комиссия ликует. Сенат ограничил деспотическую власть господина Д., которую он присвоил себе. Как бы мало у меня ни было причин быть недовольным им, я должен признать, что он зашёл слишком далеко. Я не знал и половины его ошибок, когда недавно писал Вам».³

Из-за шаткой ситуации в Академии Фусс при первой удобной возможности немедленно вернулся бы в Базель:

«Никогда раньше я не был так недоволен своим положением, как сейчас, и если бы в Базеле можно было бы с помощью математики добиться мало-мальской удачи, или мои знания могли бы найти иное применение и всё не зависело бы от слепого везения, то все свои перспективы и ожидания я поменял бы на спокойное пребывание в месте моего рождения. В Академии всё находится в состоянии сильного брожения. Директор и Канцелярия — в одном из самых яростных конфликтов. Вечные затруднения, вечные столкновения, а кто не может или не хочет держать нос по ветру, постоянно наживает себе неприятности. Финал зависит от решения императрицы, которую ожидают вскоре».⁴

В такой атмосфере нельзя было и помыслить о спокойной работе: «Множество дел и академические неприятности, которые начинают отравлять мне пребывание в Петербурге, помешали мне поблагодарить Вас за Ваше письмо от 2-го августа прошлого года...».⁵ Фуссу были неприятны интриги вокруг Домашнева.

«Конечно, я хотел бы уже стать действительным профессором. Но при нынешних обстоятельствах этого вряд ли можно ожидать. [...] Нетерпение, в котором я пребываю, и ещё больше то, которое, как можно понять, испытываете Вы, может быть, уже побудили бы меня направить императрице прошение, но добиваться удачи и идти по этому пути без настоятельной необходимости и соответствующего повода — тоже весьма щекотливое дело и совершенно против моих склонностей и образа мыслей. И вообще, чем дальше, тем больше я замечаю, что я, к великому счастью, имею множество недостатков. Мне не достаёт главных вещей: настойчивости и громкой саморекламы, которые во всём мире лучше всего помогают пробиться вперед, а ещё определённой ловкости, чтобы держать нос по ветру. Но я бы не хотел приобрести все эти прекрасные качества. Озерецковский, которого Вы знаете, подлизался к моему бывшему ученику, доходные занятия с которым я прекратил, так как ему больше нравится гонять собак, путешествует вместе с ним и получил место профессора с чином

¹ Там же. S. 155. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 11./22.6.1781.

² UBBS, Ms: L Ia 692, 220: N. Fuss an Johann Bernoulli, SPb. [1781].

³ UBBS, Ms: L Ia 692, 223: N. Fuss an Johann Bernoulli, SPb. 26.10.1781. Перевод с французского.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 163. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12.3.1782.

⁵ StaBS. Privatarchiv 98.37: Korr. I. Iselin; NF an Iselin, SPb. 5. Juli 1782 (p.305–306).

надворного советника, человек, который — но к чему всё это? Я не жалею и не завидую, но эта история служит объяснением сказанного выше».¹

В этом же письме Фусс упоминает о том, что он вдруг снова стал архитектором: для Христофора Эйлера он начертил планы русской церкви, которую тот собирался построить в Сестрорецке. В следующем письме он уверял своего отца, что даже при его сильнейшей неудовлетворённости ему не пришло бы в голову «проклинать тот шаг, который оторвал меня от архитектуры и привёл к величайшему математику нашего века [...]».² В принципе Фусс был вполне доволен достигнутым. В 1782 года он так описывал своё положение:

«Должность, которую я занимаю, не является недостойно низкой, а моё жалование, хотя оно и не щедрое, но как раз такое же, как у полковников и надворных советников, некоторые из которых должны жить на него вместе с жёнами и детьми. При этом я свободен и независим, и ни одной душе не отчитываюсь за использование своего времени. Кроме того, у меня уже была возможность сделать себе имя, такой возможности я ни в какой другой ситуации так рано не получил бы. Три главные академии, Парижская, Берлинская и Петербургская, сделали мои работы известными в мире. На академических собраниях я обладаю точно такими же правами, как действительные профессора, и иногда, может быть, большим влиянием, чем некоторые из них; меня ценят все, даже во время нынешних волнений, некоторые опасаются меня из-за моей беспристрастности. Следовательно, отличие состоит только в жаловании, а разница для молодых составляет всего 100 рублей. [...] Кстати, останется ли или уйдёт директор, я должен вскоре сделать маленький шаг, который так по сердцу добродушным базельцам, и уже сделал бы его, если бы мог стерпеть несправедливость. И если предположить, что я насовсем покину Академию, на что я хотел бы пойти только в случае самой крайней необходимости, то ни здесь, ни в ином месте у меня не будет недостатка в средствах для достижения перспектив, которые не позволят мне ни на минуту пожалеть о том, что я не стал инженером».³

Фусс сам позаботился о том, чтобы этой шаткой ситуации при Домашневе был положен конец. Практически поставив на Собрании вопрос о доверии, он сверг деспотичного директора. Терпение императрицы лопнуло, и она заменила Домашнева княгиней Дашковой. Дашкова попросила Фусса потерпеть ещё немного, так как, прежде чем назначить его профессором, ей надо было сначала войти в курс дел Академии.

«Теперь мои перспективы вновь обретают более ясные очертания. Я дышу свободнее с тех пор, как избавлен от злоупотреблений директора, и если всё не является обманом, то Академия может многого ожидать от нового директора».⁴

Положительный отклик на его публикации вознаграждал Фусса за некоторые превратности судьбы. В 1782 годы были изданы две его работы: «Éclaircissements sur les établissements en faveur des veuves ...»⁵ — во Франкфурте, а «Reflexions sur les satellites des étoiles fixes»⁶ — в Берлине. Помимо этого, в Париже было переиздано его сочинение об искусственных магнитах.⁷

---

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 164. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1782.

² Там же. S. 166. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.11.1782.

³ Там же. S. 167. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.11.1782.

⁴ Там же. S. 168 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.2.1783.

⁵ «Разъяснения об учреждениях в пользу вдов ...».— *Прим. ред.*

⁶ «Размышления о спутниках звёзд» — *Прим. ред.*

⁷ Там же. S. 171. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.2.1783.

8.3. Деятельность в качестве профессора

С приходом княгини Дашковой были устранены все препятствия на пути к повышению Фусса в должности, поскольку такое решение уже было принято академическим Собранием. Как Домашнев в прежние времена, так теперь и Дашкова проявляла к Фуссу очень большое внимание, часто и подолгу беседовала с ним, даже сообщила об его деле императрице.

«13-го г. конференц-секретарь Эйлер представил Собранию Академии письмо княгини, адресованное Конференции и содержащее, по сути, следующее: она с удовольствием увидела из протокола от 23-го января почётную рекомендацию, которую Академия выдала мне и г. Георги, и считает своей обязанностью утвердить решение Собрания. То есть она официально назначает нас профессорами, г. Георги — по химии, а меня — по высшей математике, и поручает секретарю обеспечить выдачу нам дипломов об этом. Мы приняли по большей части искренние, как я думаю, поздравления и поцелуи наших коллег и, обрадованные приятной неожиданностью, отправились домой. Весь дом Эйлеров ликовал по поводу новых профессоров».¹

Вопреки слухам, княгиня оказалось очень любезной и была строга только к тем, кто этого заслуживал. Фусс убедился в этом во время обеда у княгини вместе с обоими Эйлерами. Он размышлял о своих неоднозначных отношениях с двумя предыдущими директорами:

«Всё же есть в моей судьбе нечто странное! Пока директором был граф Орлов, я, несмотря на все усилия, которые предпринимал для меня г. проф. Эйлер, не смог стать адъюнктом. Моё назначение стало первым авторитарным поступком г. Домашнева. Отношения с ним испортились из-за моей откровенности, а его отставка прокладывает мне путь к новому повышению в должности, которое также является первым, подписанным княгиней. За моё долгое терпение я вознаграждён тем, что меня назначили, в отличие от других, не экстраординарным, а действительным профессором, следовательно, я за один раз сделал два шага».²

Княгиня извинилась перед Фуссом за то, что может предоставить ему жалование в размере только 600 рублей, так как другие профессора сначала получали столько же. Но она пообещала в ближайшее время добиться повышения. В 1784 году Фусс писал: «Княгиня Дашкова продолжает по своему обыкновению оказывать мне честь. Я часто и охотно обедаю у неё. По собственной инициативе она повысила моё жалование на 200 рублей, так что теперь я получаю 800 р.».³ Она пообещала ему дальнейшее продвижение по службе и повышение жалованья:

«Благодаря ещё одному обещанию доброй княгини у меня теперь есть обоснованная претензия на жалование и должность первого библиотекаря, которую сейчас занимает старый и больной Котельников, которому я тем не менее не желаю смерти, так как я доволен теми перспективами, которые есть у меня, и кроме того, я ещё занимаю должность с жалованием в 600 р. в Сухопутном кадетском корпусе, так что мои доходы составляют сейчас 1400 рублей в год. Правда, у меня очень много работы (хотя я даю всего 6 уроков в неделю), потому что я должен сам составлять учебни-

---

¹ Там же. С. 172. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.2.1783.

² Там же. С. 173 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.2.1783.

³ Там же. С. 180. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.1.1784. Там же. С. 175, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12.5.1783. Фусс обедал у неё примерно раз в две недели.

ки. — Но кто же боится работы на 30-м году жизни и с перспективой на выводок мальчиков и девочек? Я благодарю Бога за силы и здоровье, его благословление и покой в конце карьеры».¹

После треволнений начала 1780-х годов жизнь Фусса вошла в спокойное русло. Теперь он был сам себе хозяин и вспоминал о 1790 годе как очень плодотворном:

«Случай и желание работать делают моё нынешнее время самым продуктивным в жизни. И так и должно быть в возрасте расцвета сил мужчины. Я благодарю Бога, который даёт мне склонность, силу и побуждение к этому. Одиннадцать сочинений я написал за прошедший 1790 год, 5 из которых уже переданы в Академию и частично напечатаны. Моя алгебра, за исключением предисловия, готова. Полный справочник по геометрии подготовлен к печати, как и руководство по плоскостной и сферической тригонометрии, по астрономии и навигации, а также механике. Сейчас я работаю над сборником интересных геометрических задач для любителей, еженедельно даю 5 уроков в Кадетском корпусе и столько же дома, и у меня ещё остаётся свободное время для весёлой беседы с добрым другом или на партию в шахматы или тарок. Так много даёт правильное распределение времени и раннее вставание. Вознаграждением мне служит одобрение моего начальника и — что говорит об ещё большем — довольство самим собой. Я с лёгкостью мог бы, как делает своё счастье иной подлец, со своими талантами играть блестящую роль, но не такую, которая была бы мне больше по вкусу, которая принесла бы мне больше истинного удовольствия».²

Но для полного счастья не хватало немного: ещё раз увидеть свою родину, своего отца.

В обязанности профессоров входило также курирование русских студентов, обучавшихся в немецких университетах. В 1789 году Фусс вместе с другими профессорами должен был экзаменовать двух возвратившихся из Гёттингена студентов — А.К. Козлова и В.М. Севергина.³ После успешного экзамена Фусс, Георги и Паллас предложили обоим несколько тем для написания диссертаций.⁴

Отставка княгини Дашковой не вызвала восторга у Фусса:

«Княгиня Дашкова 4 недели назад уехала в свои имения, которые требуют её присутствия. Императрица предоставила ей отпуск на 2 года с разрешением самой назначить преемника в Академии. Она назначила своего племянника, камер-юнкера Бакунина, который и был утвержден императрицей. Это долгое отсутствие мне не очень нравится, так как из-за него несколько отодвигается выполнение известного обещания, но что поделаешь?»⁵

Что именно обещала ему Дашкова, неизвестно. Возможно, повышение жалования или дополнительную должность?

«Мы все страстно желаем возвращения княгини Дашковой. Если это было её намерением, то она не могла сделать ничего лучше, как просить императрицу, чтобы та назначила г. Б.[акунина] самое большее вице-директором. Молодой господин делает всё возможное, чтобы вызвать ненависть и чтобы возвращение его тёти стало предметом всеобщего желания. У меня для себя лично нет никаких причин жаловаться на

---

¹ Там же. S. 185. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 6./17.12.1784.

² Там же. S. 220. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.2.1791.

³ Протоколы IV. С. 175.

⁴ Там же. С. 177 и далее.

⁵ VEBS, Ordner Fuss. S. 232 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 31.10.1794.

него. Но об уважении, которого вправе требовать человек, который исполняет свой долг и имеет некоторую известность как учёный, г. камер-юнкер не имеет понятия, которое было у его тётки, которая всегда отличала меня и относилась ко мне, я могу сказать, дружески».¹

«Отпуск нашей княгини закончился, и не слышно, чтобы она собиралась вернуться. Было бы нехорошо, если бы в случае её невозвращения всё осталось так, как есть сейчас. На ней и на покойном графе фон Ангальт я основывал свои надежды, отказаться от которых, при моей философии, будет нелегко».²

И здесь Фусс снова говорит об обещаниях. Имя графа фон Ангальт указывает на Вольное экономическое общество или на Кадетский корпус. Но для меня всё же остаётся непонятным, на что намекал Фусс. Перемен он ожидал и от прихода к власти императора Павла в 1796 году:

«Просвещённый дух Императора позволяет, однако, надеяться, что науки и искусства найдут в нём деятельного покровителя, в котором они не нуждались никогда более, чем в нынешнее время, когда большинство правителей в иллюзии, что научное просвещение виновно во французской революции, хотели бы скорее воспрепятствовать распространению человеческих знаний, чем развивать их. Дай Бог, чтобы несколько парализованная разными бедами Академия снова ожила благодаря непосредственному покровительству Императора и чтобы те, у кого есть желание и силы работать над расширением области наук, получили столь необходимое для этого поощрение».³

Но, к разочарованию Фусса, император назначил Бакунина преемником Дашковой. «Вот только вряд ли среди всего персонала этого учреждения найдутся 3 человека, которые обрадуются этому выбору». Фусс надеялся, что новый царь, который «допускает к себе и выслушивает даже самого ничтожного из своих подданных», сможет и захочет остановить деспотизм директора.⁴ Но он сильно переоценил нового императора. Павел не понимал истинного значения Академии и использовал членов Академии как простых чиновников, считает Лысенко. Помимо этого, он ужесточил цензуру и запретил получение литературы из-за границы.⁵ Об упадке Академии при Бакунине свидетельствует то обстоятельство, что при семи вакантных кафедрах при нём удалось найти новых профессоров лишь на две.⁶ Естественно, что такие меры и упущения вызвали протест членов Академии. После прихода к власти Александра I русские представители направили царю письмо, в котором описали не выдерживающую критики ситуацию в Академии.

В одном из писем отцу Фусс написал, что первым достойным одобрения поступком директора стал его уход в отставку в 1798 году.

«Наконец наша Академия испытала счастье освобождения от своего прежнего высокомерного, упрямого директора. Право, которого некоторые адъютанты, написавшие из-за испытанных унижений Императору, добились у справедливого человека, и то обстоятельство, что Император несколько раз в обход директора направлял указы

---

¹ Там же. С. 238. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.8.1795.

² Там же. С. 242. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.8.1796.

³ Там же. С. 243. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18./29.11.1796.

⁴ Там же. С. 246. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 21.11.1796.

⁵ Лысенко, Фусс. С. 9 и далее.

⁶ Комков/Левшин/Семёнов, Академия. С. 151.

непосредственно в академическую Конференцию, наконец побудили его выйти в отставку, которая является первым достойным одобрения поступком из совершённых им. На его место Император назначил бывшего секретаря своего кабинета, известного в Германии своими стихами барона Николаи, который после коронации стал действ[ительным] статским советником и кавалером ордена св. Анны, и от этого назначения я ожидаю больших успехов для так долго изнемогавшей при недостойном начальнике Академии».¹

8.4. Деятельность в качестве секретаря

Уже раньше Николай Фусс замещал в должности секретаря Иоганна Альбрехта Эйлера в случаях его болезни или отъезда, например, в 1781 году, ещё будучи адъюнктом.² То есть эту работу он знал отлично. В 1787 году Эйлер пишет: «15-го утром я был сначала у господина Фусса, чтобы передать ему академические бумаги и поручить ему занять моё место в Академии».³ Когда же тесть тяжело заболел, Николай Фусс временно взял на себя обязанности секретаря Академии.

«Поскольку уже целый год я управлял делами покойного в качестве конференц-секретаря, то президент полностью передал мне эту должность с прибавкой к жалованию 350 р., так что теперь я менее чем когда-либо могу пожаловаться на скуку».⁴

Решающую роль в этом назначении сыграли не родственные связи, а способности и черты характера, которые делали Фусса идеальным конференц-секретарём. Его знания языков, приятная манера общения и признание коллег не оставляли сомнений в том, что Фусс достоин стать преемником И.А. Эйлера.

Уже в 1792 году Фусс был избран также секретарём Экономического общества. На первом же заседании, в котором он принял участие, его сразу избрали членом комиссии по публикациям.⁵ Хотя и этот пост он практически унаследовал от Эйлера-сына и сначала просто следовал по стопам отца и сына Эйлеров, всё же можно утверждать, что Фусс шёл собственным путём. Так, например, для него всегда была важна общественная польза его научной деятельности — о чём свидетельствуют уже первые его работы о заёмном банке и вдовьих кассах.

В Академии, по всей вероятности, усилилась напряжённость в отношениях между иностранными и русскими членами. Президент Академии Л.Г. Николаи, пишет о предложении С.Е. Гурьева (1766–1813) ввести в Академии русский язык:

«Этот академик не понимает ни одного слова по-латыни, как и по-немецки, и всего несколько лет назад настолько выучил французский, чтобы понимать его при чтении. Наши «Acta» до сих пор всегда писали либо по-латыни, либо по-французски. Гурьева [sic!] первое предложение было писать их по-русски. Я рассмеялся над идеей сделать наши работы непонятными для всей Европы, так как во всей империи не нашлось бы и трёх человек, которые поняли бы вычисления. Из-за этого и из-за

---

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 257. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 16./27.4.1798.

² Протоколы, т. III. С. 546 (27.8.), 554 (8.10.).

³ SBVPK, NF, SPb. 26.3./6.4.1787. Перевод с французского.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 268. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.9.1800.

⁵ Там же. S. 225 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.1.1793.

того, что при нескольких грубых выпадах против некоторых немецких членов я счёл правыми последних, так как они были правы, всё собрание поносило меня как врага русских».¹

Тлевший уже в течение некоторого времени конфликт между русской и немецкой сторонами разгорелся прежде всего по профессиональным вопросам. В качестве особо яркого поборника национального русского курса наряду с Гурьевым выступил Н.Я. Озерецковский. В письмах Николаи оба предстают не в лучшем виде.

«Я предложил на Конференции, чтобы каждый из членов передал мне записку с тремя кандидатами, из которых мы затем выбрали бы большинством голосов самого достойного. С одной стороны я получил списки сплошь иностранцев, с другой — сплошь русских. Я потребовал, чтобы мне доказали, кто из всех в своём предмете уже получил наибольшую известность, и добавил, что я среди двух равно заслуженных отдам предпочтение местному. С огромной запальчивостью Гурьев и Озерецковский утверждали, что в Российскую академию может быть принят только русский, если я не собираюсь занять очевидно предвзятую позицию. Не было ничего проще, чем опровергнуть такое глупое необоснованное утверждение. И так как должность ботаника требовала скорейшего замещения, а я не нашёл на неё никого более достойного, чем г. Рудольфи из Грейфсвальда, то я предложил внести его в список. Несмотря на все мои речи, он получил 6 чёрных шаров против 5 белых. У меня есть два шара, сказал я, и положил их к белым. Таким образом, Рудольфи был избран 7 голосами против 6, я сразу приказал сообщить ему об избрании. Из чистой любезности по отношению к патриотам я принял ещё одного молодого русского, ассистента при госпитале (вы должны их знать, наших профессоров и ассистентов) на место адъюнкта, чтобы он учился у Рудольфи. На место астронома, члена Академии, я предложил принять знаменитого Гаусса. Новый шум, который я оставил без внимания. Я приказал написать ему и предложить ему место. Позднее мне сообщили, что он отказался от него».²

В 1807 году, как сообщает И.К. Горнер, в Академии снова обсуждался вопрос о языке. Латынь и французский язык сочли пригодными, так как этими обоими языками должны владеть все учёные. У самого Горнера были большие проблемы с французским языком, и он отметил, что некоторые коллеги испытывали затруднения с латынью.³

Николаи так пишет о своей должности:

«Не удивляйтесь тому, что я собираюсь уйти с должности, которую считают столь приятной для меня. Она была бы таковой, если бы у меня были сплошь мужи, как Фусс, Ловиц, Шуберт, Крафт, Румовский и Иноходцев. Но я предпочёл бы управлять бандой арлекинов, чем полудюжиной невоспитанных полуючёных».⁴

Складывается впечатление, что Николаи тоже испытывал большую симпатию к Фуссу. В 1803 году в письме И.Г. Фоссу после жалоб на пережитые неприятности в должности президента Академии он пишет: «Однако я не устаю восхвалять поведение некоторых из наших самых достойных мужей. Фусс, Крафт»⁵,

¹ *Ischreyt, Nicolai*. S. 494. L.H. Nicolay an J.H. Voss, Monrepos, 12./24. März 1803.

² Там же. S. 496–498.

³ *Wolf, Notizen*, in: *Vierteljahresschrift*. Bd. 23. 1878. S. 123.

⁴ *Ischreyt, Nicolai*. S. 480, Brief 162 von L.H. Nicolay an F. Nicolai, SpB. 12./24.9.1802. Ф. Николаи сделал заметку на полях: «Ах! Я это понимаю, я это понимаю». Там же. S. 479.

⁵ Людвиг Крафт (1757–1814). См.: *Ischreyt, Nicolai*. S. 493.

Шуберт¹, Ловиц², Румовский³, Лепёхин⁴ были моими настоящими друзьями, и сердились, может быть, больше меня на невоспитанность некоторых своих коллег».⁵

Летом 1801 года Л.Г. Николаи получил от царя Александра I задание разработать для Академии новый регламент. На предложенный проект он не получил отклика, зато царь назначил комитет, который должен был изучить уставы Академии и университетов в Вильно и Москве. В состав комитета вошли писатель М.Н. Муравьёв, сенатор Северин Потоцкий, профессор Московского университета Ф.Г. Баузе и Н. Фусс. Комитет за короткий срок разработал проект нового регламента, который Николаи представил царю Александру I. В ответ директор получил давно испрошенную отставку, а на его место был назначен Н.Н. Новосильцов, член Негласного комитета царя-реформатора. 25 июля 1803 года Александр I утвердил новый регламент. Новшествами стали упразднение деления Академии на классы и включение в сферу деятельности Академии гуманитарных наук.⁶ Число ординарных профессоров было увеличено до 18, то есть почти в два раза по сравнению со старым регламентом 1747 года. Для нескольких кафедр регламент предусматривал два профессорских места. Согласно новому регламенту, «непременному секретарю», который избирался из числа известных учёных, отводилось значительно больше прав и обязанностей, чем раньше. Зато власть президента ограничивалась, теперь он подчинялся министру народного просвещения. Новшеством стало создание Комитета правления, который решал административно-хозяйственные вопросы. В состав Комитета входили два советника, два академика и президент. Благодаря увеличению бюджета Академии почти в два раза (120 000 р.) удалось улучшить материальное положение академиков.⁷ Эту реорганизацию можно было бы назвать реставрацией, потому что она возвращала Академию к первоначальному проекту Петра I.⁸

Большая часть регламента, опубликованного в «Записках» АН, была разработана Фуссом.⁹ При этом на первый план выдвигалась практическая польза от деятельности Академии: она должна была способствовать развитию знаний о природных ресурсах империи, раскрывать их для национальной промышленности и торговли, помогать совершенствовать производство, искусство и ремёсла.¹⁰ За Академией закреплялся статус высшего учебного заведения империи, её роль посредника между Россией и учреждениями и учёными за границей должна была расширяться. Особое внимание предполагалось уделять организации научных экспедиций в неизведанные регионы страны.¹¹ Академия могла самостоятельно избирать своих членов, при этом предпочтение следовало отдавать русским.¹²

¹ Фридрих Теодор Шуберт (1758–1825). См.: *Ischreyt, Nicolai*. S. 513.

² Тобиас Иоганн Ловиц (1757–1804). См.: *Ischreyt, Nicolai*. S. 493.

³ Степан Яковлевич Румовский (1734–1812). См.: *Ischreyt, Nicolai*. S. 497.

⁴ Иван Иванович Лепёхин (1740–1802). См.: *Ischreyt, Nicolai*. S. 493–95.

⁵ *Ischreyt, Nicolai*. S. 492–494, L.H. Nicolay an J.H. Voss, Monrepos, 12./24.3.1803.

⁶ В 1830 году снова были введены классы: математический, естественнонаучный и исторический.

⁷ *Комков/Левшин/Семёнов*, Академия. С. 155 и следующие.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ См. об обязанностях секретарей также: *Mumenthaler, Sekretäre*. S. 423.

¹⁰ *Mémoires I*. С. 15.

¹¹ Там же. С. 17 и след.

¹² Там же. С. 23 и след.

Число действительных профессоров могло быть увеличено по сравнению с 18, закрепленными в регламенте, если на работу в Академию принимался заслуженный учёный. Согласно регламенту число адъюнктов составило 20 человек. Добавились и новые дисциплины: история, статистика, политическая экономия и ориенталистика.

По новым правилам определялись теперь жалования и пенсии профессоров. После 20 лет службы действительный член Академии получал прибавку к жалованию в размере 500 рублей, или он мог уйти на пенсию, составляющую половину жалования. Вдова члена Академии, скончавшегося после 25 лет работы, получала, помимо единовременной выплаты годового жалования, пенсию в размере половины жалования, то же самое касалось малолетних детей.¹ Важная обязанность профессоров состояла в обучении назначенных им в помощь адъюнктов и учеников. Новые научные результаты сначала надлежало представлять Академии и публиковать в её «Акта». Академия оставляла за собой право издавать работы своих членов, при этом автору выплачивалось определённое вознаграждение. Члены Академии могли в свободное время заниматься иной деятельностью при условии выполнения своих обязанностей. Поручения Академии следовало, однако, выполнять в первую очередь.² При открывшейся вакансии предложения на замещение подавались в течение шести месяцев. Три академика могли совместно предлагать от одного до трёх кандидатов. Академическое Собрание избирало нового члена из списка кандидатов простым большинством голосов в присутствии двух третей академиков.³ Как уже упоминалось, каждый действительный член Академии должен был курировать одного адъюнкта. Через шесть лет адъюнкт мог быть избран экстраординарным академиком.⁴ Главная задача адъюнктов состояла в оказании помощи своим профессорам и в обучении учеников. Если все действительные члены Академии были обязаны ежегодно представлять две работы, то для адъюнктов обязательным было представление одной работы, достойной опубликования в «Акта».⁵ При наличии вакансии адъюнкта, при её замещении предпочтение отдавалось ученикам Академии. Если в Академии не находилось достойных воспитанников, то на это место объявлялся конкурс, в котором могли участвовать все отечественные учёные. Представленные на конкурс рукописи или публикации оценивались академиками, они же выбирали адъюнкта.

Большое значение имела также подготовка российских учёных. Для достижения этой цели Академия должна была принимать молодых россиян на низшую академическую должность *элевов* (воспитанников. — *Прим. перев.*), а наиболее способных из них позднее повышать до звания адъюнктов.⁶ Тем самым избранная группа талантливой отечественной молодёжи должна была получить

---

¹ Там же. С. 22 и след. При 20-летнем стаже пенсия сокращалась до одной трети жалования, после 10 лет работы она составляла одну четверть. При стаже работы в Академии менее 10 лет выплачивалось только единовременное пособие в размере годового жалования.

² Там же. С. 32 и след.

³ Там же. С. 34.

⁴ Экстраординарными профессорами могли стать только бывшие адъюнкты. Продвижение по службе не меняло обязанностей, а место адъюнкта не считалось вакантным. Но экстраординарные члены получали более высокое жалование и имели право голоса в Конференции. Там же. С. 37 и далее.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 16 и след.

доступ к научным знаниям. Заявленной целью было воспитание собственных российских молодых учёных. Учеников, как и адъюнктов, числом 20, набирали в университетах и из выпускников гимназий. Они получали жильё при Академии и пособие, а также чин 14-го класса, а после сданного экзамена — 12-го класса. После трёх лет обучения ученики держали экзамен в академическом Собрании, при успешной сдаче они получали чин 11-го класса и повышение жалования.¹ Раз в три года Академия выбирала трёх воспитанников, которых отправляла на учёбу за границу. Ученики были обязаны регулярно отчитываться о своих исследованиях, а после возвращения сдавали экзамен.²

Ординарным академикам присваивался чин 6-го класса по Табели о рангах, экстраординарным — 7-го, а адъюнктам — 8-го класса. Обязанности и задачи непременного секретаря были точно прописаны в регламенте 1803 года. На первом плане стояла переписка с другими академиями и иностранными членами, то есть внешние связи. Помимо этого, ему поручалось ведение протоколов заседаний Академии, а в отсутствие президента — проведение заседаний. К сфере ответственности секретаря относилась также издательская деятельность Академии, в частности, публикация «Акта» и составление исторического обзора. Помимо этого, секретарь заведовал Архивом Академии.³

Пауль Фусс рассмотрел постреформенный период в сочинении «*Coup d'œil historique*» («Исторический взгляд» — *Прим. ред.*). Положения регламента и новый бюджет 1803 года освободили академиков от ига оскорбительной опеки и тем самым воодушевили их. Но, к сожалению, этот период расцвета продолжался недолго. Политические события отрицательно сказались на развитии науки в России.

«Быстрое обесценивание ассигнаций и постепенное снижение их цены до трети номинальной стоимости за несколько лет поставили большинство государственных служащих, не исключая членов Академии, в затруднительное и неприятное положение; множество занимаемых должностей было единственным источником для обеспечения достойного существования. Те, кому сопутствовал успех, естественно страдали под тяжестью многочисленных и зачастую разнородных обязанностей, так что к упадку творческой активности и общему унынию добавились новые моменты, в результате Академия вскоре оказалась заброшенной, а её штат сократился по крайней мере наполовину. К числу оставшихся принадлежали и вышедшие по возрасту на пенсию ветераны, которые не принимали участия даже в заседаниях Академии».⁴

Наряду с инфляцией и порождённой ею материальной нуждой всех государственных служащих, развитию Академии препятствовало и ещё одно обстоятельство: сначала президент Академии занимался преимущественно государственными делами и мог уделять только очень немного времени и внимания высшему научному учреждению. В 1804 году он отправился в заграничное путешествие, и на это время часть переписки пришлось взять на себя Фуссу. Поэтому Фусс был рад возвращению Новосильцова⁵ в августе 1805 года, ведь тот мог освободить

¹ Там же. С. 46 и след.

² Там же. С. 48 и след.

³ Там же. С. 28 и след. См.: *Mumenthaler*, Sekretäre.

⁴ *Fuss*, *Coup d'œil*. S. 184 f. Перевод с французского.

⁵ Николай Николаевич Новосильцов (1762–1838), член Негласного комитета императора Александра, ведущий реформатор, который в 1819 году по поручению Александра I разработал радикаль-

его от части нагрузки.¹ Начиная с 1807 года Фуссу пришлось взять на себя ещё и заботы об управлении Академией:

«После того как в течение 7 лет я один руководил научными делами Академии и всегда отказывался от участия в руководстве хозяйственными делами, наконец я всё же позволил уговорить себя стать первым членом Комитета правления. Увеличение жалования, но и работы — таковы последствия этого шага».²

Наконец, в 1810 году президент ушёл в отставку, но преемник не был назначен. Академия оказалась без руководства в беспокойные времена Отечественной войны. Министерство и министерские начальники лишь формально руководили Академией. Но фактически руководство Академией взял на себя постоянный секретарь Николай Фусс. В условиях всеобщих волнений он обеспечивал регулярный выход в свет публикаций и проведение научных экспедиций.³ Но Академии не хватало необходимых средств: пришлось продать Ботанический сад и закрыть Анатомический театр. Из-за недостатка денег не было возможности произвести необходимые ремонтные работы. «Академии, брошенной в беде, лишь с большим трудом удавалось сохранять прежний блеск в глазах заграницы, благодаря нескольким известным именам, которые ещё украшали свои посты».⁴ Благодаря посмертным публикациям трудов Эйлера, а также работам ещё полудюжины талантливых профессоров и иностранных членов «Записки»⁵ Академии ещё продолжали до некоторой степени поддерживать её славу.

«Но в России Академию практически игнорировали; ничто не обеспечивало её контакта с обществом; ничто, за исключением, пожалуй, журнала и календарей, не напоминало населению о её существовании».⁶

Мне представляется интересным суждение Пауля Фусса о том времени, когда в отсутствие президента его отец должен был руководить Академией.

«Руководство экономическими делами Академии было отдано в мало подходящие руки, и хотя два академика регулярно и поочерёдно заседали в Комитете правления, состояние дел практически не становилось лучше, так как учёные вообще мало подходят для занятий делами только такого рода».⁷

Значительное число вакантных должностей обусловило некоторую экономию средств, но Академии всё равно катастрофически не хватало денег. Пауль Фусс рисует картину полного распада уважаемого учреждения: большая часть главного здания пришла в негодное состояние или использовалась не по назначению, например, как книжный склад. Типография выпускала продукцию плохого качества по невероятным ценам, древние сокровища, собранные во

ный проект конституции России, занимал различные высокие административные и дипломатические посты. С 1803 г. по 1810 г. он занимал пост президента Академии наук. MERSH. Bd. 25. S. 120–123.

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 294. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 4./16.10.1804 und S. 299, SPb. 25.8./6.9.1805.

² Там же. S. 304. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./13.10.1807.

³ Лысенко, Фусс. С. 25. Журналы назывались: «Записки», «Технологический журнал» и «Умозрительные исследования».

⁴ Fuss, Coup d'œil. S. 185. Перевод с французского.

⁵ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. — Прим. ред.

⁶ Там же. S. 185.

⁷ Там же. S. 185. Перевод с французского.

время знаменитых научных экспедиций, валялись в полном беспорядке, они были недоступны ни для публики, ни для научных исследований. И наконец, закрыта даже Кунсткамера, которая в течение многих лет была единственной точкой соприкосновения между Академией и общественностью. Правда, в последние годы она всё больше и чаще становилась объектом насмешек.¹ Недостаток в помещениях был настолько велик, что даже предусмотренное регламентом ежегодное публичное собрание всё время приходилось переносить на другой срок.

Мы редко встречаем у Николая Фусса жалобы на начальство. Когда в 1810 году вступил в должность новый министр просвещения, Фусс написал: «Нравится ли он мне? Ну что же! Все большие господа примерно одного склада».²

Насколько влиятельное положение тем временем обрёл Фусс, видно из письма Палласа, который в 1810 году собирался покинуть Крым, где сидел на пенсии, и переселиться в Берлин. Он, уважаемый (хотя довольно непопулярный) естествоиспытатель, низжайше просил Фусса «об его дальнейшем расположении и протекции». Из-за частых перемен в Петербурге Паллас не знал, к кому ещё он может обратиться.³

Лишь в 1818 году преемником Новосильцова был назначен С.С. Уваров. Под его руководством вновь был приведён в нормальное состояние бюджет и полностью восстановлен штат Академии. Сам Пауль Фусс называет первые 25 лет президентства Уварова периодом восстановления. По его словам, оно осуществлялось поэтапно, без сильного кризиса и практически незаметно. В первые годы дефицит бюджета не позволил добиться быстрого прогресса, но всё же в Академию удалось привлечь талантливых сотрудников. Назначением Х.Ф. Грефе Уваров возродил историко-филологический класс. Первой целью стали меры по приведению в порядок управления и рачительному использованию средств. Главное здание было капитально отремонтировано, музеи разместились в новых, более просторных помещениях.

Печальное состояние Академии нашло отражение в оценках, высказанных академиками во время избрания в 1826 году преемника скончавшегося секретаря Николая Фусса. Они воспользовались возможностью выразить своё недовольство существующими жалкими материальными условиями и подчеркнуть, что, кроме них, пожалуй, ни один учёный с именем не согласится пойти на службу в Академию за бутерброд. Шторх припомнил случай с учителем гимназии из Митавы (Елгавы), который отказался от приглашения в высшее учебное заведение империи, потому что в должности учителя он зарабатывал в два раза больше!⁴ Филипп Круг подсчитал: в 1826 году академики реально зарабатывали только третью часть того, что предписывалось регламентом 1803 года. В ущерб науке академики были вынуждены браться за дополнительные работы. Место в Академии, по их мнению, представляло финансовый интерес разве что в отношении пенсий для вдов и сирот.⁵ При существующих условиях Академия могла рассчитывать только на второсортных учёных, что со всей очевидностью противо-

---

¹ Там же. С. 186.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 316. N. Fuss an seine Eltern, 10./22.3.1810.

³ *Wendland*, Pallas. S. 328 f. цитирует два письма Палласа Фуссу, янв. и 25.4.1810.

⁴ СПФРАН, ф.2, оп.17, д.2, л. 11.

⁵ Там же. С. 8.

речит регламенту. По этой причине Г.К. Кёлер выступал за то, чтобы временно отказаться от приёма новых членов.¹

Современники выразили своё глубокое уважение Николаю Фуссу ещё при жизни: 25 октября 1797 года Шведская академия наук единогласно — что случалось очень редко — избрала Фусса своим иностранным членом. «Теперь я член почти всех больших академий, причём ни в одной я не добивался этого звания. Так и должно быть, если подобные награды имеют ценность».² Лысенко перечисляет академии, избравшие Фусса своим членом: Берлин (1793), Стокгольм (1797), Мюнхен (1808), Бостон (1812), Падуа (1816), Турин (1823) и Неаполь. Кроме того, он был избран членом научных обществ Копенгагена, Лондона, Потсдама, Лейпцига, Вены, Берлина, Упсалы, Филадельфии и Модены. Фусс был также членом-корреспондентом университетов Вильно (1802), Харькова (1811) и Москвы (1819).³

А.И. Крузенштерн⁴, совершивший плавание вокруг света, почтил память Фусса, назвав его именем второй остров Курил.⁵

8.5. Деятельность в Сухопутном кадетском корпусе

Как мы уже видели на примере И.А. Эйлера, члены Академии были вынуждены искать дополнительные заработки. Николай Фусс не был исключением. С 1783 года он преподавал в Сухопутном кадетском корпусе, для этой работы он написал учебники по алгебре и геометрии, которые получили широкое распространение в русских учебных заведениях. Сам Фусс считал, что его трехтомный курс теоретической математики на русском языке введён в практику преподавания во всех гимназиях Российской империи.⁶ В качестве вознаграждения за эти учебники автор получал ежегодную пенсию 600 рублей.⁷ Начиная с 1796 года он преподавал также в Морском корпусе, в общей сложности он давал до 20 учебных часов в неделю и при этом ещё находил время для собственной научной работы. В воспоминаниях С.Б. Броневского⁸ Фусс упоминается как хороший и доброжелательный преподаватель.⁹

Директор Кадетского корпуса, граф фон Пален, разработал новый учебный план, который предусматривал для двух старших классов занятия по артиллерии и фортификации, вести которые должен был Фусс при условии одобрения плана императрицей. Фусс получил разрешение княгини Дашковой занять эту должность. Он был совершенно очарован графом фон Паленом, хвалил его как одного

¹ Там же. С. 15.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 253. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.1.1798.

³ Лысенко, Фусс. С. 27 и далее.

⁴ Иван Фёдорович Крузенштерн (1770–1846).

⁵ Wolf, Notizen, in: Vierteljahresschrift 21 (1876). S. 402, Krusenstern an Horner, Reval, 3.9.1807. Название острова осталось только на картах экспедиции, оно не перешло на современные географические карты. Однако вершина одного из вулканов острова Парамушир до сих пор носит имя Фусса.

⁶ UBBS, Ms, L I b 3a, fol.164: NF an Daniel Huber, SPb. 26.12.1816.

⁷ РБС. Т. 21. С. 256.

⁸ Имеется в виду: Броневский С. Б. Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству. Воспоминания 1786–1846 гг. Рукоп. отд. Рос. нац. б-ки (СПб.). — Прим. ред.

⁹ Лысенко, Фусс. С. 22 и далее.

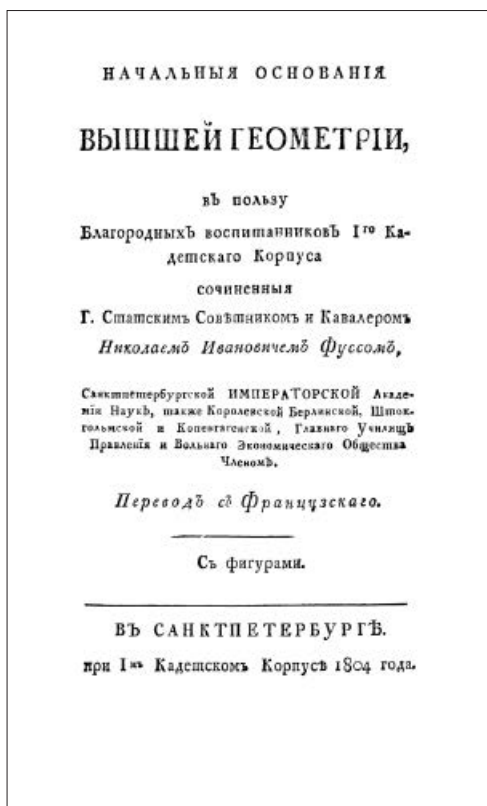

Рис. 18. Титульный лист учебника геометрии, написанного Н. Фуссом для воспитанников кадетского корпуса

из «самых справедливых, разумных и учтивых людей».¹ Фусс прекрасно ладил и с генерал-директором, графом Бальменом, который в 1783 году пригласил Фусса на должность профессора Кадетского корпуса. Когда в 1787 году Бальмена на этом посту сменил граф фон Ангальт, Фусс сожалел об этом, но был уверен, что и в новом директоре найдёт покровителя.² Преподавательской деятельностью в корпусе Фусс занимался двадцать лет и отвечал за математическую подготовку большого числа русских офицеров.³ Первые ученики Фусса закончили обучение в ноябре 1787 года, и Фусс был очень доволен большинством из них.⁴

После смерти графа Ангальта пост достался генерал-лейтенанту М.И. Голенищеву-Кутузову. И с ним у Фусса сложились прекрасные отношения. Когда его представили директору, тот сказал: «Ага! Известный муж», а мне: «я вас знаю, как человека с хорошей репутацией».⁵

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 186. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.9.1784.

² Там же. S. 205. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.3.1787.

³ Лысенко, Фусс. С. 22.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 207. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7.12.1787.

⁵ Там же. S. 232, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 31.10.1794. Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813).

8.6. Реорганизация системы школьного образования

Фусс принимал участие во всех серьёзных попытках реформирования системы образования, предпринимавшихся в период между 1780 и 1825 годами. Сначала он был членом комиссии Мириево,¹ которую Екатерина учредила в 1782 году для разработки новой школьной системы. Работа комиссии продолжалась целых десять лет. За основу была взята общая система школьного образования Иоганна Фельбигера, успешно введённая сначала в Прусской Силезии, а затем и во всей Габсбургской империи. Эта система являла собой воплощение просвещённого абсолютизма, которым увлекалась и Екатерина.² Янкович де Мириево считается создателем так называемых народных училищ. Цель реформы состояла, с одной стороны, в ликвидации неграмотности в сельской местности и, с другой стороны, в подготовке собственных академических кадров. При этом следовало сохранить академическую свободу университетов, которые должны были возглавить эту систему училищ. За образец был взят Гёттинген. По крайней мере столь же нетипичным для автократической системы было принятие выдвигавшегося ещё Ломоносовым требования, согласно которому школа должна быть открыта для всех, независимо от чина или происхождения.³ «Комиссия, в которой председательствовал Мириево, породила квалифицированных специалистов, таких как Н. Фусс, который хорошо разбирался в планах и предложениях и был серьёзно заинтересован в их практическом воплощении».⁴ Тем не менее, лишь очень немногие предложения комиссии были претворены в жизнь. Но фундамент для будущих реформ всё же был заложен. Так, с 1780 года до конца царствования Екатерины число государственных школ выросло с 50 до примерно 550, а число учеников с пяти до шестидесяти двух тысяч.⁵

После провала реформ во время правления Павла император Александр I продолжил реформаторские опыты своей бабушки. Он пригласил вернуться в Россию своего бывшего учителя Лагарпа.⁶ Тот с благодарностью принял приглашение и стал членом Негласного комитета, в котором обсуждались предложения по реформам. Швейцарец подал предложение по реорганизации системы образования, которое, впрочем, содержало мало нового. Проект Негласного комитета к тому же в значительной степени совпадал со старыми требованиями. Следовало учредить новое министерство образования и создать многоступенчатую систему образовательных учреждений от университетов до сельских школ. И Александр I учредил 8 сентября 1802 года новое министерство с программным названием Министерство народного просвещения. В рабочих документах Негласного комитета предлагалось такое название главы министерства — «министр общественного воспитания, просвещения молодёжи и распространения знаний».⁷ К ужасу просветителей,

¹ По имени сербского учёного Ф. Янковича де Мириево, которого Екатерина пригласила из Вены. *Amburger, Anwerbung*. S. 39.

² *Flynn, University Reform*. P. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Фредерик Сезар де Лагарп (1754–1838) из Швейцарии, воспитатель царя, позднее политик в Швейцарии.

⁷ *Flynn, University Reform*. P. 16.

на этот пост Александр назначил консерватора Завадовского, но в деле реализации реформ тот держался на втором плане. Сильным лицом в министерстве был Муравьёв. 18 марта 1802 года был назначен комитет по изучению уставов Академии и университетов Москвы и Вильно. В состав комитета вошли Муравьёв, доверенное лицо императора Потоцкий и Н. Фусс, который прислал отцу текст указа:

«Его Императорское Величество высочайшее повелели, чтобы господа тайные советники и сенаторы Муравьёв и граф Потоцкий и статский советник и академик Фусс образовали особый комитет и в таковом должны обследовать представленные Его Императорскому Величеству и прилагаемые новые уставы Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Российской Академии и Московского университета. Они устроят эти институты в соответствии с целью их учреждения и истинными средствами распространения пользы и их влияния на всеобщее просвещение и сравнят с самыми лучшими в этом роде [учреждениями] за границей; и если они в соответствии с этим сравнением сделают удачные дополнения и изменения в этих уставах, то они представят их на утверждение Его Императорского Величества и т. д. И быть по сему! Александр. Петерб. март 1802 [...]».¹

Впоследствии эта работа оказалась подготовкой к крупной реформе университетов и школ. В качестве главной идеи звучала необходимость академической свободы как предпосылки процветания университета. Казалось, никто не заметил, что эта реформа, по сути, была попыткой соединения абсолютистской заинтересованности государства в подготовке лояльных гражданских чиновников с академической свободой. Смелое предприятие, вряд ли жизнеспособное в длительной перспективе. Но уже в сентябре Фусс сообщил о завершении работы.

«Император выразил нам в связи с этим своё особое удовольствие и приказал передать мне через г. тайн. советника Муравьёва бриллиантовое кольцо стоимостью 1500 р. в знак его высочайшего благоволения. Вместо этого завершённого дела я получил новое. А именно, Император создал новое министерство, которому поручено всё дело просвещения, и при котором состоит специальная комиссия по управлению всей воспитательной системой, в которую я тоже вхожу. Переданный Сенату высочайший приказ об этом, с собственноручной подписью монарха, начинается так:

«В находящейся под управлением министра народного просвещения комиссии мы приказываем сидеть: тайным советникам князю Чарторыйскому и графу Северину Потоцкому, генерал-майорам Хитрову и Клинеру² и академиком Озерцовскому и Фуссу». Остальная часть очень подробного указа определяет наши дела, обязанности и жалование. 12-го у нас было наше первое заседание у министра графа Завадовского, и по окончании оно у нас все обедали у него в обществе всех министров, а именно графов Воронцова, Васильева, Кочубея, Румянцева, господ Мордвинова, Весусятинова³, Державина etc. С тех пор мы провели ещё три заседания, и поскольку граф Завадовский, кажется, питает ко мне доверие, то у меня полно дел и мне, вероятно, придётся отказаться от части моих прежних дополнительных работ, чтобы найти время для выполнения новых обязанностей. Я жду лишь утверждения назначенного за эту должность жалования, чтобы моя жизнь не была как у той собаки в сказке и моё многочисленное семейство не страдало из-за этой перемены».⁴

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 275. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.6.1802.

² Директор Первого кадетского корпуса.

³ Фусс ошибся, перепутав две труднопроизносимые русские фамилии. Имелся в виду Сергей Кузьмич Вязьмитинов (1749–1819), военный министр с 1802 по 1808 г. — *Прим. ред.*

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 276. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.9.1802.

Школьная комиссия собралась на первое заседание в начале сентября 1802 года. Работа в ней была разделена между членами, при этом Клингер отвечал за низшие училища, Паррот за Дерпт, Чарторыйский за Вильно, а Фусс — за все остальные университеты. На встрече 4 октября комиссия пришла к соглашению о местах создания новых университетов: помимо Москвы и Дерпта, университеты должны были быть основаны в Вильно (возобновление), Казани и Харькове.¹ На заседании Правления главных училищ 24 января 1803 года было принято решение о том, что каждый университет должен иметь собственный устав. В сферу ответственности Паррота вновь вошёл Дерпт, Чарторыйского — Вильно, для остальных университетов Фусс должен был разработать единый устав. Каждый университет должен был иметь 28 профессоров с жалованием по 2000 рублей и 40 государственных стипендиатов со стипендией 200 рублей в год, этих стипендиатов можно было привлекать к преподаванию.²

24 января 1803 года был издан первый закон об устройстве училищ. Закон определял создание четырёх типов училищ: приходских, уездных, губернских или гимназий и университетов. Эта иерархическая система обеспечивала преемственность между разными уровнями: более низкий тип училища вёл к следующему, более высокому. Положением определялись учебные программы, так же как и количество учебных часов в неделю. Империя была разделена на шесть учебных округов, во главе которых стояли попечители, а в качестве учреждения — университеты, на которые возлагалась обязанность контроля за деятельностью училищ соответствующего округа. Важной задачей университетов была и подготовка учителей.³

Неутомимый Фусс, по всей видимости, выполнил самую большую часть основной работы в комиссии. Мы, без сомнения, можем верить скромному базельцу, когда он пишет:

«17 декабря министр представил Императору общий план устройства училищ, который составила наша комиссия, в основном по моим предложениям. И сейчас мы ждём его утверждения, и тогда выяснится, позволит ли мне эта новая должность отказать от части моих обременительных дел без ущерба для моей многочисленной семьи и со спокойствием смотреть на приближающуюся осень моей жизни».⁴

Фусс не был разочарован:

«Император назначил мне как члену главного правления училищ годовое жалование 2000 рублей. Так как теперь после утверждения нового бюджета я могу ожидать от Академии столько же, то я в состоянии отказаться от своих должностей в обоих Кадетских корпусах без уменьшения моих доходов и беречь больше чем прежде грудь и глаза, которые очень ослабли за 2 года.

Камергер Новосильцов, очень состоятельный, активный, знающий молодой человек назначен президентом Академии на место барона Николаи, который ушёл в отставку. Поскольку он питает ко мне большое доверие, то я имел с ним уже несколько бесед по поводу нового регламента; я ещё раз перерабатываю его, с учётом новых изменений в министерстве просвещения и думаю, что он от этого выиграет».⁵

¹ *Flynn*, *University Reform*. P. 20.

² Там же. С. 22 и далее.

³ Там же. С. 21 и далее.

⁴ BEBS, *Ordner Fuss*. S. 279. N. *Fuss an seine Eltern*, SPb. 6.1.1803. См. также: РБС. Т. XXI. С. 256; *Ischreyt*, *Nicolai*. S. 511.

⁵ BEBS, *Ordner Fuss*. S. 281 f. N. *Fuss an seine Eltern*, SPb. 31.3./12.4.1803.

«С нашим новым президентом я на дружеской ноге и пользуюсь его полным доверием. И министр по-прежнему делает мне честь своим доверием. Следствие этого: тут и там зависть того или иного из господ коллег и много работы, успех которой делает меня неуязвимым для них. Все новые регламенты от Академии до приходских школ — по большей части моя работа».¹

Эта огромная работа завершилась 25 июля 1803 года, когда император утвердил новый регламент и бюджет Академии.² О работе в Правлении училищ, которое продолжало административную деятельность, Фусс пишет:

«Главное правление училищ собирается по средам под председательством министра просвещения и руководит всей университетской и школьной системой всей империи, которая разделена на 6 округов, каждый из которых охватывает несколько губерний. Этими округами являются: Петербург, Москва, Вильно, Харьков, Дерпт и Казань. Каждый имеет своего попечителя и свой университет. Каждый губернский город получает гимназию и каждый уездный город [...] получает одно или несколько уездных училищ, и, наконец, каждый приход — приходское училище, так что во всей империи будет 6 университетов, 49 гимназий, около 600 уездных и 1200 приходских училищ. [...] Правление училищ управляет всем как центральная администрация».³

Главное правление училищ просуществовало до 1863 года, в его состав входили высокопоставленные особы и представители высшей школы, назначавшиеся царём и заседавшие под председательством министра. Одной из важнейших задач правления стало обеспечение училищ учебными пособиями. Для достижения этой цели Фусс переработал свой курс теоретической математики, составленный для Кадетского корпуса, и безвозмездно предоставил его в распоряжение правительства. В 1825 году трехтомный труд вышел четвёртым изданием и использовался во всех училищах империи.⁴ После окончания разработки уставов для гимназий, уездных и приходских училищ появились новые дела. Фусс должен был разработать новый цензорский регламент (цензура стала новой работой университетов) и принять руководство Географическим департаментом.⁵ В 1805 году император одобрил план Фусса по созданию вдовьих касс. 60000 рублей предполагалось выплачивать вдовам трёх тысяч учителей. Фусс полагал, что «это, вероятно, может оказаться самой достойной из моих работ».⁶

Абсолютистская цель реформы образования проявилась в требовании, согласно которому через пять лет после открытия училищ никто больше не мог быть принят на государственную службу без предъявления свидетельства о получении образования. Все, начиная со студентов (чин 12-го класса) до профессоров (чин 7 класса), были включены в Табель о рангах.⁷ В реальности на пути хороших задуманных реформ появились некоторые препятствия. Так, государство было не в состоянии создать сельские училища во всей империи.⁸ Просветители думали, что новая система будет работать на добровольной основе. Они хотели предоста-

---

¹ Там же. S. 283. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.1.1803 (неправильная датировка).

² Там же. S. 284. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 22.9.1803.

³ Там же. S. 288 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 28.12.1803.

⁴ *Лысенко*, Фусс. С. 26 и след. Цитирует из некролога П. Фусса на смерть отца.

⁵ BEBS, Ordner Fuss. S. 294. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 4./16.10.1804.

⁶ Там же. S. 302. N. Fuss an seine Eltern, SPb. Nov.1805.

⁷ *Flynn*, University Reform. P. 22.

⁸ Там же. С. 25.

вить индивидуумам путь к собственному счастью без применения каких-либо государственных средств принуждения.¹ Эти идеалистические представления были обречены на неудачу в российской реальности, в том числе из-за крепнущего консерватизма царя, из-за нехватки средств и из-за противодействия дворянства государственной системе образования. Большое число кафедр годами, а то и десятилетиями, оставалось вакантными из-за отсутствия профессоров.

В 1805 году Фусс был назначен членом Совета военных училищ, в 1819 и в 1820 годах в отсутствие С.С. Уварова он занимал должность попечителя Петербургского учебного округа.

8.7. Другие поручения

Фусс кратко описал работу в экономическом обществе:

«Экономическое общество собирается каждую субботу и занимается улучшением состояния всех отраслей сельского хозяйства. Оно состоит из президента (тайн. советн. Нартов), русского секретаря (коллеж. советн. Левшин), секретаря по немецким делам (статс. советн. Фусс), казначея [...] и большого числа членов всех уровней, министров, генералов, епископов, учёных, помещиков etc. и на своих собраниях насчитывает иной раз 50 и более присутствующих. Ежегодно оно награждает самых достойных золотой и серебряной медалями, и я сам уже получил от него 2 серебряные и 3 золотые, последнюю 21-го прошлого месяца».²

В этом очень важном для российского сельского хозяйства обществе Фусс занимался распространением западных знаний. Так, в 1824 году он на основе зарубежных публикаций сделал доклад о новых открытиях в области сельского хозяйства.³ Собственно говоря, он был уже сверх всякой меры перегружен работой. Но всевозможные властные структуры — нередко лично царь или царица — обращались к нему со специальными поручениями, от выполнения которых он не мог отказаться.⁴ В задачи Академии и её профессоров входило также написание отзывов на новые изобретения, представляемые правительству, и всевозможные экспертизы. Снова и снова предлагались проекты мостов. В 1805 году Фусс написал отзыв на транслитерацию кириллицы на латинский алфавит. Он сравнил предложения разных академиков и совместно с Севергиным, Шторхом и Кругом разработал нормы транслитерации, которые были представлены Академии на оценку и утверждение. Фусс считал, что Академия с её публикациями на русском и западных языках должна играть в этом деле ведущую роль. В результате комиссия представила Академии таблицу транслитерации, в которой использовались некоторые буквы кириллицы.⁵ Иоганн Бернулли писал, что Фусс взял на себя экспертизу изобретения одного русского швейцарца:

«Дома у господина Фусса я видел модель лесопилни, которая работает без воды и без ветра, и поэтому в определённых случаях может быть очень полезна. Она при-

---

¹ Там же. С. 27.

² ВЕБС, Ordner Fuss. S. 288 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 28.12.1803.

³ СПФАРАН, ф.40, оп.1, д.173.

⁴ РБС. Т. 21. С. 256.

⁵ СПФАРАН, ф. 1, оп. 2 (1805), д. 32, § 466 и д. 34, § 492.

водится в действие вручную с небольшим усилием. Её изобрёл один швейцарец по имени Ринер, проживающий в Москве, он представил эту модель Академии наук».¹

В 1801 году по приказу императора Фуссу было поручено помочь графу Мусину-Пушкину при создании проекта нового горного училища. Практически одновременно он получил задание от вдовствующей императрицы: дать отзыв на новые водяные машины для хлопковой мануфактуры в Александровске. У Фусса просто голова шла кругом. У него не было практически ни минуты свободного времени. Наградой за эти колоссальные труды стал орден св. Анны, которым он был награждён в 1801 году.² В октябре 1800 года император Павел I присвоил ему чин статского советника.³ Став действительным статским советником, он получил ранг, соответствующий воинскому званию генерал-майора.

Когда в 1826 году Фусс скончался, Академия скорбела не только о потере профессора математики, но в значительно большей степени об утрате своего менеджера. Крузенштерн очень чётко сформулировал это в своём письме Горнеру: «Академия недавно потеряла славного Фусса, для науки кончина Шуберта, может быть, была большей утратой, но для Академии Фусс незаменим, и никто совершенно не представляет себе, кого надо сделать секретарём».⁴

В лице Фусса Академия потеряла своего руководителя в трудные времена, наука видела в нём в первую очередь управляющего наследием великого Эйлера. Но в отличие от его тестя, И.А. Эйлера, Фусса всё же можно охарактеризовать как талантливого учёного, который собственные интересы подчинил интересам своего научного наставника, а позднее — интересам Академии как учреждения. И не напрасно: он достиг всего, чего желал, и умер глубоко уважаемым человеком.

---

¹ *Bernoulli*, Reisen, IV. S. 57.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 273. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 31.12.1801.

³ Там же. S. 269. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 22.3./3.4.1801.

⁴ *Wolf*, Notizen, in: Vierteljahresschrift 23 (1878). S. 411. Цитирует письмо Крузенштерна Горнеру, SPb, 4.1.1826. Точная дата смерти: 23.12.1825/4.1.1826.

9. ЯКОБ БЕРНУЛЛИ

Якоб II Бернулли стал ещё одним представителем династии математиков, отправившимся на поле деятельности своих предков. В его приглашении в Академию значительную роль сыграл Фусс.¹ Он же снял для Бернулли по соседству со своим домом квартиру за 5 рублей в месяц.² Сразу после прибытия в Петербург 19 (30) августа 1786 года Бернулли посетил своего земляка. В свою квартиру он ещё не мог въехать, так как в России квартиры сдавали без мебели. Поэтому первое время он жил у Фусса, кое-как обустроил своё жильё и приобрёл необходимую домашнюю утварь. Фуссу Бернулли очень понравился:

«Его прямое, искреннее и открытое поведение и его живость мне очень нравятся, и я надеюсь, что с точки зрения науки я сделаю себе честь моей рекомендацией. Он почти каждый вечер у меня, и Вы можете легко представить себе, любимый отец, о чём мы разговариваем. Базель — первый и последний предмет наших бесед [...]».³

Эйлеры также были в восторге от Бернулли:

«Наш Якоб Бернулли представляется мне мальчиком с заслугами: к тому же он обладает остроумием и развлекает нас. Он просил нас разрешить столоваться с нами, и мы с удовольствием согласились. Он платит нам 150 рублей в год, что совсем немного».⁴

Месяцем позже Эйлер пишет: «28-го утром я с Паулем был в гостях у г. Бернулли, которого люблю как собственного сына».⁵ Однажды Бернулли пришёл уже в 6 часов утра и попросил завтрак, что стало причиной следующего комментария Эйлера: «Он очень весёлый, и мы его очень любим».⁶

Эйлер совершил вместе с ним тур визитов к академикам и к Дашковой, чтобы представить нового члена Академии своим коллегам. Уже вскоре после приезда Бернулли стал членом музыкального клуба, в который позднее привёл дочерей Эйлера.⁷

Прибыв в Петербург, Бернулли проявил большой интерес к планируемому в то время кругосветному плаванию. Он очень хотел принять участие в экспедиции Г.И. Муловского в качестве астронома.⁸ Фусс писал в Базель:

«Боюсь, что я потеряю своего дорогого соседа Бернулли. К плаванию снаряжаются 4 фрегата, которые должны пройти вокруг мыса Горн на Камчатку и вернуться, обогнув мыс Доброй Надежды. Участники получат двойное жалование, а после окончания

¹ Более подробно см. статью: *Mumenthaler*, Sekretäre. 429 f.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 200. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 23.8.1786; UBBS, Ms: L I a 692, f.255, N. Fuss an Joh. Bernoulli, SPb. 25.8.1786.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 202. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12./23.9.1786.

⁴ SBVРК, Ms, NF, SPb. 6./17.10.1786. Перевод с французского.

⁵ SBVРК, Ms, NF, SPb. 3./14.11.1786. Перевод с французского.

⁶ SBVРК, Ms, NF, SPb. 26.1./6.2.1787.

⁷ SBVРК, Ms, NF, SPb. 25.12.1786.

⁸ Екатерина II доверила молодому капитану Муловскому совершить кругосветное плавание, однако война со Швецией 1788–1790 не позволила осуществить его. Когда Муловский, капитан «Мстислава», погиб в сражении при Эланде, этот проект был похоронен. Но он продолжал жить в голове молодого младшего лейтенанта с «Мстислава» Адама Иоганна Крузенштерна. В конечном счёте именно ему выпало осуществить этот проект в 1803 году — и опять с участием швейцарцев. См.: *Krusenstern*, Reise, hg. von Ch. und H. Pelzer. S. 226 f. и главу о научных экспедициях.

Рис. 19. Якоб II Бернулли
(1759–1789)

экспедиции пенсию. Это побудило его предложить себя в качестве астронома. Но всё будет зависеть от княгини, захочет ли она несколько улучшить его материальное положение, чтобы сохранить его в Академии. Поэтому завтра он будет писать ей (так как на прошлой неделе она уехала в Москву). Если она что-нибудь сделает для него, то он обещал мне оставить этот проект, который, как все вещи, имеет хорошую и плохую стороны, особенно потому, что и здесь нет недостатка в хороших перспективах».¹

И.А. Эйлер тоже волнуется:

«Наш г. Бернулли покинет нас и отправится в кругосветное путешествие с русской командой, которой будет командовать капитан Муловский, внебрачный сын графа Чернышёва. Граф Пётр Головкин тоже поступил туда. Я надеюсь снова увидеть их — но я считаю эту экспедицию очень необычной и опасной».²

«23-го в первой половине дня г. Бернулли пришёл сообщить мне о своём плане присоединиться к новой морской экспедиции: но не для того, чтобы последовать моему совету, потому что, несмотря на то, что я говорил ему о риске и опасностях, он упорствовал».³

О дальнейшей подготовке экспедиции написал Эйлер:

«9-го я был потом у г. Струговникова по делам новой морской экспедиции, которая прислала в нашу Академию 14 офицеров и штурманов для инструктирования в навигационной астрономии: нам нужно накачать их знаниями, чтобы за такое короткое время сделать из них достойных астрономов, потому что экспедиция должна отправиться уже в июле. Мне кажется, было бы лучше, если бы Адмиралтейство приняло на службу морского астронома, вместо того чтобы плодить историографов: г. Бернулли ждет во вторник решения княгини, которое без сомнения совпадёт с его желаниями. Потому что даже если бы она отказала, то Императрица, которой начальник экспедиции сообщил о предложении Бернулли, потребовала бы этого, и отказ не состоялся бы».⁴

Эйлер написал своему дяде Формею, который, в свою очередь, передал сообщение Иоганну III Бернулли: «Я получил ответ княгини относительно просьбы г. Бернулли отправиться с морской экспедицией на Гаити. Ответ отрицательный: это значит, что во время путешествия г. Бернулли потеряет своё академическое жалование».⁵ Его друзья смогли облегчённо вздохнуть. Они опасались, что при его

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 205. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.3.1787.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 2./13.3.1787. Перевод с французского.

³ Там же. Перевод с французского.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 12./23.3.1787. Перевод с французского.

⁵ BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, JE an Formey, SPb. 6.7.1787. Практически с той же формулировкой: SBVPK, Ms, NF, SPb. 26.3./6.4.1787. Перевод с французского.

слабом телосложении он не выдержит нагрузок подобного путешествия. И справедливо, ведь в 1787 году нервная лихорадка чуть не свела Бернулли в могилу.¹ В течение долгого времени он не мог принимать участия в заседаниях Академии.

12 августа 1787 года Бернулли переехал к Эйлерам и поселился в комнате дочерей, которым мать отвела теперь бывшую комнату пансионеров.² Якобу Бернулли был оказан в этой семье сердечный приём, он читал Эйлерам вслух французские комедии, сначала Мольера, потом Детуша.³ Очень быстро он вошёл и в жизнь церковной общины. В 1788 году его избрали диаконом реформатской общины, в которую он вступил вместе с Фуссом и Эйлером. Они по очереди помогали составлять опись наследства священника Шмидта.⁴

В науке Я. Бернулли занимался преимущественно физико-математическими исследованиями. Его активность была вознаграждена досрочным присвоением звания действительного члена Академии: 27 сентября 1787 года Академия избрала его на должность действительного профессора.⁵ В начале 1788 года княгиня Дашкова повысила его жалование на 200 рублей.⁶ За два года он зачитал и опубликовал 8 статей для «Nova Acta». Начиная с 1788 года он преподавал алгебру в Сухопутном кадетском корпусе — и делал это с большим энтузиазмом и к всеобщему удовольствию. Для проведения занятий он собирался сделать подборку из «Алгебры» Эйлера. Но на этом параллели с Фуссом не кончаются.

Очень рано Бернулли влюбился в 14-летнюю Шарлотту Эйлер.⁷ В начале 1788 года Иоганн Альбрехт Эйлер писал своему дяде Формею:

«Между нами говорят, что он хочет мою дочь Шарлотту, и он уже сделал нам предложение, но она ещё ребёнок, и надо ждать ещё минимум два года: несмотря на это, он серьёзно влюблён. Малышка не уродлива, и в первую очередь она обладает остроумием».⁸

Родителям пришлось уговаривать эту парочку подождать, так как играть свадьбу ещё не подобало из-за юного возраста невесты. На именины Шарлотта подарила своему суженому жилет, который вышила золотом.⁹ На день 29-летия он получил в подарок от своей пятнадцатилетней возлюбленной золотую цепочку для часов, которая стоила 40 рублей. На каждый семейный праздник Эйлеры с Бернулли пили шоколад.¹⁰ Родители, несмотря на сомнения относительно возраста своей дочери, были очень счастливы складывающимися между молодыми людьми отношениями. Уже в июне 1788 года фрау Эйлер воспользовалась удачным случаем и купила столовый сервиз для будущей фрау Бернулли.¹¹ Немного позже вместе с будущим зятем она стала подыскивать квартиру для молодой пары.¹² В декабре

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 4.9.1787. Его опекал Карл Эйлер.

² Там же.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 25.1./5.2.1788.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 10./21.10.1788.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 8./19.10.1787.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 25.1./5.2.1788.

⁷ Она родилась 15 ноября 1773 г.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 25.1./5.2.1788. Перевод с французского.

⁹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 4./15.8.1788.

¹⁰ SBVPK, Ms, NF, SPb. 17./28.10.1788.

¹¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 6./17.6.1788.

¹² SBVPK, Ms, NF, SPb. 7./18.11.1788.

они осмотрели квартиру в Кадетском корпусе, в которую Бернулли собирался въехать после свадьбы.¹ Госпожа Эйлер действительно очень активно занималась браком молодых людей. Иоганн Альбрехт с лёгкой иронией замечал в письме, что она в данный момент как раз тратит деньги на брачное ложе Бернулли.² В марте будущая тёща обеспокоилась приобретением мебели, которая её дочь получала в качестве приданого, и разместила её в квартире Бернулли.³

Симпатичный земляк уже вошёл и в семью Фуссов: в конце 1788 года он стал крёстным отцом их младшей дочери Доротей Эмилии.⁴

В феврале 1789 года Бернулли переехал в Кадетский корпус, «где он терпеливо ожидал свою маленькую невесту».⁵ В конце марта голландский пастор подтвердил Лотту, так что теперь можно было рассылать объявление о предстоящей свадьбе. Торжество было назначено на 16 апреля.⁶

26 февраля Бернулли зачитывал в Академии своё сочинение из области гидродинамики.⁷ Эйлер комментирует: «Его любовь не мешает ему много работать и создавать хорошие труды». По его словам, как и Фусс, Бернулли был достоин принятия в Берлинскую академию.⁸

Велики были надежды, будущее представало в розовом свете, когда влюблённые сочетались браком. Этот брак соединил родственными узами семьи великих учёных.

«Наша свадьба была отложена из-за более позднего, чем обычно, ледохода, потому что дядя, ставший теперь генерал-майором⁹, должен был добираться из Сестрорецка по воде, а лёд был уже слишком слабым для перехода по нему. Поэтому она состоялась только 29 апреля по старому стилю. Нас было почти 30 человек. Родители невесты, как принято здесь, дали обед, который был весьма изысканным. Венчание провёл голландский пастор, потому что нашего ещё нет здесь. [...] Вечером мы рано поехали домой и, как принято, нас сопровождали родители, братья и сёстры. На следующий день мы получили несколько подарков от Фусса и других. Это вовсе не является обязательным для всех, а зависит только от доброй воли каждого. Вечером этого второго дня были танцы у родителей жены, в следующую пятницу мы праздновали у них день рождения моей тёщи [...]. В следующий понедельник мы пригласили на обед родителей, Фусса и его жену вместе со старшей свояченицей (которая NB на свадьбу впервые надела белое платье), чтобы отпраздновать день рождения папá, которого я узнал из родословного древа»¹⁰

Теперь Якоб Бернулли стал членом большого семейства Эйлеров, а также свояком Николая Фусса. По крайней мере раз в неделю, а именно по воскресеньям, родители жены приглашали их на обед.¹¹

В мае 1789 года Бернулли отправил письмо матери, в котором намекал на возможность возвращения в Базель. Очевидно, его ждало там место профессора.

¹ SBVPK, Ms, NF, SPb. 2./13.1.1789.

² SBVPK, Ms, NF, SPb. 6./17.2.1789.

³ SBVPK, Ms, NF, SPb. 20.3./3.4.1789.

⁴ SBVPK, Ms, NF, SPb. 21.11./2.12.1788.

⁵ SBVPK, Ms, NF, SPb. 27.2.1789. Перевод с французского.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 20.3./3.4.1789.

⁷ De motu et reactione aquae per tubos mobiles transfluentes.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 23.3./3.4.1789. Перевод с французского.

⁹ Имеется в виду Христофор Эйлер.

¹⁰ BEBS, Ordner Bernoulli unter sich: Jakob an seine Mutter, SPb. 15./26.5.1789.

¹¹ Там же.

«Теперь у меня снова есть очень сильный пример, как мало должно считать определённым как приятное, так и неприятное: поскольку уже открывается перспектива, которая даёт надежду на нашу встречу и при этом ещё остаётся весьма сомнительным один момент, который необходимо ещё раз очень внимательно обдумать, о чём я прошу Вас передать моему брату Эммануэлю, чтобы он не советовал мне принять должность прежде, чем я могу быть *уверен*, что на этой должности и лекциями в университете буду зарабатывать столько, сколько необходимо для порядочного достатка: потому что иначе было бы непростительно отказаться от моего спокойного достаточного и надёжного дохода и разлучить мою жену с её семьёй, чтобы подвергнуть себя опасности нищенского существования».¹

И в конце письма — возможно, он тем временем получил отрицательный ответ из Базеля — он спрашивает: «Что говорят все наши разумные и доброжелательные друзья? Они все думают, что в Базеле для меня всё потеряно?»²

Счастье молодых оказалось слишком недолгим. Вместе с сестрой невесты и свояком Николаем Фуссом они провели счастливые недели на даче недалеко от города.³ Через два месяца после свадьбы — как было описано в начале — новоиспечённый супруг трагически погиб, купаясь в Неве. Забыл ли он охладиться, или пошёл купаться сразу после еды, неясно. Совершенно неожиданно он потерял сознание. И хотя свояк сразу вытащил его на берег, спасти Бернулли не удалось. Врачи констатировали удар.⁴

Несчастья Шарлотты не ограничились утратой любимого мужа. Затем начались неприятности с назначением пенсии, которой директор Академии Дашкова хотела её лишить.⁵ И, наконец, необходимо было продать с торгов ненужные вдове вещи Бернулли. Выручка составила 400 рублей.⁶ В середине августа Эйлеры отослали дочь к знакомым, чтобы там она пришла в себя. Но слёзы продолжали литься, как только она оставалась одна.⁷ И в апреле 1790 года всё ещё нельзя было и помыслить о том, чтобы завести с ней речь о новом замужестве. Шарлотта всё время удалялась в свою комнату, чтобы оплакивать там покойного.⁸ Впоследствии она вышла замуж за протестантского священника Давида Коллинса. Её сыну Эдуарду (1791–1840) уроки математики давал дядя, Николай Фусс. Сначала Эдуард посещал немецкую школу в Петербурге, в 1809 году был принят воспитанником в Академию, в 1814 стал адъюнктом, в 1820 году был избран экстраординарным профессором математики, а в 1826 году повышен до действительного. Он преподавал математику сначала в пансионе своего отца, с 1824 года в немецкой школе, директором которой стал в 1832 году. Кроме того, по рекомендации В.А. Жуковского он с 1828 по 1838 год обучал математику и физику детей царя Николая I. Э. Коллинс опубликовал около 40 работ по математике.⁹

¹ Там же.

² Там же. Одновременно он передаёт поздравления своему брату с получением новой должности. Возможно, Якоб тоже рассчитывал на это.

³ См. Введение. BEBS, Ordner Fuss. S. 210. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1.6.1789.

⁴ Все биографические данные по: *Précis*. S. 23–30. На страницах 30–32 находится перечень публикаций Якоба Бернулли.

⁵ См. выше главу об И.А. Эйлере, который помог своей дочери добиться положенного по праву, но поссорился из-за этого с Дашковой.

⁶ SBVPK, Ms, NF, SPb. 31.8.1789.

⁷ Там же.

⁸ SBVPK, Ms, NF, SPb. 19.4.1790.

⁹ *Геккер*, Семья. С. 492.

10. УЧАСТИЕ ШВЕЙЦАРЦЕВ В НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ АКАДЕМИИ

Приняв на работу Леонарда Эйлера, Екатерина II положила начало возрождению находившейся в кризисе Академии. Вскоре ей представилась ещё одна возможность поднять престиж этого учреждения и страны. Поскольку результаты наблюдений французского аббата Шапп д'Отероша¹, проведённые в 1761 году в связи с движением Венеры по затемнённому солнечному диску, были подвергнуты сомнению как в Петербурге, так и в Париже, Екатерина захотела использовать редкую возможность и организовать наблюдения при повторении этого явления в мае 1769 года. Так она могла доказать мировой обществу прогресс русской науки. Для наблюдений за движением Венеры в 1769 году на Таити, в Индию, Америку, Швецию, на север и юг России, а также в Сибирь были посланы наблюдатели из различных стран. Эти скоординированные наблюдения считаются первым общеевропейским научным предприятием, и Россия внесла в него большой вклад. От этих экспедиций ожидали получения важных сведений о небесных телах и о Земле, особенно о расстоянии между Землёй и Солнцем. Практическую пользу эти экспедиции, как ожидалось, должны были принести для геодезии и картографии. В марте 1767 года императрица приказала директору Академии подготовить соответствующие астрономические экспедиции. Она пожелала узнать, какие места в России наиболее подходят для проведения наблюдений. В случае необходимости следовало принять меры для создания в этих местах необходимой инфраструктуры, и если в стране не было достаточного числа подготовленных астрономов, то следовало отыскать и обучить способных моряков.² Вскоре императрица решила расширить спектр задач экспедиций. Для изучения трёх царств природы астрономов должны были сопровождать естествоиспытатели. В ходе подготовки Академия решила организовать самостоятельные физические экспедиции.³ Эти сенсационные экспедиции действительно значительно повысили престиж Академии и императрицы в просвещённой Европе.

Екатерина дала Академии поручения, и началась подготовка. Леонард Эйлер принимал в ней активное участие, при этом руководство работами лежало на директоре. Необходимо было выбрать членов экспедиций и помощников, определить места для астрономических наблюдений и маршруты физических экспедиций, а также сформулировать задания в форме инструкций. После того как академическая Конференция в конце марта 1767 года определила места наблюдений, всё дело чуть не заглохло. Поэтому в июле Леонард Эйлер потребовал ускорить работы, ведь в конечном счёте речь шла о приказе императрицы.⁴ Действительно ли это требование было так необходимо? Ещё во время своего знаменитого путешествия на юг России Екатерина приказала отослать матери-

---

¹ *Chappe d'Aueroche, J. Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761 [...] par M. l'Abbé Chappe d'Aueroche. 3 Tomes. Paris, 1768.*

² *Wendland, Pallas. S. 80 f.* дословная цитата из: *Russische Bibliothek 1 (1772) N. 1. S. 43–44.*

³ *Robel, Sibiriexpeditionen. S. 273 f.*

⁴ *Протоколы II. С. 607.*

ал для трёх обсерваторий на Кольский полуостров. Она поручила астрономам после астрономических наблюдений заняться природоведением. Значение, которое она придавала этому предприятию, императрица подчеркнула тем, что пообещала участникам двойное жалование. Орлов, со своей стороны, лично доставил этот приказ в Петербург и принял руководство подготовкой — скорее к сожалению учёных, которые с этого момента иногда оказывались перед свершившимися фактами.¹ Необходимые для астрономических наблюдений приборы и инструменты были заказаны в Париже и Лондоне. На конференции 22 октября члены Академии обсуждали принятые к тому времени меры и представили директору подробный доклад для вручения императрице. Места и участники экспедиции были по большей части определены. Жак-Андре Малле, в случае его приглашения, был временно поставлен во главе астрономической экспедиции, отправлявшейся на север, Христофор Эйлер должен был отправиться на юг.²

Западная Европа была в курсе текущей подготовки в Петербурге. Малле узнал о ней от Лаланда и затем с помощью Бернулли действительно был приглашён для участия в экспедиции. Как уже было сказано в главе о посредничестве, он предложил в качестве сопровождающего своего коллегу Луи Пикте.

В апреле 1768 года Малле и Пикте отправились из Женевы в Базель, где посетили Даниила Бернулли. Пикте с удивлением констатировал, что Бернулли в своём родном городе не пользовались тем признанием, которого они заслуживали.³ В Берлине среди прочих они нанесли визиты Ламберту, Беглену и Формею. Но их уже с нетерпением ожидал Иоганн III Бернулли. Он надеялся, что Малле посвятит его в практическую астрономию. По его словам, он хотя и был назначен в Берлине астрономом, но не обладал достаточным опытом проведения наблюдений. И нет никого, кто бы мог обучить его. Поэтому он надеялся, что женеvцы смогут остановиться у него на три или четыре недели. Малле и Пикте провели проездом две с половиной недели в Берлине и несколько раз вместе с Бернулли побывали в обсерватории.⁴ Малле счёл, что она в очень плохом состоянии, и сожалел, что у него недостаточно времени для приведения её в порядок.⁵ 28 мая они прибыли в Петербург.⁶

Малле и Пикте были сердечно приняты членами Академии и особенно семейством Эйлеров.⁷ От женевского учёного Луи Бертрана Малле и Пикте получили рекомендательное письмо, адресованное Эйлеру.⁸ Румовский особенно опекал обоих и помогал им в переговорах о конкретных условиях принятия на

¹ *Wendland*, Pallas. S. 85, цитируется из: Russische Bibliothek 1 (1772). N. 1. S. 48 f.

² Протоколы II. С. 623. Одновременно с Малле и Пикте русские астрономы Румовский, Юдин и Исленьев должны были отправиться на север, Ловиц и Крафт — на восток, а Попов и Христофор Эйлер — на юг. В качестве руководителей так называемых физических экспедиций были назначены Гмелин, Паллас, Гильденштедт, Лепёхин и швед Фальк. Некоторые из их сопровождающих обратили на себя внимание благодаря своим докладам об экспедициях, а именно Георги и Зуев.

³ *Wolf*, Mallet. S. 253.

⁴ Там же. S. 253.

⁵ BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J. Mallet an DB, SPb. 14.6.1768; ср.: *Wolf*, Mallet. S. 254.

⁶ *Fatio*, Voyage. S. 82.

⁷ BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J. Mallet an DB, SPb. 14.6.1768.

⁸ Учёная корреспонденция. С. 134: письмо Бертрана Эйлеру, Женева 4.4.1768. Бертран просит Эйлера представить обоих женеvцев петербургским учёным, особенно Румовскому и Котельникову.

работу. Астрономов разместили в доме Академии, но квартира была без мебели, что стало причиной значительных дополнительных расходов.¹ Некоторые неприятности доставила им таможня. Пикте в своём дневнике резко выразился по поводу «татарских» процедур в Академии: он заранее не оговорил возмещение дорожных расходов:

«Я объяснил ему, что я вообще не удивлён его поступком; что я уже достаточно хорошо знаком с этой страной, чтобы знать, что русские недостаточно образованы, чтобы понимать различие между работой учёных и работой плотников и каменщиков, они обращались одинаково и с теми и с другими; и поскольку исполнение этого предприятия было для моего собственного удовлетворения, то они могли бы совершить ещё более выгодную сделку, если бы вообще ничего мне не дали, потому что я всё равно выполнил бы эту работу».²

В конце концов Пикте и Малле получили 94 рубля на поездку. И.А. Эйлер писал своему дяде, что он слишком редко видит обоих женевцев, чтобы ближе узнать их. Что Пикте недоволен — и не по праву — тем, что он получает меньше Малле.³

Оба женевца не могли привыкнуть к обычаям и характеру русских. Они охотнее общались с соотечественниками.⁴ Пикте описывает ужин у графа Строганова, на который были приглашены многочисленные иностранные гости. По его словам, для русских дворян это не является чем-то особенным, потому что они обедают с иностранцами, как в других странах едят вместе с прислугой. Обслуживали их два низкорослых слуги, которые произвели на него неприятное впечатление.⁵ Намного более культурным ему показался вице-президент военной коллегии граф Чернышёв. На ужине всё было прекрасно: превосходная еда, очень элегантные, с большим вкусом отделанные помещения. И далее: у него (Чернышёва) влияние страны исправлено долгими путешествиями и блестящим воспитанием.⁶

Во дворе своего дома оба женевца стали свидетелями того, как вора били кнутами. Пикте удачно избежал несчастного случая. В начале ноября он хотел проехать по понтонному мосту через покрытую снегом Неву, но его кучер остановился и отказывался трогаться с места. Пикте пошёл к реке, в это время все люди на мосту вдруг побежали. Ему также пришлось поспешить, так как начали отвязывать лодки.⁷ Так на долгое время было прервано сообщение между Васильевским островом и центром города, до полного ледостава на реке.

Днём 16 сентября Малле и Пикте посетили обсерваторию, которая в то время находилась на крыше Кунсткамеры. Пикте с удивлением осмотрел отличные английские инструменты, которые, однако, лежали в упаковках — уже несколько лет! Он полагал, что для их установки требовалось произвести небольшие изменения в предназначенном для них помещении. Но истинная причина крылась в том, что астроном боялся дополнительной работы, которую придётся выполнять, если инструменты будут распакованы.⁸

¹ BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J.Mallet an DB, SPb. 14.6.1768.

² *Fatio, Voyage*. S. 83. Перевод с французского.

³ StBB, Ms, NF, J.A. Euler an Formey, SPb. 18./29.7.1768.

⁴ С женевцами Дювалем, Ковелем, Жюрином и Франсуа-Пьером Пикте и Риттером.

⁵ *Fatio, Voyage*. S. 84 f.

⁶ Там же. S. 89.

⁷ Там же. S. 87.

⁸ Там же. S. 86.

29 января Румовский привёл обоих женевцев во дворец на аудиенцию для представления императрице. На пути следования императрицы из Капеллы в покои им было позволено поцеловать ей руку. Всё произошло так быстро, что Пикте не успел поклониться — скандал среднего масштаба!¹

Уже из сказанного выше видно, что Пикте был критически настроен по отношению к стране и её учреждениям, в том числе и к Академии. Из-под пера Пикте вышел уничижительный комментарий об Академии и её полезности: она служит исключительно престижу:

«Хотя в Петербурге уже давно имеется Академия, науки в России совершили незначительный прогресс. Эта Академия, говоря прямо, является предметом роскоши; её хотят иметь, как некоторые люди хотят иметь библиотеку, в которую они заходят, чтобы показать её. Она всегда почти полностью состояла из иностранцев, привлечённых в эту страну пенсиями, которые им обещали, и которые, прожив там некоторое время, утратили большую часть стимулов, которые привели их сюда. Это — экзотические растения, которые томятся в оранжереях, в которых они заперты. Причина разочарования кроется в их абсолютной зависимости от плохо образованного русского начальника, неспособного оценить их таланты и в благосклонности которого для них никогда не будет места, как бы они ни старались ухаживать за ним, привилегия, которая всегда будет оставаться за немногочисленными русскими в Академии. К тому же науки в России культивируются столь мало, что их труды там не читают, и они создаются лишь для стран, от которых они находятся очень далеко, что лишает их одного из сильнейших стимулов для учёных, каковым является признание, которым пользуются их работы в обществе. Хотя г. Эйлер является исключением из того, что я написал выше; [...] Он — одно из тех могучих деревьев, которые процветают на любой почве и в любом климате. Если бы в России так сильно стремились быть образованными, как кажется, то следовало бы начать с основания университетов, прежде чем прийти к мысли о том, чтобы иметь Академию».²

Пикте затрагивает несколько болевых точек. Его критика совершенно справедлива, но он занимает крайне отрицательную позицию. Однако нельзя забывать о некоторых положительных аспектах, например, тех, о которых мы говорили в главе, посвящённой Эйлеру.

С разочарованием обоим женевским астрономам пришлось констатировать, что подготовка их экспедиции далека от завершения. Очевидно, и в России было очень мало известно о той местности, куда отправлялась экспедиция. Поскольку заказанные в Париже и Лондоне инструменты ещё не прибыли, то можно было предположить, что путешествие невозможно будет совершить по морю, так как сентябрь был последним сроком отправления. Сведения, которые они получили от разных людей, долгое время живших на Кольском полуострове, несколько успокоили Малле и Пикте. Им сказали, что туда можно без труда добраться по суше и отправляться в путешествие следует только в феврале. Впоследствии было принято решение послать на Кольский полуостров экспедицию во главе с Румовским. Малле и Пикте входили в состав этой экспедиции в качестве наблюдателей, которые должны были осуществить самостоятельные экспедиции: Малле — предположительно в Поной, на побережье Белого моря, а Пикте — несколько дальше на запад, в Ковду. Две экспедиции должны были отправиться

¹ Там же. S. 89.

² Там же. S. 86 f. Перевод с французского.

на юг: Ловиц и Иноходцев — в Астрахань, Крафт и Христофор Эйлер — в Оренбург¹. Из-за нехватки астрономов пришлось отказаться от запланированной экспедиции в Тобольск. Некоторые неприятности возникли из-за того, что у Малле в распоряжении не оказалось инклинатора, так как имеющийся инструмент был отдан другому учёному. Малле сначала хотел написать в Лондон, чтобы заказать себе прибор там, но потом обратился за советом к Даниилу Бернулли.² По его рекомендации он заказал компас в Петербурге. 2 сентября Малле писал о проводимых работах и сообщил, что в конце года этот «инклинатор» был готов и получился вполне хорошо.³ По договоренности с Бернулли Малле проводил в Петербурге наблюдения за холодом, в частности, он изучал поведение ртути при очень низких температурах.⁴

Тем временем губернатор Архангельска получил распоряжение обеспечить станции наблюдения важнейшими запасами. Туда предстояло доставить даже строительные материалы для жилого дома и обсерватории. Каждого учёного-наблюдателя должны были сопровождать один морской офицер, один студент в качестве помощника и военный эскорт.⁵

3 февраля 1769 года Малле выехал из Петербурга в сопровождении своего слуги, часовщика, который одновременно был переводчиком, двух унтер-офицеров и двух солдат. Пикте не без сомнений наблюдал за его отъездом: «Я был очень взволнован, когда смотрел, как он отправляется в опасное и трудное путешествие, с одним только слугой, полностью во власти всех этих русских».⁶ 16 февраля Малле прибыл в Кандакашу. Там он расстался с лошадьми и пересел в сани, запряжённые северными оленями. Он поехал в объезд через Кольский полуостров, чтобы провести наблюдения, но плохая погода сильно помешала этому. Оттуда в течение пяти дней путь лежал через совершенно пустынную местность.⁷ Его слуга по имени Фавр, которого он привёз из Женевы, сбежал от него из Ковды в Северную Лапландию.⁸ 28 февраля, проехав примерно 1900 километров, Малле прибыл в Поной.

12 февраля Пикте тоже выехал из Петербурга в направлении Умбы на Белом море. Его оборудование состояло в числе прочего из двухфутового квадранта Сиффона, двух маятниковых часов Лепота, секундомера, 12-футовой ахроматической подзорной трубы, трёхфутовой подзорной трубы меньшего размера и ещё одной подзорной трубы.⁹ Зимнее путешествие совершалось на санях, в пути Пикте сопровождал морской офицер, ещё один выехал на пару дней раньше, чтобы

¹ В конце 1768 — начале 1769 гг. Академия наук снарядила пять астрономических экспедиций. — *Прим. ред.*

² BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J.Mallet an DB, SPb. 14.6.1768.

³ Там же. J.Mallet an DB, SPb. 2.9.1768 und 4.4.1769.

⁴ BEBS, Ordner D.Bernoulli mit Akademie, DB an *Stählin*, Basel 23.11.1768.

⁵ BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J.Mallet an DB, SPb. 14.6.1768.

⁶ *Wolf*, Mallet. S. 255.

⁷ BEBS, Ordner D.Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J.Mallet an DB, Ponoj 4.4.1769.

⁸ StBB, Ms, NF, J.A. Euler an Formey, SPb. 7./18.4.1769. В 1770 г. Эйлер упоминает его как домашнего учителя, который нашёл покровителя. По всей видимости, он нашёл место в Кадетском корпусе, и Эйлер считал, что он может стать вельможей... См.: StB, Ms, NF, J.A. Euler an Formey, SPb. 5.6.1770. В 1771 году Эйлер сообщает, что Фавр выдавал себя за астронома и как преподаватель Кадетского корпуса получил чин капитана. Он получает жалование 400 рублей плюс квартира, экипаж, свечи и т.д. См.: BEBS, Ordner J.A.Euler mit Verschiedenen, JE an Mallet, 1./13.2.1771.

⁹ *Wolf*, Mallet. S. 254 f.

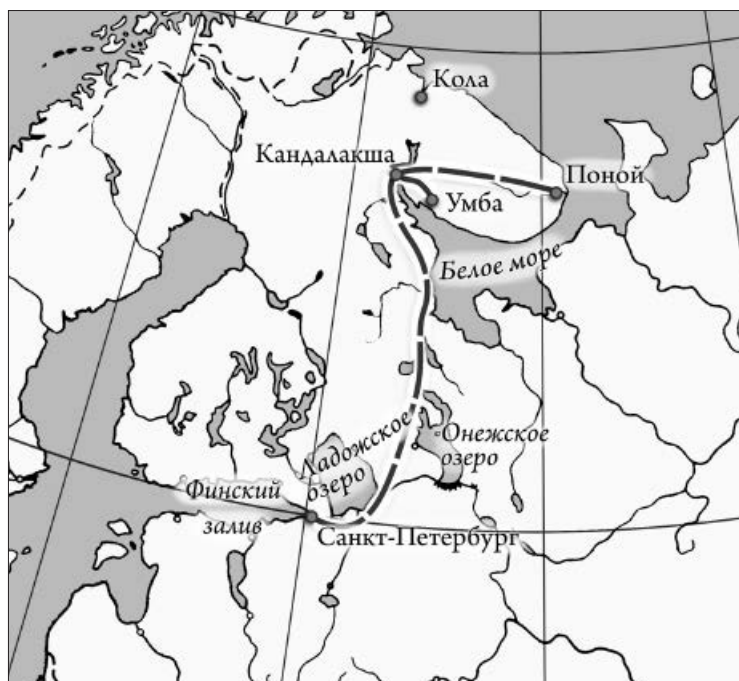

Рис. 20. Схема движения экспедиций Малле и Пикте на Кольский полуостров

всё подготовить к приезду астронома.¹ Накануне отъезда Пикте переоборудовал свои сани и уложил туда свой багаж: он велел устроить там маленькую скамью с шарнирами, на который ему было бы удобно сидеть целыми днями. На ночь скамья поднималась. Ему казалось неудобным во время двенадцатидневного путешествия всё время сидеть или лежать на матрацах. Он также упаковал в сани три большие сумки с запасами, книгами и другими вещами, которые хотел иметь под рукой.² Караван состоял из шести, очевидно, закрытых повозок. Сначала он жаловался на боли в сердце, которые, однако, быстро прекратились. Позднее он путешествовал и в открытых санях. Его путь лежал на Север через глубокие снега и бескрайние леса. Пикте привело в восторг гостеприимство крестьян, у которых он останавливался.³

Пикте — как и остальные путешественники — был снабжен приказами императрицы, которые повелевали генерал-губернаторам, губернаторам, воеводам и другим представителям власти оказывать ему всяческое содействие, предоставлять для охраны надлежащие эскорты и держать наготове достаточно лошадей.⁴ Под личным покровительством императрицы путешествие проходило очень быстро и безопасно.

¹ *Fatio, Voyage*. S. 89.

² *Wolf, Mallet*. S. 255.

³ *Fatio, Voyage*. S. 90 f. Более точно обстоятельства путешествия описаны в: *Mumenthaler, Stock und Stauden*. S. 239 f. S. 250.

⁴ *Wolf, Mallet*. S. 255.

22 февраля он прибыл в Умбу. Его привели к дому, который он посчитал своим собственным. К великому удивлению и досаде, он увидел, что тот построен вообще не так, как он приказывал, поскольку находился в середине деревни между более высокими домами. Но его переводчик выяснил, что дом Пикте в соответствии с указаниями построен на холме за пределами деревни. На первое время Пикте хотели разместить в доме местного священника. Но астроном настоял на том, чтобы его немедленно, посреди ночи, отвезли в его дом.¹

Обсерватория Малле была ещё не совсем готова.

«Я нашёл здесь маленький дом, построенный на холме, который должен был служить мне жилищем, и материалы, подготовленные для устройства только что построенной обсерватории, и лучше бы это было без холодов и сильных ветров, которые так часто случаются в этой стране [...]».²

Малле занимался тем временем проверкой и настройкой инструментов. Эксперимент, подсказанный Д. Бернулли, не удался, потому что необходимая для него жидкость по дороге разлилась. Теперь Малле ждал хорошей погоды, чтобы начать свои астрономические наблюдения. Дни прибывали так быстро, что возникла опасность того, что скоро уже не будет видно ни одной звезды.³ Как и Малле, Пикте тоже пришлось заканчивать работы по обустройству обсерватории. 4 апреля они были завершены. Он установил инструменты и завершил подготовку ко дню X. Стоящей хорошей погоде он не доверял: «Я опасаясь, что этой устойчивой погоды будет не доставать в тот момент, когда она будет нужна мне».⁴ Погода продержалась до утра с нетерпением ожидаемого 3 июня. Но в 10 часов юго-восточный ветер принёс облака, и после обеда солнца уже не было видно. В восемь вечера к тому же пошёл дождь, который лил без перерыва до 23 часов. Пикте, его переводчик и морские офицеры ждали в обсерватории в полной готовности проводить наблюдения. Можно себе представить, как велико было их разочарование.

«Наконец мои часы показали, что время прохождения прошло, я отпустил офицеров и вернулся в свою комнату. В 5 часов погода, казалось, стала проявляться. В семь часов показалось солнце. В девять погода была совершенно ясной».⁵

Сегодня мы бы сказали, что Пикте был глубоко фрустрирован. Он приводил в порядок свои журналы, писал письма в Петербург и рассчитывал — ему это должно было казаться бессмысленным — наступление солнечного затмения. 22 июня он выехал из Умбы и через три дня прибыл в Архангельск, куда 28-го приехал и Малле.

Погода перечеркнула и планы Малле. Но астрономам всё же удалось установить точную долготу местоположения их станций. Малле, в отличие от Пикте, посчастливилось наблюдать, по крайней мере, начало движения Венеры на затемнённом солнечном диске. Но конечной фазы он также не увидел из-за плохой погоды.⁶ Таким образом, путешествие из Петербурга в Лапландию длиной 1900 километров оказалось напрасным — или, по крайней мере, почти напрасным.

¹ *Fatio, Voyage*. S. 92.

² BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J. Mallet an DB, Poni 4.4.1769.

³ Там же.

⁴ *Fatio, Voyage*. S. 92 ff.

⁵ Там же.

⁶ BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J. Mallet an DB, SPb. 15.8.1769.

Поскольку погода не позволила провести астрономические измерения, Академия отказалась от других запланированных геодезических работ в Архангельске и срочно отозвала астрономов в Петербург. Оба женева вместе вернулись из Архангельска в Петербург. Раньше них туда попали их журналы наблюдений. Секретарь И.А. Эйлер подготовил выдержки из них, которые передал в печать уже 26 июня.¹ 11 (22) июля оба астронома прибыли в столицу. Через десять дней, ещё во время летних каникул, члены Академии по приказу директора собрались на внеочередное заседание. Малле передал своё уже напечатанное сочинение «Observations du passage de Venus fait à Ponoï en Laponnie» («Наблюдения за прохождением Венеры, сделанные в Поное в Лапландии». — *Прим. ред.*). Одновременно он представил состоящий из четырёх тетрадей журнал с результатами астрономических и метеорологических наблюдений и экспериментов с отклонением магнитных игл и длиной маятника. На заседании было решено опубликовать результаты астрономических наблюдений из всех представленных журналов. Адъюнкт Лексель хотел под руководством Эйлера произвести расчёты результатов наблюдений и «попытаться определить из них параллакс Солнца как главную цель всех этих экспедиций».² В ходе этой работы Эйлер получил новые знания о движении планет. В конечном счёте он развил свою новаторскую теорию движения Луны. Типичным для характера Эйлера мне представляется то, что он особо отметил заслуги своего адъюнкта и подчеркнул, что без усердия последнего астрономические экспедиции вряд ли принесли бы такие значимые результаты, что без него (адъюнкта), вероятно, никто не смог бы определить из наблюдений истинный параллакс Солнца. Естественно, что, несмотря на этот реверанс, блеск достижения пал на Эйлера, тем более что он указал на то, что до сих пор не существовало метода таких вычислений.³

Астрономам было предложено самостоятельно обработать результаты их экспериментов и наблюдений и представить в виде статей. Малле ответил на эту просьбу, что как он, так и Пикте смогут сделать это только в Женеве. Но он пообещал прислать Академии несколько «учёных разработок».⁴ Малле сдержал слово: после возвращения домой он отредактировал и просчитал результаты наблюдений, которые были изданы в «Новых комментариях» Академии⁵.

В Петербурге женева астрономы часто посещали И.А. Эйлера и обедали у него. Перед отъездом астрономов на родину Эйлер представил их графу Орлову и императрице.⁶ 18 августа (нов. стиля) царица приняла их с соизволением поцеловать руку. Она осведомилась об экспедициях и была в курсе (наполовину) успешного их проведения. Она пожелала им счастливого возвращения домой.⁷ В начале сентября 1769 года Пикте и Малле отправились в обратный путь через Берлин и Базель.⁸ Они вновь нанесли визиты Иоганну III Бернулли в Берли-

¹ Протоколы II. С. 691, 694.

² Там же. С. 792 и далее.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 695 и далее.

⁵ Слово сдержали оба наблюдателя. Они опубликовали подробные отчёты о проделанной работе во второй части 14 тома «Новых комментариев» за 1770 г. Выдержки из журнала наблюдений Пикте были опубликованы годом раньше. — *Прим. ред.*

⁶ StBB, Ms, NF, J.A. Euler an Formey, SPb. 7./18.8.1769.

⁷ Wolf, Mallet. S. 258.

⁸ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J.A. Euler: JE an DB, SPb. 8./19.9.1769.

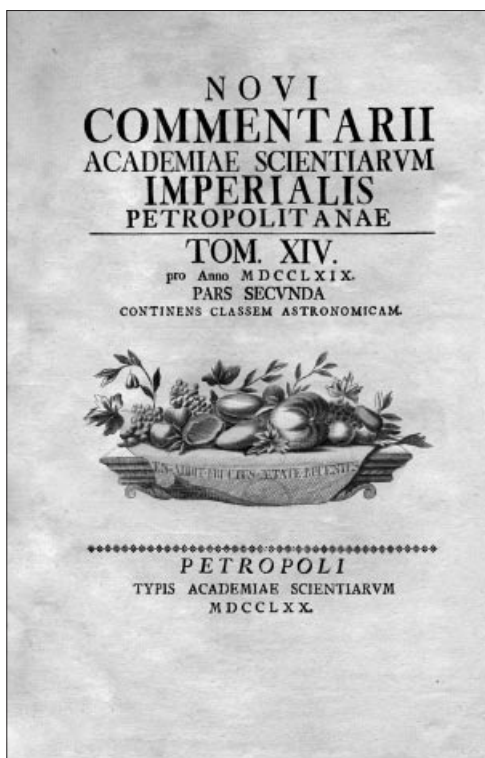

Рис. 21. Титульный лист «Новых комментариев» Императорской академии наук

не и Даниилу Бернулли в Базеле, который счёл их разочарованными, так как их экспедиция имела столь незначительный успех.¹ 29 октября они приехали в Женеву. Для своего друга Соссюра Малле собрал в Поное растения. Поскольку астроном ничего не понимал в ботанике, то друг просил его собирать всё, что тот найдёт. Пикте же собирал главным образом орнитологический материал.²

По возвращении в Женеву Малле занялся обработкой полученных результатов и затем послал их в Академию. В 1771 году он писал, что со времени возвращения сделал немного. У него всё ещё нет обсерватории: «в республиках дела улаживаются очень медленно, надо иметь терпение».³ Правда, он получил почётное звание профессора астрономии Женевской академии. Хотя это звание ни к чему его не обязывало, Малле прочитал несколько публичных лекций по астрономии. В 1772 году он получил не только разрешение на строительство обсерватории на одном из бастионов города, но и значительную сумму на реализацию этого проекта. Речь шла о 4200 гульденах. В 1774 году во время посещения Женевы Иоганн III Бернулли увидел уже действующую обсерваторию.⁴ В лице

¹ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit L.Euler: DB an JE, Basel 31.1.1770.

² Wolf, Mallet. S. 259.

³ BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, J. Mallet an DB, Genf 26.4.1771.

⁴ Wolf, Mallet. S. 263.

Жана Трамбле (1749–1811), который позднее работал в Берлинской академии, и Марка-Августа Пикте (1752–1825) Малле имел двух талантливых и усердных помощников. Они вели наблюдения за многочисленными солнечными и лунными затмениями, кометами, пятнами на Солнце и т. д. Их труды публиковались и в «Записках» Петербургской академии. Эти работы, как отметил Лаланд, отличались особой точностью.¹ Малле ввёл в Женеве среднее время, и по его инициативе колокольным звоном стали извещать о наступлении полудня. Ещё он получил известность благодаря определению эталонных масс и весов и проведению геодезической съёмки Женевского озера.² Он добивался присвоения ему звания иностранного члена Петербургской академии.³ И.А. Эйлер сообщил ему, что Академия довольна его работами и что его, вероятно, изберут, как только появится такая возможность.⁴ В 1776 году Малле был избран почётным членом Академии. Тогда он стал заниматься поиском преподавателей для Петербурга. Один женевец по имени Бинц по его рекомендации получил место преподавателя в Кадетском корпусе.⁵ Малле скончался после продолжительной болезни 31 января 1790 года. Среди современников он считался воплощением мудрого, спокойного учёного и в высшей степени искренним и положительным человеком.

Пикте больше не занимался своими астрономическими экспериментами — ведь он был не естествоиспытателем, а юристом. Он посвятил себя почти исключительно политике и стал главой муниципалитета в родном городе.⁶ Для женева — весьма почётная карьера: даже профессора Академии оставляли свои посты ради политической карьеры.

В то время как экспедиции обоих женевцев уже давно закончилось, Христофор Эйлер всё ещё путешествовал по югу Российской империи. Хотя по профессии он был офицером, но отец, естественно, посвятил его в основы математики.

28 мая 1769 года Х. Эйлер отослал в Петербург журнал наблюдений, проведённых в Орске, в 250 километрах юго-восточнее Оренбурга. Его брат взялся сделать из журнала «выдержку, пригодную для печати».⁷ После выполнения порученной миссии Христофор провёл дополнительные астрономические наблюдения на юге империи.⁸ В сентябре он отослал в Академию отчёт о проделанных работах, журнал астрономических и метеорологических наблюдений, проведённых в Яицком городке, а также специальную карту течения реки Яик, выполненную его штурманом.⁹

Его брат был поражен качеством проделанной научной работы: «Кто бы мог подумать, что мой младший брат, который с 15 лет не видел ничего, кроме солдат, и жил только с ними, когда-нибудь сможет провести такие хорошие наблюдения, как эти?»¹⁰

¹ Там же. S. 265.

² Там же. S. 266.

³ Учёная корреспонденция. С. 135, 16./27. авг. 1770.

⁴ BEBS, Ordner D. Bernoulli, Kleine Korrespondenzen, DB an Mallet, Basel 12.6.1771.

⁵ Там же.

⁶ Wolf, Mallet. S. 253.

⁷ Протоколы II. С. 694, заседание 7 июля 1769.

⁸ Маршрут движения экспедиции на карте (рис. 21) показан чисто схематически.

⁹ Протоколы, т. II. С. 716. После восстания Пугачёва река Яик была переименована в Урал.

¹⁰ StBV, Ms, NF, J.A. Euler an Formey, SPb. 8./19.9.1769.

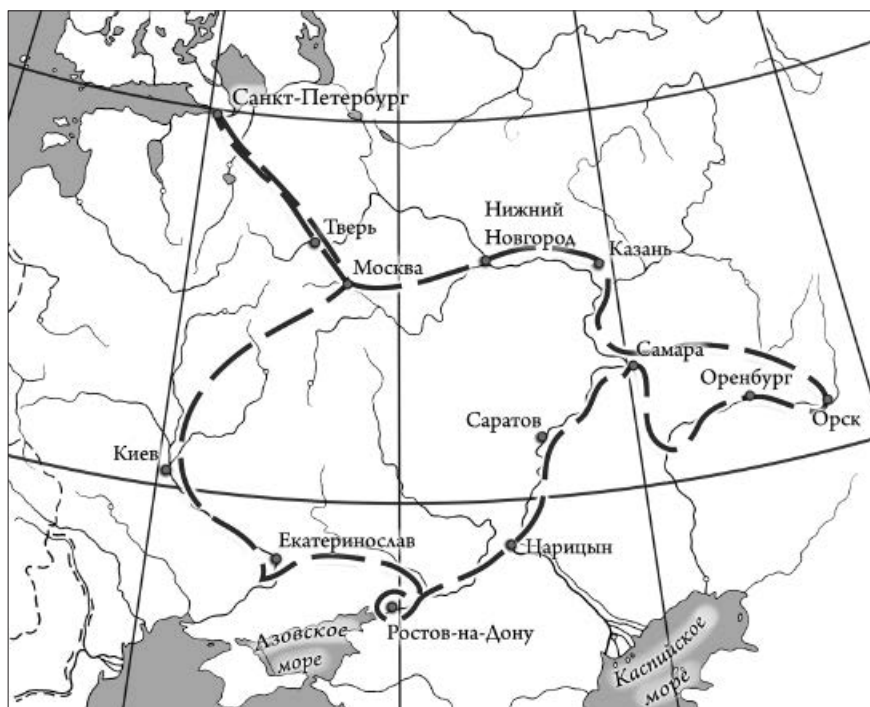

Рис. 22. Схема движения экспедиции Христофора Эйлера

14 октября 1769 года Х. Эйлер в Царицыне встретился с Иоганном Антоном Гильденштедтом (1745–1781), который также совершал академическую научную экспедицию. Христофор Эйлер приехал из Орска на Яике. «Эта встреча очень обрадовала меня, и мы вместе пообедали у здешнего коменданта».¹

Путешественник отправился дальше в Черкассы, Азов, Таганрог, Кременчуг, Запорожскую Сечь, Самару и Киев. Материалы, которые Эйлер присылал в Петербург, оказались чрезвычайно ценными. От него Географический департамент получил карты устья Дона и Днепра.² И всё же Эйлер неоднократно просил отозвать его обратно, пока (вероятно, в начале 1771 года) П.Б. Иноходцев не прибыл ему на смену.³

Христофор Эйлер был последним из швейцарцев, покинувших экспедиции Академии, которые продолжались ещё до 1774 года. Они закончились после насильственной смерти Ловица, который попал в руки мятежников Пугачёва и был жестоко убит ими. Несмотря на трагическое завершение экспедиций, их результаты заслуживают высокой оценки. Кунсткамера получила огромные природно-исторические коллекции, отчёты исследователей-путешественников получили колоссальный резонанс и представили учёному миру новую картину огромной Российской империи от Кавказа до Сибири.

¹ *Güldenstädt, Johann Anton: Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russischen Kayserlichen Academie der Wissenschaften hg. von P.S. Pallas. SPb. 1787. S. 121.*

² Протоколы, т. II. С. 762 и далее.

³ Там же. С. 766.

11. ЖИЗНЬ ШВЕЙЦАРСКИХ УЧЁНЫХ В ПЕТЕРБУРГЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Два богатых фонда источников позволяют нам дать подробное описание жизни иностранных учёных в Санкт-Петербурге в конце XVIII века. Во-первых, речь идёт о переписке Иоганна Альбрехта Эйлера с его дядей Иоганном Генрихом Самуэлем Формеем, жившим в Берлине. Эту переписку 1766–1790 годов составляют около 1000 писем. Эйлер дополнял свои письма выдержками из дневника.¹ Карл Густав Якоб Якоби в середине XIX века получил возможность ознакомиться с этой перепиской и дал несколько ужасающих комментариев, судя по которому, он видел в И.А. Эйлере «крайне далёкого от всякой работы и тонущего в вихре развлечений, но очень доброжелательного и набожного учёного».² Эйлер действительно посвящает своей научной работе лишь несколько строк и значительно больше пишет о своих гостях и визитах к высокопоставленным особам и коллегам. Тому есть множество различных объяснений: либо он мало занимался научной деятельностью, либо эта работа не имела для него большого значения, может быть, она представлялась ему слишком будничной и неинтересной для его партнёра по переписке, который ведь тоже был секретарём Академии. Он писал Формею только о том, что, по его мнению, могло представлять для того интерес. Это отчётливо проявляется в его описании посещения императрицей Екатериной брата Христофора в Сестрорецке. После изложения всевозможных подробностей Эйлер пишет: «Посмотрите мой дневник, который покажется Вам слишком скудным по сравнению с предыдущим».³

Значительно более глубокими по содержанию являются письма Николая Фусса отцу 1773–1811 годов. Автору было очень важно как можно лучше познать отца с петербургской жизнью. Поэтому его переписка в большей степени, чем переписка Эйлера, отвечает нашим интересам. Извиняясь за недостаточно подробный материал, он задумывался об информативности своих посланий:

«С чего начать, на чём остановиться? Насколько ограничивают узкие рамки письма? А насколько сама природа писания? Какой убогий образ возникает на холодной бумаге вместо самого горячего сердечного излияния? Связное повествование в разговорном тоне обладает интересом и жизнью, изложение в письме становится неинтересным и мёртвым. [...] Короче, как бы сильно я ни благословлял память избретателя почты, всё же я каждый раз чувствую, как несовершенно самое подробное письмо заменяет устную беседу [...]».⁴

Его опасения оказались необоснованными. Но с перепиской Фусса всё же есть одна загвоздка: оригиналы его писем не сохранились. В издательстве Бернулли (Bernoulli-Edition) хранится копия одного письма из Лейпцига. Её аутентичность, по моему мнению, не вызывает никаких сомнений. Только первая часть письма с описанием путешествия находится сегодня в Государственном архиве Базеля.

¹ SBVPK, NF. Отсутствуют целые года, например, время кончины Леонарда Эйлера (1782–1784).

² Briefwechsel. S. 24 f.: Jacobi an P.Fuss, Berlin 24.10.1847.

³ SBVPK, NF, SPb. 8./19.7.1785.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 142. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.10./9.11.1779.

Жизнь обоих базельских учёных в Петербурге была столь же разной, как и содержание их писем. Несмотря на то, что их связывали родственные узы, что некоторое время они жили в одном доме, имели одинаковую специальность и занимали одну должность, они вели совершенно непохожий образ жизни. Давайте начнём с общего для них — жилища.

11.1. Жилищные условия в Петербурге

Когда семейство Эйлеров в 1766 году возвратилось в Петербург, столица империи насчитывала более 150 000 жителей. В 1789 году население города составило уже 218 000 человек.¹ Его средний класс в значительной степени состоял из иностранцев, которые в целом составляли одну седьмую часть населения. Один из центров колонии иностранцев находился, как и Академия наук, на Васильевском острове. Там же проживали члены Академии. Обратимся сначала к жилищным условиям.

После пожара 1771 года семья Эйлеров построила себе новый каменный дом. При доме был сад, в котором И.А. Эйлер проводил почти каждый вечер, а отец почти ежедневно навещал его там.² Фусс описывает этот дом, в котором он поселился вскоре после приезда в Петербург:

«Дом большой, красиво построенный и [расположен] на берегу Невы, на которой постоянно можно видеть суда; по главному фасаду внизу 20 и наверху 18 окон, а также 2 балкона, задний фасад имеет 40 окон; из этого можно сделать вывод о размерах дома, который [выглядит] тем внушительней, что простенки намного шире, чем окна. Двор, конюшня и каретный сарай рассчитаны на 3 экипажа, потому что у каждого сына есть свой».³

Итак, Леонард Эйлер, его сын Иоганн Альбрехт с семьёй и помощник Николай Фусс жили в одном доме. Хозяйка дома, правда, сначала противилась и не хотела брать в дом постороннего человека, ссылаясь на недостаток кроватей после пожара. Но симпатичный молодой базелец покорил её сердце.⁴

Рабочее время Фусс проводил со «старым профессором», отношения с которым у него не были близкими. Зато он поддерживал тёплые отношения с его сыновьями и проводил с ними свободное время. Но одна из дочерей Иоганна Альбрехта привлекла его особое внимание. К маю 1774 года относится его фраза: «девушки г. проф. — три грации, средняя станет чудом».⁵ И не только, позднее — как мы уже знаем — она даже стала его женой.

Когда в 1777 году Леонард Эйлер огласил своё завещание, вокруг отцовского дома между детьми разгорелся ожесточённый конфликт.⁶ Иоганн Альб-

¹ Stieda, J.A. Euler nach H. Storch, Gemälde von St.Petersburg. SPb, 1793. S. 107.

² SBVPK, NF, SPb. 6./17.6.1774.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 32 f. Brief von N. Fuss an seinen Vater u. Mutter, SPb. 25.6.1773. Сегодня о знаменитом жилище напоминает мемориальная доска на перестроенном доме.

⁴ Там же. S. 45. Brief von N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12./23.11.1773.

⁵ Там же. S. 50. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.4./6.5.1774.

⁶ Хотя об этом мы знаем только по свидетельству Иоганна Альбрехта Эйлера, представляется, что он был поставлен в довольно невыгодное положение. Отец предоставил своему старшему сыну только четверть дома, а остальные комнаты держал свободными на случай приезда остальных детей.

рехт сделал свои выводы и отдалился от братьев и сестёр. «Сейчас я создаю со своими, если исключить моего отца, отдельную семью, и мне кажется, что я уже не связан с остальными».¹ Эти проблемы вновь возникли после смерти отца. Братья и сёстры настаивали на продаже дома. Эйлер поясняет, что его сестре Катарине Белл по русским законам ничего бы не полагалось, так как она была достаточно хорошо обеспечена. Но последней волей отца было равное распределение наследства между всеми детьми — «кто захотел бы воспротивиться последней воле такого отца, каким был наш?». Итак, Белл получила свою долю, что, однако, не помешало ей и её супругу не выполнить ту часть распоряжения, которая обязывала детей ежегодно выплачивать вдове 200 рублей: «Он всегда отказывался делать это, пользуясь самыми немислимыми ухищрениями адвокатов с самой дурной репутацией, чтобы не выплачивать своей доли: когда я вспоминаю об этом, то всегда прихожу в ярость, так что у меня слов не хватает».² Поскольку Иоганн Альбрехт не имел средств на выкуп всего дома, то его пришлось уступить одному торговцу за 15 500 рублей.³ В результате между детьми Эйлера сложились столь напряжённые отношения, что для улаживания своих дел им пришлось пригласить нотариуса. После подписания в 1785 году договоров деньги были поделены, причём каждому досталось по 3100 р.⁴

Для Иоганна Альбрехта Эйлера и его семьи решение остальных детей означало необходимость выезда из дома отца и поиска новой квартиры. Они нашли квартиру из семи комнат за 800 рублей, что было невероятно дорого.⁵ Уже очень скоро Карл и Христофор пожалели о том, что продали отцовский дом. Карл не смог найти квартиру, и ему пришлось снимать комнату в доме отца за 400 рублей. А раньше он платил 325 рублей.⁶ Николай Фусс тоже был вынужден искать себе новое пристанище, после того как сначала он поселился в квартире скончавшегося учителя:

«Я снял квартиру покойного господина Эйлера, чтобы иметь удовольствие быть рядом с теми, кого люблю больше всех. Я работаю в той же комнате, в которой работал в течение 11 лет, у меня всё ещё есть две соседние комнаты; три другие я сдал вдове, то есть прежнюю мою комнату, комнату, в которой жили Вы, и комнату между ними; столовая — общая, так же как и стол для прислуги».⁷

«Я живу и столуюсь ещё у вдовы, разумеется, с оплатой ежемесячного пансиона, которую мне с большим трудом удалось навязать ей. Мне будет тяжело покинуть этот дом, где я провёл 10 таких счастливых лет. Но он выставлен на продажу; г. проф. Эйлер купил себе маленький дом, и если получится, я перееду к нему, что, однако, вряд ли может произойти раньше будущего лета».⁸

Иоганн Альбрехт справедливо претендовал на часть щедрых средств, выделенных императрицей на новый дом. Он воздерживался от выдвижения своих требований до тех пор, пока его братья и сёстры не пожаловались на мнимые привилегии их старшего брата. См.: SBBPK, NF, SPb. 20.9./1.10.1776; SPb. 7./18.10.1776; SPb. 7./18.10.1776; SPb. 9./20.5.1777.

¹ SBBPK, NF, SPb. 9./20.5.1777.

² SBBPK, NF, SPb. 12./23.3.1787.

³ SBBPK, NF, SPb. 27.12.1784/7.1.1785.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 28.2./11.3.1785.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 10./21.1.1785.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 28.2./11.3.1785.

⁷ UBBS, Ms: L Ia 692, 245: Brief von N. Fuss an Johann Bernoulli, SPb. 11.6.1784.

⁸ BEBS, Ordner Fuss. S. 181. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.1.1784.

В течение нескольких месяцев Фусс ещё надеялся, что решение о продаже дома может быть изменено. Но ему всё же пришлось съехать¹, что коренным образом изменило его материальное положение. В марте 1785 года он въехал в новую квартиру, которую описал родителям:

«У нас достаточно оснований быть довольными нашей новой квартирой. Она отделена от квартиры родителей жены только нашими дворами и поперечной улицей. [...]»² За всё (5 комнат) вместе с ледником, тёплым подвалом, участком, каретным двором, комнатой для прислуги я плачу 233 рубля в год, из которых мой свояк даёт 33 [рубля] за свою комнату».³

Но дело не ограничилось одним-единственным переездом. Обе семьи обрели покой только после переезда в дом Академии на 7-й линии прямо на берегу Невы. Эйлеры смогли сделать это в 1788 году:

«Советник канцелярии Ушаков, который жил в квартире экс-директора Домашнева на углу нашей линии со стороны Невы, скончался, и госпожа княгиня Дашкова передала эту квартиру мне в обмен на 200 рублей, которые я получал в год на мою квартиру. Так как своим хозяевам я платил 325 рублей, то я выиграл 125 рублей в дополнение к прекрасному виду на Неву и некоторым другим приятным мелочам: этажом выше живёт проф. Крафт, а ниже — секретарь академической канцелярии».⁴

Уже в 1787 году Фусс снова переезжает. Он пишет о разных причинах, побудивших его к этому: его квартира была слишком маленькой, требовала ремонта и была не очень удобно расположена. С детства привыкший к красивому виду из окон, после переезда из дома Эйлера он был вынужден любоваться грязным двором с деревянными сараями, а с другой стороны — руинами сгоревшего дома. Теперь же он вернулся на любимую Неву, на угол 8-й линии. Из окон кабинета он мог видеть всю реку до её впадения в Финский залив. Помимо отличного расположения, у квартиры было ещё одно достоинство — хорошие соседи: над ним жила вдова генерала, рядом — Якоб Бернулли. Родители жены и Академия тоже находились поблизости.⁵ В 1796 году Фусс снова сменил квартиру, потому что хозяин собирался уже в третий раз повысить плату за прежнюю.⁶

Собственный дом Фусс не хотел или не мог купить, не влезая в долги. Своему отцу он писал:

«С покупкой дома дела у меня обстоят так же, как у Вас. Мне, видимо, не суждено обладать недвижимой собственностью. Мне часто предлагали дома и деньги для их оплаты на очень дешёвых условиях, но, верный своему принципу никогда ни у кого не быть должником, я всё отказывался. Сейчас, когда я мог бы купить дом по старой цене, дома возросли в цене вдвое и обременение стало больше».⁷

Когда Фусс в 1799 году опять переехал на новую квартиру, на этот раз в Сухопутном кадетском корпусе, совсем рядом с местом работы, он думал, что

¹ Там же. S. 188, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.12.1784.

² Пропуск в копии.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 189 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.3.1785.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 12./23.9.1788.

⁵ BEBS, Ordner Fuss. S. 204. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.3.1787.

⁶ На этот раз в квартиру за 200 рублей в деревянном доме его коллеги Озерецковского на 2-й линии, между Средним и Малым проспектами. BEBS, Ordner Fuss. S. 246 f., N. Fuss an seine Eltern, SPb. 21.11.1796 und S. 248, SPb. 3./14.4.1797.

⁷ Там же. S. 252. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.10.1797.

Рис. 23. Академический дом на набережной Невы, в котором с 1802 года жил Н.Фусс

теперь уж на долгие годы. Но ему опять пришлось искать жильё, и опять по финансовым соображениям. Фусс искал и нашёл удобную квартиру без всякой роскоши в хорошем состоянии.¹ Но долгих лет жизни на новом уютном месте не получилось. В 1802 году Академия предоставила ему квартиру его покойного тестя. И Фусс вовремя переехал, потому что следующее наводнение затопило его прежнее жилище. Новое место обитания было очень приятным, удобным и просторным.² В 1806 году был проведён капитальный ремонт:

«Моя старая, теперь полностью отремонтированная квартира сделана с очень большим вкусом, почти роскошно. У меня 8 больших, с высокими потолками и красиво расписанных комнат с новыми полами, дверьми, окнами, латунной фурнитурой, собственным участком земли, ледником, тёплым подвалом, кладовой, каретным двором, сараем для сена, конюшней, балконом на Неву. Короче, квартира, которую, если бы мне пришлось её снимать, я не получил бы и за 2000 рублей. По крайней мере, я знаю квартиры за такую цену, которые с моей и сравнить нельзя. При этом ещё 56 сажень дров в год, на которые также можно положить ещё почти 300 рублей».³

В России жизнь в соответствии с занимаемым положением предполагала, конечно, наличие дачи, на которой можно было проводить тёплые летние месяцы.

¹ Там же. С. 265. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7.1.1800.

² Там же. С. 275. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.6.1802; С. 276, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.9.1802.

³ Там же. С. 304 f. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 1./13.10.1807.

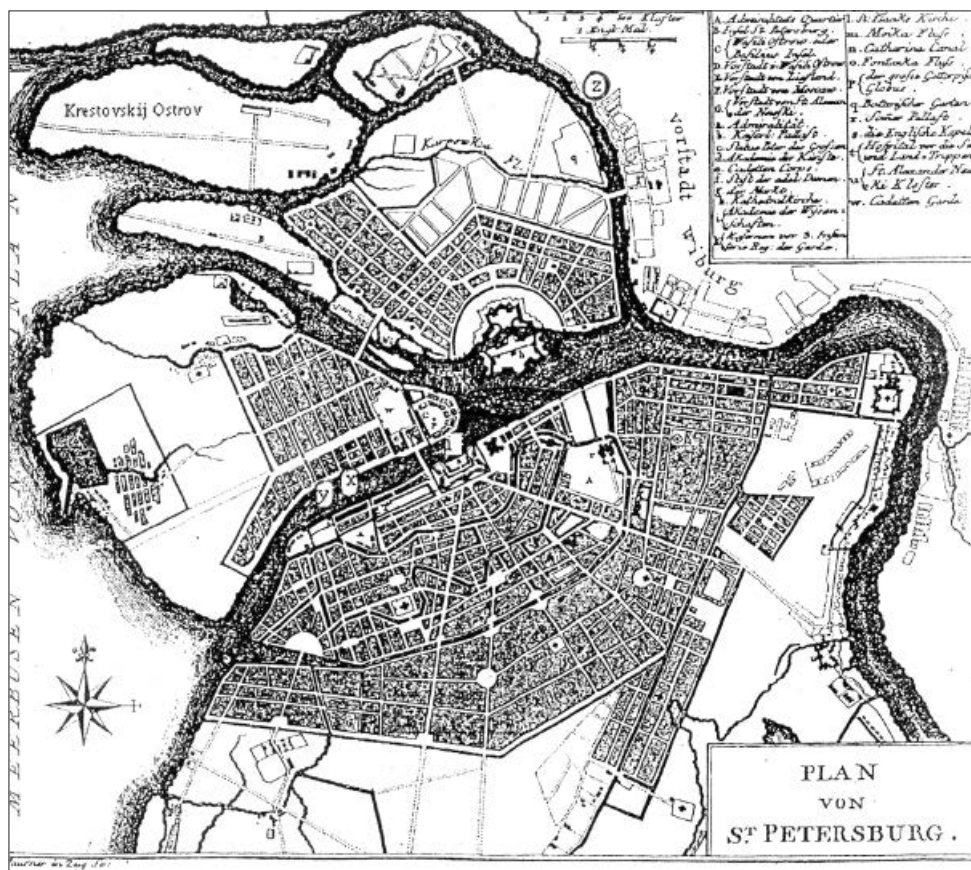

Рис. 24. Карта Санкт-Петербурга конца XVIII века
 (с отметками местоположения: x — академического дома, где жил Н. Фусс;
 y — дома Л. Эйлера; z — дачи, которую снимал И.А. Эйлер)

В 1785 году фрау Эйлер нашла загородный дом на Выборгской стороне, в 4 километрах от города.¹ Этот дом принадлежал Александро-Невской лавре. Эйлеру он достался благодаря хорошим отношениям с митрополитом, его коллегой по Академии, который разрешил ему пользоваться домом как своим собственным. Единственным условием было денежное вознаграждение слугам.² В 1789 году Фусс пишет о том, как вместе с женой и ребёнком ездил на лето в деревню. Вместе с Якобом Бернулли и его супругой они за 10 рублей в месяц сняли маленький домик в одном из самых приятных пригородов Петербурга, всего в 40 минутах езды от городской квартиры.³ Жизнь там омрачила трагическая смерть Якоба Бернулли.⁴ В 1792 году Фусс снова снял дачу:

¹ SBVPK, NF, SPb. 20.6.1785.

² SBVPK, NF, SPb. 2.8.1785.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 210, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1.6.1789.

⁴ Описание и впечатления Фусса см.: Там же. S. 214 f., N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./ 12.3.1790. См. Введение.

«Я снова провёл прекрасное время года в деревне, а именно на Крестовском острове, одном из самых больших островов, который Нева образует здесь, в устье. На этом острове стоит деревня, в которой живут финны, или собственно ижоры, и где уже не первое лето проводят многие из моих знакомых, по большей части учёные, из-за чего шутники называют это место академическим островом или также латинской колонией. Здесь по соседству с профессорами Крафтом и Шубертом я снял удобный крестьянский дом из 3 комнат за 15 рублей, и вернулся в город только в прошлую субботу. На другом берегу, напротив острова, дачи снимали мои свояки, пастор Коллинс и лейтенант Эйлер, со своими семьями, так что не было недостатка в близких друзьях для усиления удовольствия от радостей природы».¹

По-видимому, и в последующие годы Фусс почти всегда проводил лето в деревне, но начиная с 1797 года это случалось всё реже. Виной тому было преподавание в Кадетском корпусе, где занятия не прекращались и летом. Тем не менее он снимал домик на Крестовском острове, чтобы по крайней мере по выходным и праздничным дням наслаждаться сельским воздухом и купанием.²

«И этим летом мои дела не позволили мне уехать в деревню, о чём я не очень сожалею, отчасти потому что у меня за домом есть очень милый сад, где я на свежем воздухе могу выкурить свою трубочку, а молодёжь порезвиться, отчасти потому что погода стояла неблагоприятная. [...] Тем временем помогаем себе, чем можем, отказываемся от того, что непосильно кошельку, и чувствуем недостаток того, что не можем иметь. Это полезное упражнение в философском отношении к лишениям и уповании на Бога помогают идти по жизни, даже в трудные времена».³

Это замечание наводит нас на вопрос о зарплатке. Как конкретно обстояло дело с материальным положением профессоров Академии?

11.2. Финансовое положение

Финансовое положение членов Академии было далеко не блестящим. Ещё Шлёцер в 1760-е годы жаловался, что на 300 рублей в Петербурге не может прожить ни один честный человек. После внесения изменений в устав в 1770 году 20 профессорских мест обеспечивались жалованием в размере от 800 до 1500 рублей, 20 адъюнктов получали от 400 до 700 рублей.⁴ Когда Эйлер по поручению Академии обратился с запросом к Формею, не знает ли он подходящего минералога, тот ответил, что кандидат, по-видимому, должен быть ещё ребёнком, так как он получит всего 1000 рублей. Если он потом женится на одной из его дочерей, пошутит на это Эйлер, то получит повышение.⁵ Но ему было не до шуток, ведь 1000 рублей было недостаточно, чтобы заманить хорошего специалиста в Петербург. Его нужно было обманывать и говорить, что этого жалования хватает на жизнь. Так, И.Г. Циммерман отказался от приглашения, после того как в Брауншвейге ему значительно повысили жалование.⁶ Поэтому академики были вынуждены подрабатывать, главным образом, преподаванием. Иоганн Альбрехт Эйлер несколько

---

¹ Там же. С. 224. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.8.1792.

² Там же. С. 250. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.4.1797.

³ Там же. С. 266. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12.7.1800.

⁴ *Stieda*, J.A. Euler. S. 36 f.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 3.2.1786.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 31.3./11.4.1786.

лет работал директором по надзору за учебной работой в Сухопутном кадетском корпусе, в этом же учебном заведении профессорами математики были Николай Фусс и Якоб Бернулли.¹ Очень выгодной оказалась работа у Крафта, который обучал физику детей великого князя и получал за это 1000 рублей.²

Небольшой дополнительный доход Эйлер получал за счёт того, что с 1767 года регулярно предоставлял пансион и давал уроки молодым русским дворянам.³ Очевидно, за этим стоял директор Академии Орлов, который поставлял ему пансионеров. В 1770 году Эйлеры опекали двух пансионеров: графа Головина (тринадцати лет) и Матюшкина (четырнадцати лет), от родителей которых они получали 240 рублей за стол, квартиру, дрова и т. д. и дополнительно 120 рублей на учителей.⁴ Среди пансионеров были такие именитые отпрыски благородных семейств, как граф Мусин-Пушкин, Апраксин, Муравьёв[-Апостол] и Зиновьев.⁵ В 1776 году Эйлер упоминает большую нагрузку для его жены, которой надо было растить восьмерых собственных детей: «Они, наверное, будут последними пансионерами, которыми мы нагружаем себя. Я сейчас слишком занят, а у моей жены хватает хлопот с нашими собственными детьми, чтобы брать на себя ещё заботу о других».⁶ Но, по всей видимости, они не могли отказаться от этого источника доходов, хотя Эйлер и был не в восторге от «сверхурочных» жены.⁷

Русские дворяне хотели, чтобы их сыновья получили западноевропейское образование. Вероятно, дом Эйлеров пользовался превосходной репутацией, о чём свидетельствуют следующие эпизоды. В начале 1777 года явился генерал М.А. Муравьёв, который настоятельно просил Эйлеров принять на пансион своего единственного сына. Он был готов подписаться под любыми условиями, и в конце концов фрау Эйлер сдалась.⁸ Граф Брюс хотел отдать на воспитание Эйлерам племянника, но из-за недостатка места ему пришлось отказать. Когда Эйлер предложил графу разные альтернативные варианты, Брюс отмахнулся и сказал, что если Эйлеры не могут воспитывать его племянника, то он оставит его при себе.⁹

Воспитанникам было непросто приспособиться к новому миру. Эйлер получил портрет своего дяди Формея и повесил его в квартире. Пансионер Зиновьев, восьмилетний сын канцлера, который как раз молился перед иконой святого Дмитрия, спросил Эйлера, не собирается ли он тоже молиться перед портретом Формея. Эйлер послал мальчика к русской служанке, чтобы та объяснила ему разницу между иконой с ликом святого и портретом.¹⁰

Родители пансионеров постоянно одаривали Эйлеров, например, свежими устрицами¹¹ или мебелью, которой те, правда, не могли найти применения.¹²

¹ Stieda, J.A. Euler. S. 37.

² SBBPK, NF, SPb. 8./19.1.1790.

³ SBBPK, NF, SPb. 14./23.10.1767.

⁴ SBBPK, NF, Euler an Formey, SPb. 6.7.1770.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 15./26.7.1774; SBBPK, NF, SPb. 3.2.1775.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 17./28.6.1776.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 3./14.2.1775.

⁸ SBBPK, NF, SPb. 13./24.3.1777.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 10./21.7.1780.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 19.2./2.3.1773.

¹¹ SBBPK, NF, SPb. 12./23.3.1773.

¹² SBBPK, NF, SPb. 3./14.2.1775. Стоимость подарка Зиновьева Эйлер оценил примерно в 80 рублей.

Особенно растрогал Эйлеров молодой Зиновьев, который написал им благодарственное письмо и подарил золотую шкатулку и золотые часы.¹

В 1785 году Эйлеру повысили жалование на 200 рублей, и оно составило 1700 рублей.² Тем не менее для него оказалась чувствительной потеря «все-го лишь» 100 рублей, когда выяснялось, что он получил фальшивую банкноту, которая была конфискована. «Если вспомнить о больших незапланированных расходах в этом году и сильном росте цен на продукты, то оказывается, что эти сто рублей пришлось бы очень кстати».³ Но к своим финансовым проблемам он относился скорее легко. В 1788 году он писал Формею, что дела у него идут блестяще, «мне не хватает только бочонка дукатов из Голландии».⁴

Около 1785 года доходы И.А. Эйлера выглядели следующим образом:

Профессор Академии	1000 р.
Секретарь	300 р.
Кадетский корпус	782.50 р.
Пенсия от императрицы	200 р.
Доплата на жильё	200 р.
Пансионеры	480 р.
Всего	2962.50 р.

Расходы в целом, по свидетельству самого Эйлера, составляли минимум 1800 рублей в год. Но квартира в течение нескольких лет обходилась в 800, а с 1788 года всего только в 200 рублей. Сколько денег тратилось на питание, мы не можем установить. Как мы увидим в главе, посвящённой образу жизни и привычкам, на него, по всей вероятности, могли уходить огромные суммы. Якоб Бернулли ежегодно тратил на еду 150 рублей, что, вероятно, было немного. Если предположить, что эта сумма примерно соответствует затратам на питание одного человека, то для 15 персон расходы только на питание составят 2250 рублей. Эта сумма, конечно, завышена, но по моим расчётам расходы на питание составляли более 1000 рублей в год. Ещё надо было покупать одежду. Нам известно лишь то, что мундир Эйлера обошёлся в 55 рублей.⁵ Имея восьмерых детей, Эйлеры наверняка ежегодно тратили на одежду несколько сотен рублей. Один наём экипажа (380 р.) или приданое для дочерей могли сразу привести к превышению бюджета.

Домашние учителя его детей стоили Эйлеру 300 рублей в год. Правда, пансионеры оплачивали часть этих расходов. Когда удавалось, Эйлер сам обучал своих детей математике.⁶ Галопирующий рост цен заметно ухудшал финансовое положение. В 1789 году Эйлер заметил в связи с войнами, которые были причиной такой ситуации: «Ещё пара побед, и мы умрём с голода».⁷ Формею он послал список прежних и текущих цен, из которого видно, что

¹ SBBPK, NF, SPb. 4./15.12.1780.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 190, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.3.1785.

³ SBBPK, NF, SPb. 25.12.1786.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 4./15.7.1788.

⁵ Ещё три года назад он стоил 40 рублей. SBBPK, NF, SPb. 4./15.8.1788.

⁶ В 1773 г. он упоминает, что три раза в неделю давал уроки алгебры обоим пансионерам и сыну Гансу. SBBPK, NF, SPb. 25.6./6.7.1773.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 20.11.1789.

цены на основные продукты питания за последние годы выросли более чем в два раза.¹

Не дёшево обошлись Эйлеру юбилейные торжества в Академии в 1776 году: за 380 рублей он купил парадный экипаж и более чем на 100 рублей новой одежды.² Транспортные средства тоже были немаловажной статьёй расходов. Когда однажды лошади Эйлера заболели, и он был вынужден пользоваться наёмными экипажами, то он практически перестал выезжать.³ Он упоминает, что купил дров на 47 рублей, которыми может отапливать квартиру в течение восьми месяцев. Следует прибавить ещё расходы на прислугу, о которых мы ничего не знаем. Фуссу в его более скромном хозяйстве прислуга обходилась более чем в 100 рублей в год.

Эйлер завидовал врачам: в этом городе они получают очень много подарков. «У меня есть желание сделаться врачом».⁴ Но зато у врачей не было гарантированной пенсии, как у государственных чиновников. Заболев, Карл Эйлер столкнулся с большими трудностями, потому что он лишился всех источников дохода.

На фоне всего этого уже не кажется удивительным, что после смерти Эйлера остались невыполненные долговые обязательства. Он довольно быстро обнаружил, что вынужден влезать в долги. По этой причине он сначала отложил, а потом и совсем отказался от своего плана послать старшего сына в Базель.⁵ Президент Академии Г.Л. Николаи сообщил в Берлин книготорговцу Фридриху Николаи о долгах Эйлера:

«Я подхожу к пункту Ваших требований к г. проф. Эйлеру. Г. Бакунин, бывший директор Академии наук, признался мне, что этот г. проф. имеет на своей шее множество подобных претензий, что он [Бакунин] щадит его из-за его имени и что он собственно не является ему судьёй, дело следует направить Вашим властям. Но поскольку несколько дней назад Е.И.В. повелели назначить меня президентом именно этой Академии, то теперь я могу принять большее участие в Вашем деле, и так как, без сомнения, речь идёт о книгах, выписанных для Академии и за которые г. Уриану деньги уже выплачены, то у меня в руках наверно есть средства принуждения, чтобы помочь Вам в Вашем деле. На будущей неделе я приступлю к исполнению своих обязанностей в Академии и сделаю его одной из первых моих забот».⁶

Николаи действительно попытался после вступления в должность взыскать деньги по счетам за книги для своего корреспондента:

«Дражайший друг,

одним из первых дел в моей новой должности президента я положил поговорить с г. коллежским советником Эйлером по поводу Ваших претензий. Мой первый вопрос к нему был, предназначались ли книги Академии или ему лично? Он признался мне, что это один из его старых грехов, который уже давно беспокоит его. При этом он описал мне своё положение, столь жалкое при малых доходах и большой семье, что я не смог не пообещать ему попросить Вас об ещё одной небольшой отсрочке,

¹ SBVPK, NF, SPb. 8./19.1.1790. Более подробные сведения об инфляции даны ниже у Фусса.

² SBVPK, NF, SPb. 4./15.11.1776.

³ SBVPK, NF, SPb. 9.11.1781. Немец Буссе подсчитал, что ежегодные расходы на экипаж составляют порядка 1000 рублей. *Müller-Dietz, Gelehrte*. S. 155.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 4./15.2.1780.

⁵ BEBS, Ordner D. Bernoulli mit J. A. Euler, No. 19: JE an DB, SPb. 20.5.1774.

⁶ *Ischreyt, Nicolai*. S. 444, L.H. Nicolay an F. Nicolai, SPb. 14. Apr. 1798.

после которой я буду настаивать на том, чтобы Вам оплатили счета, по крайней мере, по частям».¹

Но об этом не могло быть и речи, потому что долгов у Эйлера было выше головы. Зато ни в чём не повинному зятю пришлось выплачивать их после смерти должника:

«Без сомнения Вы уже наверняка знаете из газет, что мы потеряли нашего секретаря Академии г. статского советника и кавалера Эйлера. Как часто я ни напоминал ему о Вашей претензии и как искренне он ни признавал её, но этому доброму человеку надо было оплачивать так много неотложных долгов, что очередь до Ваших ещё не дошла. Но так как сейчас, после его кончины, я выделил вдове полное годовое жалование, то я обязал зятя и преемника покойного, г. Фусса, оплатить Ваше долговое требование, что он обещал сделать с единственной просьбой, что вся сумма будет взыскана не сразу сейчас и не за один раз. Я взял на себя [ответственность] предоставить ему годичный срок и пообещал принять деньги такими частями, какие ему удобны».²

Но оставшиеся долги намного превышали возможности вдовы и её зятя. Наследники не могли удовлетворить долговых претензий кредиторов:

«С неохотой я прилагаю здесь письмо г. статского советника Фусса. К сожалению, лишь спустя продолжительное время после смерти Эйлера выяснилось плохое состояние оставшегося после его кончины имущества. Алгебру покойный, должно быть, понимал, а вот учебник арифметики Адама Ризена — нет, и он, по-видимому, не осознавал, что из 2 нельзя вычесть 5. Сейчас истиной является то, что местные кредиторы согласились на предложенное снижение долгов».³

Фридрих Николаи проявил себя с великодушной стороны:

«Я прилагаю письмо для г. проф. Фусса. Он трогательно описал мне затруднительность положения, в котором находится вдова покойного надворного советника Эйлера. Поскольку я очень далёк от того, чтобы желать усугубления затруднительного положения этой достойной женщины, то я сообщаю ему, что дарю вдове все долговые обязательства».⁴

И другие друзья семьи проявили сострадание к вдове. Член Академии Георги оставил ей по завещанию 1000 рублей, которые она получила после его кончины в 1803 году.⁵ Она получила пенсию 500 рублей. Если бы её супруг дожил до принятия нового регламента, то на её долю пришлась бы сумма в 1350 рублей. Однако президент и Конференция пошли ей навстречу и по доброй воле назначили ей дополнительную пенсию 500 рублей.⁶

Фусс был абсолютным антиподом своего тестя. Он контролировал свой бюджет и постоянно следил за тем, чтобы жить по средствам. Он начинал с нуля, получая в доме Эйлера стол и кров, а от отца из Базеля — материальную поддержку. Это было ему не по душе, и он старался, чтобы его траты были оправданными, прежде всего, из-за невероятно высокой стоимости предметов повседневного

¹ Там же. S. 446, L.H. Nicolay an F. Nicolai, SPb, 24.Jun./5.Jul. 1798.

² Там же. S. 456, L.H. Nicolay an F. Nicolai, SPb. 31.Aug./12.Sept. 1800.

³ Там же. S. 460, L.H. Nicolay an F. Nicolai, SPb. 3./15. Jan. 1801.

⁴ Там же. S. 462, F. Nicolai an L.H. Nicolay, Berlin 28.Feb. 1801.

⁵ BEBS, Ordner Fuss. S. 281. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 31.3./12.4.1803.

⁶ Там же. S. 286. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 28.12.1803. Она умерла в 1805 г.

спроса.¹ Только траты на табак были неоправданными, так как курение было его единственным пороком. А так он покупал разве что книги.

«На моей совести нет ничего, кроме табака, отчаянного табака, который здесь действительно немного дороговат, а я так люблю курить хороший и забываю театры, кафе, прогулки и весь шар земной, если только я могу курить и читать».²

Чтобы больше не быть в тягость отцу, Фусс страстно желал получить постоянную работу в Академии. Тем досаднее была для него задержка с его назначением адъюнктом. Но он сохранял уверенность и не позволил сбить себя с намеченного пути, хотя он получал выгодные предложения, а искушение стать домашним учителем было велико.

«Вы пишете мне, г. проф. Бернулли удивляется, что для меня ещё не представилось то, что должно представиться, для меня было бы легко получить место гувернёра за 300 или 400 рублей в год; совсем недавно мне бы это ничего, кроме прошения, не стоило, потому что у г. проф. Эйлера о подходящем кандидате на место гувернёра осведомлялся из Москвы князь Долгорукий; брат князя сам был здесь; этот случай доставил мне много волнений и причинил бы ещё больше, если бы я не имел заверения г. проф. Эйлера, что в ближайшее время я должен стать адъюнктом в Академии. [...] Лишь сегодня я получаю новую надежду вскоре получить прочное положение; при таких прекрасных перспективах я считаю место гувернёра счастьем средней руки, потому что оно длится всего несколько лет и имеет много неприятных сторон».³

Фусс чётко расставил приоритеты: для холостяка на первом месте стояла научная деятельность. Он давал очень мало частных уроков, «так как моё время мне слишком дорого, чтобы растрчивать его из-за денег».⁴ Одно время он обучал побочного сына императрицы. Но когда его ученик перестал проявлять интерес к занятиям, Фусс отказался от этого доходного места и стал давать уроки племяннику австрийского посланника.⁵ Фусс полагал, что учёный редко может достичь богатства, и менее всего в Петербурге.⁶ Вскоре после избрания профессором Фусс получил заманчивое предложение от графини Шуваловой, а именно переехать к ней в дом в качестве воспитателя её старшего сына. По уже известным причинам он отказался.⁷ Он также отказался от места инспектора Горного кадетского корпуса, которое принесло бы ему 600 рублей.

«Хотя я и не боюсь работы и годовое жалование в 200 рублей очень привлекательное дело, но было бы неблагодарным поступком по отношению к Академии, если бы я взял на себя ещё больше [работы] и пренебрёг бы своими обязанностями и приобретённой репутацией».⁸

Но после создания семьи для Фусса на первый план вышло её обеспечение. Теперь он уже не отказался от места в Кадетском корпусе с жалованием 600 рублей. Мы знаем, что надежды Фусса подвергались испытаниям, но в конце концов сбы-

¹ Там же. С. 39. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 26.10./2.11.1773.

² Там же. С. 69. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 14./25.4.1775.

³ Там же. С. 43 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 26.10./2.11.1773.

⁴ Там же. С. 122. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2./13.2.1778.

⁵ Там же. С. 164. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1782; Там же. С. 167. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.11.1782.

⁶ Там же. С. 165. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1782.

⁷ Там же. С. 172 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.2.1783.

⁸ Там же. С. 192. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 13.5.1785.

лись. Его приняли в Академию на место адъюнкта, позднее он получил должность профессора. Но вместе с доходами росли и расходы (особенно на квартиру):

«Но эти 200 рублей мне возместили, потому что княгиня Дашкова была так мило- стива, что назначила мне с 1 марта академическое жалование в 1000 рублей, так что по сумме жалования в Корпусе и оплаты за еженедельные 3 урока, которые я даю одному молодому русскому, всего я буду получать более 1800 рублей. Сейчас я стараюсь обхо- диться по возможности малым, так как я не могу уверенно рассчитывать на место в Кор- пусе, из-за некоторых неприятностей, которые там испытываю, и я останусь там, пока не надоест или не появится что-то лучшее, на что у меня есть разные перспективы. Тем временем я стараюсь жить на моё академическое жалование, как самое надёжное, что из-за здешнего образа жизни и дороговизны некоторых потребностей совсем не просто, как могли бы подумать в Базеле, где на 500 рублей я мог бы жить лучше, чем здесь на 1000, или по крайней мере так же хорошо. Обустройство моего хозяйства и связанные с переездом траты обошлись мне более чем в 200 рублей. Я думаю, что в Базеле я за по- ловину цены получил бы лучшую посуду. Моему слуге я даю 3 рубля в месяц, питание и одежду, кухарке — 3 рубля, чай и сахар, и всё это ещё дёшево, из чего можно заключить, что деньги здесь можно легко заработать, но так же легко снова оказаться без них».¹

Дохода в 1800 рублей, по свидетельству Эйлера, должно было хватать, тем более что у Фусса ещё не было восьмерых детей, как у Эйлера.² Фусс был совер- шенно доволен своим положением:

«Моему нынешнему положению можно позавидовать, и всё, чего я желаю от судь- бы, чтобы оно так осталось навсегда. У меня есть желание и способность работать, бо- лее чем достаточный доход, хорошая, хозяйственная жена, здоровый, красивый ребё- нок, уважение моих начальников, дружба моих коллег, короче — всё, что может сделать счастливым не очень требовательного человека, и больше, чем я заслуживаю. [...] Раз мне повезло так долго работать в Кадетском корпусе и сейчас, кроме того, ещё немного зарабатывать уроками, то, несмотря на мои большие расходы и здешнюю дороговизну (моя прислуга обходится мне без питания и одежды более чем в 100 р. в год, квартира 200, дрова 60, etc.), я могу ежегодно откладывать на чёрный день».³

Его родители, очевидно, жаловались на дороговизну в Базеле, но Фусс уве- рял их, что в Петербурге цены растут ещё быстрее. За 14 лет его пребывания там, по его словам, большинство цен выросло в два-четыре раза.

«И можно утверждать, что со времён Петра Великого в среднем жизнь в Петер- бурге стала в 6 раз дороже. Несмотря на это, жалования остались прежними, по край- ней мере в Академии; и я не прожил бы на своё академическое жалование, потому что при всей возможной экономии мне в год нужно примерно 1300 р., если я не хочу отказаться от всех удовольствий в жизни».⁴

На 1 июня 1789 года жалование Фусса было повышено на 150 рублей, в ре- зультате он стал получать в общей сложности 1750 рублей. Но это вряд ли могло компенсировать подорожание, вызванное войнами в Молдавии и в Финляндии.⁵ Из-за Французской революции возросла инфляция,

¹ Там же. S. 189 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.3.1785.

² SBVPK, NF, SPb. 28.2./11.3.1785.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 195. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.10.1785.

⁴ Там же. S. 204. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.3.1787. Одновременно он перечисляет цены на товары повседневного спроса.

⁵ Там же. S. 210. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1.6.1789.

«которая теперь из-за запрета на французские товары и из-за всё ещё падающего курса обмена ещё усиливается. Так, анкер (40 бутылок) португальского или испанского красного вина, которое я обычно покупал за 7 р., сейчас стоит 13 р. Аршин английского полотна вместо 5 р. сейчас стоит 8 р. Даже местные товары всё ещё растут в цене; пуд свечей, за который обычно платили 2 р., стоит теперь 5¹/₂ р. Сажень березовых дров вместо 1 р. — 2¹/₂ р. и т. д. Всё это происходит оттого, что наш рубль, который до войны стоил 42-43 голландских стювера, теперь приравнивается к 23 стюверам. Из этого ясно, что 8 лет назад при 1400 р. дохода моё положение было лучше, чем сейчас при 2200 р., и что я при всех ограничениях не могу откладывать столько, сколько надеялся».¹

Фусс сравнивает материальные перспективы математика и врача и приходит к тому же выводу, что и Эйлер: математика была мало доходным делом, в то время как большие затраты на медицинское образование его брата определённо того стоили:

«[...] зато он выбрал профессию, с которой умелый человек может в избытке зарабатывать хлеб и почёт во всех странах бесконечно легче, чем математикой, с которой я, например, в Базеле и тысяче других больших и маленьких городов не смогу заработать на похлёбку. За исключением пары академий, где математики ещё с грехом пополам вознаграждаются, где ещё на всём белом свете были перспективы у мастера измерений, даже если бы он был Эйлером или Ньютоном? В то время как умелый врач везде найдёт хлеб, и именно здесь в изобилии, если случай, или связи, или известность предоставят ему возможность проявить себя. Начало, однако, как повсюду и во всех делах, трудно. Приезжий, не имеющий влиятельных рекомендаций, может надеяться только на место губернского или дивизионного врача, первые получают 300 р. жалования, а вторые — 800 р., а дальше всё зависит от того, живёт ли в городе или окружающей местности, где он должен обосноваться, щедрое дворянство или купечество, которые потом, когда он сначала выучит язык и заслужит доверие, щедро вознаграждают его труды. Также богатые знатные люди, живущие в своих имениях, имеют обыкновение держать домашних врачей и платить им 600, 800, и даже 1000 р. плюс бесплатное проживание; такие места у частных лиц не сулят будущего и служат только для выжидания, на них остаются, пока не найдут чего получше, заведя знакомства».²

После принятия в 1803 году нового регламента Академии Фусс избавился от материальных забот. Как член Академии с двадцатилетним стажем он получил 2700 рублей и дополнительно 500 рублей за свою работу в качестве конференц-секретаря. Ему полагалась и щедрая пенсия: после 25 лет работы за ним сохранялось полное жалование. После смерти Фусса его вдова получала, помимо однократной выплаты годового жалования, половину зарплаты.³ Фусс детально расписывает свои доходы. Он стал высокооплачиваемым человеком:

«На вопрос, как высоки мои доходы сейчас в целом, я отвечаю охотно и открыто с помощью следующего перечня моих заработков:

как старый академик с 20-летним стажем получаю жалование	2700 р.
как непрременный секретарь Академии	500 р.
" " " Эконом. общества	300 р.
" член главного правления училищ	2000 р.

¹ Там же. S. 228. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.10.1793.

² Там же. S. 244 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18./29.11.1796.

³ Там же. S. 284. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 22.9.1803.

кроме того, у меня есть пожизненная пенсия	600 р.
” бесплатная квартира, которую я причисляю ниже	600 р.
Проценты с сэкономленного капитала 8000 р.	400 р.
	7100 р

Значит, если к доходам я причислю деньги, сэкономленные на найме квартиры, то мой годовой доход составляет 7100 рублей, то есть при настоящем курсе рубля, равном 70 солям, соответствует 24850 ливрам.

С пенсией [...] дело повернулось следующим образом: в своём предыдущем письме я сообщал, что в шляхетском Сухопутном кадетском корпусе я подал письменное прошение об отставке. Это было 1 октября. [...] 28-го адъютант Корпуса принёс мне копию приказа по Корпусу от его главнокомандующего, Великого Князя Константина Павловича, следующего содержания, которое я дословно перевожу с русского: камергер Новосильцов уведомил меня, что Его Императорское Величество, вследствие представленных 1-м Кадетским корпусом бумаг советника и академика Фусса, для поощрения его восемнадцатилетних трудов по преподаванию математических наук в указанном Корпусе, всемилостивейше повелели приказать выплачивать ему пожизненную пенсию в шестьсот рублей из государственной казны, помимо жалования, которое он получает от других своих мест, о чем уже 23 октября высочайший приказ был направлен министру финансов графу Васильеву. Вследствие этого я приказываю известить об этой высочайшей императорской милости статского советника Фусса и, согласно его желанию, освободить его от его обязанностей в Корпусе. Санкт-Петербург. 28 окт. 1803. Константин Цесаревич».¹

Но повышение цен немилосердно подтачивало заработки государственных чиновников. Немецкий историк Иоганн Бернгардт Буссе писал в то время, что он тратит в год 5000 рублей — несмотря на ограничение расходов.² Постоянно растущие доходы Фусса тоже с трудом могли угнаться за инфляцией. В 1808 году война между Россией и Швецией снова вызвала повышение цен. «Остаётся ещё только выдать приданое одной дочери, и кошелёк будет пуст».³

В 1810 году Фусс снова жалуется на инфляцию. Ещё худшим, чем повышение цен на такие продукты роскоши, как кофе и вино, Фусс считал подорожание также сильно возросших в цене основных продуктов питания.⁴ Причиной этого была война: «Всё наше серебро и золото идёт в армии в Болгарии и Грузии, а наши бумажные деньги упали на $\frac{1}{3}$ по сравнению с прежней ценностью, и в результате произошло общее подорожание».⁵

Но, как уже было указано, Фусс умел превращать свои труды в звонкую монету. В высоких инстанциях заслуги неперемennого секретаря не остались незамеченными. В 1819 году президент Академии сообщил Собранию, что император по представлению министра назначил действительному статскому советнику Фуссу «в качестве вознаграждения за его отличные, добросовестные, многолетние и полезные заслуги и многочисленные работы», помимо получаемого им жалования, пожизненную пенсию в 2500 рублей в год из государственной казны.⁶ В результате Фусс стал, вероятно, единственным членом Академии, которому не приходилось жаловаться на недостаточный заработок. При доходе более

¹ Там же. С. 285 f. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 28.12.1803.

² Müller-Dietz, Gelehrte. S. 155.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 308. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 7.4.1808.

⁴ Там же. С. 315. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 10./22.3.1810.

⁵ Там же. С. 317. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 31.10.1810.

⁶ СПФАРАН, ф.1, оп.2 (1819), д.9, § 92.

10 000 рублей в год его материальное положение было несравненно лучше, чем у всех его коллег.¹

После кончины Фусса, прослужившего в Академии пятьдесят лет, пришлось урегулировать вопрос с пенсией для вдовы. При жаловании Фусса в Академии 3200 рублей его вдове, Альбертине Фусс-Эйлер, причитались бы ежегодная пенсия в 1600 рублей и единовременная выплата 3200 рублей. Но президент Академии и министр народного просвещения выступили за более высокую пенсию и направили ходатайство о выплате из бюджета Академии дополнительно 1000 рублей на несовершеннолетнего сына Николая и незамужнюю дочь Доротею и ещё 1825 рублей из государственной казны. Это ходатайство было удовлетворено царём в марте 1826 года.²

11.3. Домашнее хозяйство и общественная жизнь в Петербурге

Швейцарец Иоганн Генрих Деникер, который в 1817–1827 годах жил в Петербурге и работал учителем, возвращаясь в швейцарской колонии. Его записки позволяют получить представление о том, на что в Петербурге можно было быстро потратить деньги:

«Здесь образ жизни очень отличается от образа жизни в Германии, [здесь] очень хорошо едят и пьют, люди много зарабатывают, но обычно всё тратится; кто здесь живёт в соответствии со своим положением, считался бы в Германии мотом, потому что здесь царит роскошь высшей степени. [...] здесь одежда ужасно дорогая, потому что за материал только на сюртук, фрак и брюки я плачу 250 рублей, из этого Вы можете сделать вывод, что тому, кто здесь ничего не зарабатывает, приходится туго».³

Каким же был этот соответствующий занимаемому положению образ жизни, который в Германии — и уж тем более в Швейцарии — считали расточительным?

Иоганна Альбрехта Эйлера можно считать образцовым примером. Не имея достаточных средств, он перенял стиль жизни петербургского высшего общества, общение с которым любил и поддерживал. На комментарий Якоби к дневнику И.А. Эйлера отвечает П. Фусс:

«Я восхищаюсь терпением, которое Вы проявляете, читая дневник моего деда; в смутных воспоминаниях моего раннего детства я храню образ милого весёлого старика; таким он был. Беззаботный жизнелюб — он искал в общении удовольствие, проживал больше, чем имел, и оставил в наследство своим детям, особенно моему бедному отцу, заботу разбирательства с кредиторами».⁴

Особенно примечательным в России для западноевропейцев был открытый стол: все знакомые без приглашения могли сесть за накрытый стол, и всех кормили. Экономный Николай Фусс считал этот обычай обременительным:

«Я, которому в 1785 году хватило 1200 р., теперь не так хорошо живу на 1700, хотя приглашённые гости бывают у меня не более одного или двух раз в год, но я

¹ К тому же квартира, стоимость которой составляла, по данным Фусса, около 2000 рублей.

² СПФАРАН, ф.5, оп.1 (1825), д.207.

³ *Rübel-Blass*, Tagebuch. Bd. III. S. 777: Brief von J.H.Däniker aus SPb. vom 25.7./6.8.1818 an M.Däniker, Zürich.

⁴ Briefwechsel. S. 45: P.Fuss an Jacobi, 9./21.1.1848.

вынужден мириться с тем, что по здешнему обычаю близкие знакомые иной раз без церемоний садятся с нами за стол».¹

Иначе дело обстояло с Иоганном Альбрехтом Эйлером, который с радостью перенял этот обычай. Здесь надо заметить, что поначалу Иоганн Альбрехт с большим трудом приспособлялся к жизни в Петербурге. Он с тоской вспоминал о жизни в Берлине и не испытывал никакого восторга от Петербурга. Но со временем он адаптировался, стал встречаться с друзьями и прежде всего с родственниками в обществе, которое, по берлинскому обычаю, регулярно собиралось у него или у его брата Карла. Пили кофе, играли и затем ужинали.² Всякий раз Эйлер записывает в дневнике, сколько человек сидело у него за столом. Нередко собиралось более 20 персон, а однажды даже 30!³ Обычно стол накрывали на 15 человек.⁴ Случалось, что без приглашения приходили сразу восемь гостей.⁵ Зато члены семьи редко все вместе садились за стол. В 1779 году в «нормальный состав» входили 7 детей, практически удочеренная София Ловиц,⁶ оба пансионера, Олсуфьев и Зиновьев, профессор Гильденштедт, Эйлер и его жена. Часто к ним присоединялись и учителя детей.⁷ На обед подавали пять блюд, на ужин — три или четыре:

«Постояльцы, которые часто бывают у нас, нам совершенно не мешают. У нас раз и навсегда заведён порядок: стол каждый день накрывают на пятнадцать персон, пять блюд на обед и три или четыре на ужин. Кроме того, ни моя жена, ни я не любим есть вне дома, и мы бы ничего не выиграли оттого, если бы захотели делать это чаще, чем делаем. И в этом случае за стол садились бы постояльцы, которых должна была бы принимать моя старшая дочь».⁸

Ничего не менялось и в тех случаях, когда Эйлер и его жена сами уходили в гости: визитёры являлись всё равно, и их принимала и угощала старшая дочь.⁹ Эйлер действительно каждый день мог ожидать появления незваных гостей: «Звонят к обеду, я должен переодеться; поскольку у меня никогда нет уверенности в том, что никто не пришёл в гости, то я не могу показаться в домашнем платье».¹⁰ Помимо знакомых, к Эйлеру приходили также многочисленные приезжие земляки, швейцарцы или немцы. Как правило, они приходили в дом Эйлера, считавшийся местом важных встреч, с рекомендательными письмами от берлинских или базельских коллег.¹¹ Гостеприимство Эйлера не ограничивалось угощением знакомых. Он давал гостям кров в своём доме и усыновлял осиротевших детей своих коллег. В начале 1767 года И.А. Эйлер вызвали к постели умирающего члена Академии Лемана, который представил ему своих детей и поручил

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 220. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.2.1791.

² SBVPK, NF, SPb. 7.2.1767.

³ SBVPK, NF, SPb. 12.4.1785; SPb. 16.2.1786; SPb. 20.3./3.4.1789.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 2.5.1786.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 13./24.3.1777.

⁶ Дочь погибшего академика и учёного-путешественника.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 8./19.11.1779.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 2./13.6.1775.

⁹ SBVPK, NF, SPb. 18./29.10.1771.

¹⁰ SBVPK, NF, SPb. 13.1.1775.

¹¹ Так, например, он помог офицеру по имени Фришкнехт, служившему в Пруссии в чине капитана, получить должность лейтенанта в русской армии. Эйлер писал, что тот очень беден и стал часто приходить обедать, после того как ему предложили столоваться. SBVPK, NF, SPb. 23.6./4.7.1769.

урегулирование своих дел. Двух сирот Лемана взял к себе Карл Эйлер. Когда 28 марта 1767 года умер пастор Дильтей, И.А. Эйлер был назначен опекуном его сына, и он позаботился о воспитании этого ребёнка.¹ Неоднократно Эйлеры принимали к себе осиротевших детей из семей друзей, например, в 1779 году, когда семилетнюю Софию Ловиц, дочь погибшего профессора Ловица, бросила мать. Домашнев хотел устроить её в монастырь, но Эйлеры приняли в ней участие и заботились о ней, пока её старший брат не смог взять эти заботы на себя.²

Эйлер опекал и других питомцев. В 1780 году у них жил мальчик по имени Вальдгрэн. Впоследствии граф Чернышёв устроил его в Морской кадетский корпус.³ В 1787 году Эйлеры опекали двух наполовину осиротевших учащихся Кадетского корпуса. Их матери были родом из Пруссии, а умершие отцы — русскими майорами. У вдов было очень мало средств, и они посылали Эйлерам немного денег.⁴ Кроме того, Эйлеры взяли на себя заботу о маленьком сыне скончавшегося статского советника Мюллера из Москвы.⁵ Эйлеры хлопотали о приёме этого ребёнка в Кадетский корпус. Хотя по жеребьёвке он не прошёл, граф Ангальт по просьбе Эйлеров всё-таки устроил его в Корпус на дополнительное место.⁶

Особенно тёплые отношения связывали Эйлера с академиком Иоганном Антоном Гильденштедтом. После возвращения из экспедиции он жил по соседству с Эйлерами и относился к числу постоянных гостей.⁷ Холостяки охотно пользовались открытым столом и могли таким образом жить, не тратя много денег.⁸ Когда в результате наводнения 1777 года Гильденштедт всё потерял и едва спасся сам, забравшись на крышу дома, он нашёл пристанище у Эйлеров. Семейство освободило две комнаты, чтобы разместить друга.⁹ Зато врач Гильденштедт всегда был поблизости, чтобы заботливо ухаживать за Эйлером, когда у того случался сильный приступ лихорадки.¹⁰ Больше всего серьёзный учёный любил играть с детьми Эйлеров и учить их. Когда Гильденштедт почувствовал приближение кончины, он захотел ещё раз увидеть их всех.¹¹ В 1781 году Эйлер стал управляющим его наследством и вынужден был заниматься долгами и кредитами покойного друга. В мае Эйлера избрали президентом немецкой библиотеки, основанной Гильденштедтом.¹² Тем самым на него легла ответственность за

¹ SBBPK, NF, SPb. 20.4.1767.

² Софи не была удочерена в юридическом смысле. Но Эйлеры считали её своим родным ребёнком и воспитали её. SBBPK, NF, SPb. 4./15.12.1780. Позднее она вышла замуж за эмиссара Академии Ярига (Jähriг), который много лет прожил у монгольских народов. SBBPK, NF, SPb. 28.3.1790 и SPb. 28./19.11.1779. В 1780 году они взяли Софи Ловиц к себе, так как её брат уехал в Гёттинген и не знал, вернётся ли обратно. Он составил в пользу сестры завещание, где указал её единственной наследницей. SBBPK, NF, SPb. 20./31.10.1780.

³ SBBPK, NF, SPb. 4./15.12.1780. В 1788 году он погиб в морском сражении. SBBPK, NF, SPb. 18./29.7.1788.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 7./18.12.1787.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 31.12.1787/11.1.1788.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 4./15.7.1788; No.1067, 16./27.5.1788.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 3./14.4.1775. См.: *Güldenstädt, Johann Anton. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*. Hg. von P.S. Pallas. SPb. 1877.

⁸ См. о Горнере в главе о научных экспедициях.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 15./26.9.1777.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 20./31.3.1780.

¹¹ SBBPK, NF, SPb. 30.3./10.4.1781.

¹² SBBPK, NF, SPb. 28.5.1781.

приобретение новых немецких изданий, а также за распределение книг между 60 членами, которые ежегодно платили взносы по 10 рублей.¹

Эйлер часто бывал в гостях у аптекаря Иоганна Георга Моделя (1711–1775), корреспондента Академии. Так, Эйлер записал в дневнике: «19-го мая вместе с женой и братом, врачом, я был у господина Моделя, где мы пообедали как обычно, то есть весело».² После смерти этого друга Эйлер был также назначен управляющим наследством. На улаживание дел ему потребовалось три недели.³ При этом у него не было никакой уверенности в том, что его труды будут вознаграждены. Он полностью зависел от доброй воли наследников.⁴ Те выразили свою благодарность, подарив Эйлеру поднос и соусник, которые он оценил примерно в 200 рублей.⁵

Очень хорошие отношения сложились у Эйлера также с Георги, который в 1774 году, вернувшись из Сибири, жил у Эйлеров. Эйлер считал его самым интересным и искренним человеком из всех знакомых в Петербурге. Эйлер хотел помочь ему получить место химика в Академии. Позднее их отношения несколько охладели, потому что в 1789 году Эйлер упоминает, что не перекинулся с Георги ни единым словом, когда тот у них обедал. «Но всё это не отталкивает его, пока ему дают поесть».⁶ В 1781 году Георги переехал на новую квартиру в доме Академии, в котором находилась и химическая лаборатория. На новоселье он пригласил гостей на угощение, так называемое *Caffé-coëffé* (берлинцы знают, что это такое), с шоколадом, чаем, пуншем, миндальным тортом и шампанским.⁷ Очевидно, Георги связывали очень хорошие отношения с фрау Эйлер. И в этом случае мне не совсем ясно, как следует понимать фразу супруга, что Георги нашёл себе место при фрау Эйлер. Утешал ли он её, когда супруг бывал у княгини? Фрау Эйлер давала холостяку советы по обустройству квартиры, а позже он не забыл её в своём завещании.⁸

Сердечный приём был оказан Якобу Бернулли, который с сентября 1786 года питался за семейным столом Эйлеров и платил за это 150 рублей.⁹ Всё это свидетельствует о том, что такие постоянные гости, как Гильденштедт, Георги и другие проживавшие в доме Эйлеров лица, платили за питание паушально. Но несмотря на замечание Эйлера, 150 рублей, вероятно, более чем покрывали реальные затраты на питание.

Перечисление гостей из Германии и Швейцарии, которые стучались в дверь к Эйлерам с рекомендательными письмами, было бы слишком долгим.¹⁰ В первую очередь речь здесь идёт об эмигрантах, которые отправились в Россию на поиски счастья в качестве домашних учителей. Эйлер был для них важным контактным лицом, особенно когда работал в Кадетском корпусе, так как хорошо знал, кому в данный момент требуется домашний учитель. Но сам Эйлер не при-

¹ SBVPK, NF, SPb. 14./25.5.1781.

² SBVPK, NF, SPb. 31.3.1770.

³ SBVPK, NF, SPb. 28.4./9.5.1775.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 2./13.6.1775.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 8./19.1.1776.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 23.3./3.4.1789.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 2./13.2.1781.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 19./30.5.1786.

⁹ SBVPK, NF, SPb. 25.9./6.10.1786. См. раздел о Бернулли.

¹⁰ Сам Эйлер, как правило, даже не записывал эти визиты в дневник.

лагал активных усилий в деле привлечения иностранцев в Россию. Он считал, что перспективы там не слишком блестящие, и не хотел давать необоснованных обещаний.¹ Особенно щекотливым делом было, по всей видимости, посредничество в приглашении гувернёров, так как при неудовольствии нанимателей прислугой, равно как и гувернёров своим местом, виноватым всегда оказывался посредник. По этой причине Эйлер воздержался от рекомендации гувернантки своему близкому другу Домашневу.²

Авантюристы и мошенники также находили дорогу на 7-ю линию. К этой категории относится профессор Лекс из Ивердона. Швейцарский подполковник Перре привёл к Эйлеру бывшего иезуита и профессора в Страсбурге. Тот поведал Эйлеру о своих планах открыть пансион в Лозанне, в котором собирался принимать 24 молодых людей из России за 600 рублей в год.³ Фусс назвал Лекса мечтателем: «...реализовать план обучения 24 молодых русских, которых он брался сделать людьми за ежегодную плату 12000 рублей. Этот сумасбродный план, конечно, не прошёл».⁴ Зато он получил место в гарнизонном училище в Азове.

«Отныне он считает себя директором академии наук и искусств Екатеринослава (так он называет гарнизонное училище), преподавателем философского класса этого заведения в чине майора, обладателем рыцарского поместья (потому что ему, как и всякому, кто этого потребует, подарили 3000 моргенов пустынных земель на Днепре) и, помимо всего этого, священником в будущей реформатской общине колонистов».⁵

Лекс говорил, что вернётся в Швейцарию за виноделами и рабочими, которых он хотел вместе со своей семьёй привезти в Азов.⁶ Через год он действительно вернулся в Россию со свояком и кузеном с целью создания в Екатеринославле «академии». При этом у него там не было ни дома, ни жильцов, как отметил Эйлер.⁷ В 1787 году он вновь упоминает о Лексе как профессоре в Кадетском корпусе «и затем директоре академии в Екатеринославле, которой, как и многих других учреждений, никогда не существовало, разве только в фантазиях».⁸

Все 25 знаменитых врачей, приглашённых Циммерманом в Россию, по очереди нанесли визит Эйлеру.⁹ А он потешался над надворным советником Мейером, который «придавал значение внешности больше, чем женщина» и вез в своём багаже 14 париков известнейшего парижского парикмахера.¹⁰

Дом Николая Фусса не был таким открытым, как дом его тестя. В 1801 году его неожиданно посетил друг молодости из Базеля, Луи фон Бренфельс, который мог многое поведать Фуссу о Базеле, что называется, из первых рук, и часто

¹ SBBPK, NF, SPb. 2.5.1786.

² SBBPK, NF, SPb. 9./20.5.1777.

³ SBBPK, NF, SPb. 30.4./11.5.1779.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 140. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 5./16.7.1779.

⁵ Там же.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 6./17.6.1779.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 9./20.6.1780 und 3./14.7.1780.

⁸ SBBPK, NF, SPb. 23.11./4.12.1787.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 4.8.1786; Гюкенберг посетил его в 1788 году. Там же. 10./21.10.1788. О Циммермане Эйлер даёт язвительный комментарий. Он нашёл одно письмо Екатерине «просто безумным». Циммерман писал в нём о прикосновениях к груди, о том, что он хочет обнять её и завидует фавориту. SBBPK, NF, SPb. 4./15.8.1786.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 26.3./6.4.1787. Он умер в 1787 году, будучи первым врачом Тавриды (Крыма).

заходил к нему. «Какой праздник для меня!»¹ Базельский картограф и книгопечатник Вильгельм Хаас нанес в Петербурге визит Фуссу, когда в 1788 году сопровождал одного дворянина из прибалтийских немцев в поездке из Кольмара на эстонское побережье, в Йеве. Он провёл три весёлые недели в Петербурге.² В своих воспоминаниях Хаас, к сожалению, не касается подробностей.

Ещё один академический швейцарец, Иоганн Каспар Горнер, проживал после возвращения из кругосветного плавания в 20 шагах от Фусса в доме, принадлежавшем Академии. Он наверняка частенько бывал в гостях, потому что знал семью Фуссов. После возвращения Горнера в Швейцарию они поддерживали спорадическую переписку, которая велась в дружеском и участливом тоне. Фусс называл своего цюрихского знакомого «дражайший друг, земляк и коллега». Возможно, эта симпатия была несколько односторонней, потому что Фусс в своих письмах подчёркивал большое значение их дружбы и хотел больше знать о личных делах Горнера. Но сам Горнер во время пребывания в Петербурге не упоминает Фусса в числе близких друзей и не сделал его исключением, критикуя членов Академии, которые, по его словам, все были слишком поверхностными и манерными.

Земляки неоднократно обращались к Фуссу за помощью, когда дело касалось получения места, будь то учителя, офицера или гувернёра. Вместе с Горнером он оказал поддержку дочерям скончавшегося Якоба Фриса, который по инициативе Фусса в 1788 году был избран членом-корреспондентом Академии.³

Фусс помогал не только приезжим соотечественникам, но и своим русским родственникам. Бывшему юстиц-бургомистру Фойгту из Нарвы, женившемуся на Элизабет Эйлер, он выхлопотал место профессора в Казани, как и его свояку барону фон Делену. Но фон Делен не смог получить отставку с поста коменданта Пярну.⁴ Сына Карла Эйлера, Леонарда, Фусс пристроил смотрителем по экономии во вновь основанном Царскосельском лицее.⁵

Стиль жизни Эйлера, вероятно, отличался от среднего, типичного для иностранцев в Петербурге, и соответствовал образу жизни не самых знатных русских дворян. В более высоких кругах жизнь была намного роскошнее. Эйлер упоминает майора Дерибаса, у которого всегда в изобилии имелись шампанское, бургундское и английское пиво. По свидетельству Эйлера, Дерибас тратил на хозяйство порядка 6000 рублей в год.⁶ Но и Эйлеры не экономили, когда надо было ублажить высокопоставленных гостей. Они много раз приглашали в качестве повара капитана Гаррига, чтобы тот готовил деликатесы французской или швейцарской кухни.⁷ Эйлер описывает меню одного званого обеда, на котором присутствовали княгиня Дашкова, Георги, Бернулли, Фусс и его жена:

«Всё прошло хорошо, и все были довольны: за столом были 20 персон, а четверо самых младших за маленьким столом. Поскольку Ваша супруга последний раз пожелала посмотреть карту блюд моей жены — вот она. Перед обедом ратавия и пер-

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 270. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.6.1801.

² *Burckhardt*, *Erinnerungen*. S. 174 f.

³ SBВПК, NF, SPb. 17./28.10.1788; См.: *Mumenthaler*, *Armut*. S. 199 f.; о поддержке см.: ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 31.10.1810; SPb, 28.10.1814 и также SPb, 12.5.1816.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 309. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 28.7.1808.

⁵ Там же. S. 318, N. Fuss an seinen Vater, SPb. 8./20.9.1811.

⁶ SBВПК, NF, SPb. 5./16.7.1776.

⁷ SBВПК, NF, SPb. 31.7.1779.

сико¹, с белым хлебом и швейцарским сыром² и копченая колбаса; на сам обед икра с поджаренным хлебом, хороший суп с фрикадельками и лапшой, заливное отварное мясо, шпинат с ветчиной, копченый язык, соленый лосось и колбасы. Большой пирог с дичью, рагу из голубей, шпигованная коноплянка, жареная телятина, с салатами, оливками и рейнским вином, хороший кагор, английское пиво и бишоф. И наконец, на десерт торт, сладкая вышечка, засахаренные апельсины, яблоки из Борсдорфа, ещё масло и сыр с тонкими винами с Мадеры и Кипра».³

Но речь шла, конечно, о необычном обеде. Княгине Дашковой, если она приходила в гости, хотелось предложить что-нибудь особенное. Так и в июле 1788 года:

«В понедельник 31 июля: после обеда в Академию, в архив, где я узнал, что княгиня Дашкова известила, что на следующий день, 1 августа, посетит канцелярию, а затем придёт ко мне на обед, я сразу возвращаюсь домой, чтобы предупредить жену, которая после этого вместе со мной была на таможне, чтобы купить деликатесов на 4 рубля, а у садовника Дуросси — дыни, вишню и персики на 6 рублей. Затем мы пили чай у фрау Амай, я писал записки пекарю и кондитеру. 1 августа в 2 часа действитель-но пришла наша любезная княгиня в сопровождении одного надворного советника и двух племянников [...]. Этот обед, не считая вин, которые имеются в нашем подвале, и обычных блюд, стоил больше 20 рублей. Княгиня ела с хорошим аппетитом и была очень довольна: она пригласила мою жену на послезавтра к себе на обед в загородный дом, и приглашение было принято».⁴

В остальном мы очень мало знаем о том, как питался Эйлер (он упоминает каждый раз только устрицы), зато знаем, что он пил. На таких званных обедах подавалось немалое количество алкогольных напитков: ликёр, бутылка красного вина, кувшин портвейна, два кувшина пива, бокал малаги или мадеры. Эйлер, по всей видимости, действительно был гурманом, потому что после одного званого обеда у графа Строганова (чьё имя тождественно слову «гурман») он сморщил нос: «всё было слишком на парижский манер: ликёра не было, английского пива тоже, а дичь наполовину обуглилась».⁵

Заграничные деликатесы Эйлеру доставляли морским путём из Франции.⁶ И хотя ему приходилось платить таможенную пошлину почти 100 рублей, вино ему обходилось в менее двух третей той цены, которую взял бы с него местный торговец. Кроме того, бургундский «Muscat Lunelle» был превосходен, не ударял ему в голову, а сон после него был чудесен. Чтобы несколько поправить своё материальное положение, Эйлер продавал часть получаемого вина и оливкового масла. Таким образом, виноторговля стала побочным занятием академика.

«Что Вас удивит, мой глубокоуважаемый дядя, и о чём я Вам ещё не писал, состоит в том, что я каждый год получаю так много разнообразной провизии из Монпелье, что потом продаю избыток. Таким образом я пью своё вино за полцены. В этом году я получил на 400 рублей, а продал на 300 рублей, и у меня ещё осталось на 100 рублей 800 бутылок обычного вина, не считая вина “Люнель”, 40 бутылок которого я заказал, масла из Прованса и конфитюров, каперсов, артишоков и т. д. Обычно у меня в день

¹ Два сорта ликёров, которые они покупали у аптекаря и винокура Штауденмейера в Петергофе.

² Швейцарский сыр он покупал у швейцарских торговцев.

³ SBVPK, NF, SPb. 26.1./6.2.1787.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 4./15.8.1788.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 31.3./11.4.1780.

⁶ «6-го [июля] пришёл корабль, который каждый год привозит мне мою провизию — вино, масло, конфитюр и т. д. из Монпелье». SBVPK, NF, SPb. 20.8.1770.

выпивают 2–3 бутылки вина, и если бы я должен был платить за каждую 25 су, то дела мои были бы неважные».¹

За пределами города Эйлеры покупали для себя ликёр, который им требовался, в зависимости от числа гостей, в количестве 2–3 мер в месяц по 120 копеек.² В Петербурге Эйлеру не пришлось отказаться от южных фруктов: садовник Кадетского корпуса выращивал виноград, а каждую осень Эйлеры получали из Астрахани от члена-корреспондента Академии К.Л. Габлица ящик хорошо законсервированного винограда.³

В дневнике Эйлера визитам, которые он наносил сам, посвящено записей не меньше, чем гостям. Почти через день он посещал большие приёмы, обеды у знакомых или у брата Карла.⁴ В апреле 1768 года он пишет, что каждую субботу в Кадетском корпусе проводится собрание с угощением и танцами.⁵

Граф Орлов пригласил Эйлера в Гатчину. Он выслал собственный экипаж за Эйлером, который радостно отправился в путь, захватив немного закусок и бутылку вина. Чтобы скоротать время в дороге (поездка длилась пять с половиной часов), он читал «Дон Кихота». Эйлеру очень понравилось в Гатчине, а еда была превосходной.⁶

У графа Чернышёва собиралось блестящее общество, там Эйлер общался с генералами и графами. Он писал: «Мне были очень рады, а это то, что получаешь, когда заставляешь высокородных господ приглашать себя три или четыре раза, прежде чем принять приглашение».⁷

Начальник Кадетского корпуса, генерал Пурпур, приглашал Эйлера отобедать с ним всякий раз, когда тот бывал там по делам. В 1779 году Пурпур сетовал на то, что Эйлер слишком редко обедает у него. Но Эйлер вёл дневник и возразил, что, с тех пор как стал директором по надзору, обедал у него уже 279 раз.⁸ В январе 1781 года он сделал запись о 432 обеде у генерала.⁹

«Я не знаю более регламентированного стола, чем у него, он накрывается на 16 мест, помимо тридцати, которые занимают те кадеты, чья очередь наступила. Начинают с рюмочки данцигского ликёра и кусочка сыра: потом все отправляются за стол, к столу всегда подают восемь перемен, не больше и не меньше. У каждого стоит свой графин отличного красного вина из Медока на 4–5 бокалов: затем подают большой кувшин портвейна для всех и два поменьше с английским пивом. Наконец, на десерт, который состоит из свежего масла и большого пармезанского сыра, выпивают по бокалу тонкого вина, малагу или мадеру. Кадеты пьют только чистую воду».¹⁰

Штида задаётся вопросом, полезен ли такой образ жизни учёному. Здоровье Эйлера несколько раз было в критическом состоянии, эти болезни сам Эйлер объяснял климатом. Он собирался после исполнения 75 лет отказаться от гастро-

---

¹ SBVPK, NF, SPb. 18./29.10.1771.

² SBVPK, NF, SPb. 12./23.12.1788.

³ SBVPK, NF, SPb. 14./25.11.1777; SPb. 6./17.11.1780.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 20.4.1767.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 16./27.4.1768.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 4./15.8.1777.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 3./14.10.1777.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 29.1./9.2.1779.

⁹ SBVPK, NF, SPb. 8./19.1.1781.

¹⁰ SBVPK, NF, SPb. 26.11.1777.

номических удовольствий, но скончался, не успев воплотить в жизнь эти благие намерения.¹ Фусс многозначительно писал: «Он был хорошим человеком, услужливым и благодетельным от чистого сердца и часто сверх возможностей».²

Фусс являл собой практически полную противоположность своему тестю. По примеру Леонарда Эйлера он вёл значительно более размеренную жизнь. Долгое время он держался в стороне от общества. В октябре 1776 года его с трудом и против его воли уговорили пойти на маскарад — и он вошёл во вкус. Он очень живо описывает этот вечер, на котором повеселился от всей души. Вид бального зала привёл его в сильнейшее изумление. Вместе с Иоганном Альбрехтом Эйлером, его супругой и старшей дочерью Фусс поехал ко двору. Он подробно описывает сцену с бесчисленными людьми в маскарадных костюмах и изобретательными сливками общества (*Crème de la Crème*).

«Через некоторое время мы покинули этот зал, пробрались через толпу масок, где ваш покорный слуга получил пару чувствительных дружеских толчков по рёбрам от наряженных в маскарадные костюмы знакомых обоёго пола, которые узнали меня, несмотря на маску, и вдруг я, как в сказке, очутился в круглом маскарадном зале. Ни один молоденький крестьянин, впервые попавший в город, не был бы удивлён больше, чем я в тот момент. Невзирая на своё гордое безразличие ко всему, что я видел до сих пор, тут я не смог удержаться от выражения изумления. Представьте себе просторный круглый или скорее овальный зал, свод, построенный по самым изысканным правилам архитектурного искусства, с роскошной росписью и позолотой и увешанный сверху донизу в самой точной симметрии и прекраснейшим узором многими тысячами свечей, чтобы заменить дневной свет, который не мог проникнуть сюда из-за отсутствия окон. Напрасны были бы попытки с помощью холодного описания передать то впечатление, которое вид этой красоты производит на присутствующего. На галерее, расположенной на большой высоте по периметру зала, находился превосходный оркестр, в центре зала танцевали порядка 50 масок, а в стороне, в красиво устроенной нише, сидело божество волшебного замка — лучшая из монархинь, которая играла в ломбер с двумя фельдмаршалами, Голицыным и Чернышёвым, и приветствовала каждого почтительно проходившего самым любезным выражением лица и самым благосклонным кивком головы. Я почти полчаса простоял перед карточным столом. Потом снова на площадке, где танцевали, потом снова около ниши, где играли в карты Орлов и Потёмкин и другие великие. Потом в другие комнаты, чтобы отыскать знакомых, поболтать, потом снова у карточного столика императрицы и, наконец, утомлённый этими передвижениями, в 10 часов домой, чтобы отдохнуть от тревожений этого дня за хорошим ужином. Вот такая история о маскараде, такая же сумбурная, как и предмет, который она описывает и который я в тот день увидел впервые в жизни; но поскольку я почувствовал вкус к тому, чего другие там не ищут, то, наверняка, не в последний».³

И.А. Эйлер часто принимал участие в маскарадах во дворце, однажды нарядившись капуцином,⁴ в другой раз — грузином, и ещё раз в розовом домино вместе с женой в костюме венецианки (одна шляпка стоила 7 рублей).⁵

Вскоре после описанного маскарада Леонард Эйлер взял с собой своего помощника на дворцовый приём. Фусс описывает «simple Cérémoniel». В аванзале

¹ Stieda, J.A. Euler. S. 36; ср.: SBBPK, NF, SPb. 3.3.1786.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 268. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.9.1800.

³ Там же. S. 104. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 13./24.12.1776.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 24.3./4.4.1769.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 7./18.7.1775.

все болтают со знакомыми и ждут появления сначала великого князя и великой княгини, потом императрицы, затем все выстраиваются в ряд для поклона. Всё повторяется сначала, когда члены императорской семьи выходят из часовни.¹ И.А. Эйлер бывал при дворе чаще, чем Фусс, но не для развлечений. Он ходил туда только для встреч с людьми, которых редко можно было застать дома.²

Фусс подробно описал свадьбу великого князя, которая состоялась в 1776 году. Его наблюдения, особенно в том, что касается церковных церемоний, выгодно отличаются от описаний его современников, которые чересчур часто потешались над православными ритуалами.

«Я присутствовал на венчании в дворцовой церкви, но из-за тесноты помещения и множества людей увидел немного. Действо импозантное, его можно представить себе, если соединить роскошь блестящего двора с помпезностью, которая сопровождает мельчайшие действия при отправлении службы в греческой церкви, когда церковная музыка, нечто мистическое и возвышенное в облачении и движениях священника, должны наполнять благоговением людей, которые видят не только внешнюю сторону».³

После публичного собрания в октябре 1778 года, на котором Фусс сделал доклад, он был приглашён на обед к директору Домашневу. Помимо графа Орлова, общество составили несколько очень высокопоставленных русских персон и несколько профессоров Академии. Орлов, находившийся в хорошем настроении, беседовал с Фуссом о магнитах, точнее о том, обладает ли чеснок магнитными свойствами, о чём часто рассказывают моряки. Проведённый под общий смех «эксперимент» не дал научного результата.⁴ В мае 1780 года Фусс снова пишет об «ужасном пиршестве» у Домашнева, в котором участвовали неаполитанский, португальский и австрийский посланники, а также граф Строганов и молодой граф Разумовский. После кофе Фусс проводил их к Леонарду Эйлеру, которому он имел честь представить сиятельных гостей.⁵

В связи с приездом в Петербург кронпринца Фридриха Вильгельма Прусского и его посещением Академии Фуссу было поручено сделать доклад. Но ему пришлось прервать свою речь, так как кронпринц упал в обморок — предположительно из-за переутомления и воздуха, отравленного густым ароматом духов.⁶ Другим знаменательным событием явилось посещение Академии австрийским императором в 1781 году, тогда ему были поимённо представлены все члены Академии.⁷ В том же году в Петербург приезжал и шведский король, посетивший важнейшее научное учреждение столицы России.⁸ Фусс был невысокого мнения о частых торжествах.

«У нас здесь довольно много развлечений: сначала торжества по случаю заключения мира, а потом — помолвки. Ещё нам предстоит празднество в честь турецкого посланника. За исключением фейерверка, ничего из этого не доставило мне удоволь-

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 10., N. Fuss an seine Eltern, SPb. 13./24.12.1776.

² SBBPK, NF, SPb. 5.10.1779.

³ BEBS, Ordner Fuss. S. 102. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 13./24.12.1776.

⁴ Там же. S. 133 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 14./25.11.1778.

⁵ Там же. S. 149. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./12.5.1780.

⁶ Там же. S. 150. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 16./27.10.1780.

⁷ Там же. S. 158. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 15.7.1781.

⁸ Там же. S. 161. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.11.1781.

ствия. Это плохое развлечение — смотреть, как чернь дерётся за куски жареного быка и валяется в фонтанах вина. Двор и маскарады тоже наводят на меня тоску».¹

Тем не менее, и серьёзного Фусса иногда захватывал вихрь развлечений в обществе. Следующий пассаж отчасти объясняет несколько непродуктивный образ жизни И.А. Эйлера. Николай Фусс извиняется перед отцом за то, что уже шесть недель у него руки не доходят до ответа на его последнее письмо.

«Но я всё это время вёл такую безалаберную жизнь, что не мог найти времени для своих обязательных профессиональных дел. Бог знает, какой штормовой ветер затянул меня в такой вихрь развлечений. Не было конца дням рождения, именинам и другим пирушкам. Чтобы дать Вам понять, как легко в Петербурге при только немного расширенном круге знакомств провести всю жизнь в еде, питье и играх, когда больше нечего делать, я хочу с помощью следующего небольшого дневника показать, какие приглашения я, у которого немного знакомых и который обычно живёт очень скромно, получил и принял за последние 6 недель.

5.нояб. у генерала Кутузова, день рождения, обед.

12.нояб. ” ” статского советника Нартова, ужин

16.” ” моего тестя, день рождения, обед

21.” ” генеральши Ступишиной, обед & ужин

23.” ” генерала Эйлера, ужин

24.” ” генеральши Кутузовой, именины, спектакль, бал и ужин.

28.” ” действ. статского советника Нартова, именины, обед и ужин

4. декабря у генеральши Ступишиной, день рождения, обед и ужин

6.” ” проф. Фусса, именины, обед и ужин

Из этих дневниковых записей Вы видите, дорогой отец, что я торжественно отменил также день русского высокочтимого святого Николая [...]».²

На приёмах очень много играли и музицировали. Фусс умел играть на клавесине и на скрипке, но в Петербурге забросил музицирование и не принимал участия в концертах.³ Не только в доме Эйлеров часто и охотно играли: в шахматы, тарок, ломбер и другие карточные игры — в том числе на деньги. Христофор Эйлер играл в лото в Берлине через переписку брата с Формеем.⁴ И.А. Эйлер в основном проигрывал. В 1783 году его проигрыши составили 22 рублей 28 копеек.⁵ С Фуссом он часто играл в шахматы. Можно представить себе, что разыгрываемые математиками Эйлером, Фуссом, Шубертом и Бернулли партии были самого высокого класса.⁶

О культурной жизни мы знаем очень мало. Документы, оставленные Штелином, в этом отношении намного более интересны и информативны. И.А. Эйлер и Фусс вместе слушали оперу-буфф «La Contersina», которую в Кадетском корпусе давала итальянская труппа. Там они от души повеселились.⁷ Эйлеру также понравился китайский театр теней, представление которого он видел в 1780 году.⁸

¹ Там же. S. 228 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.10.1793.

² Там же. S. 239. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 11./22.12.1795.

³ Там же. S. 235. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 1./12.12.1794.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 24.7.1775; 14.8.1775. В письмах он ставил деньги на какую-то комбинацию чисел. Формей, как и Эйлер, вёл книгу долгов и доходов. Через этот канал можно было получать в Петербурге деньги из Берлина и наоборот.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 3.1.1784.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 2./13.3.1787.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 17.11.1779.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 28.2.1780.

Вся семья (за исключением самых маленьких) в 1775 году посмотрела пьесу Сумарокова «Семира», которую давали в Академии художеств.¹ Эйлер читал современную немецкую литературу, например, «Гёца фон Берлихингена». Это произведение он считал совершенно новым жанром, но не знал, как его ценить.² Одно время он почти каждую неделю ходил в немецкую комедию, иногда вместе с Фуссом.³ В 1780 году они посмотрели в немецком театре «Эмилию Галотти» Лессинга.⁴

Более подробно описываются семейные поездки в окрестности Петербурга. Летом Эйлеры в экипаже или на баркасе ездили в парки, сады, дворцы и т. д. Днём было слишком жарко, поэтому они пользовались длинными петербургскими вечерами и возвращались уже за полночь.⁵ А в дождливые дни и зимними вечерами они играли в ломбер.⁶ Из всех петербургских удовольствий Эйлеру больше всего нравились вечерние катания на лодке.⁷ Баркас, принадлежавший Академии, всегда был в распоряжении директора, с его разрешения им могли пользоваться другие члены Академии.⁸ Летом 1775 года Эйлеры совершили поездку в Ораниенбаум, которая подробнейшим образом была описана берлинскому дядюшке.⁹ На следующий год супруги Эйлер, Гильденштедт и пастор Шмидт отправились за 48 вёрст на зеркальную фабрику, которой управлял швейцарец Рихнер.¹⁰

Часто Эйлер путешествовал с детьми, очень тесными были его контакты с братом Карлом. Карл по случаю своего 50-летия и выздоровления устроил большой праздник, на котором, помимо родственников, были ещё 50 гостей. Дети сыгнали комедию, затем были ужин и бал до 2 часов ночи.¹¹

Иностранцы охотно перенимали русские обычаи: Эйлер описывает Формею масленицу. На масленицу давались бесчисленные балы, праздники, что называется, на полную катушку — Эйлер и его дети-подростки редко возвращались домой до полуночи. После масленицы наступал семинедельный пост, но это время однозначно пользовалось меньшей популярностью.¹² Канун великого поста Эйлеры проводили совершенно в русском духе. В 1776 году Эйлер пишет, что они три дня подряд ездили в маскарады, несколько раз были в театре и один раз в концерте. Они часто обедали и ужинали в гостях и совершали увеселительные поездки за город, «так что не хватает только начать соблюдать пост, чтобы стать настоящими русскими».¹³

Пасхальные обычаи Эйлер описывает в 1774 году. Подчиненные посещали с поздравлениями своих начальников. Эйлер принимал своих подчинённых, которые приносили пасхальные яйца, а он должен был дарить им деньги, что каж-

¹ SBBPK, NF, SPb. 20.2./3.3.1775.

² SBBPK, NF, SPb. 13./24.3.1775.

³ SBBPK, NF, SPb. 5.9.1779.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 24.1./4.2.1780.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 7./18.7.1775.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 5./16.7.1776.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 18./29.7.1768.

⁸ *Bernoulli*, Reisen. Bd. 4. S. 51.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 11./22.9.1775.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 7./18.8.1776.

¹¹ SBBPK, NF, SPb. 8.2.1788.

¹² SBBPK, NF, SPb. 20.2./3.3.1775.

¹³ SBBPK, NF, SPb. 1.3.1776.

дый год обходилось ему в 20 рублей.¹ Рождественские праздники отмечались подарками для детей, дед также любил дарить им игрушки и конфеты.² Новый год означал приём немислимого числа гостей и нанесение ответных визитов. С визитами являлись подчинённые, в случае Эйлера — архивариусы, писцы и чертежники, а также солдаты Академии, в общей сложности ему приходилось раздавать им от 10 до 20 рублей.³

Эйлер постоянно выражал своё недовольство жизнью в Петербурге. Фусс, по-видимому, устроился лучше. Он жил своей жизнью и обрёл личное счастье. Но совершенно неожиданно после долгих лет жизни в Петербурге в письме Горнеру он высказал противоположное мнение. Фусс слишком хорошо понимал, что Горнер никогда не захочет вернуться в Россию:

«По моему убеждению, Вы поступили совершенно умно и последовательно, не позволив снова заманить себя сюда. Крузенштерн находит это правильным, и все Ваши друзья, к которым причисляет себя и Ваш покорный слуга, желают этого. Но кому судьба дала комфортное положение в отечестве, с доплатой 300 рублей русской пенсии, чем может ему возместить Петербург жертву, которую он должен принести, отказавшись от настоящей жизни под прекрасным небом, в лоне самых близких друзей и среди таких порядочных людей. Если бы я был моложе и не был бы связан такими неразрывными узами с Петербургом, то с какой охотой я отправился бы в Базель с моими жалованиями в качестве пенсии!»⁴

По сравнению с родиной, которую он покинул почти 40 лет назад, Россия проигрывает. Жизнь в Швейцарии, оказывается, настоящая, там можно жить среди настоящих друзей, порядочных людей. Эти слова, вероятно, следует понимать как противопоставление жизни и людям в Петербурге. Получается, что жизнь здесь ненастоящая. Что скрывается за этими словами? Судя по высказываниям швейцарцев, они считали ненастоящей жизнь поверхностную, придворную, а порядочными — искренних, простых и корректных людей. Аналогичную оценку при сравнении русского и швейцарского менталитета Фусс даёт, характеризуя Леонарда Эйлера:

«Искренностью и неподкупной честностью, признанными национальными добродетелями швейцарца, он обладал в высшей степени. Будучи заклятым врагом всякой несправедливости, он часто отваживался на смелое осуждение, или даже, в зависимости от обстоятельств, на публичные выступления против тех, которые хотели совершить несправедливость — а [то,] как счастливо ему иной раз удавалось, к утешению угнетённых, устранять злоупотребления, ещё хранится в памяти всех».⁵

Здесь Фусс переносит образ Швейцарии, сложившийся в глазах соотечественников и иностранцев во всей Европе XVIII века, на своего почитаемого учителя.⁶ Интересно также самосознание в духе Просвещения, которое прослеживается в следующем предложении: «Как супруг, как отец, как друг и как гражданин он был

¹ SBBPK, NF, SPb. 2./13.4.1774.

² SBBPK, NF, SPb. 30.12.1774/10.1.1775.

³ SBBPK, NF, SPb. 8./19.1.1776. Солдаты служили в охране, а также исполняли функции при-слуги. Они следили за содержанием и отоплением здания.

⁴ ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 31.10.1810.

⁵ Fuss, Lobrede. S. 115.

⁶ См. диссертацию: *Morkowska, Marysia*. Vom Stiefkind zum Liebling. Entwicklung und Funktion des europäischen Schweizbildes bis zur Französischen Revolution. Zürich, 1995. Издана в 1996 г. как том 5 серии «Швейцария и Восточная Европа» («Die Schweiz und der Osten Europas»).

образцовым примером добросовестного исполнения проистекающих из этих условий общества обязанностей».¹ В отличие от этой характеристики, типичными русскими качествами оказываются лень, доходящая до ханжества, и распущенность вплоть до утраты чувства долга. Я думаю, что на восприятие швейцарцев наложило свой отпечаток их общение с представителями придворных кругов. И наоборот, открытая манера общения швейцарцев часто была причиной недовольства ими. Эйлеру уже пришлось испытать то же самое в Берлине при дворе Фридриха.

11.4. Прислуга

В состоятельных петербургских домах, естественно, были слуги. Несколько необычным мне, однако, представляется то, что Иоганн Альбрехт Эйлер купил себе одного крепостного. Он, вероятно, быстро и легко адаптировался к русским нравам. Всё началось с того, что Эйлер купил покрытого вшами мальчишку, из которого хотел сделать для себя парикмахера:

«10-го купил мальчика за 30 рублей, с тысячами вшей: надеюсь, что совершил хорошую покупку; я отдам его учиться на парикмахера».² Но слуга доставил ему главным образом неприятности. Когда Михелю было 18 лет, его арестовал патруль за то, что ночью он чинил всякие безобразия. Эйлер приказал солдатам Академии наказать его за это «100 ударами палкой по ягодицам, что является здесь обычным наказанием и, по-моему, хорошим: это болезненно, но не причиняет вреда здоровью».³ В другой раз он приказал его выпороть, потому что тот побил женщину. После этого мальчишка, казалось, исправился.⁴ Но это продолжалось недолго: уже в 1777 году Михель сбежал после драки.⁵ В июле 1781 года он украл пальто и скрылся. Эйлер велел поймать и наказать его. Потом он хотел отдать его на исправление брату в Сестрорецк.⁶ Потом он послал своего слугу в исправительный дом и пытался продать его.⁷ В июле 1785 года Эйлер подарил слугу одному офицеру, который собирался перевоспитать его за один год. Он считал, что мальчик почти совсем лишился ума.⁸

Для детей Эйлер нанял гувернантку. В полное замешательство его привело то обстоятельство, что воспитательница его детей получила должность старшей гувернантки у придворной дамы императрицы, и он был вынужден искать ей замену.⁹ В 1773 году Эйлер выразил удовлетворение гувернанткой, некоей мадам-муазель Жакемор. Вот только в церковь она никогда не ходила, а однажды у неё случился припадок бешенства.¹⁰ Со временем эти припадки стали невыносимыми, и Эйлерам опять пришлось искать новую гувернантку, так как прежняя в

¹ *Fuss, Lobrede*. S. 117.

² SBBPK, NF, SPb. 16./27.3.1768.

³ SBBPK, NF, SPb. 2./13.6.1775.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 7./18.7.1775.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 4./15.8.1777.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 20./31.7.1781.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 9.11.1781.

⁸ SBBPK, NF, SPb. 8.7.1785.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 1.5.1770.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 12./23.3.1773.

результате ссоры в одночасье ушла от них. Не успели они взять няню для детей, как её пришлось уволить, потому что она оказалась больной.¹ Более надёжным путём поиска слуг были рекомендации знакомых. Так, в июле 1773 года Эйлеры наняли камеристку одной знакомой дамы, которая возвращалась в Берлин.² В 1776 году проблемы возникли с бонной трёхлетней Шарлотты. Воспитательница явилась домой пьяной, а на следующей день вела себя настолько вызывающе, что её уволили. На время, пока не была найдена подходящая нянька для просмотра за девочкой, мать заботилась о дочери сама.³

В 1773 году Эйлер уволил своего кучера, потому что того никогда не было на месте, когда он был необходим Эйлерам.⁴ На следующий год у него снова были проблемы с прислугой: пьяная русская нянька обидела немецкую бонну. Эйлер не допустил мести со стороны бонны, в результате та ушла, и её заменила русская няня.⁵

Когда у его дочери возникли такие неприятности с одной служанкой, что дочь даже заболела, Эйлер написал: «Слуги в этой стране настоящие каналы».⁶

11.5. Распорядок дня

Иоганн Альбрехт Эйлер неоднократно описывал свой распорядок дня. В 1775 году его день выглядел примерно следующим образом: он вставал между 6 и 7 часами, завтракал, потом его причёсывали, это продолжалось примерно до 8 часов. Затем он поднимался к отцу и около получаса беседовал с ним. После посещения отца он принимался за работу, например, писал письма. Между 10 и 11 часами он одевался. С 11 до 12 часов занимался с сыном Гансом математикой, иногда он давал ему 2 урока в день. С 12 до 13 часов он работал в своём кабинете, затем отправлялся в кабинет жены, где постепенно собирались к обеду гости. Всем подавали по рюмочке ликёра, в половину второго садились за стол. Обед продолжался около часа, потом все пили кофе, общались и играли в шахматы. В 4 часа подавали чай. После чая Эйлер удалялся в свой кабинет, где работал до 19 или 20 часов. Затем он шёл в комнату жены. Если там были гости, то играли в карты до 21 часа. После ужина в 23 часа обычно отходили ко сну. Но Эйлер замечает, что такой распорядок дня часто претерпевал изменения.⁷

Не все дни недели проходили одинаково: во время работы над реформированием Академии Эйлеры три раза в неделю работали и обедали у шефа. По понедельникам и средам между 11 и 13 часами проходили плановые заседания Академии. По воскресеньям Эйлер посещал церковь, а затем бывал при дворе. По средам и пятницам с 15 до 20 часов заседало Экономическое общество, по четвергам — консистория реформатской церкви.⁸ Три-четыре вечера в неделю он проводил у своего отца, о чём обычно совсем не упоминал в дневнике. По вос-

¹ SBVPK, NF, SPb. 25.6./6.7.1773.

² SBVPK, NF, SPb. 5./16.7.1773.

³ SBVPK, NF, SPb. 5./16.12.1776.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 25.6./6.7.1773.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 7./18.3.1774

⁶ SBVPK, NF, SPb. 19./30.6.1787.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 1./12.12.1775.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 14./25.3.1768.

кресеньям он всегда обедал у отца, потому что в это время Фусс обедал у Карла, и у отца тем самым не было сотрапезника.¹

Ритм жизни в Петербурге в течение года определялся замерзанием Невы. Как правило, пять месяцев в году река была покрыта льдом, и перебраться с берега на берег можно было пешком или в экипаже. В течение пяти месяцев Нева была свободна ото льда, и через неё переплывали на лодках или переходили по понтонным мостам. Но в течение двух месяцев сообщение между «большой землёй» и Васильевским островом, на котором находилась Академия и жили Эйлеры, прерывалось из-за ледохода и ледостава.

Распорядок жизни Николай Фусса мы знаем ещё лучше. В первое время его пребывания в Петербурге он выглядел следующим образом:

«В 6 часов или половине 7-го молодой господин встаёт, потом несколько раз прохаживается по комнате, это знаменует его пробуждение; затем приходит камердинер г. профессора и причёсывает его, когда меня причесали, я пишу или читаю, пока меня не позовут пить кофе, или я играю на скрипке; после кофе принимаюсь за алгебру, около полудня чтение вслух, перед обедом меня заставляют совершать небольшой моцион. После обеда у г. профессора дневной отдых примерно до 4 часов, это время я использую для чтения, или писания, или прогулки в саду, или я иду к молодому г[осподину], который занимает нижний этаж этого большого каменного дома, там я играю на clavесине. [...] В 4 часа пьют чай, а потом мне диктуют, но перед ужином я читаю, а после ужина я свободен, с этого момента, если захочу, я могу писать до следующего утра [...]. Время послеобеденного сна я иногда использую также, чтобы сходить к г. Гримму, а по воскресеньям я так или иначе бываю у него; потом я с г. профессором еду в церковь и оттуда иду в Морской [корпус]; наша церковь красивая, но проповедь пастора плоха, однако на французском лучше, чем на немецком; у г. Гримма я всегда встречаю земляков, я знаю уже очень многих, по-видимому, здесь довольно много швейцарцев. Если не прилагать очень больших усилий, то я не могу рассчитывать на большой прогресс в русском языке, здесь слишком много говорят по-немецки и по-французски, но я не откажусь [от русского], потому что он может оказаться мне здесь полезным или даже необходимым в различных отношениях».²

На просьбу отца возобновить ведение дневника он отвечает, что это не имеет смысла из-за однообразия распорядка его жизни: «тогда мне пришлось бы постоянно записывать, что я ел, пил и сколько выкурил трубок, сколько листов бумаги измарал».³ Тем не менее, он приводит пример обычного дня, где нас в первую очередь интересует свободное время:

«В воскресенье, если у меня нет охоты выходить из дома, я провожу время у молодого проф.⁴ или у г. доктора⁵, обедаю с ними, ужинаю, как мне заблагорассудится, в одном месте сыграю партию в тарок, etc. чаще всего у г. проф., потому что, когда я не прихожу, то за мной посылают; иногда приходит также г. фон Белл, или весёлый г. Георги, или мы все вместе бываем у г. доктора, и в таком обществе я забываю печаль и ипохондрию и набираюсь желаний и сил работать всю предстоящую неделю. Короче, я доволен своим образом жизни и вниманием, которым я пользуюсь, настолько, что сомневаюсь, почувствую ли когда-нибудь вкус к иному».⁶

¹ SBVPK, NF, SPb. 30.3./10.4.1781.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 29 ff. Brief von N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.6.1773.

³ Там же. S. 80. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.11.1775.

⁴ И.А. Эйлер.

⁵ Карл Эйлер.

⁶ BEBS, Ordner Fuss. S. 80 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 19./30.11.1775.

Выходы ограничивались четырьмя-пятью в месяц. Если Фусс и выходил, то, как правило, в компании с одним из сыновей Эйлера.

«Я не получил большого удовольствия от этого лета, когда с профессором и потом с мол. проф. проводил день или полдня на Каменном острове или в ином месте за городом, а на этой неделе, когда я снова могу немного свободно вздохнуть, уже два раза был с доктором и семьёй на Выборгской стороне у капитана¹. Тот грохочет там со своими сыновьями, одетыми в красную униформу, как тяжёлая артиллерия, так что в ушах звенит. 19 июля я ездил туда с доктором, его супругой и двумя старшими детьми и с мад[ам] Эйлер на шлюпке; мы поужинали у него под навесом и вернулись в 12 часов ночи; на следующий день ужинали с молод. проф., его супругой, проф. Крафтом в саду у проф. Гильденштедта, и иногда бываю в Комедии. Так я живу здесь, в 380 милях от моей родины среди чужих, но в лоне семьи, дружба и доброта которой мне почти заменяют то, что я покинул. Я живу со всеми в таких хороших отношениях, которые в Базеле, где всё полно церемоний и этикета, вряд ли знают, и у меня сформировалась такая открытая и свободная манера общения, без утраты скромности, которая составляет главную черту в моем характере, что всякий, кто меня знает, может подтвердить. Это хорошо, что природа наряду с необходимостью работать дала мне внутреннее устремление, иначе при такой лёгкой возможности ничего не делать и развлекаться, которые у меня здесь есть, я бы стал архибездельником».²

Фусс подчёркивает, что его образ жизни не соответствовал общему стилю жизни в Петербурге.

«Наш образ жизни однообразен, но совершенно в нашем вкусе. Когда я до усталости наговорюсь в Кадетском корпусе, то с радостью возвращаюсь, как и из Академии, к моим любимым, жду одного или другого друга или подругу, которые по здешнему обычаю довольствуются моим обедом, а вечером, когда дневные дела сделаны, я подсаживаюсь к своей любимой половине и читаю ей что-нибудь весёлое, или мой свояк приходит из своей кельи и играет с нами партию в ломбер или тарок, или он играет на клавишине, а я на скрипке. Это — наша жизнь, и немногие в шумном и утопающем в роскоши Петербурге проводят её так, но я хотел бы, чтобы она оставалась такой до конца моей жизни».³

Вполне возможно, что важную роль в жизни Фусса сыграл пример Леонарда Эйлера, который жил, как ему нравилось. Воплощённой противоположностью был Иоганн Альбрехт Эйлер, который стал жертвой соблазнов столичной светской жизни. Эти два учёных, состоявших в близком родстве, оставили нам полярные, но взаимно дополняющие картины жизни петербургского общества. На общем фоне значительные различия в их образе жизни проявляются особенно отчётливо.

11.6. Одежда

Вряд ли можно представить себе, какими были люди в своё время, если не знать, как они выглядели, как одевались. Во всяком случае, глядя на теневые силуэты Николая Фусса, я никогда не представлял его себе в одежде шафранового жёлтого цвета.

---

¹ Речь идёт о Карле и Христофоре Эйлерах.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 96 f. Brief von N. Fuss, SPb. 12./23.8.1776.

³ Там же. S. 195. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.10.1785.

«200 рублей подоспели как раз вовремя; я уже стал походить на студента, но теперь я заказал себе хороший костюм тонкого полотна шафранового цвета с лазоревой подкладкой, а другой отдал перелицевать. Это стоило отчаянно дорого, но было обязательно необходимо. Крестины у г. д-ра [Карл Эйлер] и 10-дневные торжества по случаю заключения мира были событиями, на которых я хотел бы немного блистать. Хотя я слишком привык работать, чтобы быть в состоянии в течение 10 дней попусту тратить время. Но я был приглашён в Академию художеств и в Шляхетский кадетский корпус, и я пошёл туда. Но на маскарады, несмотря на более частые приглашения, меня не могут затащить уже 2,5 года. Разве что я иногда хожу в придворную комедию, куда ходил бы даже чаще, если бы мне не приходилось постоянно ложно поднимать себя до чина майора. — Но причёсанные волосы, хорошее платье и шпага на боку по большей части обеспечивают вход без вопроса “какой ранг?”».¹

Но его друзьям и родственникам, очевидно, трудно было представить себе, что их Николай носит в Петербурге парик. В своём первом письме Фусс пишет, что чуть не забыл самое важное:

«А именно, что я (принуждённый модой) ношу парик, какая важная новость могла остаться неизвестной для базельского света, — а достаточно ли он большой, достаточно ли закрывает спину? Но утешению моих друзей, которые любят подобные смешные приспособления, и радости тех, кто, может быть, любит парики с фасоном, послужит то, что здесь в большом свете носят не такие большие парики, как в 300 милях на юго-запад».²

Позднее он, вероятно, появлялся в обществе преимущественно в мундире. Члены Академии, согласно указу императрицы, с 1783 года обязаны были носить мундиры. Фусс считал, что смешно и странно быть одетым в тёмно-фиолетовый сюртук с зелёными бархатными обшлагами и воротником, а также брюки с полированными металлическими пуговицами.³ В 1785 году он писал, что эта униформа никогда не сможет привиться.

«Вместо неё я, как академик и преподаватель Шляхетского кадетского корпуса, ношу сейчас мундир Санкт-Петербургской губернии: голубой сюртук с чёрными бархатными обшлагами, воротником и лацканами, белый жилет и брюки с полированными жёлтыми пуговицами. Ношение этой униформы является большим удобством для людей, которые должны часто бывать у начальников и при дворе, и при этом им не приходится постоянно надевать новые костюмы».⁴

В таком мундире можно было появиться к любому случаю и не выглядеть слишком вычурно. Павел I изменил его вид:

«Теперь во всей Российской империи как военные, так и гражданские униформы тёмно-зелёные. И я, как только смогу снять своё чёрное платье, буду выступать в тёмно-зелёном сюртуке с красными бархатными обшлагами и воротником, красной подкладкой, в белом жилете и брюках с плоскими жёлтыми пуговицами с якорем, как петербургским гербом, ко всему этому относится ещё, для полного парада, томпаковая золоченая шпага, которой у меня, однако, ещё нет».⁵

¹ Там же. S. 75 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.9.1775.

² Там же. S. 32. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.6.1773.

³ Там же. S. 169 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 7./18.2.1783.

⁴ Там же. S. 195. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.10.1785.

⁵ Там же. S. 248. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.4.1797.

Александр I вновь отменил эту прусскую униформу. Английский путешественник А. Свинтон побывал в Петербурге в 1788 году и по поводу одежды отметил, что иностранцы обычно приспосабливаются к местным обычаям, чтобы не слишком привлекать к себе внимание и не стать объектом ротозеев из черни или даже брани с их стороны. Но в столице, где смешались представители множества национальностей, западноевропейцы не бросались в глаза:

«Но в Петербурге нет необходимости обязательно подчиняться моде. Здесь, как бы странно и отлично ни одевался иностранец, он повсюду, во всех маленьких и больших улицах города, встретит русских, которые и глазом не поведут при виде его костюма. На этот маскарад Российская империя поставляет людей множества рас из числа своего населения».¹

11.7. Роль жён, семейная жизнь

Жена И.А. Эйлера вела удивительно независимый образ жизни: она часто одна отправлялась с визитами.² В 1773 году мы слышим, что она посетила шелкоткацкую фабрику и воспитательный дом для сирот.³ Лето 1787 года в целях поправки пошатнувшегося здоровья она провела вместе со своей подругой Амай в маленьком сельском домике на Крестовском острове. Семейство навещало её при всякой возможности, так как домик находился всего в 5 километрах.⁴ Уже в июне Эйлер написал, что его жена совершенно выздоровела, чему способствовали продолжительные прогулки в окрестностях домика, «благодаря ещё одной дочери, которую фрау Фусс произвела на свет утром 17-го сего месяца, и которая доставила дорогой бабушке много забот».⁵ Бабушка вообще проявляла большую заботу о внуках и часто выезжала с ними на прогулки. Ходить по улицам одной, особенно вечером или ночью, считалось небезопасным, поэтому её иногда сопровождали слуги, «потому что женщина здесь окажется в большой опасности, если выйдет на улицу одна».⁶

В 1789 году фрау Эйлер вместе с подругой Амай сняла домик на Крестовском острове. Но провести там лето им не удалось, так как заболел один из детей фрау Амай.⁷

Особое значение придавалось роли супруги в качестве хозяйки дома, принимающей гостей. Иногда она угощала гостей одна, но, как правило, этим занимались, вероятно, слуги.⁸ В задачи жены, естественно, входил надзор за воспитанием детей, она несла ответственность за их здоровье.⁹ Позднее Анна София Эйлер стала выполнять ещё и функцию акушерки. Её муж после первых родов дочери

¹ *Swinton*, *Reisen*. S. 164.

² См.: наприм.: SBBPK, NF, SPb. 27.2./10.3.1769.

³ SBBPK, NF, SPb. 17./28.5.1773.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 13./24.4.1787.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 28.5./8.6.1787.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 1./12.12.1775.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 6./17.6.1789.

⁸ SBBPK, NF, SPb. 12.4.1785.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 28./19.11.1779.

Альбертины писал, что она чувствует себя отлично, потому что следовала советам своей матери, которые лучше, чем советы целого факультета.¹ Фрау Эйлер была также блестящей экономкой: граф Ангальт хвалил её за порядок в хозяйстве и на кухне.² Громкую славу домашнего хозяйства Эйлеров подтверждает и большой спрос на места в их пансионе.

Когда жена заболела гриппом, мужу пришлось вести домашнее хозяйство, что было ему не особенно по душе. В этом случае он мог рассчитывать на помощь старшей дочери Тринетты.³ Тринетта управляла домашним хозяйством и в 1777 году, когда мать произвела на свет ещё одного ребёнка. Кроме того, ей приходилось опекать ещё двух больных членов семьи, и она хорошо справлялась с этими делами. Отец хвалил её и воспитание, данное ей матерью: «Она делает честь воспитанию, полученному у моей жены».⁴

Хотя супруга Эйлера и прочитывала письма своего дяди Формея, если мужа не было дома, но сама писала очень редко. Поэтому Иоганн Альбрехт говорил, что после замужества она родила больше детей, чем написала писем.⁵ Роды в кругу родни вскоре стали будничным событием. После рождения у его сестры Белл сына, крёстным отцом которого он стал, Эйлер писал:

«Эти роды стали таким обычном делом в нашей семье, что никто уже не делает из них события: всё происходит так, как будто жена закончила вышивку, все идут посмотреть, восхищаются её работой, а она начинает новую».⁶

Совершенно иначе было, когда родился его первый внук: гордый дед радовался безмерно, и бабушка была вне себя от радости.⁷

Воспитание детей и планирование их карьеры составляли важный элемент жизни и забот наших учёных. Долгое время было неизвестно, какую карьеру выберет старший сын И.А. Эйлера. В 1770 году его домашний учитель, у которого, по словам отца, он очень многому научился, вернулся в Монбельяр.

«В данный момент я практически не знаю, что с ним делать: у меня совсем нет времени для занятий с ним: учителя здесь очень дороги; хорошие школы — редкость и расположены далеко. Если бы он был немного постарше, я бы послал его в Берлин и, вероятно, сам сопровождал его туда».⁸

Если время позволяло, отец сам давал детям уроки математики.⁹ Детей Эйлера учили несколько домашних учителей: в 1773 и 1774 годах Эйлер упоминает учителя танцев, который приходил к детям.¹⁰ По средам с 10 до 12 часов дочери посещали занятия у пастора Шмидта.¹¹ В 1779 году сына Эйлера обучал учитель фехтования, которому платили всего 8 рублей в месяц.¹² В 1787 году

¹ SBBPK, NF, SPb. 20.6.1785. Мать помогала и при вторых родах: SPb, 4.9.1787.

² SBBPK, NF, SPb. 3./14.3.1786.

³ SBBPK, NF, SPb. 13.12.1773.

⁴ SBBPK, NF, SPb. 14.4.1777.

⁵ SBBPK, NF, SPb. 15.10.1781.

⁶ SBBPK, NF, SPb. 5.9.1779.

⁷ SBBPK, NF, SPb. 20./31.5.1785.

⁸ SBBPK, NF, SPb. 31.3.1770.

⁹ SBBPK, NF, SPb. 1./12.12.1775.

¹⁰ SBBPK, NF, SPb. 10./21.5.1773; SPb. 30.12.1774/10.1.1775.

¹¹ SBBPK, NF, SPb. 10./21.6.1777.

¹² SBBPK, NF, SPb. 28./19.11.1779.

Эйлер пишет, что органист по имени Брауншвейг давал его дочерям уроки музыки.¹

Позднее отец хотел послать Ганса на учёбу в Базель, но финансовое положение не позволило сделать этого, и сыну пришлось учиться в Петербурге.² В 1770/71 годах Ганс брал уроки русского, французского и латинского языков и уже достаточно хорошо владел первыми двумя.³ Годом позже он стал посещать занятия латынью в Академической гимназии.⁴ Но в 1773 году отец записал его в артиллерийские унтер-офицеры. Таким образом, в 15 лет он мог стать сержантом. С другой стороны, его будущее всё ещё было не определено, он мог ещё поступить в какую-нибудь канцелярию или коллегию. По мнению отца, даже если бы он захотел уехать за границу, то было бы совсем неплохо, если бы он уже послужил в армии. Кроме того, он считал, что Ганс может остаться дома и с пользой для себя продолжать заниматься с учителями.⁵ Уже весной 1773 года его повысили до сержанта, что обошлось его отцу в 50 рублей. Но он охотно взял на себя эти расходы, считая их вкладом в уверенное будущее своего сына.⁶ Вдвое больше ему пришлось заплатить, когда в 1777 году сын стал ординарцем графа Орлова.⁷ Второго сына, Георга Эйлера, Николай Фусс советовал отправить на учёбу в Базель.

«Поскольку его родители проявляют желание посвятить его медицине, то я советовал им отправить его в Базель, а именно как можно скорее. 1.о) потому что в отчете доме он немного избалован, что может повредить славному юноше; 2.о) потому что здесь почти невозможно заложить хорошие основы учёного образования; 3.о) потому что он, кроме преимущества пребывания среди чужих, сможет в Базеле быстрее продвинуться настолько, что это позволит ему начать изучение медицины, но и университет по этой специальности имеет знающих и добросовестных мужей, под руководством которых он сможет стать достойным степени доктора, которую может поставить себе целью. Простота нравов, которая, слава Богу, в Базеле ещё намного больше, чем в других местах, будет хранить его от порчи, которая, к сожалению, царит в большинстве университетов; а расходы, которые в любом другом месте будут больше, не являются достойным презрения предметом для человека, который должен обеспечить ещё 7 детей».⁸

Георга вместе с кузеном в 1780 году обучали алгебре.⁹ В 1781 году он ходил в школу («*potre Collège*») на Васильевском острове, а именно в русский и латинский классы, третий сын Христоф посещал русский и немецкий классы. Сначала у Георга был только один или два урока в неделю. Вступительный взнос составил 2 рубля, а плата за обучение — 4 рубля в месяц.¹⁰

Как в отношении первого, так и в отношении второго сына планы менялись. Георг поступил в Коллегию иностранных дел и благодаря протекции

¹ SBVPK, NF, SPb. 13./24.4.1787.

² BEBS, Ordner D.Bernoulli mit J.A.Euler: JE an DB, SPb. 25.2./8.3.1774. Д. Бернулли выразил готовность принять Ганса у себя. JE an DB, SPb. 20.5.1774: И. Эйлер в долгах.

³ SBVPK, NF, SPb. 7.12.1770.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 18.10.1771.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 1./12.3.1773.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 26.3./6.4.1773.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 13./24.6.1777.

⁸ BEBS, Ordner Fuss. S. 160. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.11.1781.

⁹ SBVPK, NF, SPb. 13./24.10.1780.

¹⁰ SBVPK, NF, SPb. 4./15.6.1781 und 9.12.1781.

вице-канцлера графа Остермана уже через короткое время стал секретарём. В 1789 году он был повышен в должности до секретаря-переводчика и принёс присягу. На этом посту ему причитались 300 рублей жалования.¹

Путь младших сыновей был предначертан. Об учёбе и академической карьере речи вообще не было. Когда Эйлер обедал у графа Чернышёва, хозяин просил его отдать одного из сыновей в военно-морской флот:

«Когда мы сидели за столом, граф почтительно просил меня отдать одного сына во флот; и когда я ответил ему, что мой третий сын Христоф очень хорошо подойдет для такой службы, тот попросил оставить ему имя и возраст и пообещал мне немедленно записать его в морские кадеты: что с этого дня начнётся его карьера и что он останется при мне до достижения того возраста, который позволит ему принимать участие в походах: это очень удачно: я поблагодарил его сиятельство от всего сердца и пожелал ему долгой жизни до тех пор, когда мой Христоф дослужится до чина адмирала. [...] Вернувшись домой, я обрадовал всю семью, в первую очередь своего отца, когда сказал ему, что маленький Христоф стал морским кадетом с такими привилегиями».²

Радость семьи по поводу того, что их семилетний сын уже может начать делать военную карьеру, как мне представляется, говорит о многом. В Кутузове Христоф нашёл высокого покровителя. Уже в возрасте 13 лет он стал офицером и каждый год получал по два новых мундира. Его отец говорил, что таким образом он с удовольствием избавится от необходимости приобретать детям одежду. Но такая практика существовала только на флоте.³ Когда Эйлер на званом обеде у графа Чернышёва упомянул о том, что хочет отправить Христофа в Кронштадт к другим кадетам, граф немедленно вызвал своего секретаря и велел ему составить рекомендательные письма директору и офицерам Морского корпуса.⁴ Впоследствии оказалась, что Христоф не переносит море, поэтому его пришлось устраивать в полк.⁵ Младший сын Пауль при поддержке сестры княгини Дашковой, как сообщает Фусс, в семилетнем возрасте был зачислен сержантом в Преображенский гвардейский полк.⁶ В 1787 году Эйлер привёл его, выражаясь современным языком, в школу продлённого дня, чтобы излечить от робости. Школой, в которой обучали трём языкам, арифметике, рисованию и танцам, заведовала одна немка, вышедшая замуж за русского. Плата за обучение составляла 100 рублей в год.⁷

Особенно щедро природа одарила Эйлеров дочерьми. Когда в 1781 году жена Христофора (брата Иоганна Альбрехта) произвела на свет ещё одну девочку — она стала двенадцатой особой женского пола в семье Эйлеров, — Иоганн Альбрехт со стоном сокрушался, что на такое количество невест невозможно найти женихов.⁸ Самой старшей, незамужней дочери Тринетте Николай Фусс

¹ SBVPK, NF, SPb. 23.1./3.2.1789. С 1800 г. по 1809 г. он был секретарём миссии в Гамбурге, с 1811 г. работал при министерстве финансов в качестве члена таможи Архангельска. *Amburger/Michajlov, Nachkommen*. S. 174.

² SBVPK, NF, SPb. 31.7.1779.

³ SBVPK, NF, SPb. 12./23.5.1780.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 8./19.7.1785. 10 июля Христоф поступил в Морской корпус.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 16.11.1787.

⁶ BEBS, Ordner Fuss. S. 190. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.3.1785.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 26.13./24.4.1787.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 30.3./10.4.1781.

нашёл место гувернантки в Сухопутном кадетском корпусе, о котором она давно мечтала.¹ Отец писал, что граф Ангальт прыгает от радости в связи с этим назначением, а мать, напротив, пребывает в полной печали, так как лишилась своей правой руки, но вынуждена согласиться с решением Тринетты. Он пишет также, что дочь очень талантлива и принесёт учреждению большую пользу. И, наконец, она всё ещё может выйти замуж, если представится удачная партия. И второй незамужней сестре своей жены Фусс также нашёл место. Она стала классной дамой в школе для девочек из дворянских семей.² Дети Эйлера очень быстро адаптировались в России. Они поддерживали тесные контакты с другими семьями, часто и охотно проводили по нескольку дней в гостях, например, у Генриетты Мюллер, воспитательницы в семье Закревских.³ В 1777 году, в возрасте 8 лет, Шарлотта в совершенстве владела русским и немецким языками.⁴

«Тринетта провела день у баронессы Черкасовой. Она вообще часто встречается с русскими дамами высокого происхождения, и у неё есть дар быть любимой и ценимой ими».⁵

Тринетта, по-видимому, была одарённой художницей. В 1775 году мать купила ей пастельные краски. Она брала уроки рисования. Отец с гордостью сообщает, что из неё может получиться вторая Тербуш.⁶ Дети часто ходили на театральные спектакли, например, в Кадетский корпус или в Академию художеств, где давали «Скупого» Мольера.⁷

Незамужние дочери часто помогали вести домашнее хозяйство своим замужним сёстрам.⁸ Ранее мы упоминали о том, что Николаю Фуссу нравились дочери Эйлера. Он влюбился в Альбертину и в 1784 году сообщил о своей помолвке с ней:

«Важный шаг, который я собираюсь совершить и на который прошу Вашего согласия и отеческого благословения, побуждает меня писать снова, ещё до получения ответа на моё последнее письмо, в котором я уже намекнул на него. В прошлую пятницу я просил руки второй дочери г. проф. Эйлера, которую уже давно люблю, и получил согласие от её родителей. В отношении денег я мог бы, вероятно, сделать более выгодный выбор; но петербургское воспитание в целом неважное, и мне было бы затруднительно, даже если бы моё сердце было свободно, быть счастливым с богатой женой. Альбертина во всех отношениях превосходная девушка, столь же благовоспитанна, как и красива, столь же умна, как и скромна. Это — выбор моего сердца, при котором рассудок тоже не бездействовал. Мои друзья считают меня счастливым, а я — без лишних слов — я чувствую, что я счастлив. Немалая часть моего удовлетворения этим выбором и счастливым его исходом проистекает из близких отношений

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 216. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.6.1790.

² Там же. S. 314, N. Fuss an seinen Vater, SPb. 31.12.1809/12.1.1810. О Шарлотте как супруге Я. Бернулли и Д. Коллинса см. предыдущую главу.

³ SBVPK, NF, SPb. 5.8.1774. Тринетта Эйлер бывала у них два дня в неделю.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 26.11.1777.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 29.5./9.6.1775.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 4./15.2.1780. Анна Доротея Тербуш, урожд. Лисевская (1721–1782), была родом из Польши, жила преимущественно в Берлине и получила известность благодаря своим портретам, отличавшимся большим реализмом. См.: Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart Hg. v. Hans Vollmer. Leipzig, 1929. Bd. 23. S. 282 f.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 3./14.2.1775.

⁸ SBVPK, NF, SPb. 19.4.1790.

с уважаемой семьёй, которая вот уже 10 лет, так сказать, как бы усыновила меня и которой я обязан столь многим».¹

То есть речь не идёт о «хитрой брачной политике» Эйлера, хотя такое впечатление может сложиться о двух браках его дочерей с базельскими математиками.² Формей спросил И.А. Эйлера, почему он выдаёт дочерей замуж не по очереди в соответствии с возрастом. Ответ на этот вопрос даёт некоторое представление о принципах и характере Эйлера:

«Вы спрашиваете, почему мы обошли Тринетту, выдав замуж Альбертину; почему мы обошли также Эмилию, сначала выдав замуж Шарлотту? Потому, что Фусс хотел жениться только на Альбертине; потому, что Бернулли хотел только свою Шарлотту: мне кажется, что в этом нет ничего необычного. Если бы Фусс и Бернулли представили нам только своё состояние, то нашим долгом было бы сказать первому: женитесь на старшей, — а другого женить на второй. Будем надеяться, что providение позаботится и о старших, и на то, что всё, что оно совершает — нам во благо».³

Как и в случае брака Якоба Бернулли с Шарлоттой Эйлер, здесь также речь шла о браке по любви. Ни для Фусса, ни для Альбертины Эйлер этот брак не был тем, что принято называть выгодной партией. Во всяком случае, вариант мог бы быть и лучше, как Фусс, извиняясь, пишет в письме отцу. Любовь уже скоро принесла плоды: в январе 1785 года Альбертина объявила о своей беременности, эта новость исполнила отца гордостью.⁴ Супружеская пара Фуссов сначала поддержала семейную традицию — первым ребёнком оказалась дочь. За Софией последовала Шарлотта, а за ней Доротея Эмилия. В 1790 году, наконец-то, на свет появился долгожданный продолжатель рода. Горе в доме Фуссов было безмерным, когда он умер 30 января 1791 года.

«Это было горьким испытанием для меня и моей бедной жены, у которой ужасным последствием первых болей было, хвала Господу, лишь кратковременное помешательство. Насколько велика наша скорбь о потере этого красивого, весёлого, здорового телом и душой ребёнка, могут понять только те, кто видели его и знают радость, которую он доставлял нам. До дня смерти он ни разу не болел, появление первого зуба перенёс с лёгкостью, радовал нас в этот день — а вечером он был мёртв. Внутренние, вызванные, вероятно, тяжёлым ростом зубов спазмы забрали его у нас».⁵

В том же году за братом последовала Доротея. Всего в раннем возрасте умерло четверо детей, причём причины их смерти были непонятны, как и в случае кончины первого сына. Родители с особой тревогой следили за прорезыванием зубов. Можно предположить, что этот процесс ослаблял защитную реакцию детских организмов против тяжёлых болезней.⁶ Дочери Фусса получили подкрепление в лице Юлианы и Доротеи Марии, а в 1798 году на свет снова появился мальчик. Паулю Генриху было предначертано идти по стопам своего отца. К четырём дочерям добавились пять сыновей — Александр, Фридрих, Вильгельм,

¹ BEBS, Ordner Fuss. S. 183. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 6.2.1784.

² См.: Schweizer im Zarenreich. S. 289.

³ SBVPK, NF, SPb. 12./23.9.1788.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 20./31.1.1785.

⁵ BEBS, Ordner Fuss. S. 219. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.2.1791.

⁶ Там же. S. 290, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 5.4.1804. В 1804 г. умер младший сын Фридрих. Фусс считал причиной прорезывание зубов, которое вызвало удушье и скопление слизи, от чего ребёнок, вероятно, и задохнулся.

Георг и Николаус (Фридрих умер в раннем возрасте). Хотя в семье Эйлеров были и незамужние женщины, которые работали учительницами, но для Фусса было важно, чтобы его дочери надлежащим образом вышли замуж. Прежде чем дать своё благословение, он самым тщательным образом проверял претендента на руку дочери. Его зятя были родом из Германии, Богемии и Лифляндии, по роду деятельности — коммерсантами, а один — архитектором. Лишь Доротея не вышла замуж и работала в немецкой реформатской общине. Как и в семействе Эйлеров, дочери Фусса получили основательное образование. О своей Софии четырёх с половиной лет от роду Фусс пишет, что она очень смышлёная, читает по складам и очень мило вяжет. Скоро она сама будет писать письма своему дедушке.¹ Однажды он упомянул о любви Софии к огородничеству.

В планировании карьеры своих сыновей Фусс не оставлял места случаю. Ему оказалось очень кстати, что в 1803 году он смог оставить работу в обоих Кадетских корпусах. Это освободило время для других дел «и, что мне особенно дорого, для воспитания моих сыновей, старший из которых уже начал доставлять большую радость своим светлым умом и великой тягой к знаниям. Он уже умеет считать и занимается этим скучным делом по собственному побуждению и в качестве игры».² Отец стремился развивать таланты своих сыновей и направлял их в предначертанное русло: Пауль Генрих стал его преемником, второй сын Александр учился в Институте корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге, он должен был стать инженер-офицером, но умер в возрасте 17 лет.³ Третий сын, Вильгельм, изучал в Дерптском университете медицину и стал врачом в частной глазной клинике в Петербурге.⁴ Академическую стезю выбрал Георг, который изучал астрономию в Петербурге и Дерпте. Мы ещё вернёмся к нему. Николаус тоже, в конце концов, прошёл курс обучения в Дерптском университете и стал преподавателем математики и физики в Морском кадетском корпусе и в одной из гимназий Петербурга. Совместно с Паулем Генрихом он издал часть научного наследия Леонарда Эйлера. Таким образом, Николаю Фуссу удалось пристроить всех своих сыновей на достойные должности в научной или педагогической области. Предпосылкой этого успеха было его хорошее материальное положение.

11.8. Между ассимиляцией и интеграцией

Иммигранты, живя в столице большими колониями, не испытывали сильной необходимости в ассимиляции. Они даже не чувствовали необходимости изучать язык страны пребывания, так как прекрасно обходились немецким и французским. Более или менее серьёзно старались освоить русский язык большинство зарубежных учёных. Леонард Эйлер написал довольно много писем по-русски, но для его сына изучение русского языка, по-видимому, так и осталось благим намерением. В апреле 1767 года он писал, что начал учить русский.⁵

¹ Там же. S. 212. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 27.11./8.12.1789.

² Там же. S. 284. N. Fuss an seinen Vater, 22.9.1803.

³ ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 12.5.1816.

⁴ *Mumenthaler*, Armuth. S. 18; см. список публикаций в приложении.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 20.4.1767.

В 1777 году он сообщал, что ещё слишком мало понимает по-русски.¹ Он не смог побеседовать с русским графом, потому что тот говорил по-русски. Из-за плохого владения языком у И.А. Эйлера произошло недоразумение с Домашневым.² В 1788 году Эйлер должен был по-русски объяснить прокурору Священного Синода различие между термометром и барометром, но это оказалось ему не по силам. Он привёл свою дочь Тринетту, которая переводила его речь.³

Фусс, напротив, захотел интегрироваться, имея в виду свою научную карьеру, и старался выучить язык. Он нашёл себе подходящего учителя русского языка:

«Сейчас у меня есть прекрасная возможность выучить здешний язык, к нам ежедневно приходит молодой русский по имени Головин и учит меня; он силён в своём языке, а я в качестве вознаграждения обучаю его алгебре и геометрии; я действительно уже умею читать и писать и уже выучил основные правила; вчера я купил грамматику и словарь и буду теперь заниматься всерьёз, потому что язык скоро может стать для меня обязательно необходимым, а он труден».⁴

После назначения на должность профессора он снова серьёзно принялся за изучение русского языка:

«Поскольку я считаю себя теперь коренным русским, то я начинаю всерьёз налегать на русский язык, хорошее знание которого рано или поздно может обеспечить мне новые выгодные перспективы, потому что иностранцев, в совершенстве владеющих языком, с руками и ногами берут на работу во все департаменты империи».⁵

В отличие от своего тестя, Фусс, по-видимому, справился с поставленной задачей. Проще было второму, по материнской линии уже третьему поколению российских швейцарцев. Иоганн Альбрехт Эйлер писал о дочери Фусса Софии, что она очень милая девушка, но понимает только по-русски.⁶

Большой интерес, с моей точки зрения, представляет общение швейцарцев с русскими аристократами и их отношение к аристократии. Эйлер-сын вырос в Берлине и поэтому привык общаться с князьями и монархами. Примечательно, что швейцарцы легко приспособились к условиям в стране и часто становились пылкими поклонниками императриц и императоров. Екатерину II славословили все без исключения.

Общение с высшей знатью было для И.А. Эйлера повседневной рутинной. Его лично знала даже императрица, и когда она здоровалась с ним на балу, то это не было для него чем-то из ряда вон выходящим.⁷

Когда 6 ноября 1796 года на престол взошёл Павел, Фусс принёс ему присягу на верность в церкви Академической гимназии «с самыми пламенными пожеланиями долгого и счастливого правления на благо его необъятных владений и всех подвластных его скипетру миллионов подданных».⁸ В своих надеждах в отношении Академии, которые он связывал с Павлом, Фусс оказался весьма наивным.

¹ SBVPK, NF, SPb. 20.10.1777.

² SBVPK, NF, SPb. 20./31.10.1777.

³ SBVPK, NF, SPb. 12./23.12.1788.

⁴ BEBS, Ordner Fuss. S. 44. Brief von N. Fuss an seine Eltern, SPb. 3./14.11.1773.

⁵ Там же. S. 181, N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2.1.1784.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 4.9.1787.

⁷ SBVPK, NF, SPb. 11./22.1.1779.

⁸ BEBS, Ordner Fuss. S. 243. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18./29.11.1796.

После восшествия на трон Александра I в 1801 году высказывания Фусса сохраняют прежний тон, но на этот раз скорее по праву.¹ В 1803 году он сообщает о повороте к лучшему: благодаря широким реформам торговля снова процветает, и «[...] всё работает на великую цель: распространение свободы, благосостояния и просвещения на все классы граждан государства».²

При всём почитании русской императрицы критичный И.А. Эйлер не закрывал глаза на вопиющие недостатки. Екатерина подарила Академии ценное зеркало стоимостью 12 000 гульденов. Эйлер полагал, что мог бы купить его за 5000, и писал: «Это мания — стремиться имитировать богиню Фортуну [...], в то время как другие прозябают в нищете».³ Но критика такого рода из-под пера Эйлера скорее удивляет. При всей ориентации на нормы высшего общества он не потерял видения принципиальных противоречий в русском обществе. В другом письме он критикует созданный Фальконе памятник Петру I. Уже есть один памятник, который Эйлер считал столь же красивым, но он был работы русского скульптора. Наверное, поэтому, по его мнению, он был недостаточно хорош для самодержицы.⁴

В связи с Отечественной войной против Наполеона иностранцев, состоявших на государственной службе, проверяли на лояльность. В документах Фусс значится как благонадёжный: он готов принять вечное подданство.⁵ В 1787 году Фусс называет себя настоящим русским патриотом, который мечтает о русской победе в намечающейся войне со Швецией, но ещё больше о мире через переговоры.⁶

Фусс объяснял отцу преимущества Табели о рангах, которая оценивает даже дворян не столько по происхождению, сколько по заслугам перед государством.⁷

Фусс поддерживал немногочисленные научные контакты со Швейцарией. Когда он узнал об учреждении новой серии «Acta helvetica», он выразил желание посылать математические статьи для этого «отечественного научного общества».⁸ В 1781 году он представил академическому Собранию письмо Исаака Изелина из Базеля, который прислал третий номер своего журнала «Ephemériden der Menschheit» (1781), и посвятил Академии перевод «Трансплантации растений» барона Чуди.⁹

Переписка являлась важнейшей связью с родиной. Фусс активно занимался корреспонденцией, и ему повезло, что за первые четыре года не пропало ни одно письмо.¹⁰ В 1784 году речь зашла о более дешёвом канале переписки через Вену. Но зато этим путём письма шли иной раз до полутора месяцев.¹¹

¹ Там же. S. 269. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 22.3./3.4.1801.

² Там же. S. 279 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 6.1.1803.

³ SBVPK, NF, SPb. 14./25.10.1785.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 1./12.9.1775.

⁵ Сказано: «Родом швейцарец, а сердцем верноподданный России... По прошению его внесён в Родословную Книгу Российского дворянства». Сборник РИО, т. 139. С. 306 и далее.

⁶ BEBS, Ordner Fuss. S. 208. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 8./19.2.1788.

⁷ Там же. S. 194. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 24.10.1785.

⁸ Там же. S. 227. N. Fuss an seinen Bruder, SPb. 19./30.1.1793.

⁹ Протоколы, т. III. С. 535.

¹⁰ BEBS, Ordner Fuss. S. 109. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 10./21.2.1777.

¹¹ Там же. S. 187. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 30.12.1784.

В 1803 году Фусс сообщает о почтовых расходах на одно письмо из Швейцарии и в Швейцарию: за обычное письмо он платил 1 р. 56 коп. Письмо из Швейцарии, оплаченное только до Нюрнберга, стоило при получении 1 р. 16 коп. плюс чаевые для почтальона.¹

Ностальгия регулярно всплывает в письмах. Так, и спустя 6 лет после отъезда из Базеля Фусс вспоминал о родном городе:

«Замечание, которого лучше не надо было делать! Потому что оно всегда возвращает меня через естественную связь мыслей к воспоминаниям, которые делают мое сегодняшнее положение не самым приятным, как бы я ни прикрывался довольством, собранным из принципов. Воспоминания о некогда пережитых под отеческим небом радостях юности, следующее за ними, всегда негативное сравнение тех безобидных времён с нынешними годами, хотя не лишёнными дел и радостей, чувство как никогда прежде ощутимой разлуки с теми, с кем связан неразрывными узами крови, нежности и дружбы — всё это всегда вносит определённый грустный тон в наши эмоции, который я не люблю подпитывать, чтобы не испортить своё столь ценное для меня довольство. [...] Действительно, нет более безошибочного средства против врождённой у нас, швейцарцев, тоски по родине или против проистекающей из более явных источников, независимой от воздуха тоски, которая время от времени неизбежно накатывается в чужих странах на каждого ещё не потерянного для эмоций человека, чем сильное сознание того, что стал полезным человеком, в сочетании с более или менее смутным предчувствием возвращения, чем постоянная работа и занятость — и, если всего этого не совсем достаточно, хватает сил намеренно вытеснить слишком живые воспоминания — их можно вытеснить благодаря постоянному обдумыванию научных предметов».²

На протяжении всех лет жизни в России Фусс утешал себя планом посещения родителей в Базеле. Но каждый раз что-то мешало, а когда он обзавёлся семьёй, эти надежды пришлось похоронить. В 1785 году он прилагал усилия к тому, чтобы обеспечить жене и детям право на базельское гражданство. «Если моим детям оно и не понадобится, то оно не станет им и обузой».³ Перевороты в Швейцарии вызывали интерес Фусса. Сначала он положительно отнесся к созданию Гельветической республики и считал, что, как в Базеле, следует изменить конституцию.⁴ Но в 1803 году он приветствовал свержение ненавистного гельветического правительства. Он с облегчением воспринял тот факт, что новая конституция оказалась более умеренной, чем все опасались. Он спрашивал отца, кто в Базеле избирает большой и малый советы, и кто был избран туда.⁵ Он положительно оценил сохранение самостоятельности правления в кантонах и то, что в каждом кантоне, как и прежде, есть бургомистр, председатель кантонального совета, советники и цеховые отделения.⁶ Позднее у него не было полной уверенности в том, какую форму правления он хотел бы видеть в разрушенной стране. Он мечтал о былом духе согласия и доверия.⁷ В 1814 году он писал Горнеру, что политические новости с родины

¹ Там же. S. 286. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 28.12.1803.

² Там же. S. 138 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 9./20.4.1779.

³ Там же. S. 191. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.3.1785.

⁴ Там же. S. 256. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 16./27.4.1798.

⁵ Там же. S. 281. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 31.3./12.4.1803.

⁶ Там же. S. 284. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 22.9.1803.

⁷ Там же. S. 270. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 18.6.1801.

печалят его, потому что настрой правительств не предвещает ничего хорошего в будущем.¹

«Мало-помалу я начинаю утешать себя тем, что, вероятно, больше никогда не увижу свою родину, где всё будет мне чуждым, где ни лица, ни титулы, ни одежда, ни правительство, ни законы, ни нравы, ни образ жизни и мышления, короче ничто, и даже ни жезл на гербе Базеля, больше не напомнит мне о радостных годах моей юности».²

События на родине оказали влияние на швейцарцев в России: в 1798 году прошёл слух о том, что всем швейцарцам придётся дать клятву на некоторое время отказаться от всякой переписки с родиной.

«Текст клятвы, который, как говорят, уже напечатан, я ещё не видел; но если он такой, как говорят, то вскоре, дорогой отец, я буду лишён возможности писать Вам напрямую. Я думаю, нет необходимости говорить Вам, насколько это огорчает меня. Но я буду пользоваться любыми дозволенными средствами, чтобы отправить сообщения о себе и получать сообщения от Вас. Только мы просто должны избегать политических предметов, что нам будет нетрудно, так как наши письма никогда не содержали ничего подобного».³

Письмо от 2 августа 1798 года даёт ответ на вопрос, чувствовал ли себя Фусс ещё швейцарцем. В Базеле у отца голова шла кругом из-за многочисленных происходящих перемен. В ответ сын пишет ему:

«Я сам, до сознания и воображения которого эти перемены доходят только через посредство газет, часто представляю себя с этого времени чужим в моём любимом родном городе и даже не знаю, есть ли у меня ещё отечество. То, что Вы до сих пор были настолько добры и ежегодно уплачивали за меня гражданские [налоги] в цех и канцелярию, мне очень приятно, и пока это можно считать средством сохранения моих прав урождённого гражданина города, я хотел бы, чтобы это продолжалось. Расходы небольшие, и они могут, вероятно, принести пользу или же предотвратить ущерб. То, что Вы, дорогой отец, прочитали в Шаффхаузенской газете о клятве, которую должны принести швейцарцы в России, совершенно справедливо. Здесь в Петербурге такую клятву принесли примерно семьдесят человек. Несколько торговцев, не захотевших приносить клятву, уехали. Я был освобожден от клятвы с учётом моей 25-летней службы, хотя не натурализовался, как Вы, по-видимому, думаете. Потому что для полной правовой натурализации необходимо принести присягу на верность, которая по желанию принимается у любого государственного чиновника-иностранца, но не является обязательной. Я не приносил никакой иной присяги, кроме обычной служебной, которую должен приносить каждый, будь он гражданином страны или иностранцем, при получении должности или чина и присяги на верность при восшествии на престол нашего Императора. Если бы я присягнул на вечную верность Императору, то, как академик с 22-летним стажем, в соответствии с чином коллежского советника и после получения выслуженного дворянства, при уплате не очень значительных пошлин я мог бы востребовать от геральдической палаты дворянскую грамоту, которая даёт значительные привилегии, несмотря на которые я всё же не мог решиться на то, чтобы сделать этот шаг, а именно главным образом из-за философского равнодушия к привилегиям, которые, собственно говоря, не повышают ценности человека, который ими обладает,

---

¹ ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 28.10.1814.

² BEBS, Ordner Fuss. S. 266. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 12.7.1800.

³ Там же. S. 259. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 25.5./5.6.1798.

по крайней мере, в глазах разумных и непредвзятых людей. Если я когда-нибудь сделаю это, то это произойдет ради моего сына».¹

Переписка осложнилась, действительно, очень сильно. За 1799 год сохранилось лишь одно письмо, которое попало в Базель через одного торговца.² Лишь при Александре I положение улучшилось.

Фусс был очень горд, когда смог предложить отцу материальную поддержку, 1200 ливров в год — и в то же время обрадовался тому, что отец, будучи достаточно обеспеченным человеком, отказался от этого предложения.³

11.9. Немецкая реформатская община

Корреспонденция наших учёных свидетельствует о том, какую роль играла церковь в жизни петербургской колонии иностранцев. Как Леонард Эйлер, так и Иоганн Альбрехт Эйлер, Николай Фусс и Якоб Бернулли активно участвовали в жизни общины немецкой реформатской церкви. Леонард Эйлер в 1774 году был избран главой церковной общины.⁴ Его сын стал членом консистории реформатской общины и среди прочего через свои связи в Берлине занимался приглашением новых пасторов.⁵ Семья Эйлеров оказывала общине большую финансовую поддержку. При ежегодном сборе пожертвований для пастора Эйлеры только в 1775 году внесли около 2000 рублей — почти годовое жалование преподавателя!⁶ Много волнений доставило И.А. Эйлеру то обстоятельство, что после смерти пастора Дильтея более полугода ему не могли найти замену и поэтому не было причастия. Это ясно демонстрирует значение религии для Эйлера и его современников. Он неоднократно спрашивал дядю, не может ли тот найти подходящего пастора.

«[...] скоро уже год, как я не причащался, и если это продлится ещё, я буду пытаться просить Вас подыскать мне хорошее место в Берлине. Действительно, если бы я не был так привязан к отцу, то не знаю, что бы я сделал».⁷

Поэтому как избавление Эйлер воспринял приезд пастора Саломона Бруннера, который по пути в Москву 19 апреля 1768 года причастил паству в Петербурге.⁸

И.А. Эйлер был очень религиозным человеком — но менее терпимым, чем Фусс. Повествуя об одном католике, принявшем православие, он холодно заметил: «так что он не много потерял, но и не выиграл с точки зрения религии».⁹

Поначалу единая немецко-французская церковная община в начале 1770-х годов переживала кризис.¹⁰ В 1774 году конфликт обострился. Леонард Эйлер попытался выступить в качестве посредника. По его желанию министерство юстиции

¹ Там же. S. 262 f. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 2./13.8.1798.

² Там же. S. 264. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 16.8.1799.

³ Там же. S. 290. N. Fuss an seinen Vater, SPb. 5.4.1804.

⁴ SBВРК, NF, SPb. 29.8./9.9.1774.

⁵ SBВРК, NF, SPb. 20.4.1767. О задачах и составе консисторий см.: *Schneider*, Theologen. S. 154 f.

⁶ SBВРК, NF, SPb. 13.2.1775.

⁷ SBВРК, NF, SPb. 3./14.12.1767.

⁸ SBВРК, NF, SPb. 20./31.5.1768.

⁹ SBВРК, NF, SPb. 1.5.1770.

¹⁰ См.: *Schneider*, Theologen. S. 31 f.

приказало всем высказаться на общем собрании. Эта попытка примирения привела, однако, к скандальной неразберихе, так как французская община сорвала проведение собрания. Особо отличился в этом деле полковник Лесток, и Эйлеру пришлось сдерживать себя, чтобы и самому не начать ссориться в церкви. Лесток не сдавался. После молитвы в немецкой церкви, на которой не было Эйлера-отца, он подошёл к семейству Эйлеров. Иоганн Альбрехт пишет, что отца, к счастью, не было там, так как он, вероятно, не стерпел бы нападок. А Иоганн Альбрехт игнорировал задиру, чем довёл его до белого каления:

«Потом он пришёл в ярость, он бросился за мной и следовал за мной до дверей, наговорив тысячу оскорблений, на которые я ответил только двумя или тремя словами, объяснив ему, что он должен прийти ко мне, что церковь для меня святое место, но что в другом месте я буду рад научить его приличиям. Это был настоящий скандал, в присутствии всей общины, которая была оскорблена таким поведением полковника».¹

Когда однажды священник Мансбендель непозволительно повёл себя по отношению к немецкой общине, то Иоганн Альбрехт Эйлер вынужден был призвать его к порядку, что ему самому, однако, было совсем не по душе.² В марте 1774 года Эйлер писал, что раскол в их церкви всё ещё продолжается. В настоящее время проповеди читаются по очереди на немецком и французском языках, и в церкви всегда много народа. Кандидата на место пастора, который устроил бы обе стороны, всё ещё ищут.³ В сентябре 1777 году Фусс и Эйлер подписали с французской общиной соглашение и надеялись, что распри, наконец, улягутся. Но французская община, провоцируемая часовщиком из Женевы Фаци, не признавала никаких договоренностей.⁴ Эйлер подозревал, что за враждебным отношением французской общины стоит именно этот часовщик.⁵

Церковная община была в Петербурге местом встреч для швейцарцев. Через общину они знакомились с соотечественниками. Эйлеры, например, из дома Фаци следили за шествием во время свадьбы великого князя в 1773 году.⁶

11 января 1777 года консистория немецкой реформатской церкви избрала Фусса старостой. Он согласился занять эту должность только благодаря уговорам обоих профессоров Эйлеров и пастора Шмидта. Оказанная честь, конечно, льстила ему, но его пугали связанные с ней обязанности. Теперь он отвечал за проведение ежегодных сборов на содержание общины и пастора.⁷ По церковным делам ему приходилось всё чаще отлучаться из дома. Теперь и Фусс занялся разделением французской и немецкой реформатских общин, которое вылилось в имущественный спор. Генерал-лейтенант фон Бауэр получил от императрицы поручение уладить разногласия.⁸ Третейский суд принял решение в пользу немецкой общины.

¹ SBVPK, NF, SPb. 8./19.8.1774.

² SBVPK, NF, SPb. 4./15.4.1788.

³ SBVPK, NF, SPb. 18./29.3.1774.

⁴ SBVPK, NF, SPb. 3./14.10.1777.

⁵ SBVPK, NF, SPb. 14./25.11.1777.

⁶ SBVPK, NF, SPb. 25.10./5.11.1773. Тогда, по-видимому, ещё поддерживались отношения с Фаци.

⁷ BEBS, Ordner Fuss. S. 11. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 10./21.2.1777.

⁸ Там же. S. 116. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 5./16.9.1777. Фусс описывает здесь приятный рабочий обед у фон Бауэра.

Этот конфликт в церковной общине доставил Фуссу некоторые неприятности, потому что ему были поручены переговоры с юристами — «дело, которое я всегда готов обменять на добрую порцию рвотного порошка».¹ Неприятная история с агентом Ганзейских городов, который проживал в церковном доме, побудила Фусса сложить с себя полномочия заседателя в церковном совете. Но после улаживания этого дела он согласился на новое избрание на следующие три года. Он оставался старостой консистории.²

В 1790 году И.А. Эйлер с похвалой отзывался о новом пасторе Коллинсе из Пруссии, которого, как он сообщает, очень любили в общине³, а вскоре пастор стал его зятем. Позднее Фусс, по-видимому, отдалился от общины, так как в 1810 году не присутствовал на проповеди Иоганна фон Муральта по случаю его вступления в должность. В Цюрих он смог сообщить только, что она была принята с большим одобрением. Вскоре после приезда фон Муральт впервые встретился с Фуссом. Он привёз из Цюриха рекомендательное письмо от Горнера, который в дальнейшем интересовался планами пастора открыть учебное заведение, базирующееся на принципах Песталоцци.⁴ Фусс был не в курсе, но без особого восторга отозвался об этих новых принципах. Он придерживался того мнения, что в России бессмысленно готовить учителей для сельских школ. Ведь большинство из 15-18 тысяч приходских школ империи зависели от помещиков, которые вовсе не были готовы платить много денег хорошему учителю. Намного охотнее они поручали обучение детей священникам за небольшую плату.⁵ Шестью годами позже Фусс писал, что школа Муральта процветает и пользуется большим уважением. В ней обучались 80 учеников, за каждого из которых хорошо платили.⁶

¹ Там же. S. 143. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.10./9.11.1779.

² Там же. S. 160. N. Fuss an seine Eltern, SPb. 29.11.1781.

³ SBBPK, NF, SPb. 28.3.1790.

⁴ *Wolf*, Notizen, in: Vierteljahresschrift 22 (1877). S. 124, Horner an Krusenstern, Zürich, 12.8.1810.

⁵ ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 31.10.1810.

⁶ ZBZ, Ms; M 5, 32: Fuss an Horner, SPb, 12.5.1816.

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская империя призвала, и они пришли. Правда, не повалили валом, зато с большим энтузиазмом и радужными надеждами в багаже. Делая выводы из истории переселения швейцарских учёных в Российскую империю, можно констатировать, что это было обоюдовыгодным делом. Иностранные учёные, среди которых швейцарцы составляли маленькую, но блестящую группу,¹ в значительной степени способствовали становлению и расцвету самобытной русской науки. В то же время они сами невероятно выиграли благодаря предоставленным им щедрым материальным и организационным условиям. Но к этой в целом очень положительной оценке нужно добавить несколько оговорок: материальное положение учёных до начала XIX века никоим образом нельзя назвать стабильным. Поэтому почти все учёные были вынуждены искать приработки, которые, в свою очередь, ограничивали их возможности заниматься наукой. Вот только их коллегам в Конфедерации жилось ничуть не лучше. Николай Фусс, достигший в Петербурге высокого уровня благосостояния, должен был распрощаться с мечтой о возвращении в Базель. Получение одного из немногочисленных мест представлялось ему утопичным. И даже жалования университетского профессора ему не хватило бы на содержание семьи. На этом фоне жалобы петербургских профессоров на большие расходы и недостаток доходов можно считать мало обоснованными. Но для эмигрантов материальный аспект всё же стоял скорее на втором плане. Главным для учёных была возможность полностью посвятить себя науке. Перспектива работы в совершенно новом измерении двигала почти всеми эмигрантами при принятии решения. Вторая оговорка касается положительного эффекта от деятельности этих иностранных специалистов. У швейцарцев в меньшей степени, чем у их немецких коллег, прослеживается тенденция к отмежеванию от неприятных русских конкурентов. А личности типа Эйлера и Фусса с их непредвзятостью вообще являются скорее исключением. Великий базельский математик даже поставил себе целью после возвращения в Петербург обучить столько русских учеников, чтобы стране больше не пришлось зависеть от притока иностранцев. Хотя он не смог выполнить это обещание, русской науке в течение XIX века всё же удалось добиться равноправного положения. В деле подготовки русских учёных стоящая особняком Академия играла второстепенную роль. Она служила скорее вывеской, хотя подготовка молодых учёных входила в число её уставных задач. Прорыв произошёл после создания новых университетов при императоре Александре I, значительную роль в этом деле сыграл Николай Фусс. Этот успешный толчок к самостоятельному развитию с помощью иностранных специалистов находит полное соответствие и в медицине. Пока не было соответствующих учебных заведений, специалистов приходилось приглашать из-за границы. Это справедливо как для врачей, так и для профессоров.² Но с начала XIX века молодые университеты стали поставлять национальные научные кадры.

Ещё раз обратимся к условиям жизни швейцарских учёных в ориентированной на Запад столице царской России. Там они интегрировались скорее

---

¹ В Академии наук швейцарцы были и количественно представлены очень заметно: в XVIII веке они составляли 8 процентов числа академиков.

² См. об этом: *Mumenthaler, Armuth*.

в существующий немецкоязычный средний и высший слой общества. В этом буржуазном обществе образованных иностранцев, состоявшем из учителей, профессоров, врачей, священников и т. д., иммигранты находили друзей, с которыми поддерживали тесные контакты. Но это не означает, что они отгораживались от русских. Нередко в круг их знакомств входили и русские семьи, но лишь немногие из них относились к числу самых близких друзей.

В повседневной жизни швейцарцы очень быстро адаптировались к обычаям страны пребывания. В определённой мере это касалось продуктов питания и напитков, причём от собственных привычек они отказались не сразу. Они переняли также манеру одеваться и проводить досуг. Характерным мне представляется также заимствование русских обычаев, например, празднования масленицы. Приятные стороны жизни, праздники и кутежи, перенимались с охотой, но вряд ли кто-то из иностранцев соблюдал пост. Проходила интеграция, но не ассимиляция. Это проявлялось и в языке. Большинство детей училось не швейцарскому немецкому, а литературному немецкому языку, то есть языку, на котором говорила петербургская колония. Они учили также русский язык и в совершенстве владели им. Брачные союзы швейцарцев в подавляющем большинстве заключались с сохранением родного языка и принадлежности к реформатской церкви. Браки с русскими женщинами являются скорее исключением. Именно в многочисленном клане Эйлеров и Фуссов большое значение придавали выбору супруги из своего культурного круга.

Академия наук и её члены страдали, в первую очередь, от внешнеполитических авантур царской России, которые были причиной ощутимого удорожания жизни в стране. Временами профессора могли лишь походя заниматься научными исследованиями, потому что их академическое жалование полностью съедала инфляция. Да и само это учреждение не раз стояло перед угрозой распада из-за недостатка материальных средств. Если принять во внимание ещё и вечные склоки между учёными и администрацией или между самими учёными, то вызывает удивление, как в итоге вообще удалось прийти к положительному балансу. В огромной мере этому способствовал плодотворный обмен мнениями между учёными, хотя иной раз их дебаты выливались в конфликты. Нельзя забывать и о щедрых, несмотря ни на что, условиях, предоставляемых Академией. Под покровительством просвещённых монархов ученые получали здесь такие возможности, о которых их коллеги на родине и мечтать не могли. Российская империя с её неисследованной природой побуждала учёных на великие дела, вершиной которых стали организованные и скоординированные Академией научные экспедиции 1769–1775 годов.

Российская империя действительно предоставила учёным такие условия, о которых в маленькой Швейцарии они не могли и мечтать. Хотя в XVIII веке Швейцария духовно присоединилась к европейскому Просвещению, но институционально не поспевала за этим процессом. Поэтому самые выдающиеся учёные были вынуждены эмигрировать, если хотели зарабатывать себе на жизнь именно выбранной специальностью. Ситуация в Швейцарии изменилась после политического переворота и модернизации в начале XIX века. Либеральное движение первой половины XIX века создало предпосылки для современной системы образования, которая включала и высшую школу. В Российской империи науки тоже вышли на мировой уровень, но система народного образования не достигла соответствующего уровня, так как не были проведены необходимые для этого социальные и политические реформы.

Список сокращений

Записки	— Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg
Комментарии	— Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
СПбФА РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РБС	— Русский биографический словарь
Acta	— Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
BEBS	— Bernoulli-Edition, Basel
Comm.	— Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
N. Comm.	— Novi Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
N. Acta	— Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
RSA	— Russlandschweizer-Archiv, Zürich
SPb	— St. Pétersbourg
StaBS	— Staatsarchiv Basel
SBBPK	— Staatsbibliothek zu Berlin
UBBS	— Universitätsbibliothek Basel

Библиография

Архивы

Bernoulli-Edition, Basel (BEBS)

Ordner mit Transkriptionen der Korrespondenzen der Mathematiker Bernoulli:

D.Bernoulli und Bilfinger: Zänkereien, 1729.

D.Bernoulli, Johann I Bernoulli und Niklaus II Bernoulli: Korrespondenzen mit der Petersburger Akademie.

D.Bernoulli: Kleine Korrespondenzen (2 Ordner).

Niklaus Fuss an D.Bernoulli.

Korrespondenz mit J.Ch. Mallet.

D.Bernoulli mit L.Euler.

D.Bernoulli mit J.A.Euler.

D.Bernoulli an L.Euler.

Johann III, Johann I und Jakob II Bernoulli mit L.Euler und J.A.Euler.

Johann III Bernoulli mit Verschiedenen (u.a. Briefe von N. Fuss).

Bernoulli unter sich.

Korrespondenz zwischen Jakob II und Daniel II Bernoulli.

J.A.Euler mit Verschiedenen.

Korrespondenz mit J.Ch.Mallet.

Korrespondenz mit Ch.Bonnet.

L. Euler: Korrespondenzen mit Verschiedenen (8 Ordner).

N. Fuss: Briefe an seinen Vater und Tagebuch seiner Russlandreise.

Repertorien der Handschriften:

Nagel, Fritz: A catalogue of the works of Jakob Hermann (1678–1733).

Nagel, Fritz: Katalog und Korrespondenzen von Jacob Hermann.

Briefe von Niklaus II und Jakob II Bernoulli.

The Linnaean correspondence, an electronic edition prepared by the Swedish Linnaeus Society, Uppsala, and published by the Centre international d'étude due XVIIIe siècle, Ferney-Voltaire. www.linnaeus.c18.net

Russlandschweizer-Archiv, Zürich (RSA)

Datenbank der Russlandschweizer.

Publikationen und Manuskripte:

Ehret, Joseph: Die Bernoulli. Manuskript.

Obolensky, Wladimir: Euler-Genealogie. Manuskript.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФА РАН)

Фонд 1 (Протокольные бумаги (приложения к протоколам Конференции АН)):

Оп.2 (1805). Д.32. § 466; Д.34. § 492. N. Fuss zur Schriftreform.

Оп.2 (1819). Д.9. § 92. Pension für N. Fuss.

Фонд 2 (Дела об избрании академиков, членов-корреспондентов и почётных членов):

Оп.17. Д.2. Фусс П.Н.

Фонд 4 (Комитет правления АН. Личные дела служащих АН):

Оп.4, т. 1. Д.615. Фусс Павел Николаевич.

Фонд 5. (Канцелярия президента и вице-президента АН):

Оп.1 (1825). Д.207. Переписка с Конференцией и Комитетом АН и МНП о смерти акад. Н.И.Фусса и выдаче его семье единовременного пособия.

Фонд 40 (Фусс Николай Иванович (1755 – 1825). Рукописи трудов):

Оп. 1. Д. 182. П.Н. Фусс: Систематический указатель трудов Н.И. Фусса и список рукописей, составленный П.Н. Фуссом.

Оп. 1. Д. 189. Черновики писем Н.И. Фусса к Даниилу Бернулли.

Оп. 1. Д. 190. Письма Бесселя Ф.В. к Фуссу Н.И.

Разряд I:

Оп. 90. Д. 11а. Отзыв Н.И. Фусса о работах С.А.Ж. Люилье, представленных в Академию в 1781 и 1782 гг.

Оп. 115. Д. 7. Метеорологические наблюдения, произведённые в Ярославском и Вологодском наместничествах в 1781–82 гг., 1797–1801 гг. Яковом Фрисом.

Оп. 115. Д. 30. Метеорологические наблюдения, произведённые в 1778 г. в г. Самаре хирургом Яковом Фрисом.

Оп. 115. Д. 33. Яков Фрис. Метеорологические наблюдения, произведённые в Устье Великом в 1786–1794 гг. и результаты наблюдений с 1786 по 1801 г.

Разряд IV:

Оп. 4а. Д. 24. Поступившие от гг. членов Конференции Императорской АН мнения по вопросу о пересмотре устава Академии.

Оп. 6. Д. 92. Kurzer Abriss der Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.Petersburg.

Оп. 41. Д. 32–43. Переписка Н.И. Фусса с К.Ф. Гауссом.

Оп. 41. Д. 91. Материалы, относящиеся к избранию акад. Н.И. Фусса чл.-корр. Берлинской АН.

Разряд V (Персоналия):

Оп. Ф. Д. 20: Фусс, Павел Николаевич.

Д. 6. Wahl von P.Fuss ins Verwaltungskomitee der AN,

Д. 16. Lebensbeschreibung von P.Fuss,

Д. 26. Формулярный список П.Фусса,

Staatsarchiv Basel (StaBS):

Privatarchiv 98.37: Korrespondenzen von Isaac Iselin, p.298-316 (Niklaus Fuss an Iselin).

Privatarchiv 132, No.964: Genealogisches Material zur Familie Fuss von Basel.

Privatarchiv 513 II C 11.2: Stehlin'sches Familienarchiv. Briefe an Peter Merian, p. 288–290 (P.H.Fuss an P.Merian).

Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz – Handschriftenabteilung (SBBPK, Ms):

Nachlass Formey, Kasten 43 und 44: Korrespondenz mit J.A. Euler.

Nachlass Schumacher: div. Briefe von Georg, Niklaus und Paul Fuss.

Universitätsbibliothek Basel, Handschriftenabteilung (UBBS, Ms):

Autogr. Slg. Felix Sarasin, 144: Brief von P.H.Fuss an Anonymus, 4.5.1842.

A.L.I.i.A: Reisetagebuch von N. Fuss, 1773.

L Ia 685: Briefe Johann Albrecht Eulers an Daniel Bernoulli, 1769–1777 (f.107ff.).

L Ia 692: Epistolae ad Bernoulios:

f. 192–196: N. Fuss an D.Bernoulli, SPb. 1776–1777.

f. 198–259: N. Fuss an Johann III Bernoulli, SPb. 1777–1790.

f. 262: Brief an Jakob Bernoulli, SPb. 25.4.1786.

L Ia 731: Briefe Johann Albrecht Eulers an Johann III. Bernoulli, 1770–1792 (f.69ff.).

L I b 3a: Korrespondenz von Daniel Huber:

f. 139–141: Auszüge aus zwei Briefen von N. Fuss an Bernhard Fuss, SPb. 1792.

f. 144–168: Korrespondenz von N. Fuss mit Daniel Huber, 1793–1828.

Литература

- Академия наук СССР. Персональный состав / Сост. Б.В. Левшин, Г.К. Скрыбин. Т. 1: 1724–1917. Москва, 1974.
- Амбургер Е.Н., Геккер, И.Р., Михайлов Г.К. Родословная роспись потомков Леонарда Эйлера / В кн.: Развитие естествознания в России (XVIII – начало XX века). Москва, 1977. С. 383–467.
- Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Т. I–VIII. Ленинград, 1933–1986.
- Башмакова И.Г., Юшкевич А.П. Леонард Эйлер // Историко-математические исследования. Вып. 7. Москва, 1954. С. 453–512.
- Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М. 1929–1931.
- Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М. 1949–1958.
- Бумаги княгини Е.Р. Дашковой (урождённой графини Воронцовой). М.: Унив. тип., 1881. (= Архив князя Воронцова / Ред. П.И. Бартенов. Кн. 21)
- Геккер И.Р., Эйлер А.А. Семья и потомки Леонарда Эйлера / В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 468–497.
- Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 до 1825 г. Т. 1–3. Berlin, 1908.
- Григорян А.Т., Ковалёв Б.Д. Даниил Бернулли, 1700–1782. Москва: Наука, 1981.
- Дашкова Е.Р. Etat circonscié de ce qu'étoit l'Académie impériale des Sciences lorsque j'en pris la direction en 1783 et de ce qu'elle est actuellement en 1786 / В кн.: Бумаги княгини Е.Р. Дашковой (урождённой графини Воронцовой). М.: Унив. тип., 1881. С. 389–402.
- Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913–15.
- История Академии наук СССР. В 3-х томах. Т. I: 1724–1803. Москва, 1958.
- История естествознания. Литература, опубликованная в СССР (1962–1966). Москва, 1977.
- Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. В 2-х томах. Т. I: 1724–1917. Москва, 1977.
- Копелевич Ю.Х. Эйлер – член петербургской Академии наук, действительный и почётный / В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 47–59.
- Кострюков К.И. Об одной попытке издать труды Леонарда Эйлера // Историко-математические исследования. Вып. 7. Москва, 1954. С. 630–640.
- Кульбин Н. Бернулли, Даниил / В кн.: Русский биографический словарь. Т. 2. New York, 1962. С. 750–752.
- Липсич С.Ю. Русские ботаники (Ботаники России – СССР). Биографо-библиографический словарь. М.: Изд. Моск. о-ва испытателей природы, 1947–1952. Т. 1–4. А-К.
- Лысенко В.И. Николай Иванович Фусс, 1755–1826. Москва, 1975.
- Материалы для истории Императорской Академии наук (1715–1750). Т. 1–10. СПб., 1885–1900.
- Матвиевская Г.П. О рукописном наследии и записных книжках Эйлера / В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 122–129.
- Модзалевский Б.Л. Список членов Императорской Академии наук 1725–1907. СПб., 1908. [Переиздание: Leipzig, 1971].
- Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870–1873.
- Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. I–IV. СПб., 1897–1911.
- Развитие естествознания в России (XVIII – начало XX века) / Под ред. С.Р. Микулинского и А.П. Юшкевича. Москва, 1977.

- Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука / Сборник статей под ред. Н.Н. Боголюбова, Г.К. Михайлова, А.П. Юшкевича. Москва, 1988.
- Раскин Н.М. Леонард Эйлер и И.П. Кулибин / В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 304–320.
- Русский биографический словарь. Т. 1–25. Reprint. New York, 1962.
- Учёная корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание, 1783–1800 / Сост. Ю.Х. Копелевич, В.И. Осипов, И.А. Шафран. Ленинград, 1987.
- Фигуровский Н.А. История естествознания в России. Т. I–III. М., 1957.
- Шестакова М.В. Потомки Леонарда Эйлера по линии его сына Карла / В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 498–505.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. В 86 томах. СПб., 1890–1907.
- Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. Москва, 1968.
- Юшкевич А.П. Леонард Эйлер. Жизнь и творчество // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Москва, 1988. С. 15–46.
- Amburger, E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. (= Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 14).
- Amburger, E. Die Anwerbung von Ärzten, Gelehrten und Lehrkräften durch die russische Regierung vom 16. bis ins 19. Jahrhundert / In: Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. S. 24–44.
- Amburger, E. Die Gründung gelehrter Gesellschaften in Russland unter Katharina II. In: Wissenschaftspolitik in Mittel- und Osteuropa. Wissenschaftliche Gesellschaften, Akademien und Hochschulen im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Berlin, 1976. S. 259–270.
- Amburger E., Hecker I., Michajlow G. Die Nachkommen Leonhard Eulers in den ersten sechs Generationen. Bearbeitet von E.Amburger und G. Mikhajlow. In: Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. Vol. 94. 1994. S. 163–239.
- Bernoulli C. Gedenkbuch der Familie Bernoulli. Basel, 1922.
- Bernoulli D. Notice biographique sur Nicolas Bernoulli, par son frère Daniel / In: Fuss, P.-H. Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIIIème siècle précédée d'une notice sur les travaux de Léonard Euler, tant imprimés qu'inédits et publiée sous les auspices de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg par P.H. Fuss. T. 2. St.-Pétersbourg, 1843. P. 266–270.
- Bernoulli, Johann (III.): J'B's [...] Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen, in den Jahren 1777 und 1778. 6 Bde. Leipzig 1779–1780.
- Bernoulli R. Leonhard Eulers Augenkrankheiten / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 471–488.
- Bild und Begegnung: Schweizerisch-osteuropäische kulturelle Wechselseitigkeit. Zürich, 1996.
- Brückner, A. Die Ärzte in Russland bis zum Jahre 1800. SPb, 1887.
- Buess, H. Schweizer Ärzte als Forscher, Entdecker und Erfinder. Basel, 1946.
- Bühler, R. Bündner im Russischen Reich. 18. Jahrhundert – 1. Weltkrieg. Ein Beitrag zur Wanderungsgeschichte Graubündens. Disentis-Mustér, 1991.
- [Burckhardt, F. (Hg.)] Autobiographie des Johannes II. Bernoulli // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. Bd. 6. Basel, 1907. S. 287–308.
- Burckhardt, J. J. Euleriana – Verzeichnis des Schrifttums über Leonhard Euler / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 511–552.
- Candaux, E. Après deux cents ans: Le 12 mars 1769, Jean-Louis Pictet f t le premier Genève à chausser des skis, au cours d'une mission scientifique en Laponie russe // Le Globe. Vol. 108. 1967–68. P. 25–33.
- Coxe, W. Reise durch Polen, Russland, Schweden, und Dänemark. Mit historischen Nachrichten, und politischen Bemerkungen begleitet. Aus dem Englischen von J. Pezzl. Zürich, 1785.

- Der Briefwechsel zwischen C.G.J.Jacobi und P.H.von Fuss über die Herausgabe der Werke Leonhard Eulers. Herausgegeben, erläutert und durch einen Abdruck der Fuss'schen Liste der Eulerschen Werke ergänzt von Paul Stäckel und Wilhelm Ahrens. Leipzig: B.G. Teubner, 1908.
- Die beiden Nicolai. Briefwechsel zwischen Ludwig Heinrich Nicolay in St.Petersburg und Friedrich Nicolai in Berlin (1776–1811) / Hg. und kommentiert von Heinz Ischreyt. Lüneburg, 1989.
- Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers. Bd. I–IV. Berlin, 1959.
- Die Mitglieder der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1700–1950 / Bearb. von Erik Amburger. Berlin, 1950.
- DuPasquier, L.G. Leonhard Eulers Verdienste um das Versicherungswesen // Vierteljahresschrift. Bd. 54. 1909. S. 217–243.
- Euler, J.A. Histoire de l'Académie impériale des sciences. Année 1783 // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. I. Petropoli, 1787. P. 1–29.
- Euler, K. Das Geschlecht Euler-Schölpi. Geschichte einer alten Familie. Giessen, 1955.
- Euler, L. Briefwechsel. Beschreibung, Zusammenfassung der Briefe und Verzeichnisse / Hg. von A.P. Ju kevi et al. Basel, 1975.
- Fatio, G. Voyage d'un Genèveois en Laponie en 1769. Extrait du Journal de Jean-Louis Pictet // Le Globe. Vol. 49. 1910. P. 79–99.
- Fellmann, E. A. Leonhard Euler — Ein Essay über Leben und Werk / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 13–98.
- Fellmann, E.A., Im Hof, H.C. Die Euler-Ausgabe — Ein Bericht zu ihrer Geschichte und ihrem aktuellen Stand // Jahrbuch Überblicke Mathematik. 1993. S. 185–198.
- Festakt und Wissenschaftliche Konferenz aus Anlass des 200. Todestages von Leonhard Euler / Hg. von W. Engel. Berlin, 1985.
- Flynn, J. T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835. Washington, 1988.
- Fortia de Piles, A. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne fait en 1790–1792. 5 t. Paris, 1796.
- Fries, J. Eine Reise durch Sibirien im 18.Jh. Die Fahrt des Schweizer Doktors Jakob Fries / Eingel. und hg. von Walther Kirchner. München, 1955.
- Fries, J. Reise durch Russland wie auch durch unterschiedliche europäische und asiatische Provinzen von 1770–1780. o.O. o.J
- Fueter, E. Grosse Schweizer Forscher. Zürich, 1939.
- Fueter, E. Geschichte der exakten Wissenschaften in der schweizerischen Aufklärung (1680–1780). Aarau-Leipzig, 1941.
- Fuss, N. Lobrede auf Herrn Leonhard Euler in der Versammlung der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.Petersburg den 23.Octob. 1783 vorgelesen von Niklaus Fuss. Von dem Verfasser selbst aus dem franz. übers. und mit verschiedenen Zusätzen vermehrt, nebst einem vollständigen Verzeichnis der Eulerschen Schriften. Basel, 1786.
- Fuss, P.-H. Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIIIème siècle précédée d'une notice sur les travaux de Léonard Euler, tant imprimés qu'inédits et publiée sous les auspices de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg par P.H. Fuss. T.1–2. St.-Pétersbourg, 1843.
- Fuss, P.-H. Compte rendu de l'Académie impériale des sciences pour l'année 1840–1845 par M. Fuss, secrétaire perpétuel. SPb. 1841– // Recueil des actes 1841–.
- Fuss, P.-H. Compte rendu de l'Académie impériale des sciences pour l'année 1843 par M. Fuss, secrétaire perpétuel // Recueil des actes. 1843. P. 1–51.
- Fuss, P.-H. Coup d'oeil historique sur le dernier quart de siècle de l'existence de l'Académie // Recueil des actes. 1843. P. 181–206.
- Geschichte der Schweiz und der Schweizer. Basel, 1986.

- Grau, C. Leonhard Euler und die Berliner Akademie der Wissenschaften / In: Festakt und Wissenschaftliche Konferenz aus Anlass des 200. Todestages von Leonhard Euler. Berlin, 1985. S. 139–149.
- Gsell, O. Georg Gsell (1673–1740) Hofmaler Peters des Grossen // St.Galler Kultur und Geschichte. Bd. 11. 1981. S. 317–344.
- Heller, S. Boerhaaves Schweizer Studenten. Ein Beitrag zur Geschichte des Medizinstudiums. Zürich, 1984.
- Historisch-Biographisches Lexikon der Schweiz. 7 Bde. + Suppl. Neuenburg, 1934.
- Im Hof, U. Aufklärung in der Schweiz. Bern, 1970.
- Im Hof, U. Hohe Schule – Akademie – Universität. 1528 – 1805 – 1834 – 1984 / In: Hochschulgeschichte Berns, 1528-1984, zur 150-Jahr-Feier der Universität Bern. Bern, 1984. S. 23–127.
- Jaquel, R. Léonard Euler, son fils Johann Albrecht et leur ami Jean III Bernoulli / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 435–446.
- Jaquel, R. Les correspondances de Léonard Euler, de son fils J.A. Euler et de leur ami Jean III Bernoulli / In: Actes du 101e Congrès national des sociétés savantes. Sciences, fasc. 3. Lille, 1976. P. 67–78.
- Juschkewitsch, A.P. Leonhard Euler – sein Leben und mathematisches Werk / In: Festakt und Wissenschaftliche Konferenz aus Anlass des 200. Todestages von Leonhard Euler. Berlin, 1985. S. 17–33.
- Kopelevi, J. Kh. Leonhard Euler und die Petersburger Akademie / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 373–384.
- Lang, P. Gelehrte der alten Schweiz in deutschen Landen. In: Schweizer im Ausland. S. 104–119.
- Leonhard Euler 1707–1783. Beiträge zu Leben und Werk. Gedenkband des Kantons Basel-Stadt. Basel, 1983.
- Marcacci, M. Histoire de l'Université de Genève 1559–1986 / Préface de Justin Thorens. Genève, 1987.
- Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.Pétersbourg. T. I–X. SPb, 1809–1826. T.I: Avec l'histoire de l'Académie pour les années 1803–1806.
- Merian, P. Die Mathematiker Bernoulli. Jubelschrift zur vierten Säcularfeier der Universität Basel. Basel, 1960.
- Müller-Dietz, H. E. Deutsche Gelehrte erleben Russland. In: Russen und Russland. S. 151–162.
- Mumenthaler, R. «Keiner lebt in Armuth». Schweizer Ärzte im Zarenreich. Zürich, 1991 (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer. Bd. 4).
- Mumenthaler, R. Schweizer als Sekretäre der Petersburger Akademie der Wissenschaften. Zu ihrer Rolle als Vermittler wissenschaftlicher Beziehungen / In: Bild und Begegnung. S. 419–446.
- Mumenthaler, R. Über Stock und Stauden. Reiseumstände in Russland nach Berichten aus der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts / In: Zwischen Adria und Jenissei. Reisen in die Vergangenheit. Werner G. Zimmermann zum 70. Geburtstag / Hg. von N. Bo kovska et al. Zürich, 1995. S. 225–272. (= Die Schweiz und der Osten Europas. Bd. 4)
- Nevskaja N.I. Euler als Astronom / In: Leonhard Euler. Basel, 1983. S. 363–371.
- Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad Annum 1747 et 1748. T. I. Petropoli, 1750. [S. 3–32: Reglement der AN]
- Précis de la vie de Monsieur Jacques Bernoulli // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. VII. Petropoli, 1789. P. 23–32.
- Robel, G. Die Sibiriexpeditionen und das deutsche Russlandbild unter Katharina II / In: Wissenschaftspolitik in Mittel- und Osteuropa. Wissenschaftliche Gesellschaften, Akademien und Hochschulen im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Berlin, 1976. S. 271–294.
- Schelbert, L. Einführung in die schweizerische Auswanderungsgeschichte der Neuzeit. Zürich, 1976.

- Schneider, H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917). Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen. Zürich, 1994 (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer. Bd. 5).
- Schulthess, E. Ein Zürcher Chirurgus im Reiche Katharinas II. Jakob Fries 1749–1801. Aus seinen Briefen und Aufzeichnungen. 1. Neujahrsblatt der Hilfsgesellschaft in Zürich. Zürich, 1955.
- Schumacher, J.D. Gebäude der Kayserlichen Academie der Wissenschaften nebst der Bibliothec und Kunst-Kammer in St. Petersburg nach ihrem Grundriss, Aufriss und Durchschnitt vorgestellt und Ihre Kayserl. Hoheit der Gross-Fürstin und Reichs-Verwalterin von ganz Russland allerunterthänigst zugeeignet. SPb, 1741.
- Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Roman Bühler, Heidi Gander-Wolf, Carsten Goehrke, Urs Rauber, Gisela Tschudin, Josef Vögeli. Zürich, 1985. (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, hg. von C.Goehrke. Bd. 1).
- Speiser, A. Basler Mathematiker des 18. Jahrhunderts / In: Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik in Basel. 1959. S. 113–124.
- Spieß, O. Die Mathematiker Bernoulli. Gedenkrede. Basel, 1948.
- Spieß, O. Leonhard Euler. Ein Beitrag zur Geistesgeschichte des XVIII. Jahrhunderts. Frauenfeld-Leipzig, 1929.
- Staeckel, P. Johann Albrecht Euler // Vierteljahresschrift der Naturforschenden Gesellschaft Zürich. Bd. 55. 1910. S.63–90.
- Stählin, K. Aus den Papieren Jacob von Stählins. Ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Königsberg, 1926.
- Stieda, W. Die Übersiedlung Leonhard Eulers von Berlin nach St. Petersburg // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Bd. 83. 1931. N. 3. S. 5–62.
- Stieda, W. Johann Albrecht Euler in seinen Briefen 1766–1790. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg // Berichte über die Verhandlungen etc. Bd. 84. 1932. N. 1. S. 5–43.
- Stökl, G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1983.
- Swinton, A. A'S's Reisen nach Norwegen, Dänmark und Russland in den Jahren 1788, 1789, 1790 und 1791. Aus dem Engl. übers. und mit einigen Anm. vers. von Friedrich Gottlieb Canzler. Berlin, 1793.
- Tableau Général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg depuis sa fondation. I partie. Publications en langues étrangères. Suppl. I. SPb, 1882.
- Thiele, R. Leonhard Euler. Leipzig, 1982.
- Wendland, Folkwart. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. 2 Bde. Berlin-New York, 1992 (= Veröffentlichungen der Hist. Kommission zu Berlin. Bd. 80).
- Wissenschaftspolitik in Mittel- und Osteuropa. Wissenschaftliche Gesellschaften, Akademien und Hochschulen im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Hg. von E. Amburger et al. Berlin, 1976. (= Studien zur Gesch. der Kulturbez. in Mittel- und Osteuropa. Bd. 3).
- Wolf, R. Jakob Andreas Mallet von Genf. 1740–1790 / In: Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz. Bd. II. Zürich, 1859. S. 249–268.
- Wolf, R. Notizen zur schweizerischen Kulturgeschichte // Vierteljahresschrift. Bd. 21. 1876. S. 384–386. [Die Correspondenz von Johannes Bernoulli]

Именной указатель

А

- Абалкин Виктор Кузьмич 8
Ададуров (Адоуров) Василий Евдоки-
мович 67, 68
Адамсон Мишель (Adanson Michel) 85
Александр I 39, 137, 138, 140, 142, 147,
148, 150, 183, 202, 210, 213, 216, 223
Амай (Амау) 190, 202
Амбургер Эрик (Amburger Erik) 23,
24, 26, 27, 33, 70–72, 90, 147, 205,
221–223
Амман Иоганн (Ammann Johann) 22
Амман Иоганн Конрад (Ammann Johann
Konrad) 6, 20, 22, 24, 28, 29, 38, 44, 46,
73, 74
Ампер Андре Мари (Ampère André Ma-
rie) 15
Ангальт Фридрих фон [Фёдор Евстафье-
вич] (Anhalt Friedrich von) 9, 137,
146, 186, 203, 206
Анна Иоанновна 47, 64, 65, 69
Антинг Фридрих (Anting Friedrich) 88
Апраксин 176
Араго Доминик Франсуа (Arago
Dominique François) 15

Б

- Байер Теофил (Готлиб) Зикфрид (Bayer
Theophil (Gottlieb) Siegfried) 28, 56
Бакунин Павел Петрович 7, 96, 116, 136,
137, 178
Бальмен Антон Богданович де (Bal-
maine) 146
Бартенев Пётр Иванович 221
Басаргина Екатерина Юрьевна 8
Батьер Рейнхард (Battier Reinhard) 21
Баузе Теодор [Фёдор Гигорьевич] (Bauze
Theodor) 140
Бауэр Ф.В. фон (Bauer F.W. von) 214
Бахман (возм.) Даниэль Готтлиб (Bach-
mann Daniel Gottlieb) 94, 95
Бахмейстер Христиан (Bac(h)meister
Christian) 115
Башмакова Изабелла Григорьевна 221
Беглен Николя (Béguelin Nicolas) 21, 159
Белл Карл Йозеф фон (Bell Karl Joseph
von) 199
Белл Катарина фон (Bell Katharina von)
171, 203

- Беринг Витус [Иван Иванович] (Bering
Vitus) 66, 97
Бернулли Даниил I (Bernoulli Daniel I)
5–7, 10, 16–19, 21, 22, 24, 27–38, 42–
44, 46–48, 51–65, 67, 70, 71, 89, 93,
122, 123, 126–128, 130, 131, 152, 159,
160, 162, 164–167, 178, 180, 204, 219,
220, 222
Бернулли Даниил II (Bernoulli Daniel II)
16, 63
Бернулли Карл (Bernoulli Carl) 222
Бернулли Иоганн I (Bernoulli Johann I)
13, 14, 16–19, 27, 29, 35, 71, 97, 219
Бернулли Иоганн II (Bernoulli Johann II)
16–19, 24, 29, 36, 41, 42, 44, 61, 70, 71,
80, 151, 152, 171
Бернулли Иоганн III (Bernoulli Jo-
hann III) 9, 15, 21, 31, 33, 82, 90, 131,
133, 153, 154, 155, 159, 163, 165, 166,
171, 195, 219, 220, 222
Бернулли Николай II [1695–1726]
(Bernoulli Niklaus II) 5, 10, 16–19, 24,
27–29, 34–37, 44, 51, 53, 54, 56, 58, 73,
219, 222
Бернулли Николай II [1687–1759] (Ber-
noulli Niklaus II) 22, 52, 73
Бернулли Якоб I (Bernoulli Jakob I) 13,
16, 17, 22, 51
Бернулли Якоб II (Bernoulli Jakob II) 9,
10, 15, 19, 28, 29, 44, 63, 109, 153–157,
172, 174, 176, 177, 187, 189, 206, 207,
213, 219, 220, 224
Бернулли Рене (Bernoulli René) 79, 222
Бернулли Эмануэль (Bernoulli Emanuel)
157
Бернулли-Эйлер Шарлотта [Анна Шар-
лотта Вильгельмина] (Bernoulli-Euler
Charlotte) 9, 10, 113, 114, 155–157,
198, 206, 207
Бертран Элие (Bertrand Elie) 22
Бертран Луи (Bertrand Louis) 20, 89, 159
Бессель Фридрих Вильгельм (Bessel
Friedrich Wilhelm) 220
Бецкой Иван Иванович 118
Бинц (Bientz) 167
Блюменбах Иоганн Фридрих (Blumen-
bach Johann Friedrich) 113
Блюментрост Лаврентий [Лаврентий
Лавтентьевич] (Blumentrost

Laurentius) 24, 27, 36, 46, 50, 56, 58, 60, 62
 Боатон Пьер Франсуа (Boaton Pierre François) 21
 Бобринский Алексей Григорьевич 132
 Богданов Владимир Иванович 8
 Боголюбов Николай Николаевич 222
 Богуславский 118
 Бонне Луи (Bonnet Louis) 22
 Бонне Шарль (Bonnet Charles) 15, 104, 105, 219
 Борн (Born) 112
 Бособр де (Beausobre de) 94
 Браун Иосиф Адам (Braun Joseph Adam) 30, 121
 Брауне И.П. (Braune J.P.) 73
 Брауншвейг (Braunschweig) 204
 Бренфельс Луи фон (Brenfels Louis von) 188
 Брокгауз Ф.А. 222
 Броневский Семён Богданович 145
 Брукнер А. (Bruckner A.) 222
 Брукнер Исаак (Bruckner Isaak) 29, 30
 Бруннер Иоганн Конрад (Brunner Johann Konrad) 22
 Брукнер Маргарета (Bruckner Margaretha) 17
 Бруннер Саломон (Brunner Salomon) 213
 Брюс Яков Александрович де 176
 Брылевская Лариса Ивановна 8
 Буксбаум Иоганн Христиан (Buxbaum Johann Christian) 38, 73
 Бургаве Герман (Burgave (Boerhaave) Hermann) 20, 28, 38, 41
 Буркхардт Август (Burckhardt August) 189
 Буркхардт Иоганн Якоб (Burckhardt Johann Jakob) 222
 Буркхардт Фриц (Burckhardt Fritz) 18, 19, 61, 62,
 Буркхардт-Бидерманн Теофил (Burckhardt-Biedermann Theophil) 19
 Буссе Иоганн Бернгард (Busse Johann Bernhard) 183
 Бэкон Френсис (Bacon Francis) 12
 Бюльфингер [Бильфингер] Георг Бернгард (Bülffinger Georg Bernhardt) 7, 28, 45, 47, 50, 51, 53–62, 64
 Бюглер Роман (Bügler Roman) 222, 225
 Бюсс Генрих (Buess Heinrich) 222
 Бюшинг Антон Фридрих (Büsching Anton Friedrich) 130

В

Вальдгрэн (Waldgrön) 186
 Вальдкирх Иоганн Рудольф (Waldkirch Johann Rudolf) 27
 Вальтраверс Рудольф фон (Valtravers Rudolf von) 22
 Васильев Алексей Иванович 148, 183
 Вегелин Якоб (Wéguelin Jakob) 21
 Вейзе (Wayse) 95
 Вейтбрехт Иосия (Weitbrecht Josias) 28, 52
 Вендланд Фолькварт (Wendland Folkwart) 101, 107, 109, 113, 144, 158, 225
 Венц Людвиг (Wentz Ludwig) 28–30
 Венцель фон (Wenzel von) 78, 79
 Веренфельс Самуэль (Werenfels Samuel) 13
 Весусятинов 148
 Веттштейн Иоганн Якоб (Wettstein Johann Jakob) 13, 22, 71, 89
 Визен фон (Wiesen von) — см. ФОНВИЗИН Денис Иванович
 Визендер (Wiesener) 95
 Вольф Каспар Фридрих (Wolff Caspar Friefrich) 85
 Вольф Рудольф (Wolff Rudolf) 15, 21, 22, 31, 33, 43, 132, 139, 145, 152, 159, 162, 163, 165–167, 215, 225
 Вольф Христиан (Wolff Christian) 24, 27, 30, 35, 37
 Воронцов Александр Романович 148
 Воронцов Михаил Илларионович 77
 Воронцов Семён Романович 221
 Воронцова Елизавета Романовна 205
 Выгодский Михаил Яковлевич 72
 Взмитинов Сергей Кузьмич 148

Г

Габлиц Карл Людвиг [Карл Иванович] (Hablitzl Karl-Ludwig) 191
 Гагенмейстер Анна Шарлотта София фон [Анна Павловна] (Hagemeister Anne-Charlotte-Sophie von) 10, 90, 155, 156, 174, 176, 179, 185, 187, 189–192, 195, 198, 202, 203
 Газе (Gase) 76
 Галей Эдмонд (Halley Edmond) 89
 Галилей Галилео (Galilei Galileo) 12
 Галлер Альбрехт фон (Haller Albrecht von) 15, 20, 21, 42, 73
 Гамильтон Эмма (Hamilton Emma) 107
 Гандер-Вольф Хайди (Gander-Wolf Heidi) 225
 Гарриг (Garrigue) 189

- Гаусс Фридрих (Gauss Friedrich) 139, 220
- Гедлингер Иоганн Карл фон (Hedlinger Johann Karl von) 22
- Гейнзиус Готфрид (Heinsius Gottfried) 70, 74
- Гейнцельман Иоганн Готфрид (Heinzelmann Johann Gottfried) 74
- Геккер Иван Романович 65, 77, 89, 157, 221, 222
- Геллер Сабина (Heller Sabine) 41, 224
- Геннади Григорий Николаевич 221
- Генрих, принц Прусский 91
- Генци Самуэль (Henzi Samuel) 42
- Георги Иоганн Готтлиб [Иван Иванович] (Georgi Johann Gottlieb) 105, 126, 129, 132, 135, 136, 159, 179, 187, 189, 199
- Герке Карстен (Goehrke Carsten) 225
- Герман Якоб (Hermann Jakob) 5, 16, 19, 21, 22, 24, 27–29, 37, 43–45, 47, 49, 50, 51, 53–56, 59, 60, 61, 64, 219
- Герреншванд Иоганн Фридрих фон (Herrenschwand Johann Friedrich von) 22
- Гёрц (Görtz) 107
- Герцог Иоганн Вернгард (Herzog Johann Wernhard) 80
- Гесс Герман Генрих (Hess Hermann Heinrich) 29
- Гесснер Иоганн (Gessner Johannes) 15
- Гесснер Саломон (Gessner Salomon) 28, 41
- Гзель Георг (Gsell Georg) 66, 224
- Гзель Отто (Gsell Otto) 224
- Гзель Катарина (Gsell Katharina) 66, 114
- Гильденштедт (Гюльденштедт) Иоганн Антон (Güldenstädt Johann Anton) 92, 119, 159, 168, 185–187, 195, 200
- Гмелин Самуил Готтлиб (Gmelin Samuel Gottlieb) 53, 74, 85, 95, 159
- Голенищева-Кутузова Екатерина Ильинична 194
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович 146, 194, 205
- Голицын Александр Михайлович 94, 192
- Головин 80, 176
- Головин Михаил Евсеевич (Васильевич) 82, 110, 124–126, 129, 209
- Головкин 75
- Головкин Иван Гаврилович 74
- Головкин Александр Гаврилович 27, 35, 36
- Головкин Пётр Гаврилович 154
- Гольдбах Христиан (Goldbach Christian) 27, 35, 36, 53, 64, 68, 90
- Горнер Иоганн Каспар (Horner Johann Caspar) 28, 139, 152, 186, 189, 196, 211, 215
- Грау Конрад (Grau Conrad) 224
- Грефе Христиан Фридрих [Фёдор Богданович] (Gräfe Christian Friedrich) 144
- Григорян Ашот Тигранович 35, 51–54, 63, 64, 221
- Гримм Петер (Grimm, Peter) 80, 81, 122, 199
- Гроновиус Иоганн Фредерик (Gronovius Johan Frederik) 73
- Гросс Христиан Фридрих (Gross Christian Friedrich) 28
- Губер Иоганн Якоб (Huber Johann Jakob) 21
- Гурьев Смён Емельянович 138, 139
- Гюкенберг (Gückenberg) 188

Д

- Далер (Dahler) 94
- Дашкова Екатерина Романовна [урожд. Воронцова] 7, 9, 86–88, 94–96, 105–109, 111–116, 134–137, 145, 153–155, 157, 172, 181, 189, 190, 205, 221
- Декарт Рене (Descartes René) 12
- Делакруа (La Croix de) 75
- Деларив Август де (La Rive Auguste de) 15
- Деларив Гаспар де (La Rive Gaspard de) 15
- Делен Иоганн Якоб фон (Dehlen Johann Jakob von) 189
- Делиль Жозеф Никола (Delisle (De L'Isle) Joseph Nicolas) 46, 55, 59, 67, 68
- Делюк Жан Андре (Deluc Jean-André) 15
- Демидовы Прокофий Акинфиевич и Никита Акинфиевич 119
- Деникер Иоганн Генрих (Däniker Johann Heinrich) 184
- Державин Гавриил Романович 148
- Дерибас Осип (Ribas Joseph de) 117, 130, 189
- Детуш Филипп (Destouches (Néricault) Philippe) 155
- Дивернуа Жан Антуан (d'Ivernois Jean Antoine) 13
- Диллениус Иоганн Якоб (Dillenius Johann Jakob) 73
- Дильтей Леопольд (Dilthey Leopold) 186, 213

Дитрих Иоганн (Dietrich Johann) 30, 31, 89

Долгорукий 180

Домашнев Сергей Герасимович 87, 96, 99–106, 110, 111, 128–130, 133–135, 172, 186, 188, 193, 209

Доппельмейер Иоганн Габриель (Doppelmeyer Johann Gabriel) 35

Дуросси (Durossi) 190

Дюпаскье Луи Гюстав (Du Pasquier Louis Gustav) 127, 223

Дюваль (Duval) 160

Дювернуа Иоганн Георг (Duvernois Johann Georg) 28, 45, 46, 52, 53

Дюилье Николая Фацио де 15

Дюма Жан Батист Андре (Dumas Jean Batist André) 15

Е

Екатерина I 24, 50

Екатерина II 25, 39, 49, 77, 80, 83, 87, 93–96, 98, 100, 108, 110, 114, 116, 130, 132, 133, 136, 147, 153, 158, 165, 169, 178, 188, 192, 209, 210, 214, 225

Ж

Жакель Роже (Jaquel Roger) 89, 119, 224

Жакемор (Jacquemor) 197

Жуковский Василий Андреевич 157

Жюрин (Jugine) 160

З

Завадовский Пётр Васильевич 148

Закревские 206

Захаров Андрей Сергеевич 127

Захи (Sauchie) 105

Зигесбек Иоганн Георг (Siegesbecks Johann Georg) 73, 74

Зиновьев 176, 177, 185

Зорич Семён Гаврилович 119

Зуев Василий Фёдорович 104, 105, 159

Зульцер Иоганн Георг (Sulzer Johann Georg) 21, 43

И

Изелин Исаак (Iselin Isaak) 122, 123, 210, 220

Имгоф Ульрих (Im Hof Ulrich) 12–14, 16, 20, 21, 223, 224

Иноходцев Пётр Борисович 82, 139, 162, 168

Ислентьев Иван Иванович 159

Ишрейт Хайнц (Ischreyt Heinz) 139, 140

Й

Йецлер Кристоф (Jetzler Christoph) 132

Йени Адольф (Jenny Adolf) 108

К

Каландрины Жан-Луи (Calandrini Jean-Louis) 14

Кандо Э. (Candaux E.) 222

Капитани Франсуа де (Capitani François de) 13

Кёлер Генрих Карл Эрнст (Köhler Heinrich Karl Ernst) 145

Кёниг Самуэль (König Samuel) 29, 30, 42, 43, 70

Кирш (Kirsch) 122

Клингер Фридрих Максимилиан фон [Фёдор Иванович] (Klinger Friedrich Maximilian von) 148, 149

Княжнин Яков Борисович 116

Ковалёв Борис Демьянович 35, 51–54, 63, 64, 221

Ковель (Covelle) 160

Козлов А.К. 136

Кокс Вильям (Coxe Wiliam) 116, 222

Коллинс Давид (Collins David) 157, 175, 206, 215

Коллинс Эдуард (Collins Eduard) 157

Коллинсон Пьер (Collinson Pierre) 73

Комков Геннадий Данилович 96, 99, 116, 137, 140, 221

Кондорсе Жан Антуан де (Condorcet Jean Antoine de) 81, 116, 128

Константин Павлович, великий князь 183

Копелевич Юдифь Хаймовна (Kopelevi) 24, 30, 47–49, 65, 67, 221, 222, 224

Коперник Николай (Kopernikus Nikolaus) 13, 14

Корф Иоганн Альберт (Korff Johann Albert) 47, 49, 63, 74

Кострюков К.И. 221

Котельников Семён Кириллович 70, 71, 75, 82, 83, 85, 86, 89, 99, 101–104, 135, 159

Кочубей Виктор Павлович 148

Крамер Габриель (Cramer Gabriel) 14

Кратценштейн Христиан Готлиб (Kratzenstein Christian Gottlieb) 30

Крафт Вольфганг Людвиг (Krafft Wolfgang Ludwig) 78, 82, 92, 103, 110, 113, 121, 139, 159, 162, 175, 176, 200

Крафт Георг Вольфганг (Krafft Georg Wolfgang) 28, 46, 47

Крашенинников Степан Петрович 23
 Кромвель Мортимер (Cromwell Mortimer) 38
 Круг Иоганн Филипп [Филипп Иванович] (Krug Johann Philipp) 144, 151
 Крузе Карл Фридрих фон (Kruse Carl Friedrich von) 78
 Крузенштерн Адам Иоганн [Иван Фёдорович] (Krusenstern Adam Johann) 8, 145, 152, 153, 196, 215
 Кулибин Иван Петрович 130, 222
 Кульбин Н. 221

Л

Ла Кроа де (La Croix de) — см. Делакура
 Ла Рив Август де (La Rive Auguste de) — см. Деларив
 Ла Рив Гаспар де (La Rive Gaspard de) — см. Деларив
 Деларив Гаспар де (La Rive Gaspard de)
 Лагарп Фредерик Сезар (Laharpe Frédéric-César) 147
 Лаксман Эрик (Laxmann, Erich) 100, 101
 Лаланд Жозеф Жером Ле Франсуа де (Lalande Joseph Jérôme Le François de) 31, 159, 167
 Ламберт Иоганн Генрих (Lambert Johann Heinrich) 21, 85, 159
 Ланг Пауль (Lang Paul) 21, 224
 Левшин 151, 221
 Левшин Борис Венедиктович 96, 99, 116, 137, 140, 221
 Лейбниц Готфрид (Leibniz Gottfried) 16, 21, 50, 54, 68, 69
 Лейтман Иоганн Георг (Leutmann Johann Georg) 27, 53
 Лекс (Lex) 188
 Лексель Андреас Иоганн (Lexell Anders Johann) 82, 88, 165
 Леман Иоганн Готлоб (Lehmann Johann Gottlob) 30, 83, 185, 186
 Лепёхин Иван Иванович 88, 103, 140, 159
 Лепот Жан Андре (Lepaute Jean André)
 Лессинг Готхольд Эфроим (Lessing Gotthold Ephraim) 195
 Лесток (Lestocq) 214
 Лефорт Франсуа (Lefort François) 23
 Либеркюн Иоганн Натанаэль (Liebkühn Johann Nathanael) 70
 Линней Карл (Linné Carl) 73, 74, 219
 Липсич С.Ю. 221
 Ловиц София (Lowitz Sophie) 185, 186

Ловиц Тобиас Иоганн (Lowitz Tobias Johann) 139, 140, 159, 162, 168, 186
 Ломоносов Михаил Васильевич 23, 25, 46, 72, 147
 Лысенко Валентин Иванович 31, 82, 116, 125, 127, 137, 143, 145, 146, 150, 221
 Люилье Симон Антуан Жан (L'Huillier (Huiler) Simon Antoine Jean) 22

М

Майер Фридрих Христофор (Mayer Friedrich Christoph) 28, 55, 59
 Малле Жак-Андре (Mallet Jacques-André) 14, 15, 29, 31–33, 43, 44, 81, 82, 94, 120, 159, 160–167, 225
 Малле Жак (Mallet Jacques) 21, 219
 Малле Поль-Анри (Mallet Paul-Henri) 22
 Малыгин Степан Гаврилович 66
 Манойленко Ксения Викторовна 8
 Мансбендель Жан (Mansbendel Jean) 214
 Маркаччи Марко (Marcacci Marco) 14, 15, 224
 Мартини Христиан (Martini Christian) 28
 Матюшкин 176
 Махаев Михаил Иванович 25
 Мегерлин Петер (Megerlin Peter) 13
 Мейер (Meyer) 83
 Мейер (Meyer) 188
 Мериан Иоганн Бернгард (Merian Johann Bernhard) 17, 18, 21
 Мериан Петер (Merian Peter) 51, 220, 224
 Мессершмидт Даниэль Готлиб (Messerschmidt Daniel Gottlieb) 74
 Мехель Христиан фон (Mechel Christian von) 41
 Микелотти Пьетро Антонио (Michelotti Pietro Antonio) 52
 Микулинский Семён Романович 221
 Миллер (Мюллер) Герхард Фридрих [Фёдор Иванович] (Müller Gerhard Friedrich) 28, 38, 50, 51, 55, 114
 Михайлов Глеб Константинович (Michajlov) 205, 221, 222
 Михель 197
 Модель Иоганн Георг (Model Johann Georg) 101, 187
 Модзалевский Борис Львович 22, 221
 Мольер Жан Батист (Molière Jean Baptiste) 155, 206

Мопертюи Пьер Луи Моро де (Maupertuis Pierre-Louis Moreau de) 19, 43, 61, 63, 70
 Мордвинов Николай Семёнович 148
 Морковска Марыся (Morkowska Marysia) 196
 Мула Фредерик (Moula Frédéric) 6, 24, 25, 28, 29, 44, 74–76
 Муловский Григорий Иванович 153, 154
 Мументалер Рудольф (Mumenthaler Rudolf) 6, 7, 10, 27, 28, 35, 37, 46, 51, 74, 78, 84, 85, 93, 95, 109, 140, 142, 153, 163, 189, 208, 216, 224
 Муравёв Матвей Аргамонович 176
 Муравёв Михаил Никитич 140, 148
 Муравёв[-Апостол] Иван Матвеевич 176
 Муральт Иоганн фон (Muralt Johannes von) 215
 Муральт Эдуард фон (Muralt Eduard von) 43
 Мусин-Пушкин 176
 Мусин-Пушкин Аполлос Аполлосович 152
 Мюллер (Müller) 90
 Мюллер (Müller) [стат. сов.] 186
 Мюллер Генриетта (Müller Henriette) 206
 Мюллер Иоганнес фон (Müller Johannes von) 21
 Мюллер-Диц Хайнц (Müller-Dietz Heinz E.) 178, 183, 224

Н

Нагель Фриц (Nagel Fritz) 219
 Наполеон I 210
 Нартов Андрей Константинович 69, 151, 194
 Невская Нина Ивановна (Nevskaja) 67, 68, 224
 Николаева Валентина Владимировна 127
 Николаи Людвиг Генрих фон [Андрей Львович] ((Nicolay Ludwig Heinrich von) 96, 138–140, 149, 178, 179, 223
 Николаи Фридрих (Nicolai Friedrich) 139, 178, 179, 223
 Николай I 22, 157, 184
 Новосильцов Николай Николаевич 140, 142, 144, 149, 183
 Нойман (Neumann) 81
 Нолькен Эрик Маттиас фон (Nolcken Erik Mattias von) 102

Ньютон Исаак (Newton Isaac) 21, 52, 54, 57, 68, 182

О

Оболенский Владимир (Obolensky Wladimir) 219
 Озерецковский Николай Яковлевич 103, 133, 139, 148, 172
 Олсуфьев Сергей Адамович 185
 Орлов Владимир Григорьевич 79, 83–86, 92–94, 96–99, 104, 105, 118, 124–126, 132, 135, 159, 165, 176, 191–193, 204,
 Орлов Григорий Григорьевич 95
 Орлов Иван Григорьевич 118
 Осипов В.И. 222
 Остервальд Фредерик (Osterwald Frédéric) 13
 Остерман Иван Андреевич (Ostermann) 119, 205

П

Павел I 116, 137, 147, 152, 201, 209
 Паевский Владимир Владиславович 127
 Пáлен Пётр-Людвиг (Pahlen Peter Ludwig von der) 145
 Паллас Петер Симон (Pallas Peter Simon) 102–104, 108, 119, 133, 136, 144, 159, 225
 Панин Никита Иванович 104
 Паррот Георг Фридрих (Parrot Georg Friedrich) 149
 Пассаван Даниель (Passavant Daniel) 21
 Пашке Готфрид (Paschke Gottfried) 28
 Пекарский Пётр Петрович 5, 17, 28–30, 38, 45, 48, 49, 50, 53, 60, 66, 69, 70, 71, 74, 75, 77, 84, 85, 221
 Пельцер Г. (Pelzer H.) 153
 Пельцер Ш. (Pelzer Ch.) 153
 Перре (Perret) 188
 Песталоцци Иоганн Генрих (Pestalozzi Johann Heinrich) 215
 Пётр I 7, 15, 22–24, 39, 50, 66, 140, 181, 210, 224
 Пётр II 50, 54, 64
 Пётр III 87, 93
 Пикте Жан-Луи (Pictet Jean-Louis) 7, 29, 33, 43, 44, 115, 159–167, 223
 Пикте Марк Август (Pictet Marc-Auguste) 167
 Пикте Франсуа-Пьер (Pictet François-Pier) 160
 Полякова Татьяна Сергеевна 6
 Попов Никита Иванович 159

Потёмкин Григорий Александрович 192
 Потоцкий Северин Осипович 140, 148
 Прево Пьер (Prevost Pierre) 21
 Протасов Алексей Протасьевич 75, 99
 Пугачёв Емельян Иванович 167, 168
 Пурупур Андрей Яковлевич (Pouppur)
 117, 191

Р

Разумовский Григорий Кириллович
 112, 113
 Разумовский Кирилл Григорьевич 71,
 78, 96, 193
 Раскин Наум Моисеевич 130, 222
 Раубер Урс (Rauber Urs) 225
 Рекард (Reccard) 85
 Респингер Иоганн Генрих (Respinger
 Johann Heinrich) 30, 85
 Ржевский Алексей Андреевич 94, 95
 Ризен Адам (Riesens Adam) 179
 Ринер (Ryhiner) 152
 Риттер (Ritter) 160
 Рихнер (Riechner) 195
 Робель Герт (Robel Gert) 158, 224
 Рудольфи Иоганн Фридрих (Rudolphi
 Johann Friedrich) 139
 Румовский Степан Яковлевич 70, 71, 82,
 83, 85, 86, 99, 109, 116, 139, 140, 159,
 161
 Румянцев Николай Петрович 148
 Рюбель-Бласс Эдуард (Rübel –Blass
 Eduard) 184

С

Сантис Пётр Львович 113
 Свинтон А. (Swinton A.) 202, 225
 Севергин Василий Михайлович 136, 151
 Сегнер Иоганн Андреас фон (Segner
 Johann Andreas von) 89, 90
 Селлиус Готфрид (Sellius Gottfried) 73
 Семёнов Лев Константинович 96, 99,
 116, 137, 140, 221
 Сенебье Жан (Senebier Jean) 15
 Сиверс Пётр Иванович 56, 64
 Сиффон (Siffon) 162
 Скрыбин Г.К. 221
 Слоан Ганс сэр (Sloane Hans sir) 38, 73
 Смагина Галина Ивановна 6
 Соссюр Орас Бенедикт де (Saussure Ho-
 race Bénédict de) 14, 166
 Софронов Михаил 71
 Станислав II Август (Понятовский)
 (Stanislaw II August Poniatowski) 77

Стеллер Георг Вильгельм (Steller Georg
 Wilhelm) 97
 Стрекалов Степан Фёдорович 114
 Строганов Александр Сергеевич 110,
 160, 190, 193
 Струговников 154
 Ступишина 194
 Сумароков Александр Петрович 195
 Сухомлинов Михаил Иванович 5

Т

Теплов Гигорий Николаевич 42, 71
 Тербуш Анна Доротея (Therbusch Anna
 Dorothea) 206
 Тибо (Thiebault) 21
 Тиле Рюдигер (Thiele Rüdiger) 36, 37,
 71, 225
 Тиссо Август (Tissot Auguste) 14, 22
 Торенс Жюстин (Thorens Justin) 224
 Тотлебен Готтлоб Курт Генрих (Totleben
 Gottlob Kurt Heinrich) 94
 Трамбле Абрахам (Trembley Abraham)
 15
 Трамбле Жан (Trembley Jean) 21, 167
 ТрEDIAковский Василий Кириллович 23
 Трезини Доменико (Trezzini Domenico) 45
 Троншен Теодор (Tronchin Théodore)
 14, 22
 Трускот[т] Джон (Иоганн) (Truscott
 John (Johann)) 86
 Турретини Жан-Альфонс (Turretini Jean-
 Alphonse) 13

У

Уваров Сергей Семёнович 144, 151
 Уриан (Urian) 178
 Ушаков 172

Ф

Фавр (Favre) 162
 Фальк Иоганн Петер (Falk Johann Peter)
 159
 Фальконе Этьен Морис (Falconet Étienne
 Maurice) 210
 Фатю Гийом (Fatio Guillaume) 115, 159,
 163, 164, 223
 Фаци Жан (Fazy Jean) 214
 Фацио де Дюилле Николас (Fatio (Facio,
 Faccio) de Duillier Nicolas) 22, 115,
 159, 160, 163, 164
 Фельбигер Иоганн (Felbiger Johann) 146
 Фельманн Эмль А. (Fellmann Emil A.)
 17, 37, 68, 77, 80, 83, 223

- Фербер Иоганн Якоб (Ferber Johann Jakob) 106, 112
- Феш Иоганн Рудольф (Fäsch Johann Rudolf) 22
- Фёгели Йозеф (Vögeli Josef) 225
- Фигуровский Николай Александрович 222
- Фишер Иоганн Эберхард (Fischer Johann Eberhard) 94, 95
- Фишер [вдова И.Э. Фишера] 94, 95
- Флинн Джеймс Т. (Flynn James T.) 147, 149, 150, 223
- Фойгт Карл Готтлиб (Voigt Karl Gottlieb) 189
- Фоллмер Ганс (Vollmer Hans) 206
- Фонвизин Денис Иванович 94
- Формей Самуэль (Formey Samuel) 77, 90, 93–95, 102, 105, 112, 114, 121, 154, 155, 159, 160, 162, 165, 167, 169, 175–77, 194, 195, 203, 207
- Фортиа де Пилес Альфонс (Fortia de Piles Alphonse) 113, 115, 116, 223
- Фосс И.Г. (Voss J.H.) 139, 140
- Фридрих II 21, 48, 69, 90, 197
- Фридрих Вильгельм Прусский 193
- Фрис Ганс Якоб [Яков Яковлевич] (Fries Hans-Jakob) 189, 220, 223, 225
- Фришкнехт (Frischknecht) 185
- Фусс Александр (Fuss Alexander) 207, 208
- Фусс Вильгельм (Fuss Wilhelm) 207, 208
- Фусс Георг (Fuss Georg) 208, 220
- Фусс Доротея Мария (Fuss Dorothea Marie) 184, 207, 208
- Фусс Доротея Эмилия (Fuss Dorothea Emilie) 156, 207
- Фусс Иоганн Генрих (Fuss Johann Heinrich) 123, 137, 170, 194, 212
- Фусс Николай [Николай Иванович] (Fuss Niklaus) 5, 6, 9, 10, 17, 24, 25, 28, 29, 31, 35–42, 44, 51, 58, 64, 66, 68, 69, 77–80, 82, 83, 86–88, 97, 99, 100, 103–105, 107, 110, 116, 120–140, 142–153, 155–157, 169–176, 178–185, 188, 189, 192–197, 199–201, 204–216, 219, 220, 223
- Фусс Николай [Николай Николаевич] (Fuss Niklaus II) 10, 83, 184, 208, 220
- Фусс Пауль Генрих [Павел Николаевич] (Fuss Paul Heinrich) 5, 10, 18, 28, 29, 79, 83, 120, 142, 143, 153, 169, 184, 207, 208, 219, 220, 222, 223
- Фусс София (Fuss Sophie) 207–209
- Фусс Фридрих (Fuss Friedrich) 207, 208
- Фусс Шарлотта (Fuss Charlotte) 207
- Фусс Юлиана (Fuss Juliane) 207
- Фусс-Эйлер Альбертина [Альбертина Бенедикта Филиппина Луиза] (Fuss-Euler Albertine) 10, 174, 184, 189, 202, 203, 206, 207
- Фютер Эдуард (Fueter Eduard) 12–14, 16, 21, 22, 42, 66, 68, 223

Х

- Хаас Вильгельм (Haas Wilhelm) 189
- Хитров М.Е. 148
- Хольсен (Holssen) 94
- Хаммермайер Людвиг (Hammermayer Ludwig) 119

Ц

- Цейгер Иоганн Эрнст (Zeiber Johann Ernst) 30
- Циммерманн Иоганн Георг (Zimmermann Johann Georg) 21, 63, 175, 188
- Цингг Михель (Zingg Michel) 14

Ч

- Чарторыйский Адам Адамович (Czartogryski Adam) 22, 148, 149
- Черкасова 206
- Чернышёв Захар Григорьевич 192
- Чернышёв Иван Григорьевич 113, 154, 160, 186, 191, 205
- Чуди Теодор фон (Tschudi Theodor von) 210
- Чудин Гизела (Tschudin Gisela) 225

Ш

- Шапп д'Отерош Жан (Chappe d'Auteroche Jean) 158
- Шафиров Пётр Павлович 28
- Шафран И.А. 222
- Шевченко Максим Михайлович 8
- Шезо Жан-Филипп Луи де (Chéseaux Jean Philippe Loys de) 43
- Шейхцер Иоганн Якоб (Scheuchzer Johann Jakob) 13–15
- Шельберг Лео (Schelbert Leo) 34, 224
- Шеслер Карл Фридрих (Schesler Carl Friedrich) 28
- Шестаков Андрей Анатольевич 6
- Шестаков Дмитрий Анатольевич 6
- Шестакова Мария Васильевна 6, 222
- Шлепфер Рудольф (Schläpfer Rudolf) 20, 83–85, 95, 118, 120, 130

- Шлёцер Август Людвиг фон (Schlözer August Ludwig von) 175
- Шмидт Исаак Якоб (Schmidt Isaac Jakob), пастор 155, 195, 203, 214
- Шнайдер Гарри (Schneider Harry) 213, 225
- Шпайзер Андреас (Speiser Andreas) 225
- Шпенглер Лоренс (Spengler Lorenz) 22
- Шписс Отто (Spiess Otto) 17, 18, 24, 36, 42, 45, 47, 50–54, 61–64, 66–68, 71, 77, 80, 89, 225
- Шплейс Томас (Spleiss Thomas) 41, 132
- Шрёдер К. (Schröder K.) 36
- Штауденмейер (Staudenmeyer) 190
- Штекель П. (Stäckel P.) 77, 90, 92, 119, 120, 225
- Штелин Якоб фон [Яков Яковлевич] (Stählin Jakob von) 32, 33, 45, 47, 83, 84–87, 92, 93, 95–99, 118, 130, 162, 194, 220, 225
- Штёкль Гюнтер (Stökl Günter) 69, 225
- Штида Вильгельм (Stieda Wilhelm) 26, 28, 33, 69, 70, 77, 78, 89, 95, 120, 170, 175, 176, 191, 192, 225
- Шторх Генрих (Storch Heinrich) 144, 151, 170
- Шуберт Фридрих Теодор [Фёдор Иванович] (Schubert Friedrich Theodor) 139, 140, 152, 175, 194
- Шувалова Екатерина Петровна 180
- Шульте Эрика (Schulthes Erica) 225
- Шумахер Даниил (Schumacher Daniel) 25, 46–48, 50, 51, 60, 61, 66, 70–72, 74–76, 89, 225
- Шуэ Роберт (Chouet Robert) 13
- Э**
- Эйлер Александр Александрович 221
- Эйлер Ганс (Euler Hans) 177, 178, 198, 203, 204
- Эйлер Георг (Euler Georg) 204
- Эйлер Иоганн Альбрехт (Euler Johann Albrecht) 5, 6, 9, 10, 21, 24, 25, 28, 29, 31, 44, 47, 59, 77–104, 107–123, 126–128, 131, 132, 135, 138, 145, 152–157, 159–162, 165, 167, 169, 170, 171, 174–182, 184–200, 202–205, 207, 209, 210, 213–215, 219, 220, 223, 225
- Эйлер Карл (Euler Karl I) 77, 79, 155, 171, 175, 178, 182, 185, 186, 189, 191, 195, 199, 200, 201
- Эйлер Карл (Euler Karl II) 223
- Эйлер Леонард (Euler Leonhard) 5, 6, 7, 10, 16, 17, 19, 21, 24–26, 28–32, 36–39, 42–55, 57–59, 63–93, 95–97, 99, 103, 104, 110, 114, 116, 118–120, 122–130, 135, 138, 143, 152, 154, 155, 158, 159, 161, 165, 166, 169, 170–172, 174, 179, 182, 192, 193, 196, 198, 199, 200, 208, 213, 214, 216, 219, 221–223, 225
- Эйлер Леонард II (Euler Leonhard II) 189
- Эйлер Пауль (Euler Paul I) 17
- Эйлер Пауль (Euler Paul II) 205
- Эйлер Тринетта [Катарина Паулина Франциска София] (Euler Trinetta) 185, 192, 203, 205–207, 209
- Эйлер Христофор [Христофор Леонтьевич] (Euler Christophor) 77, 82, 111, 134, 156, 159, 162, 167–169, 171, 175, 194, 195, 197, 200, 205
- Эйлер Христоф (Euler Christoph II) 204, 205
- Эйлер Элизабет (Euler Elisabeth) 189
- Эйлер Эмилия [Анна Эмилия Иоганна] (Euler Emilie) 206, 207
- Эйлер Шарлотта (Euler Charlotte) — см. Бернулли-Эйлер Шарлотта
- Эйлер-Гагенмейстер Анна София (Euler-Hagemeister Anne Sophie) — см. Гагенмейстер Анна София
- Эйлер Альбертина (Euler Albertine) — см. Фусс-Эйлер Альбертина
- Энестрём Густав (Eneström Gustav) 83, 127
- Эпинус Франц Ульрих (Aepinius Franz Ulrich) 30, 77
- Эрет Жозеф (Ehret Joseph) 34, 219
- Эссен Рейнгольд-Вильгельм (Essen Reinhold Wilhelm) 110
- Эфрон И.А. 222
- Ю**
- Юдин Иван 159
- Юнкер Готтлоб Фридрих Вильгельм (Juncker Gottlob Friedrich Wilhelm) 66
- Юшкевич Адольф Павлович (Jushkevitsch, Ju kevi) 50, 51, 221–224
- Я**
- Якоби Карл Густав (Jacobi Carl Gustav) 120, 169, 184, 223
- Янкович де Мириево Фелор Иванович 147
- Яриг (Järig) 186

Рудольф Мументалер

**Швейцарские учёные
в Санкт-Петербургской академии наук.
XVIII век**

Перевод с немецкого языка

И.Ю. Тарасовой

Корректор *Л.А. Моссионжник*

Оригинал-макет *Л.А. Философова*

Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать ???.2009. Формат 70x100 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 14,75. Тираж ??? экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»

197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7

тел.: (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21

тел.: (812)622-01-23